

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК: 339.9

ББК: 65.5я73

С63

СОДИКЗОДА ПАРВИЗ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ В
СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ.
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности

08.00.13 – Мировая экономика

Научный консультант:
член-корреспондент НАНТ,
д.э.н., профессор
Саидмуродзода Л. Х.

Душанбе – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень сокращений и (или) обозначений.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ.....	27
1.1. Теоретические подходы к изучению экономических санкций в современных международных экономических отношения.....	27
1.2. Структурирование и классификация экономических санкций в системе мирохозяйственных связей.....	59
1.3. Эволюция и современные тенденции санкционной политики в условиях глобализации и многополярности мирового хозяйства.....	87
ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА АРХИТЕКТУРУ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	114
2.1. Механизмы влияния экономических санкций на макроэкономические показатели и структуру национальных экономик.....	114
2.2. Международные экономические санкции как фактор трансформации современной мирохозяйственной системы.....	155
2.3. Оценка экономических последствий санкций с использованием эконометрического моделирования.....	182
ГЛАВА 3. АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ.....	203
3.1. Анализ успешных и неуспешных адаптационных стратегий подсанкционных стран.....	203
3.2. Перспективы совершенствования адаптационных мер и институциональные условия их реализации.....	239
3.3. Стратегические превентивные меры для стран, находящихся в зоне потенциального санкционного риска	254
ГЛАВА 4. АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭКОНОМИКИ ТАДЖИКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ САНКЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ.....	279
4.1. Особенности структуры экономики Таджикистана и её внешнеэкономических связей.....	279
4.2. Оценка устойчивости продовольственной системы Таджикистана в контексте возможных санкционных рисков.....	309
ГЛАВА 5. СЦЕНАРНЫЕ РИСКИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СМЯГЧЕНИЮ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО САНКЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭКОНОМИКУ ТАДЖИКИСТАНА.....	327
5.1. Возможные каналы прямого и косвенного влияния системы международных экономических санкций на хозяйственный комплекс Таджикистана.....	327

5.2. Превентивные механизмы обеспечения внешнеэкономической безопасности и устойчивой конкурентоспособности Таджикистана в условиях потенциально возможных санкционных рисков.....	338
ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	358
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	370
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение А. Исторические случаи применения аналогов современных санкций в древнем мире и Средневековье.....	441
Приложение Б. Исторические случаи применения аналогов современных санкций в Новом времени.....	443
Приложение В. Известные случаи применения санкций в период 1913–1945 гг.....	445
Приложение Г. Известные случаи применения санкций в период холодной войны.....	447
Приложение Д. Известные случаи применения санкций в период 1991–2008 гг.....	449
Приложение Е. Известные случаи применения санкций в период 2008 – настоящее время.....	451
Приложение Ж. Статистические данные для SVAR-модели.....	453
Приложение З. Результаты теста на стационарность (ADF-теста).....	457
Приложение И. Результаты определения количества лагов.....	458
Приложение К. Результаты тестов Дарбина–Уотсона и Льюнга–Бокса.....	459
Приложение Л. Импульсные отклики (IRFs) на санкционный шок.....	460
Приложение М. Дисперсионное разложение ошибки прогноза (FEVD).....	461
Приложение Н. Хронология введения международных экономических санкций против России.....	462
Приложение О. Хронология введения международных экономических санкций против Ирана.....	464
Приложение П. Хронология введения международных экономических санкций против Венесуэлы.....	467
Приложение Р. Хронология введения международных экономических санкций против КНДР.....	469
Приложение С. Уязвимость ключевых секторов экономики Таджикистана к потенциальному санкционному воздействию.....	471

Перечень сокращений и (или) обозначений

- CGE – Вычислимое общее экономическое равновесие;
- CHIPS — система межбанковских расчетов в долларах США, действующая в США и обеспечивающая крупные и срочные международные и внутренние платежи между финансовыми учреждениями;
- G20 – Группа двадцати крупнейших экономик;
- G7 – Группа семи крупнейших развитых стран;
- IT – Информационные технологии;
- SVAR – структурная векторная авторегрессия;
- SWIFT – Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций;
- SWOT – аналитический инструмент стратегического планирования, используемый для выявления сильных и слабых сторон объекта анализа, а также внешних возможностей и угроз;
- USMCA – Соглашение между США, Мексикой и Канадой о свободной торговле, пришедшее на смену NAFTA в 2020 году;
- VAR — векторная авторегрессия;
- АБР — Азиатский банк развития;
- АПК – агропромышленный комплекс;
- АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии;
- БРИКС – Межгосударственное объединение, союз десяти государств (Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР, Иран, Египет, ОАЭ, Эфиопия и Индонезия);
- ВПК — военно-промышленный комплекс;
- ВРЭП — Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство;
- ВТО – Всемирная торговая организация;
- ГАТТ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле;
- ГЦДС – глобальные цепочки добавленной стоимости;
- ГЦП – глобальные цепочки поставок;
- ГЧП — государственно-частное партнёрство;

- ЕАЭС – Евразийский экономический союз;
- ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития;
- ЕС — Европейский Союз;
- ЗВР – золотовалютные резервы;
- ЗСТ — зона свободной торговли;
- ИИ – искусственный интеллект;
- ИПЦ – индекс потребительских цен;
- КСО – коэффициент самообеспеченности;
- ЛАГ — Лига арабских государств;
- МВП — мировой валовой продукт;
- МВФ – Международный валютный фонд;
- НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
- МЕРКОСУР – Южный общий рынок;
- НАТО – Организация Североатлантического договора;
- ОПЕК – Организация стран-экспортеров нефти;
- ООН – Организация Объединённых Наций
- СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединённых Наций
- ПИИ – Прямые иностранные инвестиции
- ППС — паритет покупательной способности;
- СВПД — Совместный всеобъемлющий план действий;
- СПГ — сжиженный природный газ;
- СЭЗ — свободная экономическая зона;
- ТН ВЭД — Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности;
- ТНК – транснациональная корпорация;
- ЦБ – центральный банк;
- ШОС – Шанхайская организация сотрудничества;
- ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется стремительно возрастающей ролью международных экономических санкций в эволюции глобальных хозяйственных отношений и архитектуры мировой экономики. В контексте усиливающихся геополитических разногласий санкционные инструменты выступают не только механизмом политического давления, но и сложным фактором, способным радикально переформатировать структуру мирового рынка, перенаправлять инвестиционные потоки и влиять на стратегию международного сотрудничества. Поскольку экономические санкции становятся одним из ключевых драйверов формирования современной системы мирохозяйственных связей, углублённое исследование их теоретических основ и методологических подходов приобретает особую значимость. В данном контексте важно выявить закономерности влияния санкционных мер на различные аспекты мировой экономики, включая торговлю, финансовую сферу и инвестиционные процессы, чтобы развивать адекватные инструменты реагирования на возникающие вызовы.

Следует подчеркнуть, что инструменты санкционного воздействия не являются статичными: международные экономические санкции развиваются в соответствии с динамикой мировых политических и экономических процессов. Это порождает потребность в изучении адаптационных стратегий и мер экономической политики, позволяющих государствам эффективно реагировать на усиление санкционного давления. В рамках данной диссертации особое внимание уделяется тому, как страны, находящиеся под возможными или реальными санкциями, формируют стратегии выживания и развития, включая диверсификацию производства, переориентацию экспортных рынков и внедрение инновационных технологий. Подобные меры не только повышают устойчивость национальных экономик, но и способствуют развитию новой системы международных экономических отношений, в которых санкции и контрсанкции играют заметную роль.

Применительно к открытой экономике Республики Таджикистан, актуальность исследования определяется специфическими структурными особенностями национального хозяйства, которые могут подвергнуться серьёзным испытаниям в случае возникновения внешних шоков в виде расширения санкционных мер в системе мирохозяйственных связей. Уязвимость малых открытых экономик в условиях глобальной турбулентности обуславливает необходимость разработки эффективных механизмов защиты и адаптации. Речь идёт о создании благоприятного институционального пространства, поддержке ключевых отраслей реального сектора, обеспечении финансовой стабильности и стимулировании инноваций. Именно в таком ключе анализ опыта и подходов к формированию адаптационных стратегий в условиях санкционного давления представляется особенно востребованным, поскольку позволяет не только оценить готовность экономики к внешним вызовам, но и повысить её конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. В своем ежегодном послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон отметил, что «...конфликты и беспокойная ситуация в различных регионах мира, усиление политического противостояния и санкций между крупными державами, стремительное вооружение, «холодная война», изменения климата, а также разрыв звеньев товарооборота и другие внешние факторы побуждают нас принимать своевременные меры для предотвращения отрицательного их влияния на экономику страны» [297].

Таким образом, комплексное исследование международных экономических санкций, охватывающее как теоретические и методологические аспекты, так и анализ их практического влияния на архитектуру мировой экономики, является чрезвычайно важным для современной науки. Результаты подобных работ формируют научно обоснованную базу для корректировки экономической политики, совершенствования механизмов международной кооперации и разработки

стратегий адаптации, которые в совокупности содействуют стабилизации и развитию мирохозяйственной системы в условиях меняющейся геополитической конъюнктуры.

Степень изученности проблемы международных экономических санкций обусловлена их важностью и многоаспектностью в современных геополитических и экономических реалиях. В последние годы исследованию санкционных механизмов уделяется значительное внимание, что связано с их возросшей ролью в системе международных экономических отношений. Изучение санкций охватывает широкий спектр научных направлений, включая политическую экономию, международные отношения, экономическую географию и международное право. Зарубежные ученые активно разрабатывают теоретические модели адаптационной политики, оценивают эффективность санкций и анализируют их последствия для национальных экономик и мировых рынков. Наши отечественные ученые также уделяют внимание проблематике экономических санкций.

Западные учёные внесли значительный вклад в исследование экономических санкций, разработав различные подходы к оценке их влияния и эффективности. Работы таких исследователей, как Гэри К. Хаффбауэр, Роберт А. Пейп, Дэниел В. Дрезнер, Т. Клифтон Морган и Навин Бапат, посвящены изучению эффективности экономических санкций. Дэвид А. Болдуин и Ричард Н. Хаасс исследуют использование и роль экономических санкций во внешней политике. Лиза Л. Мартин, Джордж А. Лопес и Д. Кортрайт фокусируются на многосторонних санкциях и роли международных организаций. Томас Дж. Бирштекер изучает таргетированные санкции и современные подходы к их применению. П. Андреас и М. Брзоска рассматривают непреднамеренные последствия и побочные эффекты санкций. Джонатан Д. Кишнер специализируется на оценке финансовых санкций, а Э. Гартцке — на политической экономике санкций и их роли в международных конфликтах.

Эти учёные являются наиболее признанными представителями западной академической школы в области изучения международных экономических санкций. Их работы оказали существенное влияние на понимание механизма действия санкций, условий их эффективности, а также на разработку теоретических и практических подходов к их применению. Они используют разнообразные методологические подходы — от статистического анализа исторических данных до разработки теоретических моделей и проведения углублённых исследований конкретных случаев, что способствует всестороннему пониманию сложного феномена экономических санкций в международных отношениях.

В российской экономической науке исследование международных экономических санкций занимает значительное место, что обусловлено необходимостью адаптации российской экономики к санкционным условиям и разработкой эффективных стратегий противодействия. Работы таких российских исследователей, как С. Ю. Глазьев, А. А. Дынкин, В. Л. Иноземцев и Н. И. Иванова, посвящены влиянию санкций на российскую экономику и стратегиям её адаптации. С. А. Караганов, Ф. А. Лукьянов, Д. В. Тренин, М. В. Братерский и Т. В. Бордачёв изучают влияние санкций на международные отношения и внешнюю политику России. С. М. Рогов и В. Н. Гарбузов фокусируются на влиянии санкций на российско-американские отношения, тогда как Е. Г. Арбатова и И. И. Максимычев исследуют их воздействие на российско-европейские отношения. А. Н. Домрин рассматривает правовые аспекты санкций, а Я. М. Миркин и И. Ю. Юргенс изучают их влияние на финансовые рынки и инвестиционный климат. Е. Г. Ясин, В. А. Мау, С. К. Дятлов и др. косвенно затрагивают вопросы санкций в контексте общей экономической ситуации.

Российская школа изучения международных экономических санкций отличается фокусом на национальных интересах и специфике российской экономики и политики. В условиях применения санкций в отношении России, российские исследователи уделяют особое внимание анализу их воздействия

на внутреннюю экономику, финансовые рынки, инвестиционный климат и социально-политическую стабильность.

Ключевой особенностью исследований российских ученых является стремление к выработке практических рекомендаций для адаптации экономики к санкционному режиму, разработки стратегий импортозамещения, диверсификации внешнеэкономических связей и усиления экономической безопасности. Российские экономисты и финансовые эксперты исследуют механизмы минимизации негативных последствий санкций, анализируют макро- и микроэкономические эффекты, а также перспективы экономического роста в новых условиях.

В целом, российская школа изучения санкций направлена на глубокое понимание сложного воздействия санкций на различные сферы жизни страны и разработку комплексных стратегий для обеспечения устойчивого развития и укрепления суверенитета в условиях внешнего давления.

Также следует отметить китайских учёных, таких как Вань Шу, Цзянь Джисон, Ван Хунсин, Лю Цзяньпин и другие, которые, исследуя экономические санкции, рассматривают их как инструмент экономической политики государства, в рамках которой важную роль играют вопросы соответствия принимаемых мер нормам ВТО, национальным интересам и прагматике двусторонних отношений.

Немаловажный вклад в изучение экономических санкций внесли также иранские учёные, такие как Надер Хабиби, М. Хашем Песаран, Фируз Ширази, Карим Азарбаджеяни, Мортеза Самети и другие. Иранская исследовательская традиция в области санкционной проблематики фокусируется на эмпирическом анализе последствий ограничительных мер для макроэкономических и социальных индикаторов, а также на политических и правовых эффектах внутри страны.

В отечественной научной среде исследования в области международных экономических санкций находятся на стадии активного развития. В частности, тематике экономических санкций посвящены работы таких отечественных

ученых, как Ф. С. Холбобоев, Б. М. Шарипов, Т. Н. Алиев, З. М. Нурмахмадов и др., которые в первую очередь рассматривают различные аспекты косвенного влияния экономических санкций, наложенных на Российскую Федерацию на экономику Республики Таджикистан. Также, другой наш отечественный ученый – Д. Ш. Сангинзод провел правовую оценку международных экономических санкций в контексте бизнеса.

В целом, степень изученности различных аспектов и научных проблем международных экономических санкций в современной системе мирохозяйственных связей достаточно объёмна и продолжает развиваться, учитывая сложность и многогранность их воздействия. Исследования западных и российских ученых способствуют более глубокому пониманию как теоретических аспектов санкционной политики, так и практических механизмов адаптации экономических субъектов к условиям санкционного давления. Но несмотря на значительный объём уже существующих исследований, необходимость продолжения изучения международных экономических санкций обусловлена их постоянно меняющейся природой, эволюцией методов и инструментов воздействия, а также новыми международными экономическими и политическими реалиями. Дальнейшие исследования в этой области способствуют более глубокому пониманию механизмов санкционной политики в системе международных экономических отношений, оценке её эффективности и разработке более эффективных стратегий адаптации, что имеет критическое значение для устойчивости и конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальных вызовов.

Связь исследования с программами или научными темами. Диссертационное исследование основано на положениях Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года, Программе среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2021–2025 годы, Стратегии Республики Таджикистан в сферах науки, технологии и инновации на период до 2030 года, Государственной программе развития

экспорта в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, Программе электронной торговли в Республике Таджикистан на 2025-2029 годы, Государственной программе развития системы логистики в Республике Таджикистан на 2023-2028 годы, Стратегии регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года, Государственной программы научно-инновационного развития в Республике Таджикистан на 2023-2027 годы, Программы государственной поддержки и развития частного сектора в Республике Таджикистан на 2023-2027 годы, а также Программы развития агропродовольственной системы и устойчивого сельского хозяйства на период до 2030 года.

Работа выполнена в соответствии с основными направлениями фундаментальных и прикладных исследований, определённых в постановлениях Правительства Республики Таджикистан «О приоритетных направлениях научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы», а также в рамках научных тем кафедры мировой экономики финансово-экономического факультета Таджикского национального университета «Механизм обеспечения национальных интересов Республики Таджикистан в условиях развития глобализационных процессов» (2016-2020 годы) и «Механизм обеспечения внешнеэкономических интересов Республики Таджикистан в условиях глобализации и экономической интеграции» (2021-2025 годы).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью диссертационного исследования является комплексный теоретико-методологический анализ международных экономических санкций в системе мирохозяйственных связей, выявление их механизмов и экономических последствий для мировой экономики, а также разработка научно-обоснованных рекомендаций по формированию эффективных адаптационных и превентивных стратегий, учитывающих структурные особенности национальных хозяйств, в том числе, Республики Таджикистан.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели диссертационного исследования необходимо решить следующие задачи:

- раскрыть теоретико-методологические основы исследования экономических санкций в современных международных экономических отношениях;
- разработать структурную классификацию экономических санкций в системе мирохозяйственных связей, систематизировав их основные типы и принципы действия;
- проанализировать эволюцию и современные тенденции санкционной политики в условиях глобализации и многополярности мирового хозяйства;
- исследовать механизмы влияния экономических санкций на макроэкономические показатели и структуру национальных экономик через ключевые каналы их трансмиссии;
- выявить экономические последствия применения санкций для трансформации современного мирохозяйственного уклада;
- применить эконометрическое моделирование для оценки масштабов и последствий влияния экономических санкций на национальную экономику (на примере Российской Федерации);
- систематизировать и проанализировать успешные и неуспешные адаптационные стратегии государств, подвергающихся санкциям, определив факторы их результативности;
- исследовать институциональные условия и возможности совершенствования адаптационных стратегий подсанкционных государств, а также обосновать стратегические превентивные меры для стран, находящихся в зоне потенциального санкционного риска;
- рассмотреть особенности структуры национальной экономики Таджикистана и выявить потенциальные каналы прямого и косвенного влияния экономических санкций;
- разработать прикладные механизмы и превентивные меры, смягчающие возможные санкционные риски и способствующие укреплению

внешнеэкономической безопасности и повышению конкурентоспособности Таджикистана.

Объектом диссертационного исследования выступают международные экономические санкции как инструмент внешнеэкономического воздействия в современном мирохозяйственном пространстве.

Предметом диссертационного исследования являются экономические отношения, процессы и последствия, возникающие в результате применения международных экономических санкций в системе мирохозяйственных связей, а также факторы и механизмы, определяющие адаптацию и устойчивость национальных экономик к санкционному давлению.

Гипотеза научного исследования заключается в следующем: международные экономические санкции представляют собой динамичный и многоаспектный инструмент международного экономического взаимодействия, способный оказывать значимое воздействие на структурные параметры мирохозяйственных связей через трансформацию макроэкономических показателей и ключевых каналов их трансмиссии. В условиях нарастающей геополитической напряжённости и многополярности мирового хозяйства, комплексный анализ эволюции санкционных режимов, их классификация и особенности применения, даёт возможность выявить закономерности влияния санкций на национальные экономики, характеризующиеся различной степенью интеграции в ГЦДС и неоднородностью институциональной среды. Предполагается, что системный подход к выявлению принципов действия санкционных мер, а также оценка их экономических последствий для внутренней структуры хозяйственных комплексов стран, позволяют не только определить масштабы и глубину санкционного давления, но и пролить свет на факторы, детерминирующие адаптационный потенциал государств.

Всестороннее исследование факторов, обуславливающих успешность или неудачу адаптационных стратегий подсанкционных стран, с учётом

институциональных условий и специфики их экономического развития, позволяет обосновать комплекс мер, направленных на смягчение санкционных рисков, укрепление внешнеэкономической безопасности и повышение конкурентоспособности. Особое значение имеет опыт государств, находящихся в зоне потенциального санкционного риска, где выявление возможных каналов прямого и косвенного воздействия санкций служит фундаментом для разработки превентивных инструментов и оптимизации структуры национальной экономики. Подтверждение данной гипотезы предполагает, что научно обоснованное сочетание макро- и микроаналитических методов, институционального анализа и эконометрического моделирования, способствует формированию эффективных рекомендаций по адаптации к санкционному давлению и обеспечивает повышение устойчивости национальных хозяйственных систем к внешним угрозам.

Теоретические основы исследования. Теоретическую основу диссертационного исследования формируют фундаментальные положения и концепции, выработанные в научных трудах отечественных и зарубежных учёных, посвящённых проблемам международных экономических санкций, внешнеэкономической безопасности и мировой экономики в целом.

Методологические основы исследования базируются на комплексном подходе, объединяющем системный, институциональный, эконометрический, исторический и эволюционный анализ, что позволяет всесторонне оценить влияние международных экономических санкций на структуру и динамику мировой экономики. Применение методов системного и сравнительного анализа в совокупности с экономико-математическим моделированием, регрессионным и структурным анализом обеспечивает количественную оценку воздействия санкций на макроэкономические показатели, а использование кейс-стади, правового, исторического и эволюционного анализа позволяет выявить особенности адаптационных стратегий государств в условиях санкционного давления, проследить историческую эволюцию

санкционных механизмов и оценить постепенные структурные изменения, инициированные санкционными режимами.

Интеграция междисциплинарного подхода, объединяющего правовые, политико-экономические, социологические, исторические и эволюционные методы, способствует формированию целостного видения исследуемого явления и выявлению ключевых взаимосвязей между внешнеэкономическим давлением в системе международных экономических отношений и структурными преобразованиями национальных экономик. Такой синтез методологических инструментов не только повышает достоверность эмпирических выводов, но и позволяет выработать научно обоснованные рекомендации по минимизации негативных последствий санкций, учесть динамику их исторического развития и адаптационных процессов, а также повысить устойчивость экономических систем в условиях международной взаимозависимости.

Информационную базу исследования составили: нормативно-правовые акты и международные договоры, включая документы ООН, ВТО, ЕС, а также национальные законодательные акты стран, применяющих и находящихся под санкциями, которые регламентируют порядок введения и применения международных экономических санкций. Важное значение в исследовании имеют статистические данные, предоставленные международными организациями, такими как МВФ, Группа всемирного банка, ВТО, а также национальными статистическими службами стран-адресатов санкционного давления.

Научные публикации, в том числе монографии, статьи, отчеты и аналитические обзоры отечественных и зарубежных ученых, специализирующихся на изучении международных экономических санкций, их воздействий и адаптационных стратегий, служат важной основой для теоретического обоснования выводов исследования. Аналитические и экспертные отчеты аналитических центров, консалтинговых компаний и исследовательских институтов предоставляют актуальные данные о

последствиях санкций для различных отраслей экономики и внешнеэкономических связей, дополняя научную литературу эмпирическими наблюдениями.

Исследовательская база. Диссертационная работа выполнена на кафедре мировой экономики финансово-экономического факультета Таджикского национального университета в 2019-2025 гг.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке комплексного подхода к анализу международных экономических санкций как инструмента внешнеэкономического давления в современной системе мирохозяйственных связей, а также в создании интегрированной методологической модели для оценки их влияния на национальные экономики и мировую экономику в целом, что позволяет выявить ключевые закономерности санкционного воздействия и адаптационные механизмы государств в условиях международной взаимозависимости.

К наиболее значимым результатам исследования, определяющими его научную новизну в соответствии с поставленными задачами, относятся следующие:

1. Раскрыты теоретико-методологические основы исследования экономических санкций в современных международных экономических отношениях, что позволило разработать интегративную концептуальную модель, отражающую специфику санкционных режимов в условиях полицентричной и глобальной цифровой экономики.

2. Разработана структурная классификация экономических санкций в системе мирохозяйственных связей, систематизирующая их основные типы и принципы действия, что позволяет детально дифференцировать санкционные меры и учитывать их многомерный характер.

3. Показана эволюция и современные тенденции санкционной политики в условиях глобализации и многополярности мирового хозяйства, что продемонстрировало переход от простых двусторонних мер к комплексным многоуровневым механизмам экономического принуждения.

4. Исследованы механизмы влияния экономических санкций на макроэкономические показатели и структуру национальных экономик через ключевые каналы их трансмиссии, что выявило снижение макроэкономической стабильности и конкурентоспособности национальной экономики.

5. Выявлены экономические последствия применения санкций для трансформации современного мирохозяйственного уклада в форме перераспределения международных торговых потоков, изменения структуры международных экономических отношений и ускорения регионализации глобальных рынков.

6. Применено эконометрическое моделирование для оценки масштабов и последствий влияния экономических санкций на национальную экономику (на примере Российской Федерации), что позволило количественно оценить влияние санкционных шоков на ключевые макроэкономические показатели и разработать сценарные прогнозы.

7. Систематизированы и проанализированы успешные и неуспешные адаптационные стратегии государств, подвергающихся санкциям, а также определены факторы их результативности в форме экономических, технологических и институциональных переменных, влияющих на эффективность противодействия санкционному давлению.

8. Раскрыты институциональные условия и возможности совершенствования адаптационных стратегий подсанкционных государств, а также обоснованы стратегические превентивные меры для стран, находящихся в зоне потенциального санкционного риска.

9. Выявлены особенности структуры национальной экономики Таджикистана и определены возможные каналы прямого и косвенного влияния международных экономических санкций на национальную экономику, что позволило определить потенциальную степень уязвимости и системные риски в условиях потенциального внешнеэкономического давления.

10. Разработаны прикладные механизмы и превентивные меры, смягчающие косвенные санкционные риски и способствующие укреплению внешнеэкономической безопасности и повышению конкурентоспособности национальной экономики Таджикистана, что, в свою очередь, позволит существенно снизить уязвимость экономики перед внешними шоками и создать предпосылки для устойчивого роста.

Основные положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие научные положения и результаты исследования, полученные автором:

- международные экономические санкции в современных условиях представляют собой многоуровневый инструмент внешнеэкономического давления, требующий междисциплинарного анализа и выходящий за рамки классических либеральных и неоклассических моделей. Они не только искажают каноны свободной торговли, но и затрагивают политические, институциональные, поведенческие и технологические аспекты, формируя сложную и динамичную среду мирохозяйственных связей. Это, в свою очередь, требует применения интегрированного многоуровневого подхода для выявления реальных механизмов воздействия и разработки эффективных стратегий реагирования;

- системная классификация международных экономических санкций, основанная на их структурировании по ключевым признакам, позволяет выявлять причинно-следственные связи между типом санкционного воздействия и его последствиями, что создает аналитическую основу для прогнозирования их динамики и оценки эффективности. Дифференцированное структурирование санкционных режимов обеспечивает комплексное понимание их многоуровневой природы, охватывающей не только традиционные торговые барьеры, но и финансовые, инвестиционные и технологические ограничения, а также их влияние на международные торговые и финансовые потоки;

- международные экономические санкции в межгосударственных отношениях, эволюционировавшие от простейших форм блокад и эмбарго в древности до многоуровневых многосторонних режимов в современном полицентричном мирохозяйственном пространстве, представляют собой динамичный и сложноструктурированный инструмент ненасильственного внешнеэкономического принуждения, основанный на комплексной интеграции механизмов торгового, финансового, технологического и правового регулирования. Их функциональная роль выходит далеко за пределы классического сдерживания, охватывая не только предотвращение вооружённых конфликтов, но и обеспечение геополитического соперничества, защиту прав человека и реализацию конкурентных стратегий ведущих держав, при этом возрастающая вовлечённость наднациональных институтов и применение вторичных санкций порождают дополнительный риск экстерриториального воздействия и ответных мер;

- представляя собой многоаспектный экзогенный шок, международные экономические санкции одновременно затрагивают торговые, финансовые, инвестиционные и технологические каналы влияния на функционирование национальных экономик, вызывая сокращение совокупного спроса, усиление девальвационного давления, рост рискованной премии и утрату доступных источников прямых иностранных инвестиций. Одновременно происходит структурная перестройка в пользу менее капиталоемких отраслей, обостряются проблемы внешнеэкономической безопасности и снижается конкурентоспособность на мировых рынках, что в долгосрочной перспективе ведёт к системному отставанию государства, подверженного санкционному давлению, и формированию негативного вектора его макроэкономического роста;

- глобальные экономические процессы формируют полицентричную конфигурацию, характеризующуюся ускоренным ростом новых международных экономических центров и их технологического потенциала, в рамках которой экономические санкции выполняют роль инструмента

геоэкономического давления, способствующего перераспределению глобальных ресурсов, образованию альтернативных региональных блоков и трансформации ГЦДС, тем самым обостряя геоэкономическое соперничество и трансформируя устоявшиеся механизмы международного взаимодействия;

- применение продвинутых экономико-математических и статистических методов (в частности, структурного векторного авторегрессионного анализа), выступающего комплексным подходом к выявлению динамических взаимосвязей между ключевыми макроэкономическими и финансовыми индикаторами, не только позволяет рассматривать санкции как экзогенный шок, существенно трансформирующий совокупную экономическую активность, инвестиционные потоки и параметры валютно-финансовой сферы в рамках национальной экономики, но и обеспечивает сценарное прогнозирование, позволяя выявлять вероятные траектории развития национальной экономики при различных режимах санкционного давления;

- сравнительный анализ стратегий противодействия санкционному давлению в ряде стран демонстрирует, что успешная адаптация к внешним ограничениям во многом определяется объёмом ресурсной базы, способностью к технологическому импортозамещению и наличием гибких внешнеполитических механизмов либо для сохранения, либо для расширения каналов финансирования и сбыта. При недостатке таких факторов длительные международные экономические санкции приводят к масштабным социально-экономическим диспропорциям, тогда как относительно более высокие ресурсы и институциональная гибкость позволяют частично смягчать негативные эффекты ограничений, хотя в долгосрочной перспективе при отсутствии системных структурных реформ и укрепления международных контактов сохраняется риск технологического и инвестиционного отставания;

- формирование устойчивости государств в условиях внешнеэкономических шоков санкционного давления и санкционной угрозы, требует системную трансформацию управленческих, нормативно-правовых и

экономических механизмов функционирования национальных экономик. В этом случае, эффективность адаптационной и превентивной стратегий определяется не столько совокупностью локальных мер, сколько способностью государства к формированию целостной архитектуры экономической безопасности, в которой институциональная слаженность, стратегическая проактивность и гибкость внешнеэкономической политики создают условия не только для снижения уязвимости к внешним ограничениям, но и для устойчивого укрепления национальной конкурентоспособности в долгосрочной перспективе;

- потенциальная санкционная уязвимость хозяйственного комплекса Таджикистана может наблюдаться под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов, включая критическую зависимость от импорта энергоносителей, продовольственных товаров и технологической продукции, ограниченную диверсификацию экспортной базы, институциональную неустойчивость финансового сектора, а также высокую долю внешних трансфертов в формировании доходной части домохозяйств. Структурная асимметрия внешнеэкономических связей страны, монозависимость от отдельных торгово-логистических направлений и ограниченный уровень валютных и инвестиционных резервов, предопределяют мультипликативный характер возможного санкционного воздействия, который способен проявить себя через различные каналы влияния на национальную экономику, что несёт в себе системные риски для макроэкономической стабильности, воспроизводственных контуров и конкурентоспособности национальной экономики;

- разработка и институционализация многоуровневой системы превентивного реагирования на потенциальные санкционные угрозы, может быть основана на стратегической диверсификации экспортно-платёжных потоков, формировании альтернативных финансово-расчётных механизмов, импортонезависимом технологическом развитии и интеграции в незапретные производственно-логистические цепочки, что является необходимым

условием обеспечения внешнеэкономической безопасности открытой экономики, в том числе Республики Таджикистан, а также устойчивого воспроизводства его конкурентоспособности в условиях эскалации внешнеполитической волатильности и трансформации глобального режима экспортного контроля.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии и углублении теоретических основ понимания международных экономических санкций как сложного и многоаспектного инструмента внешнеэкономического давления в условиях глобализации и многополярности мировой экономики. В работе систематизированы существующие подходы и предложена новая, более обширная классификация санкций, что позволяет точнее оценивать их роль в современных международных отношениях, раскрывать механизмы воздействия санкций на национальные экономики и выявлять особенности адаптации стран к санкционному давлению. Полученные научные результаты расширяют представление о процессах, протекающих в условиях санкционного воздействия, формируют прочную базу для разработки новых моделей количественной оценки последствий санкций и совершенствования концепций адаптационных стратегий, что в совокупности углубляет теорию международных экономических отношений и способствует дальнейшему развитию научных подходов к изучению санкционных мер и их влияния на мировую экономическую систему.

Практическая значимость выполненной диссертационной работы заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций по формированию и реализации экономической политики в условиях влияния внешних шоков в виде международных экономических санкций, или потенциальных рисков их возникновения, которые могут быть использованы государственными органами, предприятиями и другими субъектами экономической деятельности для повышения устойчивости и адаптации к санкционному давлению. В работе предложены конкретные меры по диверсификации внешнеэкономических связей, развитию стратегически

важных отраслей, усилению внешнеэкономической безопасности, а также внедрению превентивных мер, направленных на минимизацию негативного и косвенного влияния экономических санкций на малую открытую экономику Таджикистана, что способствует укреплению конкурентоспособности и стабильности страны в условиях турбулентности мировой экономики.

Материалы диссертационного исследования могут найти применение в учебном процессе ВУЗах при преподавании и изучение дисциплин «Экономическая теория», «Мировая экономика», «Международные экономические отношения», «Международная экономическая интеграция», «Международная торговля», «Международные инвестиции», «Международная экономика» и др.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается использованием современных и проверенных экономико-математических и статистических методов анализа, обоснованностью теоретических подходов, а также привлечением достоверных источников данных, включая официальные статистические материалы международных организаций и национальных статистических служб. Репрезентативность собранной информации, критический анализ и верификация результатов через сравнительный анализ адаптационных стратегий стран, находящихся под санкционным давлением, способствуют объективности выводов и подтверждает их научную обоснованность и надежность.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют следующим пунктам области исследования Паспорта специальностей ВАК при Президенте Республики Таджикистан в области экономических наук по специальности 08.00.13 – Мировая экономика: 27. Международная и национальная экономическая безопасность. Теоретические и методологические основы обеспечения внешнеэкономической безопасности Таджикистана; 8. Эволюция мирохозяйственного механизма. Регулирование экономических процессов на национальном и международном уровнях. Международная координация

экономической политики. Сохранение и трансформация экономического суверенитета; 7. Международная экономическая взаимозависимость. Обеспечение устойчивого развития национальной и мировой экономики. Стратегии национального экономического развития; 11. Механизмы регулирования международной торговли; 4. Интернационализация хозяйственной жизни. Глобализация экономической деятельности, её факторы, этапы, направления и формы. Взаимодействие региональной интеграции и экономической глобализации; 1. Всемирное хозяйство, его структура, закономерности и современные тенденции развития; 2. Теории развития мирового хозяйства и международных экономических отношений. Анализ и оценка современных концепций.

Личный вклад соискателя в исследование заключается в его непосредственном участии на всех этапах исследования, включая обоснование актуальности, постановку цели и задач, разработку теоретических и методологических положений, а также формулировку рекомендаций и выводов. Соискатель самостоятельно провел систематизацию и классификацию международных экономических санкций, выявил ключевые механизмы их воздействия на национальные экономики и разработал методологические подходы к количественной оценке последствий санкционного давления с использованием экономико-математических моделей. Предложена теоретическая концепция, раскрывающая особенности устойчивости национальных экономик в условиях возможного санкционного давления и предлагающая необходимость формирования стратегии адаптации. Автор также выполнил анализ правовых аспектов санкционной политики и обосновал механизмы защиты экономических интересов стран-адресатов санкций на международной арене. Особое внимание уделено разработке превентивных мер для национальной экономики Таджикистана по повышению конкурентоспособности и укреплению внешнеэкономической безопасности в условиях потенциальных внешнеэкономических ограничений,

что подчеркивает значимость вклада автора в развитие теории и практики в области международных экономических отношений.

Апробация работы и реализация результатов исследования. Результаты исследования и основные положения диссертационной работы представлялись и получили положительную оценку на ряде международных, республиканских и вузовских научно-теоретических и научно-практических конференциях и семинарах (2020-2024 гг.) в Республике Таджикистан.

Публикации по теме диссертации. По исследовательским материалам диссертации автором опубликовано 30 научных работ, в том числе две монографии и 19 статей в изданиях, рецензируемых ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объем диссертационной работы. Диссертация состоит из перечня сокращений, введения, пяти глав, содержащие 13 параграфов, выводов и предложений, и библиографического списка использованной литературы. Работа изложена на 481 страницах, имеет 20 таблиц, 35 диаграмм и рисунков, а также 18 приложений. Библиографический список включает 567 наименований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

1.1. Теоретические подходы к изучению экономических санкций в современных международных экономических отношениях

Современная система мирохозяйственных связей, отличающаяся повышенной степенью интегрированности и взаимозависимости национальных экономик, формирует предпосылки для активного использования экономических санкций в качестве инструмента реализации внешнеэкономических и внешнеполитических интересов государств. Данная тенденция, набирающая силу в XXI в., во многом обусловлена тем, что крупнейшие державы, обладающие существенным финансово-экономическим потенциалом и институциональными рычагами влияния, стремятся регулировать внешнеторговые, финансово-технологические и логистические потоки путём введения селективных или комплексных мер ограничительного характера в системе международных экономических отношений. При этом наблюдается не только расширение географии, но и существенное увеличение круга объектов санкционного воздействия, проявляющееся в охвате как отдельных государств, так и ТНК, физических лиц, финансовых учреждений и целевых отраслевых секторов. Это свидетельствует о мультирегиональном и многообъектном характере санкционных мер, охватывающих сферы ответственности таких ключевых субъектов мирохозяйственных связей, как США, ЕС, ООН, а также крупных региональных объединений (USMCA, ЕАЭС, МЕРКОСУР и др.) [381, с. 181-187]. В совокупности указанные факторы стимулируют формирование специфической архитектуры санкционной политики, в рамках которой наблюдаются многоуровневое дублирование и перекрёстное наложение односторонних и коалиционных ограничений, усиление экстерриториального компонента, а также консолидация торговых, финансовых и технологических барьеров в единый

гибридный механизм экономического принуждения. Подобная практика порождает противоречивые последствия для мировой экономики, приводя к искажению структуры торговых потоков, временным или долгосрочным перебоям в поставках стратегических ресурсов и технологических продуктов, а также к изменениям в конфигурации международных финансовых рынков.

Несмотря на декларируемую цель обеспечения международного правопорядка в политической и экономической сферах либо корректировки политического поведения стран-адресатов, научное сообщество указывает на наличие существенных пробелов в существующих экономических и политологических подходах к оценке долгосрочной эффективности санкций [477, с. 239-240]. Классические теории свободной торговли, восходящие к работам А. Смита и Д. Рикардо, предполагали, что международный обмен базируется на принципе взаимовыгодной специализации и устранении барьеров, однако в современных условиях подобные парадигмы сталкиваются с необходимостью объяснения целенаправленных ограничительных мер, создающих искусственные препятствия и провоцирующих перенаправление потоков капитала и сырья в обход официальных каналов [223, с. 219-220]. Следовательно, формируется научная проблема: вследствие усиления геополитических противоречий и нарастающего объёма ограничительных мер, традиционные модели, описывающие международную торговлю как рациональную систему кооперации, не могут в полной мере объяснить сложный характер санкционного взаимодействия, включающего в себя не только экономические, но и институциональные, технологические и поведенческие факторы.

В контексте развернувшейся дискуссии о роли санкций в современной системе мирохозяйственных связей обнаруживается ряд противоречий, указывающих на то, что существующие теоретические конструкции в ограниченной степени объясняют их воздействие, характер и эволюцию. Большинство классических моделей, основанных на принципах либеральной экономической парадигмы, описывают международную торговлю как

оптимизационный процесс, в котором свободный обмен факторами производства приводит к росту совокупного благосостояния, в то время как любые искусственные барьеры – включая запреты на внешнеторговые операции или ограничения в финансовом секторе – трактуются в первую очередь в категориях так называемых потерь мертвого груза и снижения эффективности [60, с. 822-847]. Однако эмпирические наблюдения за санкционными режимами рубежа XX-XXI вв. выявляют более сложные механизмы: совокупные эффекты от подобных мер не всегда приводят к быстрому изменению политико-экономической ситуации в государствах или организациях, в отношении которых применяются экономические санкции и, напротив, могут инициировать структурные сдвиги в ГЦП либо способствовать формированию новых коалиций для обхода ограничений [61, с. 17].

Недостаточность традиционных теорий проявляется и на уровне анализа многосторонних санкционных режимов, где взаимодействие государства-инициатора, государства-адресата и третьих стран, а также наднациональных институтов, порождает конфигурацию, не поддающуюся простой интерпретации через призму классического торгового либерализма. Так, экономические санкции нередко сопряжены с политической повесткой и использованием смежных инструментов давления (дипломатического, информационного, технологического), что приводит к возникновению гибридных конфликтов и многоуровневых точек уязвимости для участников мировой экономики [91, с. 8]. При этом, несмотря на количественные исследования (панельные регрессии, модели общего равновесия) и даже попытки политологов учесть культурно-цивилизационные факторы, целостная модель, объединяющая экономико-математический аппарат с концептами международных отношений и поведенческих реакций, до сих пор не сформирована.

В связи с обозначенными противоречиями представляется целесообразным всесторонне систематизировать ключевые концепции,

освещающие феномен экономических санкций, а также выявить наиболее проблемные моменты, требующие дополнительного исследования. Необходимо предпринять попытку обобщения выявленных пробелов и очертить направления, в которых современные научные парадигмы могут быть существенно расширены за счёт междисциплинарного подхода, способного учесть не только классическую логику свободной торговли, но и политико-экономические, институциональные, социокультурные и технологические факторы санкционного воздействия.

Теоретические подходы, заложенные в трудах Д. Рикардо и впоследствии развитые Э. Хекшером и Б. Олином, легли в основу либеральной парадигмы международной торговли, которой присущи идеальные предпосылки неограниченного обмена товарами, факторами производства и капитала в целях максимизации совокупного благосостояния. Центральным постулатом здесь выступает принцип сравнительных преимуществ, согласно которому каждая страна способна специализироваться на выпуске продукции, предполагающей относительно меньшие альтернативные издержки, что, в условиях беспрепятственного обмена, должно приводить к увеличению совокупного объёма МВП за счёт более рационального распределения ресурсов [58, с. 109-124]. В свою очередь, модель Хекшера–Олина акцентирует внимание на том, что избыточное наличие определённого фактора производства (труда, капитала или природных ресурсов) даёт государству естественное преимущество в тех отраслях, где данный фактор может быть задействован с наибольшей эффективностью [52, с. 176-177]. Предполагается, что при устранении таможенных, финансовых и административных барьеров между странами постепенно складывается система мирохозяйственных связей, в которой торговля становится взаимовыгодной и стимулирует поступательный рост экономики.

Данная либеральная парадигма исходит из того, что рыночные механизмы, действующие в условиях свободной конкуренции, позволяют максимально эффективно распределять факторы производства, а

возникающие при этом мировые цены отражают реальную структуру издержек и технологических возможностей. Экономические санкции, расцениваемые как целенаправленные ограничения торговой, финансовой или технологической кооперации, вступают в прямое противоречие с таким идеалом, поскольку создают искусственные барьеры для обмена и могут целенаправленно блокировать доступ к определённым видам сырья, капитала либо инновационных разработок. Тем самым искажается действие сравнительных преимуществ: производство, прежде концентрировавшееся в регионе, располагающем наилучшим сочетанием затрат и технологий, начинает переноситься на территории, где сохраняется возможность обходить санкционные ограничения, что зачастую сопровождается дополнительными транзакционными затратами, ростом неопределённости и нестабильностью ГЦП. Как следствие, страдает не только экономика государства-адресата, но и общая эффективность международной торговли, поскольку совокупное благосостояние, по логике Рикардо, снижается всякий раз, когда свободный обмен заменяется механизмами принудительного исключения одного или нескольких участников [434, с. 246-247].

Исторический пример, иллюстрирующий нарушение теоретически выгодной специализации под влиянием санкций, можно найти в санкционной политике США против Кубы, начавшейся в 1960-е годы и многократно расширявшейся в последующие десятилетия. В условиях международного разделения труда Куба поставляла на американский рынок сельскохозяйственные продукты (сахар, цитрусовые) и некоторые виды никелевой продукции, а взамен импортировала разнообразные категории потребительских товаров и промышленных изделий из США, что было обусловлено действием принципов сравнительных преимуществ (Куба – относительное изобилие земельных и климатических ресурсов, США – технологический и финансовый капитал). Однако наложенное эмбарго фактически вытеснило кубинскую продукцию с американского рынка, вынудив страну переориентироваться на поставки в СССР и другие

социалистические страны по менее оптимальным логистическим маршрутам, а американским компаниям пришлось искать альтернативные источники ряда тропических товаров и сырья [401, с. 93-95]. Столь резкое свертыwanie свободной торговли в регионе Карибского бассейна пошло вразрез с либеральными теоретическими постулатами, провоцируя дополнительные издержки для обеих сторон и, по сути, нарушая логику эффективной межстрановой специализации.

Следовательно, теория сравнительных преимуществ Рикардо, дополненная моделью Хекшера–Олина, предоставляет концептуальный каркас, который демонстрирует фундаментальное противоречие между практикой санкционной экономической политики и принципами свободного обмена. В то время как либеральные экономисты исходят из предположения, что снижение торговых барьеров неизменно ведёт к росту благосостояния и оптимизации мирохозяйственной системы, санкции искажают эти процессы, вызывая экономические деформации в специализированных отраслях и формируя новое поле геоэкономического соперничества. Именно эта противоречивость приводит к тому, что классические теории, при всей своей объяснительной силе в вопросах свободной торговли, не позволяют в полной мере охватить многофакторное влияние санкций на мировую экономику, где политические приоритеты нередко ставятся выше экономической эффективности.

Неоклассическая парадигма, берущая начало в маржиналистской революции и формализованная в работах В. Парето, Л. Вальраса и их последователей, исходит из предпосылки, что рациональные хозяйствующие субъекты, имеющие доступ к полным сведениям о рыночной конъюнктуре, стремятся максимизировать собственные выгоды, что в совокупности ведёт к формированию общего равновесия [38, с. 93-102]. В условиях свободной торговли подобное равновесие гарантирует оптимальное распределение ресурсов на международном уровне, поскольку ценовые сигналы в мировой экономике отражают реальные соотношения спроса и предложения. Санкции,

рассматриваемые как искусственные экзогенные факторы, блокирующие движение товаров, капитала или технологий, деформируют такие ценовые сигналы и снижают потенциальное совокупное благосостояние, приводя к потере мёртвого груза. Подобные потери мертвого груза возникают в результате неэффективного перераспределения ресурсов, когда ранее конкурентоспособные производители оказываются отрезанными от ключевых рынков, а потребители лишаются возможности приобретать товары по их фактической международной равновесной цене [39, с. 410-425].

Стандартные неоклассические модели общего равновесия, в частности их компьютеризированные версии (CGE-модели), наглядно демонстрируют, что экспортные и импортные ограничения приводят к сокращению объёмов международной торговли, уменьшая совокупный объём производства и доходов. Если исходить из предположения, что санкции вводятся односторонне, то непосредственно пострадают не только санкционируемые отрасли, но и отрасли государств-инициаторов, потерявшие часть экспортных рынков или дешёвые импортные компоненты [186, с. 1954-1957].

С кейнсианской точки зрения, санкции усиливают воздействие внешних шоков на макроэкономическую динамику, акцентируя внимание на жёсткости цен и заработных плат, что указывает на их неэластичность в краткосрочном периоде [43, с. 291-308]. Подход Д. М. Кейнса, предполагающий, что совокупный спрос играет критическую роль в определении уровня занятости и национального дохода, заставляет по-новому взглянуть на воздействие ограничительных мер. Когда страна теряет экспортные рынки и доступ к иностранному капиталу, сокращается поток денежных средств в экономику, усиливается давление на платёжный баланс, возникает риск девальвации национальной валюты и удорожания импортируемых товаров. На уровне микроэкономики фирмы начинают сворачивать производство либо повышать цены для сохранения маржи, поскольку сокращение совокупного спроса, вызванное санкционным режимом, приводит к цепной реакции снижения инвестиционной и потребительской активности. Кроме того, в кейнсианском

анализе заметную роль играют ожидания экономических агентов: замороженные инфраструктурные проекты и рост безработицы в санкционированной стране могут сопровождаться волнами пессимистичных настроений, ещё сильнее сокращающих совокупный спрос и порождающие рецессионные процессы.

Если одновременно учитывать неоклассический и кейнсианский подходы, становится очевидно, что исключительно экономическая аргументация (увеличение потерь мёртвого груза, спад совокупного спроса, повышение безработицы) не объясняет причин, по которым санкции продолжают применяться, несмотря на их высокую стоимость для всех участников. Это противоречие готовит основу для политико-экономического анализа: любое внешнее вмешательство, выходящее за рамки чистого рыночного взаимодействия, нередко мотивировано геополитическими, институциональными и даже идеологическими факторами, которые не всегда поддаются экономической рационализации.

Следовательно, обсуждение неоклассической и кейнсианской парадигм раскрывает лишь часть макро- и микроэкономических последствий санкционных мер, но не позволяет до конца понять, почему эти меры вводятся и сохраняются, если для участников мирохозяйственных связей возникают значительные издержки. Чтобы дать более адекватное толкование санкций, необходимо расширить анализ, включая не только рыночные и денежно-фискальные механизмы, но и политические, институциональные и социокультурные факторы.

Одним из первых и наиболее известных примеров комплексного анализа санкций считается работа Г. Хафбауэра и его коллег, обобщённая в издании «Economic Sanctions Reconsidered» [381], где авторы, собрав репрезентативную базу кейсов, предприняли попытку статистически оценить, насколько введение санкций в действительности приводит к достижению политических целей. Ключевой вывод данного исследования заключался в том, что эффективные санкции встречаются сравнительно редко и обычно

сопровождаются поддержкой или по крайней мере нейтралитетом со стороны крупных экономических акторов. В противном случае (при отсутствии широкой коалиции) страна, в отношении которой вводятся санкции, способна переориентировать внешнеторговые связи, нивелируя первичное давление, а инициирующее санкции государство несёт ощутимые экономические потери.

Однако ещё более радикальную критику, поставившую под сомнение действенность санкций в большинстве ситуаций, выдвинул Р. Пейп, утверждая, что санкции не работают в силу того, что при наличии определённого ресурсного потенциала и устойчивости политических элит, государства, сталкивающиеся с ограничениями, находят обходные пути, а санкционная политика, вопреки ожиданиям, не обеспечивает значимого политического эффекта [478, с. 90-97]. Автор подчёркивает, что даже при внушительных экономических потерях у страны-адресата санкций может не возникать стимулов к скорейшему изменению политического курса, поскольку элиты ориентируются не только на экономическую рациональность, но и на внутренние механизмы консолидации – националистические настроения, мобилизацию лояльного электората и перераспределение ресурсов в пользу силовых или пропагандистских структур. Данные наблюдения заложили основу для продолжительной научной полемики о том, насколько реалистично ожидать, что санкции сами по себе вынудят государство-адресат сменить внешнюю или внутреннюю политику.

В этом же русле исследования выделяют завышенные ожидания от санкций, когда государства-инициаторы санкций полагают, что разорвать экономические связи или ограничить доступ к критически важному импорту будет достаточно, чтобы вызвать ощутимые социальные и политические сдвиги. В качестве иллюстрации часто приводится пример эмбарго, объявленного США в 1973 году арабскими странами-экспортёрами нефти (ОАПЕК), которое хотя и оказало существенное давление на цены на энергоносители и ускорило рецессионные процессы в ряде западных

государств, не привело к долгосрочным политическим уступкам в ближневосточном вопросе, а лишь ускорило поиск альтернативных энергоисточников и стимулировало перестройку инфраструктуры [431, с. 81-86]. Подобного рода несоответствие между экономическим ущербом и реальным политическим результатом даёт повод говорить о том, что инициаторы санкций нередко переоценивают краткосрочный шоковый эффект, не учитывая внутренних факторов стойкости режимов и потенциал создания нелегальных или полуофициальных каналов для обхода ограничений.

Так, политическая экономия санкций как новое направление экономической науки, сформировавшееся к концу XX в., указывает на то, что упрощённая логика «причинить экономический ущерб, чтобы добиться политических уступок» не всегда находит эмпирическое подтверждение. Реальные примеры (эмбарго против Кубы, Ирана, ЮАР в период апартеида и пр.) демонстрируют множество условностей и точек уязвимости не только для стран, в отношении которых вводятся санкции, но и для государств-инициаторов. Соответственно, критерием успешности санкционной политики становится не столько максимальная экономическая дестабилизация экономики стран, в отношении которых вводятся санкции, а, сколько способность достичь желаемых изменений в сфере внешней политики или внутреннего устройства государства-адресата. В том случае, когда подобные изменения не происходят, можно говорить о возникновении дисбаланса между затратами (экономическими, имиджевыми, дипломатическими) и фактической результативностью санкций, что порождает целый спектр вопросов о рациональности, моральной легитимности и стратегической целесообразности данного инструмента в реализации внешнеэкономических и внешнеполитических интересов государств в современной международной системе.

Институциональный подход, берущий начало в работах Д. Норта, предполагает, что формальные и неформальные правила, закреплённые в

международно-правовых соглашениях или выработанные в процессе политических переговоров, обладают способностью определять не только логику принятия санкционных решений, но и меру их исполнения [50, с. 17-26]. В контексте экономических санкций это означает, что наднациональные структуры, такие как ООН и ВТО, обеспечивают определённые рамки легитимности или нелегитимности ограничительных мер. Когда санкции одобрены СБ ООН (например, в отношении государств, признанных источником угрозы международному миру), они получают статус коллективного принуждения, формально обязательного для членов ООН, что способствует широкому географическому охвату и уменьшает число потенциальных обходных каналов для подсанкционной стороны [37].

Вместе с тем, участие или неприсоединение ко многостороннему санкционному режиму определяется не только официальными нормами, но и неформальными договорённостями, возникающими в результате дипломатических контактов, расчётов экономической выгоды и геополитических компромиссов. В случае ВТО, где ключевой принцип – недискриминация (принцип наибольшего благоприятствования) – призван защищать равные условия доступа на рынок, ввод всеобъемлющих санкций нередко противоречит духу свободной торговли и может вызывать внутренние коллизии с регламентами ВТО [183, с. 272]. Однако на практике члены Организации иногда фактически признают санкционный режим, если он мотивирован соображениями безопасности, или же стараются занять формально нейтральную позицию, не одобряя и не осуждая открыто политические ограничения.

Институциональные концепции также выделяют значимую роль неформальных правил, которые могут включать кулуарные дипломатические договорённости и негласные обязательства определённых государств поддерживать санкции в обмен на те или иные ответные уступки. Подобные механизмы наглядно проявляются в ситуациях, когда блок стран соглашается совместно участвовать в санкционной политике, исходя не столько из

формальной резолюции ООН, сколько из расчёта на будущее военное или финансовое сотрудничество, либо ради сохранения благоприятных двусторонних отношений с лидером санкционной коалиции [485, с. 44-45]. В результате система формируется не только «сверху» (через уставы организаций, многосторонние договоры), но и «снизу» – под влиянием взаимных интересов, кулуарных переговоров и баланса сил на региональном или глобальном уровне.

Особое значение приобретают закулисные переговоры, когда государство-инициатор, не желая публично декларировать послабление или отмену санкций, фактически разрешает отдельным фирмам либо финансовым институтам работать в ограниченном санкционном режиме, если это необходимо для соблюдения внутренних экономических интересов либо для удержания союзников в альянсе. Возникает ситуация, при которой формальные механизмы узаконивания санкций (голосование в СБ ООН, принятие национальных законодательных актов) сочетаются с неформальными практиками двойных стандартов, и это создаёт гибридную реальность, где эффективность санкций во многом определяется способностью акторов либо строго соблюдать правила, либо договариваться об исключениях из санкционного режима. Понимание двойственного характера институтов важно для объяснения парадоксов санкционной политики, когда публичное давление оказывается значительным, но фактические результаты существенно расходятся с провозглашёнными целями.

Институциональный фактор тесно переплетается и с современными теориями глобализации, так как санкции затрагивают не просто национальные рынки, но и ГЦП, взаимодействие крупных корпораций, пересечения финансовых потоков, а также воздействуют на формирование технологических альянсов и киберпространства. При этом поведенческие реакции ключевых заинтересованных сторон – инвесторов, контрагентов, потребителей – могут меняться под влиянием ограничительных мер, что

открывает дополнительное поле для анализа с позиций политической экономики, ГЦДС и социологии международных отношений. В результате санкции перестают рассматриваться как сугубо экономическая категория и начинают пониматься как многоуровневый инструмент, реализуемый посредством формальных и неформальных правил, а также поддерживаемый или оспариваемый в зависимости от текущего баланса сил и интересов наднациональных акторов.

ГЦДС, активно исследуемые в работах Дж. Гереффи, Т. Стерджена и других специалистов в области мировой экономики, подразумевают, что производство и сбыт конечного товара распределены между различными юрисдикциями и предприятиями, которые совместно формируют глобальные производственные сети [446, с. 78-83]. Санкции, накладываемые на те или иные звенья таких сетей (например, на поставщиков критических компонентов или на финансовые институты, обеспечивающие сделки), способны создавать кумулятивные эффекты, затрагивающие не только государство-адресат, но и ТНК, встроенные в соответствующую цепочку. Подобное явление детально проанализировано в эмпирических исследованиях, которые показывают, что даже точечные санкции в отношении ключевых участников цепочки (например, поставщиков редкоземельных металлов или производителей микропроцессоров) приводят к сбоям в смежных отраслях и это вынуждает компании искать новые логистические маршруты, увеличивая издержки и риск перебоев в поставках [543].

Санкционный эффект в рамках ГЦДС ярко проявляется в виде цепной реакции, когда первичное ограничение для одной страны или группы компаний влечёт дестабилизацию для широкого круга партнёров. К примеру, если государство-инициатор перекрывает доступ к технологиям двойного назначения, то производители сложного оборудования (аэрокосмического, телекоммуникационного, медицинского) в государстве-адресате могут недополучать ключевые компоненты. В результате происходит перенастройка цепочки: фирмы либо пересматривают географию поставок, сотрудничая с

третьими странами, либо пытаются организовать параллельный импорт в обход официально установленных ограничений [160, с. 173]. Подобные обходные пути, именуемые альтернативными маршрутами, часто требуют участия посредников, работающих в юрисдикциях, не поддерживающих санкции; такие посредники осуществляют реэкспорт деталей или сырья, формально не предназначенных для конечного получателя. Столь теневые схемы, хотя и сопряжены с дополнительными правовыми и репутационными рисками, свидетельствуют о гибкости ГЦДС и способности акторов перестраиваться в условиях внешнего давления.

Подобная динамика подтверждает, что в условиях глобализированной экономики санкции не всегда достигают своей политической цели в кратчайшие сроки, поскольку затрагивают многосторонние взаимосвязи и вызывают адаптивные реакции фирм и правительств, часто проявляющиеся в создании альтернативных каналов поставок. Более того, проявляются и кумулятивные эффекты: разрыв одного звена (например, производителя уникальной электроники) способен провоцировать перебои в целой сети связанных отраслей, вынуждая ТНК пересматривать локализацию производства и инвестиционные решения. В совокупности данные процессы формируют весьма сложную картину, в которой санкции, искажая структуру ГЦДС, создают не столько изолированные эпизоды экономического давления, сколько системные потрясения, отражающиеся на глобальном распределении стоимости, формировании новых региональных кластеров и перегруппировке технологических альянсов.

В рамках теории гибридных конфликтов экономические санкции интерпретируются как один из ключевых компонентов интегрированного комплекса мер принуждения, направленных на достижение стратегических целей без прямой военной эскалации. Такая интерпретация предполагает, что санкции не рассматриваются изолированно, а функционируют в синергетическом взаимодействии с другими элементами – например, с информационными кампаниями, кибероперациями, дипломатическим

давлением и другими нетарифными барьерами, что позволяет создавать многоуровневую систему воздействия на целевые государства или коалиции государств, в результате лишая их возможностей полноценно распоряжаться своими внешнеэкономическими ресурсами и взаимодействовать с ключевыми мировыми рынками [380, с. 2-4].

Опосредованное влияние санкций в перделе рынков проявляется тем, что по мере сокращения экспортных поставок санкционированной стороны или её вытеснения из логистических каналов освобождаются рыночные сегменты, которые могут занять конкурирующие фирмы из государств-инициаторов или их союзников [515]. Подобное изменение конфигурации международной торговли способно перераспределить доли рынка, укрепив рыночные позиции тех или иных компаний и ослабив конкурентоспособность целого ряда отраслей, связанных с адресатом санкционного режима.

Дополнительное измерение конфликта проявляется в изменении политического влияния: страны, способные вводить масштабные экономические ограничения без существенного ущерба для собственных экономических интересов (например, благодаря монопольному доступу к важным ресурсам или технологическим ноу-хау), приобретают дополнительные рычаги давления в международных переговорах. Появляется возможность не только наносить ущерб государству-адресату санкций, но и демонстрировать потенциальную уязвимость третьих стран, сигнализируя о том, что нежелательное сотрудничество с подсанкционными режимами может повлечь вторичные санкции для партнёров [417, с. 17-18]. Подобный механизм формирует эффект сдерживания среди международных инвесторов, компаний и банков, способствуя их переориентации либо самоограничению в отношении проблемных рынков.

Расширение санкционного инструментария и его интеграция в рамки гибридных конфликтов выводят санкции за пределы сугубо экономического феномена. Они становятся элементом геополитического соперничества, в котором поведенческие факторы (общественное мнение, национальный

престиж, настроения элит) оказываются столь же значимы, как и цифры макроэкономической статистики. Происходит всё большее сближение концепций санкционной политики с политическими и поведенческими моделями, где ключевую роль играют восприятие угрозы, мобилизация ресурсов, внутриполитическая легитимность через пропаганду и дипломатическое маневрирование на мировой арене. Именно в данном контексте встает проблема понимания санкций как инструмента международной конкуренции, направленного не только на сдерживание целевых режимов, но и на перераспределение влияния в стратегических секторах – энергетике, высоких технологиях и финансах.

Переход к поведенческому и политическому анализу указывает на то, что формирование и отмена санкций зачастую зависят от факторов, выходящих за рамки сугубо экономических расчётов. Правительства могут поддерживать санкционную политику даже при наличии ощутимых убытков для собственного бизнеса, исходя из предположения о долгосрочной выгоде в виде укрепления своей геополитической роли, ослабления конкурентов или предотвращения иных внешнеполитических угроз. Вследствие этого концептуальные рамки становятся существенно шире классических моделей свободного рынка и даже не ограничиваются традиционными кейнсианскими или институциональными подходами. Санкции трансформируются в гибридный инструмент, объединяющий в себе экономическое давление, политическое манипулирование, технологическое доминирование и пропагандистские стратегии, что подтверждает релевантность междисциплинарного подхода при исследовании их воздействия и результативности.

Концептуальная рамка нового направления в экономической науке – политической экономии санкций – предполагает, что санкции могут функционировать как средство прямого наказания (карательный механизм) или как предостерегающий сигнал (сигнальный механизм) для третьих государств и негосударственных акторов, демонстрируя потенциальные риски

сотрудничества с неудобной стороной [437, с. 645-648]. В первом случае санкции намеренно нацелены на моментальное изменение политики в государстве-адресате, что подразумевает нанесение экономического урона, достаточного для того, чтобы руководство подсанкционного государства было вынуждено скорректировать свой экономический и политический курс. Такой подход опирается на предпосылку, что правящая элита, столкнувшись с резким ухудшением макроэкономических показателей (рост безработицы, обесценение национальной валюты, дефицит бюджета), предпочтёт пойти на определенные уступки во избежание социально-экономической дестабилизации.

Вторая концептуальная рамка санкционной политики — сигнальный механизм — сосредоточена на задаче сформировать эффект сдерживания у экономических партнёров страны в отношении которого вводятся санкции, демонстрируя масштаб и болезненность санкционного инструмента [494, с. 430-433]. Государство-инициатор, обладающее значительными финансово-экономическими ресурсами и влиянием в международных институтах, способно публично объявлять санкции таким образом, чтобы вызвать самоограничение у третьих стран, стремящихся избежать вторичных ограничений или утраты доступа к крупнейшим мировым рынкам и финансовым системам. Эта модель санкций нередко сопровождается применением экстерриториальной юрисдикции, при которой за сотрудничество с подсанкционными субъектами могут наказываться иностранные компании, формально не подпадающие под национальное право инициатора санкций.

Поведенческие теории, включая концепции поведенческой экономики, позволяют выявить дополнительное измерение реакции на санкции, связанное с эффектом неопределённости [454]. Новостной фон о введении или расширении санкций часто создаёт атмосферу ожиданий неопределённости и рисков, что заставляет фирмы приостанавливать инвестиции или переводить активы в более безопасные юрисдикции. Потребители в стране, в отношении

которой вводятся санкции, могут сокращать расходы из опасения будущего роста цен и безработицы, а внешние инвесторы – массово выводить капитал, стремясь минимизировать риск замораживания средств в случае ужесточения режимов. При таком раскладе формируется порочный круг, когда изначально умеренный санкционный пакет, с помощью информационного резонанса и поведенческих реакций, трансформируется в серьёзный макроэкономический экзогенный шок.

Рынки, управляемые финансовыми и сырьевыми спекулянтами, нередко реагируют скачками цен на ожидаемое обострение санкций, что может усиливать волатильность и провоцировать дальнейшие спекулятивные ожидания [464, с. 72-79]. Представители крупного бизнеса, опасаясь быть внесёнными в санкционные списки или потерять доступ к зарубежным расчётным системам, заранее выводят капиталы из рискованных регионов, тем самым ещё более усугубляя нехватку ликвидности для предприятий в государстве-адресате санкций. Аналогичные поведенческие эффекты проявляются и в государствах-инициаторах, где отдельные отрасли (особенно экспортно-ориентированные) могут настороженно относиться к затяжным санкционным кампаниям и лоббировать исключения, направленные на смягчение потенциальных потерь для национального бизнеса.

Данную совокупность реакций невозможно постичь, опираясь лишь на традиционные модели рационального выбора в рамках классической экономической теории. Поведенческая логика показывает, что риск потерь воспринимается агентами острее, чем потенциальная выгода, а фактор непредсказуемости санкций может приводить к асимметричным решениям, отклоняющимся от неоклассического принципа максимизации выгоды. Именно поэтому широкий экономический анализ, включающий поведенческие компоненты, даёт более полную картину происходящего: руководители государств могут вводить санкции в расчёте на иррациональную панику у конкурентов или партнёров целевой страны, а население страны, в отношении которой вводятся санкции, реагирует не только на материальные

лишения, но и патриотически консолидируется вокруг действующей власти (эффект «объединения вокруг флага») [166, с. 54-56]. Такое многообразие мотивов и ответных реакций невозможно упростить до линейной схемы «нанести урон – получить уступки», что ещё раз подчёркивает многоуровневый характер современных санкционных процессов и их зависимость от психологических и социокультурных факторов.

Другой вопрос — в какой мере страны-инициаторы санкционных мер сами оказываются под ударом — долгое время оставался в тени академических исследований, сосредоточенных на ущербе, наносимом целевым государствам. Однако эмпирический опыт свидетельствует, что экономические потери инициатора могут быть весьма ощутимы, особенно если речь идёт о масштабном санкционном режиме, способном нарушить устоявшиеся цепочки поставок, инвестиционные взаимосвязи и торговые каналы [474;542] . Сокращение экспортных рынков, отказ контрагентов от долгосрочных контрактов и необходимость поиска альтернативных поставщиков комплектующих порождают связанные издержки, закономерно сказывающиеся на деловой активности в странах-инициаторах.

Классический пример — эффект замещения, при котором партнёры целевой страны активно переориентируются на иные рынки, стремясь обойти санкции или предотвратить вторичные ограничения. Подобная переориентация может открыть доступ к ресурсам и услугам, ранее поставляемым фирмами государства-инициатора. В результате отечественные экспортёры, участвовавшие в кооперации с подсанкционной экономикой, теряют рынок сбыта, а их продукция замещается аналогами из третьих юрисдикций, не поддерживающих санкционную повестку [283]. Дополнительным катализатором этого процесса выступают контрсанкции, когда страна, в отношении которой вводятся санкции, реагируя ответными мерами, запрещает импорт тех товаров, которые ранее поставлялись из государства-инициатора [35]. В результате, компании, занимающие значительную долю на рынке государства-адресата санкций, могут

столкнуться с резким падением экспортных доходов и вынужденной реструктуризацией своего производства.

Помимо экономических потерь, государство-инициатор санкций нередко сталкивается с репутационными и политическими издержками, поскольку жёсткая санкционная политика может формировать образ непредсказуемого или даже карательного актора, ориентированного на принуждение, а не на сотрудничество. Подобное восприятие может вынуждать третьи страны активнее развивать механизмы страховки и диверсификации внешних связей, в том числе через локализацию производства и переход на альтернативные расчётные и логистические системы [443, с. 146-151], что в долгосрочной перспективе ослабляет позиции инициатора в мировой экономике, лишая его ряда финансово-валютных рычагов и снижая способность быстро выстраивать санкционные коалиции.

Сложность оценки издержек для страны-инициатора требует привлечения комплексного инструментария, сочетающего экономико-математический подход (регрессионные модели, анализ межотраслевых балансов, CGE-модели), политологические показатели (уровень дипломатической поддержки, эволюция внешнеполитических альянсов) и поведенческие исследования (изучение реакций фирм, потребителей, финансовых агентов). Именно такой синтетический анализ даёт возможность выявить, в каких условиях санкции приносят результат, соотносимый с политическими целями, а в каких вызывают встречные ограничения и эффект бумеранга, когда ущерб инициатору оказывается выше или сопоставим с ущербом для страны-адресата.

Количественный анализ влияния санкций с использованием панельных регрессионных моделей приобрёл заметную популярность в литературе, стремящейся проверить гипотезы о масштабах и продолжительности их экономического эффекта. Классическими примерами подобных исследований считаются работы Г. Хафбауэра и его коллег, в которых была создана обширная база кейсов по фактам введения и отмены санкций, и впоследствии

статистически оценивалась корреляция данных ограничительных мер с динамикой ВВП, объёмами импорта и экспорта, а также с изменениями торгового баланса [381, с. 89-95]. Дополнительным импульсом к развитию панельных методик послужили исследования Р. Карузо, применившего межстрановые регрессии для оценки влияния санкций на показатели мировой экономики, и Б. Эрли, изучившего причины провалов санкционных режимов с точки зрения экономических и институциональных факторов [375;428] .

Применение панельных моделей позволяет учитывать уникальные особенности каждой исследуемой страны, такие как уровень развития, структура экспорта и политический режим, что способствует более надёжному выявлению санкционного эффекта среди множества других факторов. Параметры фиксированных эффектов позволяют учитывать все неизменные во времени характеристики государств, а также скрытые детерминанты, которые могли бы исказить результаты, если бы анализ ограничивался только на кросс-секционной или временной выборке. Это даёт эмпирическую базу для сравнительного анализа: насколько сильно и быстро санкции воздействуют на экономику стран с разным уровнем институционального качества, разной степенью экспортоориентированности или различной уязвимостью к внешним шокам [409, с. 404-430].

Наряду с указанными достоинствами, метод панельных регрессий в санкционных исследованиях сталкивается с несколькими ограничениями. Во-первых, присутствует проблема доступности и качества данных: статистические органы стран, особенно санкционированных, не всегда публикуют полную или достоверную информацию о товарообороте, структуре экспорта и финансовых потоках, а теневая или параллельная торговля принципиально не отражается в официальной отчётности [327]. Во-вторых, в реальности может происходить структурный сдвиг при введении жёстких ограничительных мер, меняющий поведение экономических агентов настолько, что предпосылка стационарности временных рядов становится неприменимой. В-третьих, возникает риск неучтённых политических и

социальных шоков, включая возможную эскалацию военных действий, смену режима или масштабные социальные протесты, способные перевесить либо трансформировать экономические эффекты санкций. Отчасти эти проблемы можно нивелировать с помощью более гибких спецификаций регрессий (динамические модели, использование инструментальных переменных, полуструктурные подходы). Однако полная компенсация ограничений панельного анализа требует сочетания количественных методов с качественными кейс-стади и учётом историко-институционального контекста.

В целом, панельные регрессии остаются одним из наиболее востребованных инструментов в эмпирической науке о санкциях, позволяя оценить «средние» или «типичные» эффекты ограничительных мер для целевых экономик с учётом их индивидуальных характеристик. При этом результаты подобных моделей должны интерпретироваться с осторожностью: грубое сведение санкционного влияния к нескольким макропоказателям нередко не раскрывает внутренних механизмов адаптации, связанных с перераспределением производства и торговыми обходными маршрутами, а также не показывает, насколько важен политический, институциональный и поведенческий фон в разных конфигурациях санкционного давления.

Модели общего равновесия в исследованиях санкций представляют собой методологическую основу, позволяющую количественно оценивать многосторонние и отчасти долговременные эффекты внешнеэкономических ограничений за счёт учёта межотраслевых и межстрановых связей. Данный класс моделей опирается на неоклассическую гипотезу общего равновесия, согласно которой на всех рынках устанавливается согласованный вектор цен и объёмов производства, а шоки, в том числе санкционного характера, вызывают перераспределение ресурсов в соответствии с новыми структурными условиями хозяйственной системы [487, с. 1007-1025]. В отличие от простой регрессионной аналитики, CGE-модели дают возможность заложить в расчёт специфику отраслей (с разной степенью капиталоемкости, трудоёмкости, технологического уровня), а также взаимодействие стран и

регионов, связанных комплексом торгово-финансовых потоков. При введении санкционного шока (например, увеличение торговых барьеров или блокировка доступа к определённым услугам и технологиям) модель способна построить сценарные прогнозы отклонения торговли и выявить направления, в которых высвобождающиеся ресурсы будут перераспределяться.

Анализ с помощью CGE-модели нередко позволяет определить, насколько глубоким окажется отрицательный эффект для санкционированной экономики и какие отрасли пострадают сильнее. С другой стороны, сценарное моделирование показывает, какие сектора стран-инициаторов могут косвенно испытывать издержки вследствие потери перспективных экспортных рынков или роста стоимости импортных комплектующих [439, с. 77-79]. При большом количестве акторов модель способна демонстрировать эффекты цепного характера: сокращение экспортной выручки у страны-адресата санкций способно привести к снижению его импортных закупок из третьих стран, в результате чего затрагиваются третьи стороны, не участвующие напрямую в санкционном конфликте. Такая системная перспектива особенно востребована при оценке долгосрочных последствий санкций в таких высокочувствительных от внешней торговли отраслях, как нефтегазовая промышленность, металлургия, сельское хозяйство, а также при анализе перераспределения инвестиционных потоков.

Наряду с CGE-моделированием активно применяются сетевые методы анализа ГЦДС, в которых мировая экономика рассматривается как сеть элементов (страны, корпорации, логистические хабы), соединённых множеством производственных и торговых маршрутов [420, с. 1682–1688]. Подобные исследования позволяют вычислять показатели центральности, определяя ключевые и связывающие звенья структуры ГЦДС, чьё исключение может привести к каскадным эффектам. Когда санкции вводятся против государства или предприятия (например, в сфере микроэлектроники, нефтехимии либо авиастроении), межотраслевые сбои быстро распространяются по сети, порождая дополнительный рост затрат и

стимулируя поиски обходных логистических маршрутов [424;537] . Альтернативные схемы импортозамещения и параллельной торговли в ряде случаев позволяют снизить уязвимость, но при этом существенно увеличивают транзакционные издержки и сроки поставок, что негативно сказывается на конкурентоспособности компаний.

На практике CGE-подход и сетевой анализ часто дополняют друг друга при оценке влияния санкций на такие ключевые отрасли, как нефтегазовая промышленность или высокотехнологичные сегменты (биотехнологии, производство полупроводников, авиакосмические системы). Подобная совокупность методологических приёмов демонстрирует не только сугубо теоретическую значимость, но и научно-прикладной характер, поскольку результаты CGE-сценариев и сетевого анализа могут служить основой для прогнозирования отраслевых дисбалансов и выработки решений в области внешнеторговой политики, мер импортозамещения либо реструктуризации транснациональных цепочек.

Ещё одна важная причина, повышающая значимость междисциплинарных исследований, связана с цифровизацией мировой экономики и появлением новых форм санкций. Технологические ограничения, далеко выходящие за рамки классических экспортных эмбарго, могут предполагать целевую блокировку доступа к интеллектуальной собственности, программному обеспечению или облачным сервисам, причём последствия для страны-адресата санкций порой оказываются сопоставимы по масштабам с прекращением поставок физического сырья [360, с. 79-87]. Киберсанкции, предполагающие ограничение доступа отдельных IT-платформ или сервисов электронной коммерции, создают прецедент, при котором часть населения или бизнеса страны-адресата оказывается отключённой от ключевых цифровых инфраструктур, что немедленно вызывает как экономические, так и социальные потрясения [451, с. 52-54]. Подобная избирательность повышает точечную эффективность санкций, но одновременно порождает опасения, что государства с развитыми

технологическими ресурсами могут злоупотреблять своим положением, манипулируя трансграничными потоками данных и доступом к интернет-ресурсам [316].

Столь комплексный ландшафт санкционных режимов подтверждает, что междисциплинарный синтез экономических, политологических, социологических и технологических подходов – не является исключительно данью моде, а представляет собой объективную необходимость. В условиях цифровой трансформации, глобальной взаимозависимости и усиления гибридных методов внешнеполитического принуждения сущность санкций уже невозможно свести к разрыву торговых связей или классическим тарифным инструментам. Необходим более широкий аналитический горизонт, предусматривающий учёт культурных кодов и медиапространства (через которое формируется образ «врага» или «жертвы»), институционально-правовых ограничений (законодательные и договорные механизмы запрета технологий), а также реакций потребителей и инвесторов, подверженных паническим настроениям в цифровом информационном поле. Подобная интеграция позволяет обоснованно судить о долгосрочных трендах эволюции санкционных мер и моделировать альтернативные сценарии развития событий в ситуации, когда государства и ТНК параллельно ищут новые возможности для сокращения уязвимостей, вызванных санкционной угрозой.

Ниже нами представлена итоговая таблица, суммирующая и систематизирующая ключевые теоретические подходы, которые были рассмотрены в данном параграфе (табл. 1.1.1). Как видно из нее, каждый теоретический подход к изучению санкций акцентирует внимание на определённых аспектах, таких как экономические, политические, поведенческие, сетевые или институциональные факторы, формируя, таким образом, многомерное представление об этом инструменте как о сложном и комплексном явлении.

Таблица 1.1.1. – Сравнительный анализ теоретических подходов к исследованию экономических санкций в современной мировой экономике

Теоретический подход и авторы	Ключевые идеи	Сильные стороны	Слабые стороны	Актуальность
Классическая либеральная теория (А. Смит, Д. Рикардо, Э. Хекшер и Б. Олин) [52;58]	- принцип сравнительных преимуществ; - беспрепятственный обмен факторами производства и торговля повышают совокупное благосостояние	- отчётливо показывает, что санкции нарушают естественную специализацию и свободный обмен; - логично объясняет, почему торговые барьеры приводят к сокращению совокупного благосостояния	- не объясняет, почему санкции продолжают применяться, несмотря на общие экономические потери; - игнорирует политические мотивы вмешательства в торговлю; - сложно учитывать реальные ограничения и нестабильность	- по-прежнему является отправной точкой для понимания, почему торговые барьеры (включая санкции) искажают рыночные механизмы; - в современных условиях требует расширения за счёт политико-экономических и институциональных факторов
Неоклассическая парадигма (общее равновесие) (В. Парето, Л. Вальрас) [38]	- рациональные субъекты максимизируют выгоды, рынок стремится к общему равновесию; - санкции рассматриваются как внешние вмешательства, приводящие к потерям мёртвого груза	- мощный формальный аппарат для анализа ценовых сигналов и распределения ресурсов; - позволяет выявлять неэффективности, вызванные искусственными барьерами	- сфокусирована на гипотезе полной рациональности и отсутствия рыночных фрикций; - слабо учитывает политические, психологические и институциональные факторы; - не объясняет, почему правительства готовы терпеть убытки от санкций ради геополитических целей	- актуальна при моделировании того, как санкции искажают равновесие в международной торговле и финансовых потоках; - позволяет оценить экономическую стоимость санкций, но не даёт полного ответа на вопросы о причинах и стратегиях их введения

Продолжение таблицы 1.1.1

Теоретический подход и авторы	Ключевые идеи	Сильные стороны	Слабые стороны	Актуальность
Кейнсианский подход (Д. М. Кейнс) [43]	- важность совокупного спроса и занятости; - санкции усиливают шок в экономике, снижают инвестиции и стимулируют пессимистичные ожидания	- даёт представление о том, как внешние ограничения отражаются на занятости, доходах, поведении фирм и потребителей; - учитывает жёсткость цен и заработных плат, уязвимость экономики к сокращению совокупного спроса	- недостаточно объясняет долгосрочные политические причины санкций; - концентрируется прежде всего на макроэкономических последствиях, не раскрывая полностью поведенческие или институциональные механизмы	- существенно для анализа кратко- и среднесрочных рецессионных рисков и снижения совокупного спроса, вызванных санкциями; - указывает на важность ожиданий и психологического фактора в экономическом спаде
Подход политической экономии (Г. Хафбауэр, Р. Пейп, Р. Карузо и др.) [381;437]	- анализ мотивов и эффективности санкций с учётом геополитических целей; - выделение карательного и сигнального механизма санкций	- позволяет объяснить, почему санкции вводятся даже при высоких экономических издержках; - сфокусирован на реальных политических и стратегических целях (смена режима, сдерживание, демонстрация силы); - отмечает важность широкой коалиции для повышенной эффективности санкций	- не всегда даёт количественную оценку экономического ущерба; - трудно учитывать все политические факторы и внутренние механизмы стойкости режимов; - зависит от качества эмпирической базы и специфики кейсов	- крайне актуален для понимания реальных мотивов и ограничений сторон в санкционном конфликте; - показывает, что успех санкций измеряется не только экономическим ущербом, но и политическим результатом (изменение политики целевой страны)

Продолжение таблицы 1.1.1

Теоретический подход и авторы	Ключевые идеи	Сильные стороны	Слабые стороны	Актуальность
Институциональный подход (Д. Норт) [50]	- формальные и неформальные правила (ООН, ВТО и др.) определяют легитимность и масштаб санкций; - важна роль наднациональных институтов и закулисных дипломатических соглашений	- освещает роль официальных и неофициальных норм, влияющих на решение о введении/присоединении к санкциям; - учитывает влияние международных организаций, «правил игры» и кулуарных договорённостей; - помогает понять, почему одни санкции соблюдаются жёстко, а другие фактически обходят	- сложно формализовать и количественно измерить неформальные механизмы и договорённости; - часто предполагает детальный анализ конкретных институтов, что может ограничивать универсальность выводов	- важен для понимания правовой и организационной базы санкций; - даёт представление о том, как коалиции формируются (или разваливаются) под влиянием не только формальных, но и скрытых договорённостей; - актуален в условиях сокращения роли ООН, ВТО и усиления влияния региональных союзов (ЕС, ЕАЭС и т.д.)
Подход ГЦДС (Дж. Гереффи, Т. Стерджен) [446]	- мировая экономика — сеть взаимосвязанных производственных и логистических звеньев; - санкции против одного узла/страны могут вызывать сбои и перенастройку всей цепочки	- показывает каскадный эффект санкций, распространяющийся по всему производственному и логистическому циклу; - учитывает сложность и многоуровневость современных ТНК и распределённого производства	- трудно моделировать нелегальные и полулегальные схемы обхода санкций; - не всегда очевидно, какие именно звенья цепочки окажутся наиболее уязвимы; - требует комплексной сетевой аналитики, что может быть затруднительно из-за недостатка открытых данных	- особо актуален в эпоху глобализации и усложнения мирохозяйственных связей; - помогает понять, как точечные санкции в узкоспециализированных секторах приводят к системным сбоям; - учитывает, что санкции могут перестраивать всю инфраструктуру ГЦДС, приводя к долгосрочным геоэкономическим сдвигам

Продолжение таблицы 1.1.1

Теоретический подход и авторы	Ключевые идеи	Сильные стороны	Слабые стороны	Актуальность
Теория гибридных войн (Ф. Г. Хоффман, М. Галеотти и др.) [380]	- рассматривает санкции как часть комплекса мер принуждения (информационные кампании, кибератаки и т.д.); - санкции используются для демонстрации силы при избегании прямой военной эскалации	- даёт представление о санкциях как о элементе многоуровневого давления; - освещает междисциплинарную природу современных конфликтов; - подчеркивает роль неэкономических инструментов (кибер, информационная война и т.п.)	- сложно отделить воздействие санкций от прочих компонентов гибридного давления; - требует учёта большого числа факторов: военных, дипломатических, информационных; - мало разработанных формализованных моделей	- высока актуальность в ситуации, когда экономические санкции сочетаются с прочими формами давления; - важна для понимания современной геополитики, где прямое военное столкновение нередко заменяется многосторонними гибридными операциями
Поведенческие теории (Д. Канеман, А. Тверски, Р. Талер, Д. Ариели и др.) [454]	- агенты действуют под влиянием эмоций, неопределённости, паники или консолидации - эффект «объединения вокруг флага», иррациональные ожидания, асимметрия в оценке рисков	- позволяет объяснить нестандартные реакции на санкции (паника, вывод капиталов, сокращение потребления); - акцентирует роль информационного фона и ожиданий; - показывает, почему умеренные санкции могут привести к сильному макроэкономическому шоку из-за поведения инвесторов и потребителей	- ограничена при прогнозировании долгосрочных структурных изменений; - сложность количественного измерения психологических факторов и патриотической консолидации; - нуждается в междисциплинарном синтезе (социология, политология, психология)	- в условиях постоянного информационного потока и волатильных рынков позволяет более реалистично оценивать скорость и глубину санкционных шоков; - даёт понимание, почему ожидания и убеждения элит/населения могут перевесить экономические аргументы

Окончание таблицы 1.1.1

Теоретический подход и авторы	Ключевые идеи	Сильные стороны	Слабые стороны	Актуальность
Количественные методы: панельные регрессии, CGE-модели, сетевой анализ (Г. Хафбауэр, Б. Эрли, Р. Карузо) [381]	- анализ межотраслевых балансов и общего равновесия (CGE); - сетевые исследования ГЦДС (показатели центральности, каскадные эффекты); - статистическая оценка санкционных шоков и прогнозирование перераспределения ресурсов	- даёт эмпирические оценки среднего влияния санкций на ВВП, торговый баланс, отраслевые показатели; - CGE-модели могут учитывать межотраслевые и межстрановые связи, строить сценарии перераспределения потоков; - сетевой анализ выявляет ключевые узлы цепочек поставок	- часто ограничены качеством и полнотой доступных данных (проблемы теневой торговли, искажённая статистика); - допущения неоклассической стационарности (в CGE) не всегда адекватны при структурных сдвигах; - панельные регрессии могут упрощать сложную политическую и поведенческую реальность; - сетевой анализ требует глубокого погружения в специфику отраслей и компаний, зачастую закрытую	- высокая востребованность для прикладной оценки последствий санкций в разных сценариях; - помогают правительствам и ТНК вырабатывать стратегию импортозамещения, выявлять риски в ГЦДС; - синтез с другими подходами даёт комплексную картину (учёт политических, институциональных и поведенческих факторов)

Источник: составлено автором.

Современные вызовы, связанные с быстрым развитием цифровых технологий, появлением киберсанкций и расширением параллельных рынков, значительно усложняют классическую логику экономического давления, требуя её дополнения политическими, культурно-ценностными и технологическими факторами, что делает анализ санкций ещё более многоаспектным. В условиях мировой экономики, которая становится всё более фрагментированной и диверсифицированной по региональному и технологическому признаку, междисциплинарный синтез превращается в ключевое направление развития теории санкций, позволяя учитывать широкий спектр взаимодействий и их влияние на различные уровни международной системы.

Интегрированный многоуровневый подход, объединяющий политическую экономию, институциональный анализ и поведенческую логику, а также учитывающий сетевые и гибридные аспекты мировой экономики и использующий расширенные методы моделирования и дата-аналитику, представляется перспективным для изучения санкций. Данный подход предполагает рассматривать санкции как часть широкой системы глобальных взаимодействий, где экономические, политические, институциональные и поведенческие компоненты переплетены настолько, что односторонний анализ не даёт полноценной картины. Синтез разных парадигм и методов позволяет лучше понять, почему санкции могут не приводить к заявленным целям, каким образом акторы ищут и находят пути обхода, а также какие факторы усиливают или ослабляют их долгосрочное воздействие.

Данный интегрированный многоуровневый подход характеризуется высокой объяснительной силой и значительным прикладным потенциалом, поскольку, во-первых, даёт возможность глубже осмыслить мотивацию введения санкций и механизмы их действия, во-вторых, способствует более точной оценке как прямых, так и опосредованных (включая поведенческие) последствий для государств-инициаторов, государств-адресатов и третьих сторон (косвенное влияние), и, в-третьих, позволяет разрабатывать более

гибкие и эффективные стратегии реагирования, адресованные как правительствам и международным организациям, так и крупному бизнесу.

В современных условиях мировой экономики дальнейший анализ феномена экономических санкций на основе предложенного интегрированного подхода должен в первую очередь ориентироваться на следующие ключевые аспекты:

1) интеграция киберизмерения – наложение санкционных практик на цифровую инфраструктуру, исследование эффектов блокировки IT-ресурсов, использования экстерриториального юридического преследования (экстерриториальной юрисдикции) в контексте кибератак и больших данных;

2) поведенческий анализ бизнеса – более углублённое применение поведенческой экономики и социологических методов (опросы экспертов, контент-анализ корпоративных отчётов), позволяющих выявить мотивы и логику адаптации крупных фирм к меняющемуся санкционному окружению;

3) модели мировой динамики – учёт тенденции к полицентричному развитию мирохозяйственных связей, появлению параллельных рынков, технологических альянсов и региональных блоков, вырабатывающих самостоятельные механизмы обхода и/или смягчения санкций;

4) расширение концептуальных границ политико-экономического анализа – учёт не только формальных, но и неформальных механизмов (неофициальных договорённостей, теневых сетей, неопубликованных протоколов и т.д.), определяющих реальную степень жёсткости или, напротив, эластичности санкционного режима.

На стыке перечисленных направлений формируется поле для исследовательской работы, которая способна – при соответствующем теоретическом и эмпирическом оснащении – заметно продвинуть сложившиеся научные парадигмы. С одной стороны, классические экономические теории и политико-экономические концепции должны быть дополнены учётом новых реалий цифровой эпохи, а с другой стороны – необходима эмпирическая проверка научных гипотез, опирающаяся на

репрезентативный статистический материал и реальные кейсы. Результаты подобного исследования будут не только углублять имеющиеся теории, но и создавать предпосылки для формирования обновлённого научного дискурса, который позволит комплексно моделировать санкционные процессы в условиях стремительного усложнения и динамической перестройки мирохозяйственной системы.

1.2. Структурирование и классификация экономических санкций в системе мирохозяйственных связей

В современных условиях усиливающейся взаимозависимости национальных экономик и нарастающей геополитической турбулентности структурирование и классификация экономических санкций в системе мирохозяйственных связей приобретают особую значимость, позволяя выявить многообразие форм и механизмов санкционного воздействия, а также дать целостное представление об их роли в глобальных экономических и политических процессах. Экономические санкции перестали ограничиваться единичными инструментами торгового эмбарго и тарифных барьеров, постепенно эволюционировав в комплексную систему мер, нацеленную на достижение широкого спектра внешнеполитических, геоэкономических и социально-гуманитарных целей. Высокая степень экономической интеграции стран и вовлечённость крупных ТНК трансформировали санкции в многоуровневый механизм воздействия, фундамент которого заложен как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

В отечественной и зарубежной литературе термин «экономические санкции» зачастую используется в широком смысле, охватывая торговые ограничения, финансовые блокировки, технологические запреты и иные формы принудительного воздействия, направленные на изменение поведения государства-адресата или отдельных участников международных экономических отношений. Однако неопределённость понятийных границ и наличие множества разнонаправленных практик диктуют потребность в

системном подходе к классификации и структурированию санкционных инструментов. Данная задача приобретает особую значимость, учитывая, что санкции всё чаще становятся не только механизмом урегулирования конфликтов и поддержания международного экономического порядка, но и инструментом конкурентного давления, позволяющим ограничивать доступ к технологиям и стратегическим ресурсам, а также формировать благоприятные условия для национальных производителей страны-инициатора. С этим тезисом согласен В. В. Атурин, который отмечает, что «...санкции, на наш взгляд, выступают не столько способом давления на страну с целью ее принуждения к выполнению определенных обязательств, сколько являются фундаментальной детерминантой международной конкуренции и дальнейшего геоэкономического и геополитического противостояния отдельных государств» [70, с. 2].

Осмысление экономических санкций в научном контексте требует не только перечисления их форм и характеристик, но прежде всего точного определения (дефиниции), позволяющего избежать терминологической размытости и дублирования понятийного аппарата. Введение строгой дефиниции представляется методологически обоснованным, поскольку без единой концептуальной базы становится затруднительным как сопоставление различных санкционных режимов, действующих в рамках многосторонних и односторонних инициатив, так и оценка их эффективности с позиций международных экономических и правовых норм.

Согласование дефиниции экономических санкций с существующим международно-правовым и экономическим понятийным аппаратом предполагает учёт, с одной стороны, норм, закреплённых в документах ООН и региональных интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС и др.), а с другой – анализа практики ВТО в отношении ограничительных мер. Согласно статье 41 Устава ООН, Совет Безопасности может принимать решения о полном или частичном прекращении экономических отношений, что фактически легитимирует санкционную практику и задаёт общее правовое поле для её

интерпретации [37]. При этом, как показывает сравнительный анализ решений Органа по разрешению споров (ОРС) ВТО, не все экономические ограничения, введённые в порядке национального правового регулирования, считаются «санкциями» в строгом смысле, если они не преследуют цели принуждения или изменения внешнеполитического поведения государства [501].

Следовательно, строгая дефиниция экономических санкций направлена на систематизацию и обобщение различных форм экономического давления, различающихся по своим характеристикам. Цель дефиниции заключается не только в теоретической ясности, но и в возможности разработки универсальных критериев для классификации санкционных мер по их целям, функциональному содержанию и механизму реализации.

Санкции в большинстве случаев рассматриваются в политико-экономической науке как принудительная мера, предполагающая способность государства или наднациональной структуры оказывать воздействие на другого актора без прибегания к прямым военным средствам. В частности, русский учёный Т. Г. Маглинова отмечает, что «экономические санкции – это промежуточная «остановка» между безуспешными дипломатическими усилиями и вооруженным вмешательством для решения проблемы» [156, с. 56]. Наблюдается применение данной категории мер в самых различных контекстах – от локальных кризисов до конфликтов, охватывающих целые регионы и множество держав, – однако определяющим критерием остаётся акцент на ограничениях экономического, финансового или технологического свойства, вводимых без задействования военных инструментов.

Принудительный характер подразумевает, что санкции нацелены на принуждение или сдерживание потенциального или реального нарушителя, при этом формальные основания могут затрагивать множество специфических целей. Политико-дипломатический вектор включает необходимость сдерживать агрессию, понуждать к соблюдению резолюций СБ ООН или иных международных норм, а также реагировать на внутренние политические трансформации (пример – поддержка демократии, борьба с авторитаризмом)

[352]. Нередко ограничительные меры мотивируются экономическими (протекционизм, защита рынка, блокирование доступа конкурентов к критически важным ресурсам и технологиям) [315] и идеологическими соображениями (противодействие распространению коммунистической или радикально-националистической идеологии, продвижение прав человека и свобод) [291].

Политико-дипломатический вектор санкций в практике последних десятилетий всё чаще сопровождается прямыми отсылками к защите прав человека, функционированию демократических институтов и недопущению нарушений принципов гуманитарного права. В документах ООН обращается внимание на то, что «Совет Безопасности вводит санкции в целях обеспечения мирных переходных процессов, предупреждения антиконституционных преобразований, сдерживания терроризма, защиты прав человека и поощрения режима нераспространения» [304]. Подобный подход, закреплённый в ряде многосторонних соглашений, формирует гуманитарно-ориентированный облик санкций, хотя реальные мотивы государств зачастую включают и факторы сохранения или приумножения геоэкономических преимуществ, ограничение доступа конкурентов к высокотехнологичным сегментам рынка либо принуждение отдельных элит к политическим уступкам.

Отдельное место в системе целей занимают экономические мотивы: так, государство-инициатор нередко стремится защитить собственные промышленные отрасли (особенно чувствительные к внешней конкуренции) при помощи нетарифных мер, формально подводимых под санкционный режим, если адресат обвиняется в нарушениях торговых норм или угрозе национальной безопасности [353]. Подобные решения позволяют легитимировать ограничения, создавая видимость ответной меры на несоблюдение правил международного экономического порядка, в то время как реальная цель может сводиться к протекционизму: «экономические санкции, при этом, явно выглядят как инструмент протекционизма, так как

развитые страны, обладая финансовым могуществом, укорененными финансовыми структурами и мощным инновационным потенциалом, обладают возможностью ограничить свои экономики от стран, которые могут быть угрозой их благополучия» [178, с. 380] – отмечает В. С. Осипов. Расплывчатость определений угроз и связанные с этим возможности интерпретации закладывают фундамент для экономической манипуляции, использующей санкции как инструмент квазизаконных барьеров.

Идеологические цели могут подразумевать не только стремление сдерживать авторитарные режимы, но и поддерживать конкретную политическую идеологию (либерально-демократическую, социалистическую и т.д.) в третьих странах, ограничивая финансовые потоки и доступ к технологиям для противников [109, с. 52-53]. В ситуациях, связанных с ярко выраженным противостоянием между группами государств (например, на идеологической почве), санкции становятся формой контрольно-назидательного воздействия, сопровождаясь пропагандистским освещением и апелляцией к моральной ответственности международного сообщества.

Во всех вышеперечисленных категориях (политико-дипломатические, экономические, идеологические) санкции сохраняют свой главный атрибут: ненасильственный характер юридически установленного принуждения, осуществляемого через регулирование товарных, финансовых и технологических потоков с опорой на национальные или международно-правовые акты. Механизмы реализации при этом могут быть самыми разнообразными – от односторонних указов до многосторонних конвенций или резолюций, однако общим остаётся их направленность на экономическое воздействие в целях достижения желаемых изменений в политическом курсе или структуре режима, включая возможные последствия для мирохозяйственных процессов и структуры мировых рынков.

Таблица 1.2.1. – Определение «экономических санкций» в научных исследованиях

Автор(ы)	Определение
Д. А. Болдуин [359, с. 39]	«Санкции в экономическом контексте — это манипуляции внешней торговлей и финансами, осуществляемые правительством или коалицией с целью повлиять на благосостояние другого государства и принудить его к изменению поведения в рамках внешнеполитической стратегии»
Г. К. Хафбауэр, Дж. Дж. Шотт, К. А. Эллиотт [381, с. 3]	«Экономические санкции представляют собой сознательное приостановление или угрозу приостановления обычных торговых и финансовых отношений с другим государством с целью достичь политических целей или принудить к политическим переменам»
Д. В. Дрезнер [373, с. 12]	«Санкции — это один из инструментов экономического принуждения, опирающийся на угрозу или реальное введение торгово-финансовых ограничений, чтобы добиться изменения политики (или поведения) государства-мишени»
Р. А. Пейп [478, с. 91]	«Под экономическими санкциями обычно понимают попытку одного или нескольких государств повлиять на внешнюю или внутреннюю политику другого государства, навязав ему экономические издержки путём ограничения доступа к рынкам, товарам и финансовым ресурсам»
Л. Л. Мартин [388, с. 5]	«Экономические санкции представляют собой скоординированные ограничения в торговле, финансах и инвестициях, призванные, посредством нанесения ущерба экономике мишени, побудить её к выполнению требований или к изменению политического курса без применения военной силы»
Д. Кортрайт, Г. А. Лопес [369, с. 44]	«Экономические санкции в системе ООН имеют принудительный характер, однако нацелены преимущественно на принуждение к соблюдению норм международного права и поддержание глобальной стабильности без развязывания конфликта; они реализуются в форме торговых эмбарго, финансовых запретов и иных ограничений»
Й. Гальтунг [445, с. 378]	«Санкции — это действия экономического характера, направленные на принуждение государств к изменению поведения через экономические ограничения и изоляцию»
Р. Насроллахи Саид Лу [472, с. 10122]	«Санкции, а в более общем смысле экономические санкции, представляют собой совокупность ограничительных мер, принимаемых правительством, группой правительств или организацией с целью достижения определённых целей. Другое определение санкций заключается в том, что «санкции» являются частью высокоуровневой дипломатии, которая, будучи гражданским инструментом, наделяет государства и организации возможностью вводить строгие меры против конкретной страны или правительства, чтобы достичь своих целей».
А. Куно [457, с. 1]	«Термин «экономические санкции» определяется по-разному, но здесь (в цитируемой статье – прим. автора) он используется в значении «целенаправленного прекращения или угрозы прекращения экономических связей, предпринимаемых правительством с целью сохранения и расширения собственных стратегических интересов государства»

Автор(ы)	Определение
А. А. Полиутов, А. А. Пузанов [184, с. 180]	«Под экономическими санкциями принято понимать совокупность ограничительных экономических мер, применяемых одним субъектом международных экономических отношений к другому в целях изменения его внешнеэкономического поведения»
В. С. Куксевич [147, с. 285]	«Международные экономические санкции – это односторонние или коллективные принудительные действия невоенного характера (торгово-экономические, финансовые), инициированные против государства с целью заставить его изменить внешнеполитический курс и соблюдать международную безопасность»
Я. С. Бутакова [80, с. 40]	«санкции стоит рассматривать как способ воздействия стран на политику другой страны. Это некий компромисс, помогающий избежать решения проблемы силовыми методами. Санкции не несут в себе разрушительного эффекта - военной эскалации конфликта, при этом обладают способностью явного воздействия на экономику подсанкционного государства»
С. А. Афонцев [53, с. 208]	«С точки зрения науки о международных отношениях экономические санкции – это инструменты некооперативного воздействия на экономические интересы страны-адресата с целью обеспечить изменение её внутренней и внешней политики»
А. Е. Еремина [112, с. 79]	«Экономические санкции представляют собой ограничение или полное прекращение торговых и финансовых операций для достижения целей, связанных с вопросами безопасности или внешней политики»
Ю. В. Тарануха [213, с. 131]	«Международные экономические санкции представляют собой мирное средство, которое используется для предотвращения поведения, нарушающего международное право и создающего угрозы для мира и безопасности»
И. И. Сидельникова [200, с. 708]	«Экономические санкции - воздействия, предпринимаемые одним государством либо группой государств и нацеленные против финансовых заинтересованностей иного государства, либо категории государств, как правило, с целью достичь выполнения в данной стране (странах) общественных либо общественно-политических перемен»
Е. С. Родионова [191, с. 29]	«“Санкции/экономические санкции” подразумевают под собой экстерриториальные меры и/или ограничения в экономическом секторе, инициированные в одностороннем порядке одним государством-инициатором или группой государств для ослабления другого государства-объекта и его частных лиц, с целью политического принуждения последнего»
И. Н. Тимофеев [217, с. 39]	«Санкции следует понимать как инструмент господства в международных отношениях, который предполагает использование странами-инициаторами мер экономического давления на страны-адресаты с целью добиться изменения их политического курса»

Источник: составлено автором.

Выше приведена сводная таблица, в которой отражены различные определения экономических санкций, представленные в научной литературе, что позволяет рассмотреть понятие санкций с различных теоретических и прикладных точек зрения, учитывая их многоаспектную природу и роль в современных международных процессах (табл. 1.2.1). Определения приведены в виде цитат и поэтому разнородность определений и формулировок отражает специфические исследовательские интересы авторов (политология, право, экономика) и разные исторические периоды анализа.

Данные определения формируют базу для вывода строгого обобщённого определения экономических санкций, учитывающего как их принудительный и ненасильственный характер, так и юридикко-политическое оформление, опирающееся на механизмы международного права и внешнеэкономического регулирования.

По нашему мнению, под «экономическими санкциями» следует понимать совокупность юридически закреплённых и ненасильственных мер принудительного характера, которые вводятся одним или несколькими государствами и/или международными организациями в целях изменения экономического либо политического поведения объекта (другого государства, корпорации или лиц) без прямого применения военной силы. Указанные меры осуществляются посредством ограничения торговли, финансово-кредитных транзакций, доступа к технологиям и иных экономических каналов, причём их применение опирается на правовую базу, включающую национальные законы, резолюции органов ООН или решения региональных интеграционных объединений, а также нередко сопровождается дипломатическим и идеологическим влиянием, нацеленным на достижение конкретных внешнеполитических, гуманитарных или конкурентных целей в условиях тесной взаимозависимости мирового хозяйства.

Сформулированное определение подчёркивает ключевые элементы экономических санкций как специфического инструмента экономического принуждения, отличающегося ненасильственным характером и

опирающегося на институциональные механизмы национального или международного права. Данный подход к дефиниции исходит из необходимости отражать разноплановые цели, а также демонстрировать, что санкции тесно связаны с реализацией внешнеэкономических и внешнеполитических интересов государств или межгосударственных объединений. «Юридически закреплённый» аспект обеспечивает правовую форму реализации, тогда как «ненасильственный принудительный характер» указывает на существенное отличие санкций от военных мер. Взаимосвязь с мирохозяйственными процессами обусловлена тем, что санкции затрагивают товарно-финансовые потоки, доступ к технологиям и функционирование ТНК, а также могут служить средством корректировки конкурентной среды в мировой экономике.

Определение экономических санкций, отражающее их многоаспектный характер, предполагает, что методологическая систематизация должна учитывать разнообразие целей, механизмов и субъектов данной практики. Усложнение санкционной политики в условиях глобальной взаимозависимости и технологической трансформации мирохозяйственных связей обосновывает расширение набора критериев для классификации экономических санкций, так как выбор адекватных классификационных критериев становится основополагающим элементом для обеспечения достоверного и глубокого анализа.

Критический анализ существующих определений экономических санкций показывает необходимость методологической систематизации, способной учитывать не только специфику целей, механизмов и субъектов данной практики, но и их взаимосвязь с факторами глобальной взаимозависимости и технологической трансформации мирохозяйственных связей [206]. Это, в свою очередь, усложняет санкционную политику и расширяет набор критериев её классификации. В связи с этим выбор адекватных классификационных критериев становится фундаментальной предпосылкой для комплексного анализа, позволяющего выявить

внутреннюю логику формирования санкционных инструментов, оценить их эффективность и определить условия их максимального воздействия. Такой подход подчёркивает недостаточность традиционных методов структурирования экономических санкций и обосновывает необходимость их пересмотра.

Правовые системы разных государств и международных организаций нередко оперируют близкими по смыслу терминами – «контрмеры», «эмбарго», «ограничительные меры» – которые могут вызывать определённую путаницу в научном дискурсе и практике внешнеэкономических отношений. Экономические санкции, в классическом понимании, предполагают комплекс целенаправленных мер принудительного характера, легитимированных на уровне национального законодательства или международного права, тогда как контрмеры, эмбарго и прочие формы ограничений зачастую имеют иную правовую природу или преследуют более узкий набор целей. По нашему мнению, правовая определенность в разграничении этих категорий необходима не только для научного анализа, но и для корректного применения норм торгового и международного публичного права в системе современных мирохозяйственных связей.

Контрмеры в международном праве, согласно проекту статей об ответственности государств, подготовленных Комиссией международного права ООН, понимаются как ответные действия, которые государство может предпринять в ответ на нарушение его международных прав другим государством [7]. Цель контрмер — побудить ответственное государство прекратить противоправное поведение и восстановить нарушенные права. В подобном контексте контрмеры нередко рассматриваются как часть системы правовой ответственности и отличаются от санкций тем, что вводятся унилатерально (односторонне) и обычно носят ограниченный или краткосрочный характер, тесно связанный с конкретным нарушением. Данную дистинкцию подтверждают Г. И. Курдюков и М. В. Кешнер: «Контрмеры, и в этом их принципиальное отличие от международно-

правовых санкций, представляют собой элемент децентрализованного механизма принуждения государства-правонарушителя и рассматриваются как инструмент имплементации ответственности, не носящий карательного характера» [149, с. 114].

Эмбарго представляет собой жёсткое ограничение экспорта или импорта товаров (чаще всего стратегического характера, таких как вооружение или энергоносители), сопровождающееся административными и таможенными процедурами блокирования поставок: «...значение понятия эмбарго связано с полным или частичным запрещением торговли с каким-либо государством» [81, с. 18] – отмечает Ю. И. Бушенева. Оно рассматривается преимущественно как часть торговой политики государства, носящий в основном локальный характер, и иногда способной перерасти в статус международных санкций, если её применение поддерживается несколькими участниками и формализовано в рамках наднациональных актов.

Ограничительные меры во внутригосударственных правовых системах некоторых стран (например, законодательство США о торговых ограничениях или постановления Совета ЕС об ограничительных мерах) объединяют широкий спектр инструментов – от моратория на инвестиционное сотрудничество до визовых ограничений и блокировки счетов. В научной литературе их могут называть «санкциями», однако формально такие меры иногда не выходят за рамки национальной регуляции и не позиционируются как акт международного принуждения [129, с. 27-30]. Тем не менее, при соответствующем обосновании и поддержке со стороны международных институтов эти ограничительные меры становятся частью санкционных кампаний многостороннего уровня, становясь предметом анализа де-факто как экономические санкции.

Нормы международного права (включая резолюции СБ ООН и акты региональных организаций вроде ЕС, ЛАГ) придают санкциям дополнительную легитимацию и часто формируют основу для универсальной или региональной коалиции, стремящейся ввести меры в обязательном

порядке для всех своих участников [37;344] . Правовой статус санкций во многом определяет возможности государства, в отношении которого вводятся санкции, оспорить их в органах ВТО (в случае торговых аспектов) или в иных юрисдикциях. Кроме того, национальное законодательство целого ряда стран (США, Канада, Великобритания и др.) содержит самостоятельные санкционные списки, дополняющие или усиливающие международные режимы и зачастую имеющие экстерриториальное действие (вторичные санкции) [505;540].

Комбинация многоуровневого правового регулирования и неоднородного терминологического поля приводит к тому, что «санкции» в одних юрисдикциях считаются «контрмерами», а «ограничительные меры» в других государствах могут фактически иметь характер полномасштабных санкционных инструментов [187, с. 64-65]. Установление чёткого разграничения между этими смежными категориями – важная задача для снижения правовых коллизий и обеспечения предсказуемости мирохозяйственных связей, где экономическая взаимозависимость требует ясных правил игры, а санкционные режимы порождают дополнительные риски для участников международной торговли и финансовых операций.

В международном праве выделяются так называемые экстерриториальные (вторичные) санкции, которые распространяются не только на непосредственные объекты (государства, компании, физических лиц), но и на третьи стороны, ведущие или планирующие вести с ними экономические отношения [106, с. 63-64]. Они базируются на расширительном толковании национального законодательства, когда государство-инициатор ссылается на необходимость защитить свои интересы (безопасность, предотвращение финансирования терроризма и т.д.), однако нередко применяет их и без международно-правовой легитимации [309]. По мнению М. Халиса причиной появления вторичных санкций является то, «...что целевая страна могла установить деловые отношения с другими государственными или негосударственными акторами, чтобы обойти

наложенные санкции, тем самым делая первичные санкции бесполезными или неэффективными» [389, с. 25].

Практика экстерриториальных санкций предполагает вмешательство во внешнеэкономические связи партнёров, находящихся за пределами юрисдикции инициатора, что вызывает споры о правомерности подобного принуждения и порождает юрисдикционные коллизии. Третьи страны, не признающие экстерриториальный характер чужих законов, могут реагировать блокирующими постановлениями [342] или зеркальными мерами, а также диверсифицировать платёжные системы, формируя альтернативные структуры для международных расчётов.

Эффективность вторичных санкций во многом объясняется чрезмерным соблюдением со стороны ТНК и банков, стремящихся избежать высоких штрафов и отключения от ключевых финансово-технологических ресурсов [216, с. 30-31]. В то же время растёт риск фрагментации международного экономического порядка, поскольку крупные акторы (ЕС, Китай, Россия) создают альтернативные институты в ответ на экстерриториальное давление. Такая ситуация отражает не только расширение власти экономических центров, но и усиление контрстратегий, способных перераспределить влияние в мирохозяйственных связях.

В международной практике экономических санкций важное место занимают ограничительные меры, принимаемые на уровне отдельных государств, ориентируясь на национальные законодательные акты и внешнеполитические приоритеты. Подобные меры могут проявляться в двух основных форматах – односторонних и многосторонних санкциях [97, с. 33]. В первом случае речь идёт о решениях, принятых одним государством или его государственными органами без формального согласования с иными акторами, во втором – о скоординированных действиях группы стран, сформировавших коалицию для введения единых или синхронизированных ограничений.

Односторонние санкции отражают специфические интересы государства, которое стремится добиться внешнеполитических, экономических или идеологических целей за счёт установления различных мер давления на государство-адресат или на определённые группы внутри него. Односторонний характер ограничительных мер позволяет инициатору более гибко и оперативно реагировать на внешние вызовы, однако дефицит международной поддержки зачастую понижает эффективность подобных кампаний [495, с. 160-162].

Правовая основа односторонних санкций чаще всего закладывается в национальном законодательстве, регулирующем внешнеторговую деятельность и финансово-экономические операции. Примеры включают акты Конгресса США (например, Закон о расширении торговли с противниками [350], Закон Магнитского [348]), постановления правительства Канады, Австралии и иных государств, а также соответствующие указы президентов или глав исполнительной власти [35]. Использование односторонних санкций даёт инициатору свободу манёвра в выборе адресатов и механизмов контроля, однако требует комплексной системы мониторинга и мер принуждения в отношении собственных компаний и граждан, чтобы избежать внутреннего несоблюдения.

Мотивы односторонних санкций могут варьироваться от геополитической конкуренции (защита регионального влияния, блокирование конкурентных технологических проектов) до защиты прав человека (в ответ на репрессивные практики) и даже достижения протекционистских задач (защита национальной промышленности под предлогом национальной безопасности). Такие санкции, как уже было указано выше, представляют собой наиболее гибкую, но в то же время наиболее уязвимую форму экономического давления, поскольку отсутствие широкой международной коалиции зачастую облегчает поиск альтернативных каналов взаимодействия для государства-адресата.

Ограниченность односторонних санкций определяется тем, что экономическая и политическая цена введения мер лежит практически целиком на инициаторе, а государство, в отношении которого вводятся санкции, может извлекать выгоду из переориентации торговли и инвестиций на иные рынки [306]. С другой стороны, в случае, когда инициатор обладает доминирующим финансово-экономическим весом (например, контролируя ключевые валютно-клиринговые системы, передовые технологии), односторонние режимы оказываются весьма чувствительными для адресата. Подобная ситуация характерна для односторонних санкций США, учитывая роль доллара и американских банков в мировом хозяйственном обмене. Так, например, по данным системы SWIFT, по итогам августа 2024 года на долю доллара пришлось 83,2% платежей, тогда как на долю следующей за ним валюты, китайского юаня, – лишь 6% [285].

Многосторонние санкции предполагают координацию действий нескольких государств, действующих в форме согласованных или единых ограничительных мер против конкретного объекта – государства, правящего режима, группировки или даже отдельных физических и юридических лиц. Подобные коалиционные режимы обладают относительно большей политической легитимностью и эффективностью, поскольку их обход посредством налаживания торговых отношений с альтернативными партнёрами значительно затруднён [96, с. 361-363]. Совместные меры обладают преимуществом каскадного эффекта, при котором совокупный экономический вес участников коалиции многократно усиливает воздействие на страну-адресата санкций, тогда как в случае несогласованных действий она может переориентировать торговлю на рынки государств, не участвующих в санкционных мероприятиях.

Сложность и политические риски многосторонних санкционных кампаний выражаются в необходимости достижения внутреннего консенсуса среди членов коалиции. Любые разногласия или пробел в режимах реализации позволяет государству-адресату эксплуатировать несоответствия ради

снижения убытков, в то время как агрессивная координация предъявляет высокие требования к дипломатии, экономическому компромиссу и единообразному соблюдению норм. Кроме того, нередки ситуации, когда одни участники инициативы стремятся к более жёстким мерам, тогда как другие опасаются убытков для собственного бизнеса, что приводит к компромиссным частичным санкциям и размыванию их конечного эффекта [258].

Наднациональные институты и международные организации (прежде всего СБ ООН и региональные объединения) играют ключевую роль в формировании и координации санкционных режимов, обеспечивая им повышенную легитимность и обязательный характер для государств-членов. Е. В. Виноградова и А. В. Намчук отмечают, что «... наднациональные санкции предполагают специфические обеспечительные механизмы, которые непосредственно зависят от соотношения сил и предоставления монополии на применение силы» [82, с. 98], а значит, их реализация непосредственно зависит от признания ведущими державами ключевой роли наднациональных структур, которым фактически делегирована монополия на международно-правовое принуждение.

Региональные организации (например, ЕС) вводят санкции на основе единогласных решений Совета ЕС, которые становятся общеобязательными для стран-участниц. Имплементация таких мер предполагает выпуск соответствующих регламентов и директив, а для контроля соблюдения предусматривается обмен данными и мониторинг потенциальных обходов. Сходные механизмы действуют и в других объединениях, таких как Африканский союз [512], которые наказывают серьёзные нарушения (военные перевороты, массовые репрессии) согласованными коллективными санкциями.

Особенностью наднациональных санкций является строгая координация экономических и дипломатических мер, а также более жёсткая система контроля, однако возможность их своевременного введения или отмены напрямую зависит от политического консенсуса государств-членов. В случаях

серьёзных разногласий санкционный режим может быть смягчён или заблокирован, что снижает его эффективность. Тем не менее, многоступенчатая структура наднациональных процедур, предполагающая постоянный мониторинг, пересмотр ограничительных списков и введение гуманитарных исключений, делает такие санкции более системными и формально обязательными для всех участников данного интеграционного или международного объединения.

Научные дискуссии, посвящённые экономическим санкциям, подчёркивают их полифункциональность, поскольку государства-инициаторы, опираясь на правовые и дипломатические механизмы, могут преследовать целый спектр целей и мотивов [381, с. 3-7]. Санкции обладают потенциальной гибкостью, позволяющей использовать их как в жёстком геополитическом противостоянии, так и в мягком продвижении гуманитарных ценностей и прав человека. Не существует единообразной формулы, предопределяющей мотивы применения санкций, однако выделяют несколько ключевых направлений, охватывающих политические, экономические, идеологические и гуманитарные факторы.

Санкции могут выступать в качестве инструмента, ориентированного на достижение внешнеполитических задач, таких как сдерживание агрессии, принуждение к выполнению международных норм или изменение политического курса страны-адресата. По наблюдению Д. У. Дрезнера, несмотря на ненасильственный характер, экономическое принуждение способно оказать серьёзное политическое воздействие, вынуждая государство либо отказаться от планов военного вторжения, либо пересмотреть отношения с союзниками [373, с. 91-93]. Политические мотивы часто наиболее очевидны в случаях, когда санкции вводятся в ответ на прямую агрессию (нарушение суверенитета) или поддержку терроризма, а также при необходимости восстановить международный мир и безопасность на региональном уровне.

В ряде ситуаций ограничительные меры позиционируются как способ защиты прав человека или предотвращения массовых нарушений (геноцид,

этнические чистки, грубые нарушения гуманитарного права) [10]. В рамках резолюций СБ ООН иногда обосновывается введение санкций против государств, причастных к военным преступлениям или систематическому репрессированию гражданских групп. Однако в научной среде ведутся полемики относительно того, всегда ли санкции помогают решать гуманитарные проблемы, поскольку ограничения могут усугублять социально-экономическое положение в государстве-адресате.

Экономические санкции нередко маскируют или напрямую выражают экономические и протекционистские устремления инициатора [197, с. 214-218]. В условиях глобальной взаимозависимости, особенно при конкуренции высокотехнологичных отраслей и сырьевых рынков, санкции способны ограничить доступ конкурентов к передовым технологиям и финансовым площадкам, поддерживая тем самым конкурентные преимущества инициатора. Как отмечает А. П. Портанский, ссылаясь на экспертов берлинского Института экономики, «...США как никакая другая страна намерены сейчас путем наступательной энергетической политики усилить позиции собственных производителей угля, нефти и газа. То есть посредством санкций американцы пытаются увеличить свою долю рынка в энергетике, в том числе за счет экспорта СПГ. Новые американские санкции все больше отдают протекционизмом» [296]. Подобные меры могут представляться как направленные на национальную безопасность, однако на практике играют роль нетарифных барьеров и квазипротекционистских инструментов, позволяющих защищать внутренний рынок или стимулировать собственные компании к замещению рынка адресата в мировой экономике.

В научной литературе указывается, что санкции порой используются для навязывания или защиты определённой идеологической платформы. Во времена холодной войны подобные действия носили открыто выраженный характер (борьба капитализма и коммунизма), в нынешнюю эпоху – могут принимать форму защиты демократических принципов, сдерживания авторитарных моделей или противодействия религиозному экстремизму. Как

отмечает Н. Малдер: «Как ни иронично, антикоммунизм делал европейских сторонников умиротворения в межвоенный период более умеренными в вопросе санкций против фашистских государств, которые они считали меньшим злом. В то же время для сторонников санкций в США изменение идеологического устройства соперничающих государств было главной целью санкционной политики в эпоху холодной войны» [391, с. 23]. Государства-инициаторы стремятся легитимировать санкции через призму морального лидерства, заявляя о необходимости отстаивать правильные ценности и модели управления. Реальный эффект таких мер, однако, неоднороден, поскольку может приводить к консолидации сил внутри государства, в отношении которого вводятся санкции, вокруг альтернативной идеологии [166, с. 48-50].

Дополнительную группу мотивов формируют меры, касающиеся предотвращения финансирования террористической деятельности и борьбы с распространением ядерного, химического и биологического оружия [14;26] . Подобные санкции, часто принимаемые в рамках решения СБ ООН или специализированных комитетов, включают точечные финансовые блокировки активов, запреты на экспорт технологий двойного назначения и строгий контроль за поставками материалов, потенциально пригодных для производства оружия массового поражения. Данная категория ограничений во многом ориентирована на пресечение цепочек поставок и финансовых каналов, задействованных в терроризме и милитаризации, и может сочетаться с мерами уголовного преследования или разведывательными операциями.

Санкции, выступающие реакцией на зафиксированные акты агрессии или нарушение территориальной целостности, наряду с дипломатическими мерами и потенциальными военными контрмерами, принимаются для лишения агрессора экономических ресурсов (включая доступ к финансовым, сырьевым и технологическим каналам) [450]. Подобные меры, особенно если они получили коллективную поддержку нескольких держав и институционализированы на уровне ООН или региональных союзов,

способны существенно затруднить продолжение агрессивной политики, ограничив импорт вооружений и ключевых промышленных компонентов [430, с. 174-178].

В итоге широкий спектр факторов, от гуманитарных до идеологических и конкурентных, формирует у государств-инициаторов стимулы к применению санкций, а совокупность используемых аргументов (защита прав человека, безопасность, предотвращение распространения оружия и т.д.) выступает ключом к пониманию официального обоснования тех или иных ограничений, но не всегда реальных мотивов.

Современная санкционная практика показывает высокую степень дифференциации ограничительных мер в зависимости от того, какие именно аспекты международного экономического обмена предполагается заблокировать или контролировать. Можно выделить несколько типов мер по содержанию – торговые, финансовые, инвестиционные, технологические и целый ряд специфических адресных, а также скрытых инструментов давления. Выбор того или иного вида санкций, будь то эмбарго или запрет на банковские транзакции, обычно соответствует цели инициатора и характеру международных экономических каналов, доступных для государства-адресата.

Торговые санкции охватывают широкий спектр инструментов, среди которых наиболее жёстким выступает эмбарго, предполагающее полный или частичный запрет на импорт/экспорт определённых товаров или сырья. Как было отмечено выше, изначально эмбарго может функционировать в качестве элемента торговой политики государства, однако при поддержке нескольких участников и формализации в рамках наднациональных институтов оно приобретает статус международных санкций, становясь одним из наиболее строгих механизмов внешнеэкономического принуждения. Менее радикальные формы торгового давления включают повышенные пошлины, тарифные квоты и нетарифные барьеры, которые выступают вспомогательными мерами, способными в совокупности оказывать

существенное влияние на экономику адресата. В различных международных дискуссиях, в частности в рамках ВТО, возникают разногласия относительно легитимности торговых мер, объявляемых санкциями [189, с. 91-92], поскольку, с одной стороны, члены Организации могут обосновывать их защитой «существенных интересов безопасности» согласно статье XXI ГАТТ [1], а с другой — подобная аргументация нередко порождает обвинения в злоупотреблении этой нормой, когда под предлогом национальной безопасности фактически преследуются экономические или политические цели.

Финансовые санкции направлены на ограничение доступа к ключевым источникам капитала, кредитным линиям, платёжным системам и банковским услугам. Значительная часть финансового оборота в мировой экономике осуществляется через банки, страховые компании и клиринговые центры, расположенные в юрисдикциях традиционных государств-инициаторов, что делает финансовые санкции особенно действенным средством принуждения [78, с. 207-208]. Типичными формами выступают заморозка активов, запрет транзакций (например, отключение определённых банков от платёжных систем вроде SWIFT), ограничение на размещение облигаций или акций в иностранных финансовых центрах, а также ужесточение правил транзакционного контроля. Блокируя возможность проводить транзакции в ключевых валютах или лишая доступов к мировым фондовым биржам, инициатор создает серьезные затруднения для государственного финансирования и корпоративного сектора адресата.

Отдельной категорией следует выделить инвестиционные санкции, предусматривающие запреты или ограничения на приток ПИИ в государство-адресат или на участие компаний этой страны в совместных проектах с зарубежными партнёрами. Хотя в ряде исследований инвестиционные санкции трактуются как подвид финансовых мер [229], мы их выделяем в самостоятельную категорию, поскольку они ограничивают долгосрочную капитализацию и трансформируют структуру собственности в стране-

адресате, что отличает их от традиционных финансовых ограничений с точки зрения механизмов воздействия и длительности экономических последствий. Практика показывает, что ограничения, направленные на блокирование нефтегазовых, инфраструктурных или высокотехнологичных проектов, способны существенно затормозить развитие целых отраслей страны-адресата [172, с. 122-123]. Подобные меры часто сопряжены с финансовыми ограничениями, поскольку для крупных инвестиционных сделок требуется доступ к кредитным ресурсам и страховым услугам, которые также могут попадать под санкционный режим.

Многие государства с высокоразвитой промышленностью и наукоёмким сектором используют технологические санкции для блокирования экспорта оборудования, программного обеспечения и приостановки научно-технического сотрудничества со страной-адресатом. Строгий экспортный контроль предполагает составление перечней продукции двойного назначения и критического оборудования, которое не может быть поставлено без специального разрешения властей страны-инициатора. Ограничения на доступ к технологиям и ноу-хау являются особенно эффективными мерами давления в сегментах с высокой долей добавленной стоимости и сложной производственной кооперации (аэрокосмическая промышленность, микроэлектроника, фармацевтика), формируя технологический разрыв и подрывая способность государства-адресата к инновационному развитию. Это подтверждает и Н. А. Екимова: «Потенциальная опасность технологических санкций заключается в том, что они не сильно заметны в краткосрочном периоде, пока функционирует техника и оборудование, закупленные ранее. Однако ее устаревание (особенно моральное) может болезненно отразиться в перспективе на развитии...» [110, с. 89].

С середины 1990-х годов в международной практике закрепляется тенденция к внедрению «умных» санкций, сконцентрированных на ограниченном круге адресатов – секторах, компаниях или отдельных лицах – с целью минимизировать гуманитарные последствия и направить

экономический ущерб непосредственно на элиту, ответственную за нежелательную политику [436, с. 96-100]. Адресные санкции видоизменяют стратегию широкомасштабного эмбарго, стараясь избежать коллективного наказания населения и фокусируя давление на тех акторах, от которых зависит принятие ключевых решений [365, с. 62-67]. В частности, Э. Шагабутдинова и Дж. Бережикян отмечают: «Статистические результаты подтверждают, что «умные» санкции более эффективны, чем традиционные санкции, опровергая представление о необходимости выбора между гуманностью и эффективностью» [486, с. 59].

Следовательно, «умные» и точечные (адресные) санкции отражают стремление государств-инициаторов и международных организаций к повышению политической и моральной легитимности, создавая видимость (или реальность) более узкой направленности мер. Параллельно возрастает сложность мониторинга: для адресата санкций становится существенным вопрос, как обойти секторальные или индивидуальные запреты через теневые каналы или сети аффилированных компаний.

Также можно выделить скрытые (неявные) санкции, представляющие собой совокупность ограничительных мер, которые, в отличие от формальных инструментов экономического принуждения, не сопровождаются публичными политическими декларациями или законодательными актами и фактически маскируются под стандартные торгово-административные практики – например, нетарифные меры контроля, усложнённые банковские комплаенс-процедуры или приостановки страховых услуг для поставщиков из неугодных юрисдикций и т.п. [97, с. 33] Данные меры имеют выраженный карательный и дестабилизирующий характер, хотя внешне могут позиционироваться как рутинные внутригосударственные регулятивные шаги и, как отмечает Ю. В. Тарануха, скрытые санкции «...могут стать действенной карательной мерой» [212, с. 120] чем некоторые заявленные санкции, носящие символический характер и не дают возможности подвергнуть их оспариванию в международных инстанциях. Например, ограничительную политику

Узбекистана по отношению к Таджикистану до 2016 года можно отнести к такого рода санкциям [124].

Комплексное рассмотрение вышеуказанных форм санкций свидетельствует о многообразии применяемых инструментов, каждый из которых может сочетаться с другими для усиления принудительного эффекта или, напротив, избирательно использоваться с учётом дипломатических стратегий инициатора. «Будучи динамичным инструментом, санкции должны постоянно адаптироваться, поскольку подсанкционные субъекты находят лазейки и способы обхода существующих санкций» [416, с. 63] приводится в аналитическом исследовании Австрийского национального банка, тем самым отмечая объективность трансформации экономических санкций и их эволюции.

Наряду с вышерассмотренными нами критериями классификации, современная эмпирика убеждает в необходимости учитывать дополнительные параметры, отражающие повышенную вариативность объектов воздействия, масштабы введения ограничений и степень транспарентности санкционных режимов.

Во-первых, многогранность объектов, на которые нацелены санкции, свидетельствует о том, что адресаты мер давления выходят за рамки традиционных государственных институтов. Наблюдается вовлечение негосударственных акторов (например, террористических организаций, криминальных синдикатов) и отдельных физических лиц (представителей элит, связанных с нежелательными политическими или финансовыми практиками). Подобная тенденция диктует необходимость выделения критерия «по объектам», поскольку адресные меры, концентрирующиеся на конкретных компаниях, организациях либо физических лицах, требуют отдельной аналитической категории. Данная дифференциация помогает прояснить механизм действия санкций и оценить специфические каналы влияния на элиту, находящуюся в фокусе инициатора.

Во-вторых, многовариантность масштабов экономических санкций (от всеобъемлющих ограничений до секторальных, а также от локальных до глобальных) тесно переплетается с различиями в уровне коалиционной поддержки. Односторонние санкции, введённые одним государством, отличаются от многосторонних, одобренных коалицией стран, а те, в свою очередь, – от мер, формально поддержанных СБ ООН. Поскольку согласованность действий и организационная глубина коалиции непосредственно влияют на действенность и легитимность ограничительных мер, классификационный критерий «по уровню коалиционной поддержки» служит необходимым дополнением. Он позволяет детальнее оценивать, в какой степени единство мнений между ключевыми экономическими и политическими акторами способствует или, напротив, препятствует достижению целей санкций.

В-третьих, степень транспарентности (официально объявленные или скрытые) оказывается немаловажным фактором при анализе санкционной политики. С одной стороны, формально закреплённые меры, основанные на законодательных актах или резолюциях международных организаций, обеспечивают прозрачность и повышают предсказуемость для участников рынка. С другой стороны, практика скрытых мер, возникающих на почве гибридных конфликтов и цифровых возможностей обхода, порождает неопределённость для государств и компаний, которые сталкиваются с неформальными ограничениями, не всегда опирающимися на явную правовую базу. В таких условиях оценка легитимности и возможностей сопротивления санкционному давлению усложняется, требуя аналитического разграничения мер по степени их официального провозглашения и формального правового оформления.

В-четвёртых, при системной классификации санкционных режимов значимую аналитическую роль играет критерий направленности экономического воздействия, условно разграничивающий прямое влияние, выражающееся в целенаправленном санкционном давлении на ключевые

макро- и микроэкономические параметры государства-адресата, и косвенное влияние. Последнее проявляется в мультипликативных побочных эффектах для третьих стран, интегрированных с адресатом через товарно-логистические, платёжно-финансовые и миграционные каналы, что вызывает перераспределение региональных цепочек добавленной стоимости, рост трансграничной волатильности ценовых и валютных индикаторов и формирование новых контуров геоэкономической взаимозависимости.

С научной точки зрения введение вышеназванных критериев – «по объектам воздействия», «по масштабам», «по уровню коалиционной поддержки» и «по направленности экономического воздействия», а также «по степени транспарентности» – способствует созданию многоуровневой модели, раскрывающей факторы, объясняющие, почему именно определённое государство-инициатор выбирает конкретный тип санкций и как результативность или уязвимость к обходу эволюционирует в международной среде. Подобная расширенная типология предоставляет более гибкий инструментарий для оценки динамики экономических потоков и стратегий адаптации адресатов санкций, которые могут комбинировать контрмеры, проводить диверсификацию рынков либо искать дипломатическое урегулирование. В итоге, включение дополнительных критериев в процесс классификации расширяет аналитический горизонт, позволяя выявлять неочевидные взаимосвязи между характером санкционных кампаний, трансформацией мировой экономики и вероятностью успешной реализации внешнеполитических намерений.

На практике санкции часто сочетают несколько критериев одновременно: например, многосторонние наднациональные (принятые ЕС, с секторными ограничениями против энергетики, имеющие отдельные адресные компоненты). Корпоративные и национальные акторы сталкиваются с сложной многомерной системой регулирования, которую необходимо учитывать в своих внешнеэкономических стратегиях.

Рисунок 1.2.1. – Классификации экономических санкций в системе мирохозяйственных связей
Источник: составлено автором.

Составленная нами классификация экономических санкций с этими критериями (рис. 1.2.1) позволяет наглядно отразить их пересечения. Один и тот же санкционный режим может классифицироваться по нескольким осям, что делает данный механизм методологическим и аналитическим основанием для дальнейших практико-ориентированных исследований, где изучаются конкретные кейсы и оценивается воздействие санкций на разнообразные уровни мировой экономики (от локальных рынков до международных технологических платформ).

Структурирование экономических санкций по определённым признакам не только унифицирует терминологию, но и позволяет глубже понять системные последствия ограничительных мер для мировых рынков, трансграничных инвестиций и технологических цепочек. Последовательная классификация даёт возможность выявлять причинно-следственные связи между типом санкций и фактическими результатами во внешнеэкономической сфере, а также избегать ошибок в оценке их эффективности. Особую ценность такая классификация представляет при историко-сравнительном анализе, позволяющий проследить повторяющиеся паттерны в динамике принуждения и формировать более надёжные прогнозы.

Практическая значимость классификационной схемы проявляется при моделировании конкретных кейсов, включающем как количественные методы (CGE-модели), так и качественные (SWOT-анализ, кейс-стади). Такой комплексный подход необходим, чтобы учесть многоуровневую природу санкций, их влияние на макро- и микроэкономику, а также исторические и институциональные особенности. Именно системная комбинация разных методик анализа даёт адекватное представление о том, как конкретный формат санкций и уровень их институционализации влияют на торговые и инвестиционные потоки, технологические цепочки и геоэкономическую конфигурацию.

1.3. Эволюция и современные тенденции санкционной политики в условиях глобализации и многополярности мирового хозяйства

В контексте углубления процессов глобализации и усиления многополярности мировой экономики санкционная политика претерпела качественную эволюцию, превратившись в один из ключевых инструментов международного регулирования и геоэкономического соперничества. Ранние формы внешнеэкономического давления, основывавшиеся преимущественно на прямых торговых блокадах и ограничении доступа к стратегическим ресурсам, в современных условиях трансформировались в многоуровневые и дифференцированные механизмы, призванные учитывать сложности мирового рынка, а также специфику политико-правовых систем отдельных государств. По мере изменения архитектуры мировой экономики – в частности, формирования ТНК и расширения участия развивающихся стран в ГЦДС – санкции стали играть всё более существенную роль в международных отношениях, функционируя как средство сдерживания, принуждения и переориентации экономических потоков.

С исторической точки зрения, эволюция санкционных мер отражает не только изменения в технико-экономической базе, но и существенные сдвиги в системе международного экономического порядка. В исследованиях подчёркивается, что классические формы блокад и эмбарго в значительной степени трансформировались под влиянием многосторонних институтов (ООН, региональные экономические союзы), а также благодаря накоплению опыта коллективных и селективных ограничений, в которых экономические, политические и правовые факторы тесно переплетаются [381, с. 140-142]. Как мы рассмотрели ранее, в условиях нарастающей взаимозависимости государств и диверсификации международной торговли санкции перестали сводиться лишь к простому перекрытию торговых маршрутов. Они приобрели гибридный характер, объединяя финансовые, технологические и инвестиционные ограничения, что, с одной стороны, повышает их

результативность, а с другой — существенно усложняет прогнозирование и управление побочными эффектами.

Подобные процессы обуславливают необходимость комплексного анализа санкционных инструментов в ракурсе глобализации, когда любая изоляционистская мера способна спровоцировать каскадные последствия для многочисленных акторов, вовлечённых в трансграничные цепочки производства и распределения. Согласно мнению ряда российских исследователей, современный этап развития мирохозяйственных связей характеризуется нарастающей политизацией экономического давления, в результате чего санкционные кампании часто сопровождаются двусторонними и многосторонними трениями, вызванными попытками отдельных стран и групп государств защитить свои геоэкономические позиции [53, с. 48]. При этом акцент делается на эволюционном характере санкционной политики, которая, начиная с примитивных форм экономической блокады, эволюционировала в сложные многоуровневые механизмы воздействия, включая использование высоких технологий и мировой финансовой системы.

Изучение данной траектории развития санкций позволяет установить базовые закономерности становления и модернизации санкционных режимов, а также определить их функциональную роль в современной политико-экономической среде. Критический анализ эмпирических кейсов, в том числе учёт положительного и отрицательного опыта применения ограничительных мер, даёт основание утверждать, что эффективность санкций прямо коррелирует с уровнем международной поддержки, интеграцией адресата в мировые рынки и способностью инициатора минимизировать собственные издержки [478, с. 133-134]. Следовательно, эволюция санкционной политики неразрывно связана с динамикой международных отношений, где свободная торговля и конкуренция сочетаются с ростом национализма и протекционизма, а сами ограничения, задуманное как способ корректировать поведение государств, приобретают всё более многофакторный и

комплексный характер. В этом смысле выявление ключевых этапов становления санкционных инструментов, а также оценка их трансформации в условиях многополярности и глобализационных вызовов, представляет собой важную исследовательскую задачу, позволяющую уточнить возможности и границы экономического давления в системе современных международных отношений.

Историческая практика международных экономических отношений свидетельствует о существовании прототипов современных санкционных механизмов, применявшихся задолго до их институционализации в рамках международного права. Такие меры, как репрессалии, эмбарго и блокады, использовались в качестве инструментов экономического и политического давления на государственные образования и торговые союзы, ограничивая их доступ к стратегически важным ресурсам и внешним рынкам. Хотя эти формы воздействия не обладали сложной регуляторной структурой, характерной для современных санкций, они выполняли аналогичные функции, направленные на принуждение, ослабление экономического потенциала или коррекцию поведения субъектов международных отношений.

Как отмечает Л. Х. Саидмуродзода, «история знает немало попыток реализации интересов различных стран посредством таких исторически последовательных методов как, колониальные завоевания и внешняя торговля, экономическая и финансовая экспансия транснационального капитала, международное сотрудничество и экономическая интеграция, экономические санкции и т.д. Однако, если ориентироваться в исследовании только на исторический метод познания экономических явлений, и в качестве общего ориентира исследования интересов стран принять такой исторический тренд как, зависимость – независимость – взаимозависимость различных государств, то сам процесс исследования причинно-следственных связей реализации интересов государств, примет бесконечный вид, уводя исследователя в «дурную бесконечность» (Гегель)... если рассматривать мировую экономику с точки зрения исторически последовательных этапов реализации интересов

торгового, промышленного, финансового и транснационального капитала, то исследователь объективно подойдёт к мысли о том, что современный глобальный мир должен быть однозначно монополярным, и, соответственно, проблемы, возникающие в рамках мировой экономики разрешимы, по отношению к различным странам, только силовыми методами, в том числе экономическими санкциями, которые свойственны интересам капитала» [59, с. 31-32].

Эволюция санкционной политики от неформальных практик репрессалий к нормативно закреплённым экономическим санкциям отражает усложнение системы международного регулирования и усиление роли коалиционных механизмов в реализации ограничительных мер. В целях унификации и систематизации анализа данных механизмов в рамках данного исследования все формы экономического давления, включая их исторические прототипы, будут обозначаться термином «санкции».

«Все без исключения государства во все времена хотели повлиять на своих «соседей», используя в своем экономическом инструментарии не прямые методы воздействия, то есть всевозможные санкции» [54, с. 7] – отмечают И. В. Полянская и Н. И. Лаврикова, указывая тем самым на объективность их использования в историческом аспекте. Исторический анализ становления и развития санкционной политики позволяет заключить, что использование экономических и политических мер давления отнюдь не является явлением исключительно современного периода, поскольку имеет глубокие истоки, уходящие в эпоху ранних цивилизаций и Средневековья (Приложение А). Указанные периоды знаменуются тем, что предшественники современных санкций выступали в качестве одного из ключевых инструментов дипломатического воздействия, преследующего цели обеспечения безопасности и поддержания политической стабильности в международных отношениях. Рассмотрение первых зафиксированных случаев применения подобных мер не только демонстрирует эволюцию их форм и функций, но и позволяет выявить системные принципы, лежащие в основе

санкционной практики, сохранившие свою актуальность на протяжении столетий [130, с. 6].

В контексте древних цивилизаций, включая Египет, Месопотамию, Персию и классическую Грецию, заметно, что экономические санкции тесно переплетались с политическими и военными стратегиями государств, конкурировавших за контроль над ресурсами и ключевыми торговыми маршрутами [378, с. 150]. Конфликты, связанные с борьбой за территориальное господство и доступ к стратегическим ресурсам, зачастую разрешались не только посредством военных действий, но и за счёт дипломатических мер с применением блокады портов, эмбарго на вывоз определённых товаров или запрета на импорт важных ресурсов [367, с. 6-8]. Применение подобных мер в условиях доминирования аграрно-ремесленных экономик способствовало тому, что даже относительно простые способы ограничения торговли (например, блокирование водных путей или разрыв путей сухопутного сообщения) могли приводить к существенному экономическому ослаблению целевого государства.

Особенностью санкций древнего периода являлся их преимущественно двусторонний характер: ограничения вводились в отношении непосредственного соперника, будь то соседнее царство или враждебный городской полис, причём эффективность подобных мер напрямую зависела от степени экономической взаимозависимости стран-участниц конфликта и способности инициатора поддерживать блокаду на протяжении длительного времени [190, с. 104]. Более того, при относительно слабой институциональной базе и отсутствии наднациональных регулирующих структур использование экономических санкций зачастую сводилось к элементарному перекрытию доступа к ключевым товарам или территориям, что, тем не менее, позволяло государствам достигать собственных стратегических целей без непосредственного вооружённого столкновения.

Переход к эпохе Средневековья знаменовался укреплением феодальных политических образований, интенсивным развитием городов и торговых

гильдий, а также существенным возрастанием роли религиозных институтов [41, с. 70-71]. Ключевое место в экономической системе заняли разнообразные торговые союзы, среди которых особенно выделялась Ганза, способная коллективно применять санкции к отдельным городам или княжествам, нарушавшим торговые привилегии или угрожавшим экономическим интересам союза [371, с. 47-48]. Коллективное принятие решения о введении ограничений отражало не только становление корпоративной дипломатии, но и формирование более сложных многосторонних отношений, в которых учитывались интересы различных городов, купеческих гильдий и феодальных правителей (Приложение А).

Существенным фактором, усложнявшим санкционную практику в Средние века, выступало политико-религиозное влияние Католической церкви. Папство, обладая правом интердикта или отлучения, могло оказывать давление на светских правителей, блокируя им доступ к духовным благам, что нередко приводило к политической изоляции или усилению внутренней нестабильности [385, с. 60]. Соответственно, санкционная политика приобретала многоуровневый характер, когда экономические ограничения дополнялись духовными или правовыми запретами, вызывающими серьёзные последствия для социальной системы того или иного королевства.

Характерной чертой санкций в Средневековье становилась их возрастающая институционализация, выраженная в появлении устойчивых правовых и дипломатических процедур, закреплённых в документах и соглашениях, регулирующих торговлю и политические союзы [152]. В частности, российский ученый Е. В. Лаптева отмечает, что «в XVI в. международная политика уже разрабатывала вопрос правового регулирования экономических взаимоотношений государств, включая санкции и обязательства» [152, с. 22]. Например, торговые ограничения всё чаще оформлялись в виде специально принятых уставов городских союзов или договоров между феодальными владельцами, предусматривающих штрафные санкции за нарушение условий блокады либо контрабандную торговлю с

городом, находящимся под запретом. В результате наблюдалось усложнение форм применения санкций: помимо классической экономической блокады, ограничения могли касаться отдельных социальных групп, церковных орденов или купеческих гильдий, а их соблюдение нередко контролировалось совместными усилиями нескольких союзов или религиозных институтов.

Можно констатировать, что в древнем мире и в эпоху Средневековья санкционный механизм эволюционировал от примитивных форм двусторонних запретов к более комплексным, многосторонним и даже квазимеждународным механизмам, включающим религиозно-политические рычаги [394, с. 169-195]. Общая тенденция заключалась в стремлении государств – а порой и надгосударственных структур – использовать невоенные методы для достижения внешнеполитических целей, учитывая, что классический военный путь зачастую сопровождался высокими издержками и непредсказуемыми последствиями. Эти ранние этапы развития санкционной политики заложили основу для понимания современных практик, продемонстрировав не только потенциал такого инструмента в разрешении конфликтов, но и его ограничения, связанные с экономической взаимозависимостью, сложностью поддержания долгосрочной блокады и наличием обходных схем. По мере возрастания роли торговли и усиления международной кооперации в позднем Средневековье, санкции превращались в более дифференцированный и политически тонкий инструмент, эффективность которого зависела от баланса сил и наличия союзнической поддержки.

Эпоха Нового времени, охватывающая период колониальной экспансии и становления ранних империалистических государств, была отмечена серьёзными переменами в мировой политической системе, что оказало непосредственное влияние на формы и механизмы санкционной политики (Приложение Б). Усиление роли национальных государств и формирование обширных колониальных империй в Европе породили более сложную структуру международных отношений и повысили число акторов,

вовлечённых в международные экономические процессы. Как отмечает Е. С. Родионова, «... до начала XX в. государства полагались на экономическое принуждение преимущественно во время военных конфликтов, так как ограничительные экономические меры были направлены прежде всего на подрыв экономической мощи воюющего государства» [190, с. 106], тем самым обозначая экономические санкции как вспомогательный инструмент ведения войны, нацеленный на истощение экономических ресурсов противника и снижение его военного потенциала. Самым часто используемым инструментом того времени были континентальные блокады, весь потенциал которых проявился во время Наполеоновских войн [51, с. 100-118], ведь именно Наполеон использовал экономическую войну не только для ослабления своих противников, но и как инструмент политического влияния. Это положило начало тому, что санкции стали рассматриваться как стратегическая альтернатива прямому военному конфликту [414, с. 126-129]. Развитие международной торговли на фоне промышленной революции привело к формированию новых взаимозависимостей, которые, с одной стороны, способствовали интеграции национальных экономик в единую систему международного обмена, а с другой — создали предпосылки для использования торговых ограничений и санкционных механизмов в качестве инструмента экономического принуждения. В частности, Я. В. Редикульцев отмечает, что «...впервые стратегия применения и использования на практике санкций против недружественных государств была разработана Британской империей, в конце 19 века. Являясь ведущей супердержавой, Великобритания наиболее часто применяла санкции для давления на другие государства» [244, с. 9]. Этот исторический прецедент отражает трансформацию санкций из эпизодического инструмента торгового давления в системный механизм геоэкономического принуждения.

Санкции в этот период всё более институционализировались: различные международные конгрессы и соглашения (например, Берлинская конференция 1884-1885 гг.) закладывали правовые предпосылки для коллективного

реагирования на нарушения в колониальных зонах и отдельных торговых пространствах, хотя часто такие меры служили интересам крупных держав [218, с. 45-46]. В эпоху империализма экономическое давление перестаёт быть сугубо двусторонним и нередко приобретает характер многосторонних соглашений, когда несколько держав консолидируют свои ресурсы для принуждения третьих акторов.

Характерная черта санкций в Новое время – тесная связь с колониальными практиками и имперскими амбициями европейских держав. Эти державы, располагая мощными военными и экономическими ресурсами, комбинировали санкции с угрозой силового вмешательства, стремясь расширить своё влияние в Африке, Азии и Латинской Америке. Как отмечает Н. Малдер: «Империалистические державы использовали тихую блокаду для того, чтобы подчинить более слабые государства своей воле не менее двадцати трех раз» [391, с. 17]. Так, формирование колониальных анклавов сопровождалось блокированием местных экономических акторов, введением эксклюзивных режимов торговли и систематическими ограничениями, которые препятствовали внешним конкурентам заходить на региональные рынки [46, с. 7-8]. При этом стремление к экономическому контролю нередко распространялось не только на государства-конкурентов, но и на торговые компании, города или отдельные социальные группы – всё это иллюстрирует многоуровневый характер санкционного воздействия в эпоху колониализма.

В целом, санкции в Новое время стали одним из важнейших инструментов внешнеполитического давления, олицетворяя собой переход к более изощрённым и системным формам экономического принуждения. Наряду с прямым вооружённым вмешательством такие меры позволяли контролировать торговые потоки, сырьевые ресурсы и политику государств, находящихся на периферии мировой экономики. Изучение указанных исторических практик раскрывает истоки современных механизмов санкций, демонстрируя их эволюцию от локальных мер к международным многосторонним соглашениям, в рамках которых экономические, военные и

политические интересы пересекаются самым сложным образом. Такая преемственность исторического опыта наглядно свидетельствует о том, что в многополярном мирохозяйственном пространстве санкции продолжают играть существенную роль, будучи тесно сопряжёнными с процессами глобализации и сохранением национально-государственных амбиций.

Другой промежуток времени, охватывающий Первую и Вторую мировые войны, а также межвоенный период (Интербеллум), оказался чрезвычайно насыщенным с точки зрения развития санкционной политики и её практического применения в системе международных отношений (Приложение В). Именно в этот период в Уставе Лиги Наций впервые появился термин «санкции» в значении, которое соответствует современному пониманию данного понятия [72, с. 139]. Возникновение новых государственных образований, радикальная смена баланса сил и усиление идеологических противоречий между либерально-демократическими, фашистскими и коммунистическими режимами – все эти факторы способствовали более частому и институционально оформленному применению экономических и политических ограничительных мер. Именно межвоенная эпоха продемонстрировала, насколько уязвимой может оказаться коллективная безопасность при отсутствии эффективных механизмов принуждения, тогда как санкции воспринимались как один из способов достижения баланса интересов без прямого вооружённого вмешательства.

Создание Лиги Наций после Первой мировой войны стало важнейшим шагом на пути к международно-правовому признанию санкций в качестве инструмента коллективной безопасности. Согласно замыслу основателей этой организации, введение торговых и финансовых ограничений против государства-агрессора должно было предотвратить эскалацию вооружённого конфликта, вынудив правительство нарушителя пересмотреть агрессивную политику без непосредственного применения военной силы [531]. Механизмы Лиги Наций предполагали, что экономическое удушение агрессора окажется более предпочтительным и гуманным методом сдерживания, чем ведение

полномасштабной войны, однако отсутствие единодушия среди крупных держав нередко подрывало эффективность подобных мер [235, с. 27-29]. Одним из наиболее показательных примеров стала реакция Лиги Наций на вторжение Италии в Эфиопию (Абиссинию) в 1935 году, когда введённые санкции носили половинчатый характер, а некоторые важнейшие ресурсы (например, нефть) не были включены в санкционный пакет, что позволило Италии продолжать военные действия почти беспрепятственно [143, с. 157-159].

Идеологические противоречия межвоенного времени проявлялись в том, что санкции использовались не только для сдерживания внешней агрессии, но и для изоляции враждебных режимов. Ярким случаем выступает введение экономической блокады и торговых ограничений в отношении Советской России рядом европейских держав и США вскоре после Октябрьской революции 1917 года [111, с. 38-39]. Предполагалось, что, перекрыв доступ к международным рынкам и финансам, удастся подорвать экономическую базу нового коммунистического правительства и вынудить его отказаться от радикальных преобразований. Однако политика автаркии, к которой частично склонилось советское руководство, и поиск альтернативных каналов снабжения в странах Азии снизили результативность подобных мер. Аналогичным образом нацистская Германия, стремившаяся к автаркии и экспансионистским захватам, также выстраивала независимую экономическую систему, что затрудняло воздействие внешних ограничений [481, с. 420-430].

Проблема эффективности санкций в межвоенный период во многом определялась отсутствием сплочённости среди ведущих мировых держав и наличием противоречивых экономических интересов. Данное обстоятельство наглядно проявилось, например, в случае санкций против Японии после её агрессии в Китае: существенная часть поставок стратегического сырья продолжала идти по каналам третьих стран, не желавших терять прибыльные рынки. В частности, Н. Малдер, ссылаясь на исследования историка

экономики А. Оффера, отмечает, что: «Ключевым ограничением геоэкономического положения Японии была нефть. В 1940 году пять основных производителей нефти в мире — США (с ежегодной добычей 182 млн. тонн), Советский Союз (29 млн. тонн), Венесуэла (27 млн. тонн), Иран (10,4 млн. тонн) и Голландская Ост-Индия (7,9 млн. тонн) — вместе производили около 87% мирового объема... Это означало, что единственным крупным не-западным производителем нефти, доступным для Токио, оставался Советский Союз» [391, с. 269]. Хотя Советский Союз напрямую не экспортировал нефть в Японию, японские концессионные предприятия на Северном Сахалине обеспечивали значительную часть потребностей Японии в нефти вплоть до 1944 года [282]. Недостаток универсальных обязательств и скоординированных действий превращал многие санкционные кампании в формальные декларации, мало влияющие на реальное поведение агрессора.

Опыт межвоенной эпохи и двух мировых войн показал, что санкции, хотя и могут сдерживать определённые типы конфликтов, далеко не всегда предотвращают крупномасштабные военные действия или смену политических режимов. Экономические ограничения, наложенные на побеждённые государства в Версальском договоре, не просто не обеспечили стабильный мир, но и породили новое недовольство, способствовавшее экстремистским настроениям в Европе [455, с. 13-15]. Подобная оценка указывает на то, что санкции в рассматриваемый период сталкивались с целым комплексом препятствий: от неспособности международных структур (Лига Наций) обеспечить коллективное исполнение ограничительных мер до конкурентных стремлений великих держав, готовых закрывать глаза на нарушения ради собственных экономических выгод.

В итоге период 1913-1945 гг. продемонстрировал, что санкции как инструмент международной политики требуют более эффективных институтов коллективной безопасности и согласованной воли участников. Недостаточная координация и противоречивые интересы держав привели к ограниченному успеху санкций в деле предотвращения агрессии и

крупномасштабных конфликтов, открыв дорогу к развитию иной международной системы после Второй мировой войны, когда была основана ООН. Именно накопленный в межвоенный период опыт, подчеркнувший необходимость более жёстких механизмов взаимодействия и контроля, повлиял на эволюцию будущих санкционных режимов, став одним из факторов институционализации мер экономического давления в международных структурах.

Следующим важным этапом эволюции экономических санкций является период холодной войны, охватывающий 1946–1991 гг., который характеризовался глобальным противостоянием двух сверхдержав – США и СССР, а также их союзников, чьи интересы во многом определяли структуру биполярного мира (Приложение Г). В условиях идеологической и геополитической конфронтации санкции заняли одно из центральных мест в арсенале внешнеполитических инструментов, позволяя оказывать давление на государств-противников без развязывания полномасштабной войны. Я. Джексон подтверждает это: «Стратегическое эмбарго, кроме того, позволило бы правительствам КоКом сдерживать советскую угрозу посредством экономической политики в долгосрочной перспективе, тем самым сокращая потенциальный риск обычного и ядерного конфликта между Востоком и Западом» [382, с. 5].

Санкции в это время применялись как односторонне, так и многосторонне, причём в ряде случаев они получали легитимацию через международные организации, в первую очередь ООН, где обсуждались коллективные меры в отношении государств, нарушающих международные нормы. В биполярной конфигурации миропорядка экономические ограничения были призваны укрепить идеологические позиции каждой из сторон и воспрепятствовать распространению влияния противника, будь то капиталистические ценности или коммунистическая идеология [413, с. 99]. В этом свете санкции функционировали не только как сдерживающий

инструмент, но и как способ экспортировать или, напротив, блокировать определённые политические и социальные модели в третьих странах.

Идеологическая подоплёка санкций эпохи холодной войны проявлялась особенно остро в ряде региональных конфликтов и кризисов. К примеру, США вводили торговые эмбарго и финансовые запреты против Кубы после революции 1959 года, стремясь заблокировать укрепление коммунистического режима в Западном полушарии [144, с. 121-124]. Аналогичным образом санкции против ЮАР, активно поддержанные рядом западных держав, преследовали цель ликвидировать режим апартеида и содействовать защите прав человека [95, с. 54-55]. При этом СССР, в свою очередь, вводил ограничительные меры против государств, которые, по его мнению, представляли угрозу социалистическому блоку или осуществляли антисоветскую политику [170, с. 162-168].

Несмотря на активную роль международных институтов (ООН, ЮНКТАД и др.) в согласовании и легитимации санкционных кампаний, эффективность этих мер нередко оказывалась ограниченной. Одной из причин являлась возможность обхода санкций: заинтересованные в торговле страны или ТНК могли находить теневые каналы для поставок, особенно если речь шла о стратегическом сырье или вооружениях. Экономические интересы государств и отдельных компаний зачастую вступали в противоречие с международными целями сдерживания, провоцируя серые схемы и теневую логистику. Более того, в условиях биполярного противостояния агрессивную политику одной сверхдержавы могла уравновешивать поддержка другой, что дополнительно снижало действенность многосторонних санкционных инициатив: «Во время холодной войны санкции были в основном неэффективными, т.к. не поддерживались либо Западным, либо Восточным блоками стран (с США и СССР в качестве лидеров соответственно)» — приводит И. Т. Гараев [90, с. 143].

Некоторые примеры успешного применения санкций всё же засвидетельствовали, что ограничительные меры могут способствовать

политическим изменениям. Наряду с международной политикой против ЮАР (режим апартеида) и Родезии (ныне Зимбабве), где санкции в совокупности с внутренним протестным движением постепенно привели к демонтажу дискриминационных режимов, существуют кейсы, когда внешнеэкономическое давление побуждало государства к определённым уступкам или корректировке курса [145, с. 50-54]. В то же время, не следует упускать из виду непредвиденные последствия: изоляция стран, находящихся под санкционным режимом, нередко укрепляла власть авторитарных элит, которые использовали внешнее давление для консолидации населения вокруг действующего руководства (Куба, КНДР, СССР).

Можно заключить, что эпоха холодной войны продемонстрировала двойственный характер санкций. С одной стороны, расширение их применения было обусловлено желанием блоков (капиталистического и социалистического) избегать прямого военного столкновения, используя экономическое давление как средство продвижения своих ценностей, сдерживания оппонента и поддержки союзников. С другой стороны, отсутствие международного консенсуса, параллельная конкуренция двух сверхдержав и противоречивые интересы третьих стран ограничивали результативность санкций, при этом провоцируя появление нетарифных и теневых каналов торговли. Анализ этого периода позволяет увидеть, как санкции, будучи тесно вплетёнными в идеологическую борьбу, становились частью более широких стратегий сдерживания и распространения влияния, а также понимание того, что эффективность экономических ограничений во многом зависела от согласованности участников и степени их готовности жертвовать коммерческими выгодами ради геополитических целей.

Завершение холодной войны и распад СССР в 1991 году ознаменовали переход от биполярной системы международных отношений к однополярному миру, в котором доминирующие позиции заняли США. Подобная трансформация геополитического ландшафта повлекла за собой пересмотр подходов к применению экономических санкций. В постбиполярном

контексте санкции стали одним из центральных инструментов поддержания международной стабильности, позволяя крупным державам осуществлять принуждение без прямого военного вмешательства. При этом усиление взаимозависимости государств в условиях глобализации обусловило повышение эффективности санкций как метода внешнеполитического давления, ориентированного на достижение политических, экономических и гуманитарных целей.

Период 1991–2008 гг. характеризуется эволюцией санкционной политики в сторону более точечных и селективных мер, что получило название «умных» санкций (Приложение Д). Вместо всеобъемлющих ограничений, способных приводить к масштабным гуманитарным последствиям, практика стала смещаться к адресным мерам, нацеленным на конкретных физических лиц, организации или отдельные сектора экономики [127, с. 87-90]. По мнению С. Э. Эккерта адресные санкции «представляют собой меры дискриминационной политики, ориентированные на отдельных индивидов, организации, секторы и/или регионы» [377, с. 52]. Примером может служить применение США и ЕС адресных финансовых ограничений к представителям политических элит стран с авторитарными режимами, либо секторальные санкции, вводимые ООН против стран, предположительно занимающихся разработкой оружия массового поражения (Иран, Северная Корея) [13;14]. Постепенный переход к «умным санкциям» отражает стремление мировой общественности минимизировать негативный эффект для мирного населения и сфокусировать давление непосредственно на элитах, ответственных за дестабилизирующую политику [363, с. 12-17].

Значимую роль в международной координации ограничительных мер в указанный период играли ООН, а также региональные структуры, прежде всего ЕС, всё чаще выступавший единым фронтом в санкционных кампаниях (например, в ответ на кризисы в бывшей Югославии или в Зимбабве) [198, с. 96-99]. Помимо этого, активизация международной повестки по борьбе с терроризмом и распространением оружия массового поражения породила

новые форматы санкций, предполагающих точечное замораживание активов подозреваемых лиц и организаций, запреты на экспорт/импорт чувствительных технологий и иные меры, согласованные на многосторонней основе. По наблюдению Д. Кортрайта и Дж. Лопеса, после 11 сентября 2001 года санкции приобрели ещё более гибкий и комплексный характер, сочетающий в себе финансовый контроль, мониторинг цепочек поставок и международно-правовую поддержку со стороны СБ ООН [369, с. 153-158].

Впрочем, эффективность санкций нередко становилась предметом критических дискуссий. Сторонники ограничительных мер указывали на их роль в давлении на недемократические правительства, примерами чего могут служить санкции против Мьянмы и Зимбабве, имевшие своей целью продвижение прав человека и политических реформ. Противники же подчёркивали, что в ряде случаев ограничения приводят к гуманитарным кризисам, негативно затрагивают уязвимые слои населения и не всегда заставляют власти пойти на уступки [478, с. 109-112]. Более того, некоторые страны, подвергавшиеся санкциям, переходили к политике частичной или полной автаркии, а также находили способы обхода, используя поддержку союзников или теневые финансово-логистические каналы.

Несмотря на эти противоречия, опыт 1990-х – первой половины 2000-х гг. продемонстрировал растущую популярность санкций как инструмента постбиполярной дипломатии, ориентированной на принцип принуждение без войны. Смена парадигмы от всеобъемлющих эмбарго к точечным мерам, а также усиление роли международных организаций в санкционном процессе, заложили базу для дальнейшего развития санкционной политики. Уже к концу 2000-х годов наметилась тенденция к более детальному учёту социально-экономических последствий ограничительных мер, что впоследствии привело к новому витку дискуссий об их правомерности и результативности в сложном мирохозяйственном пространстве.

События конца 2000-х годов, в особенности мировой финансово-экономический кризис 2008 года, продемонстрировали возросшую уязвимость

мировой системы и ускорили переход от относительной однополярности к более сложной и динамичной многополярной архитектуре международных отношений [374, с. 26-30]. Усиление влияния новых экономических и политических центров, включая Китай и Индию, дало импульс к изменению баланса сил, а также к эволюции механизмов внешнеполитического давления. Санкции, ранее находившиеся преимущественно в распоряжении крупнейших западных держав и их союзников, стали активнее использоваться более широким кругом государств и коалиций, что делает современную санкционную политику более многосторонней и фрагментированной.

Одной из ключевых тенденций указанного периода выступает комплексная и целенаправленная природа санкционных мер, что отражается как в переходе к точечным или «умным» санкциям, так и в усилении применения так называемых вторичных санкций [227, с. 11-18]. Вторичные ограничения нацелены не только на непосредственный объект (например, государство-адресат), но и на третьи страны, компании или физических лиц, поддерживающих экономические и финансовые связи с данным объектом. Согласно Х. Фарреллу и А. Л. Ньюману, подобная практика использования взаимозависимости в качестве оружия эксплуатирует уязвимые узлы ГЦП и финансовых систем, позволяя инициатору санкций усиливать воздействие даже при отсутствии всеобщей поддержки [441, с. 45-50]. Это приводит к тому, что ТНК и финансовые институты вынуждены соизмерять риски сотрудничества с подсанкционными субъектами, опасаясь потери доступа к ключевым рынкам или расчётным системам.

Цифровизация мировой экономики и стремительное развитие финансовых технологий ещё более усложнили санкционную повестку. С одной стороны, государства-инициаторы получили возможность тонко настраивать и отслеживать транзакции, контролировать экспорт технологий двойного назначения и мониторить сети криптовалют [372, с. 123-130]. С другой стороны, потенциал обхода санкций, в том числе с использованием альтернативных платёжных систем, офшорных площадок и анонимных

криптовирж, подталкивает инициаторов к постоянному совершенствованию регулятивных и мониторинговых механизмов [153, с. 434-436]. Повышение взаимозависимости, сопряжённое с развитием технологических инноваций, приводит к тому, что санкции приобретают всё более точечный характер, одновременно усиливая конкуренцию за контроль над критически важными узлами глобальной инфраструктуры [102, с. 7-9].

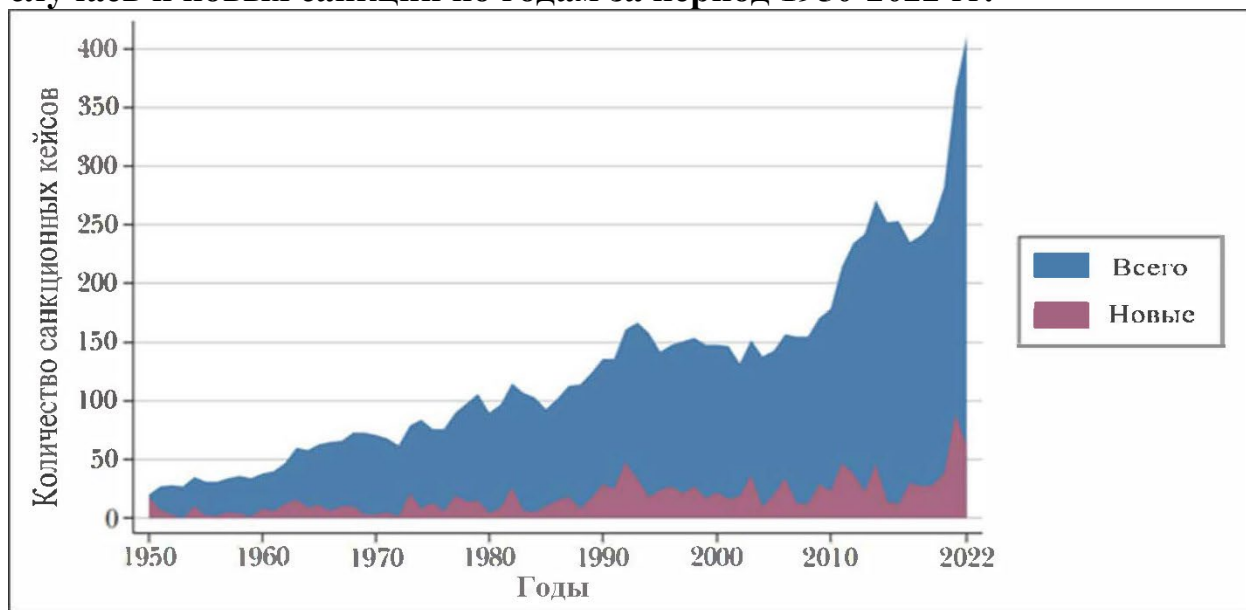
Современная санкционная практика приобрела выраженный геополитический и экономический подтекст, в котором защита прав человека или сдерживание агрессии сочетаются с конкурентными мотивами – ограничением доступа конкурентов к технологиям, рынкам капитала и ресурсам [114, с. 96-97] (Приложение Е). В условиях нарастающей многополярности государства-инициаторы могут искать коалиционную поддержку (например, внутри НАТО, ЕС или региональных объединений), однако формирование единых санкционных фронтов затрудняется диверсификацией экономических интересов и высокой степенью международной взаимосвязи.

Важным трендом стала активизация санкций в ответ на конфликты, связанные с нарушением международного права и агрессией против суверенных государств (например, кризис на Украине после 2014 и 2022 годов), а также в ответ на серьёзные правонарушения и репрессии (например, Сирия, Мьянма, Венесуэла). При этом вопрос об эффективности ограничительных мер остаётся дискуссионным: в ряде случаев санкции действительно приводят к ослаблению агрессивной политики или побуждают государство к переговорному процессу, однако встречаются примеры, когда санкционное давление содействует консолидации внутренней элиты и населения вокруг действующего руководства, провоцируя ответные контрсанкции и углубляя геоэкономическую фрагментацию.

Следует подчеркнуть, что вторичные санкции и расширение законодательств крупных держав о внесудебных мерах против иностранных компаний (особенно в финансовом и технологическом секторах) усиливают

экстерриториальный характер санкционной политики, затрагивая коммерческие операции вне национальной юрисдикции инициатора [65, с. 38-43]. Такого рода механизмы порождают дополнительные риски эскалации и ответных мер, включая создание альтернативных расчётных систем, усиление региональной интеграции без участия инициатора и рост использования национальных валют вместо санкционно уязвимых мировых резервных валют.

Диаграмма 1.3.1. – Динамика общего количества санкционных случаев и новых санкций по годам за период 1950-2022 гг.

Источник: [468, с. 5].

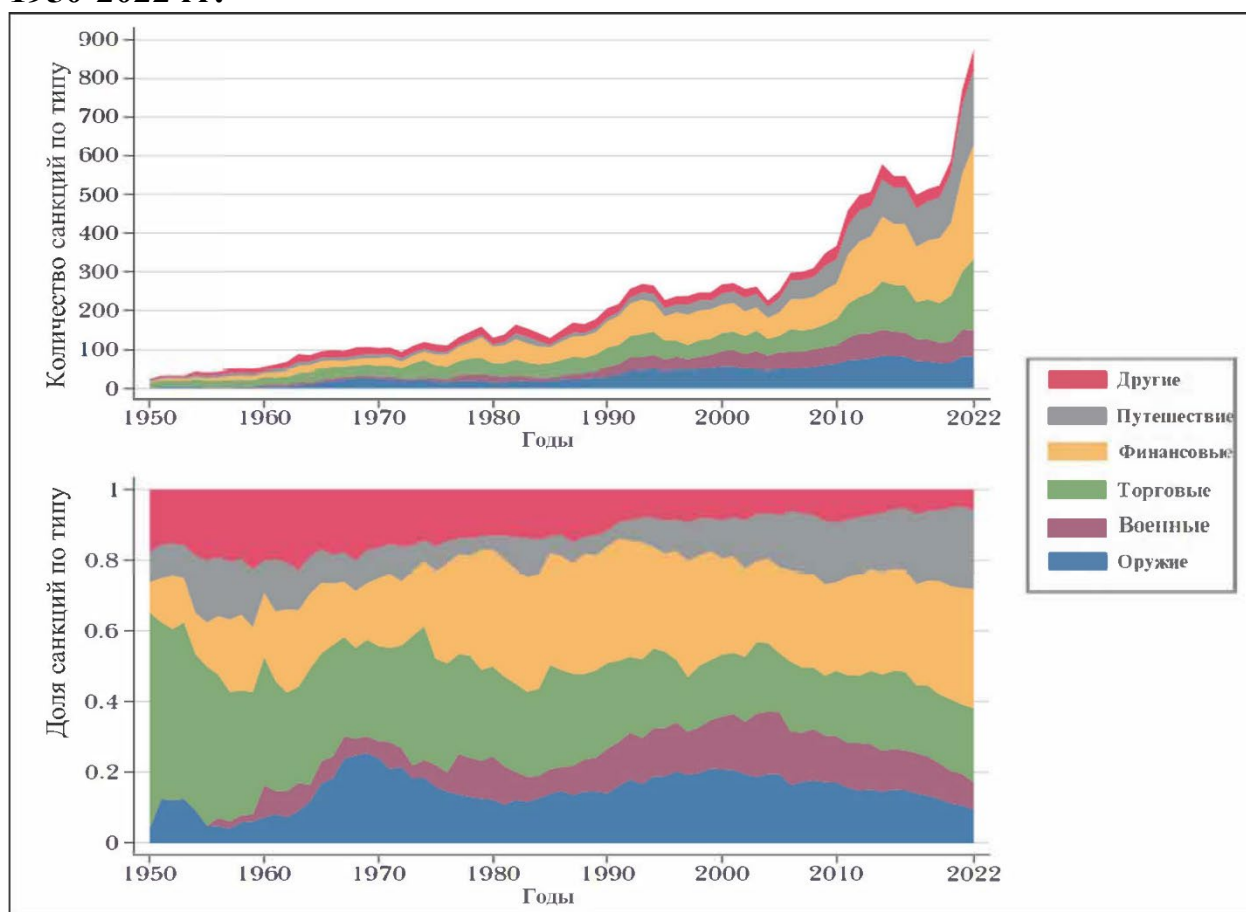
В итоге, современный период (после 2008 года) характеризуется максимальной комплексностью, многоуровневостью и глобальным охватом санкционных мер. Их эффективность во многом определяется:

- 1) степенью координации между государствами-инициаторами, а также готовностью союзников и партнёров поддерживать режим ограничений;
- 2) взаимозависимостью сторон (насколько адресат санкций зависит от экспортно-импортных потоков, кредитных рынков, передовых технологий и других чувствительных ресурсов);
- 3) способностью сторон адаптироваться к новым условиям (политика импортозамещения, диверсификация цепочек поставок, поиск альтернативных инвесторов).

Суммарно, современный период санкционной политики демонстрирует её расширенное применение (не только в контексте прав человека, но и в

контексте борьбы за технологическое и экономическое превосходство), а также усложнение механизмов (вторичные санкции, контроль за цифровыми транзакциями, кибербезопасность). На этом фоне значимо растут издержки и для инициаторов, и для целей санкций, а также усиливается спор об этической и правовой легитимности данных инструментов, о чём свидетельствуют множественные дебаты в рамках ООН, «Группы двадцати» (G20) и прочих многосторонних площадок.

Диаграмма 1.3.2. – Изменение структуры санкций по типам за период 1950-2022 гг.

Источник: [468, с. 7].

Устойчивый рост применения санкций за два последних периода замечен в диаграмме 1.3.1, которая указывает на десятикратное увеличение числа активных санкций с 1950 года. Это свидетельствует о возрастающем значении санкций как инструмента внешнеполитического давления в мировом масштабе. Также, подтверждается другой тезис о том, что традиционные торговые и военные санкции постепенно уступают место более таргетированным формам – финансовым и санкциям, связанным с

ограничениями на передвижение. Такая эволюция отражает переход от грубых экономических мер к более дифференцированным и «умным» санкционным стратегиям (диагр. 1.3.2).

Таблица 1.3.1. – Эволюция санкционной политики на различных исторических этапах

Эпоха	Характерные черты
Древний мир и Средневековье	- применение санкций в виде торговых ограничений и блокад между непосредственными соперниками; - механизмы санкций были простыми и двусторонними; - санкции часто сопровождались военными действиями; - эффективность зависела от экономической взаимозависимости государств и их способности поддерживать ограничения; - имели преимущественно двусторонний характер и были направлены на ближайших геополитических соперников (города-государства, царства); - заметная роль религиозных институтов: применение интердиктов и отлучений для давления на светские власти (особенно в Средневековье)
Новое время	- санкции всё чаще направлены на контроль торговых путей и сырьевых зон; - экономические ограничения интегрируются в колониальную политику (блокада портов, исключительные режимы для местного населения); - часто сочетались с военными действиями и блокадами; - меркантилизм стимулировал применение санкций как инструмента экономической политики для накопления богатств и усиления национальной мощи
Период двух мировых войн и межвоенного времени (1913–1945 гг.)	- санкции получили международно-правовое оформление благодаря созданию Лиги Наций; - использовались как инструмент коллективной безопасности для предотвращения агрессии и поддержания мира; - носили идеологический характер, направленный на изоляцию агрессоров и тоталитарных режимов; - эффективность ограничивалась из-за отсутствия единства среди государств и возможностей обхода ограничений
Период холодной войны (1946–1991 гг.)	- санкции стали ключевым инструментом идеологического противостояния между сверхдержавами; - применялись для сдерживания противника, распространения своей идеологии и влияния на политические режимы в других странах; - многосторонний характер санкций при поддержке международных организаций, таких как ООН; - эффективность зависела от глобальных политических интересов и иногда приводила к усилению изоляции стран

Эпоха	Характерные черты
Пост-холодная война и период однополярности (1991–2008 гг.)	- международные организации, особенно ООН и ЕС, играли важную роль в координации и легитимизации санкций; - переход от комплексных санкций к целевым или «умным» санкциям, направленным на конкретных лиц, компании и сектора экономики; - санкции использовались для продвижения демократических ценностей, прав человека и нераспространения оружия массового поражения; - усиление многостороннего и институционального характера санкционной политики; - эффективность санкций была неоднозначной и зависела от конкретных обстоятельств и целей, которые стремились достичь государства и международные организации
Современный период и эпоха многополярности (2008–наст. время)	- санкции стали более комплексными, точечными и широко применяемыми инструментами внешней политики; - усиление применения вторичных санкций, влияющих на третьи страны и ГЦП; - развитие новых способов обхода санкций (криптовалюты, альтернативные платёжные системы) и усиление контрольных инструментов (мониторинг транзакций, «умные» технологии); - санкции совмещают правозащитные/идеологические задачи с целями ограничения доступа конкурентов к рынкам, технологиям и ресурсам; рост ответных санкций (контрсанкций) и рисков эскалации; - эффективность санкций зависит от международной поддержки и координации между государствами и организациями, но усиление позиций региональных центров власти (например, Китай, Индия) усложняет формирование единых санкционных коалиций

Источник: составлено автором.

На основе проведённого комплексного исследования исторических, политических и экономических аспектов развития санкционной политики нами была разработана обобщающая таблица эволюции экономических санкций, которая систематизирует ключевые исторические периоды и характеризующие их доминирующие формы экономического принуждения (таб. 1.3.1). В таблице аккумулированы результаты сравнительного анализа, отражающего, каким образом различные эпохи и геополитические контексты влияли на выбор конкретных санкционных инструментов и их степень институционализации.

Разработанная таблица, обобщающая ключевые эпохи эволюции санкционных мер, не только систематизирует исторический опыт, но и подчёркивает динамическую природу данного инструмента внешнеполитического давления. Проведённый нами структурированный и сравнительный анализ, позволяющий выявить характерные черты и принципы применения санкций в различные периоды – от древности и Средневековья до современного многополярного мира, – способствует более глубокому пониманию закономерностей, лежащих в основе санкционных процессов. Сравнение методов и мотивов введения санкций на разных этапах исторического развития указывает на то, что, несмотря на технологические и институциональные изменения, роль санкций как альтернативы военной силе и способа экономического принуждения сохраняется, эволюционируя в соответствии с изменениями мирового баланса сил и степенью международной взаимозависимости. Более того, выявленные нами тенденции (например, растущая многосторонность и селективность санкций, активизация вторичных ограничений, усиление элемента конкуренции) представляют существенный интерес с точки зрения прогнозирования будущих сценариев использования санкций и моделирования их возможных последствий.

Ретроспективный анализ развития экономических санкций демонстрирует качественное усложнение данного инструмента в контексте динамично меняющихся международных отношений и нарастающей взаимозависимости международных экономических структур. По мере перехода от двусторонних блокад и эмбарго в древности к многосторонним и высокотехнологичным системам ограничений в современной эпохе возникла многоуровневая институциональная база, охватывающая государственные альянсы, наднациональные организации и региональные интеграционные объединения. Синергетическое слияние технологических, финансовых и правовых инноваций с возросшей степенью геополитического соперничества способствовало трансформации санкций из преимущественно военно-дипломатического элемента в комплексное средство экономического

принуждения, позволяющее одновременно преследовать политические, идеологические и конкурентные цели.

Современные санкционные режимы характеризуются возрастающей степенью таргетирования, когда акцент переносится на индивидуальных акторов, конкретные отрасли и логистические узлы, что, с одной стороны, повышает их селективную эффективность, но с другой – порождает риск экстерриториальных последствий и ответных мер со стороны государств или негосударственных участников. Новые формы взаимодействия, включая вторичные санкции и технологические запреты, расширяют географические и функциональные границы применения экономических ограничений, усиливая их воздействие на ГЦП и развивающиеся рынки. В результате складывается противоречивая картина, в которой санкции одновременно функционируют как инструмент регулирования и сдерживания агрессии, а также как средство протекционистской или конкурентной борьбы, чьё применение может углублять конфронтацию и провоцировать нестабильность в мировом хозяйстве. Следовательно, современный этап эволюции санкционной политики отражает не только длительную историческую преемственность, но и наглядно иллюстрирует комплексный характер экономических мер, опирающихся на глобальную взаимозависимость, институциональное многообразие и высокую вариативность стратегических установок государств.

Выводы по первой главе

Экономические санкции в системе современных международных экономических отношений, рассматриваемые сквозь призму различных теоретических парадигм, утратили характер однородных, локализованных мер давления и превратились в многофакторный механизм, в равной степени затрагивающий сферы торговли, финансов, инвестиций и высокотехнологичных отраслей. Традиционные либеральные и неоклассические концепции, подчёркивающие принципы взаимовыгодной специализации и максимизацию совокупного благосостояния, выявляют фундаментальный конфликт с практикой целенаправленных ограничительных

мер, предназначенных для принуждения или сдерживания. Дополнив указанные концепции кейнсианскими и политико-экономическими подходами, можно проследить, что издержки от таких вмешательств часто игнорируются руководителями государств, руководствующимися геополитическими и идеологическими мотивами, в значительной мере выходящими за пределы классической рыночной рациональности. Формирующийся в результате санкционный ландшафт отражает объективную потребность в гибридных моделях анализа, способных учитывать институциональные и поведенческие детерминанты, а также всё более значимые технологические аспекты.

Сложность санкционной политики дополнительно проявляется при систематизации её форм и механизмов. Торговые эмбарго, финансовые ограничения, инвестиционные запреты, технологические барьеры, а также более точечные инструменты, ориентированные на конкретные секторы или элиты, формируют обширный инструментарий, находящийся на пересечении национального законодательства, международного права и наднациональных институтов. Усиление роли вторичных санкций, экстерриториальной юрисдикции и механизмов многостороннего взаимодействия подчёркивает, что даже при отсутствии прямого военного конфликта государства способны трансформировать конкуренцию в виде глубокого экономического принуждения. Столь широкая палитра ограничительных мер, дополняемая скрытыми и полулегальными практиками обхода, демонстрирует высокую уязвимость ГЦП и мировых финансовых систем.

Ретроспективный анализ исторической эволюции санкций показывает, что от локальных блокад в древних цивилизациях и средневековых торговых союзов их применение расширилось до обширных и кодифицированных многосторонних режимов. Современный этап развития, характеризующийся усилением взаимозависимости, продвижением цифровых технологий и формированием полицентричного мира, привёл к тому, что санкции всё чаще становятся компонентом гибридной стратегии, объединяющей давление в

сфере информационных кампаний, киберпространства и финансирования. Это качественное усложнение превращает санкционную политику в многоуровневый и нелинейный процесс, требующий учёта большого числа глобальных и локальных факторов.

Суммарно проанализированные аспекты подтверждают, что экономические санкции остаются одним из самых важных и при этом наиболее гибридных инструментов современного международного взаимодействия. Их многоцелевой и многоуровневый характер, возрастающая технологическая компонента и синергия с другими формами ненасильственного принуждения формируют высокую степень сложности для любых прогнозов и оценок эффективности. Перспективной методологией здесь выступает междисциплинарный синтез, использующий эконометрическое моделирование, институциональный анализ, поведенческие теории и учёт киберфакторов, что даёт возможность углублённо исследовать реальные механизмы санкционного воздействия и выработать стратегии, минимизирующие нежелательные побочные эффекты для мировой и национальных экономик.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ НА АРХИТЕКТУРУ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

2.1. Механизмы влияния экономических санкций на макроэкономические показатели и структуру национальных экономик

Осмысление влияния международных экономических санкций на макроэкономические и структурные показатели национальных экономик предполагает комплексный анализ действующих механизмов и каналов воздействия, без которого формирование объективных выводов о долгосрочных последствиях оказывается затруднительным. Санкционные меры, даже будучи нерыночными по своей природе, существенно перестраивают торговые потоки, финансово-инвестиционные маршруты и технологический обмен, тем самым изменяя общую конфигурацию внутреннего и внешнего хозяйственного развития. Изучение макро- и мезоуровневых эффектов санкций требует системной перспективы, позволяющей идентифицировать те каналы, через которые ограничения влияют на динамику совокупного выпуска, инвестиционную активность и технологический потенциал.

По нашему мнению, рассмотрение ключевых инструментов санкционного давления с точки зрения их воздействия на торговый, финансовый, инвестиционный и технологический каналы функционирования национальной экономики, а также опора на классические и современные экономические модели, способствует более глубокому концептуальному осмыслению санкционного эффекта. Эти подходы задают базис для уяснения, каким образом ограничения внешней торговли, доступности капитала и технологического сотрудничества смещают равновесие на макроуровне, вызывая структурные перестройки и влияя на конкурентоспособность.

Торговые ограничения, принимающие форму эмбарго, повышенных пошлин, квот или нетарифных барьеров, рассматриваются в научной литературе как один из наиболее ощутимых инструментов санкционного

влияния, поскольку непосредственно модифицируют экспортно-импортные потоки и деформируют конкурентные условия на мировых рынках. Сокращение объёмов внешней торговли не только снижает динамику ВВП, но и способствует появлению цепных структурных сдвигов, затрагивающих доходы бюджетов, изменения в отраслевой занятости и перераспределение факторов производства.

В рамках частичного равновесия, используемого в ряде классических торговых моделей, санкции рассматриваются как внешние шоки, изменяющие относительные цены, спрос и предложение на конкретном рынке. Традиционно в условиях свободной торговли уровень импорта определяется эластичностью спроса по цене и доходу, а экспорт – конкурентоспособностью локальной продукции. Наложение эмбарго или повышение тарифов сдвигает кривые предложения/спроса, создавая избыточные цены на внутреннем рынке страны-адресата или сокращая валютные поступления от внешней реализации продукции. Изменения в эластичностях не всегда носят очевидный характер, однако преобладающим результатом введения санкционных ограничений становится сокращение общего объёма экспортно-импортных операций, а также возникновение мультипликативного эффекта, распространяющегося на смежные отрасли [362, с. 131-140].

В модели Манделла-Флеминга, ориентированной на открытые экономики, торговые санкции могут дополнительно трансформировать внешние счета (экспорт, импорт) и, следовательно, кривую IS, отражающую совокупный спрос. При фиксированном валютном курсе государство, ограниченное в способах корректировки, может столкнуться с давлением на платёжный баланс; при плавающем курсе, напротив, ухудшение торгового сальдо подталкивает к обесценению национальной валюты, что частично компенсирует потери экспорта, но усиливает внутреннюю инфляцию. Сильное обесценение валюты нередко приводит к более дорогому обслуживанию внешнего долга и повышенным издержкам на импорт высокотехнологичных товаров, что может иметь долговременный негативный

структурный эффект [471, с. 476-478]. Подобная логика особенно прослеживается в кейсах, где государство-адресат санкций имело высокую зависимость от отдельных экспортных позиций (нефть, металлы), подвергшихся внешним ограничениям, и вынуждено было перераспределять ресурсы в пользу новых партнёров, не всегда обладающих эквивалентными финансово-логистическими мощностями (например, Иран и Россия).

В контексте воздействия санкций на макроэкономические показатели через торговый канал особое внимание уделяется изменениям в компонентах совокупного спроса, в частности объёму чистого экспорта. Санкционные ограничения, проявляющиеся в форме экзогенного шока, сокращают экспортный потенциал и тем самым трансформируют структуру производства и потребления, обуславливая сдвиги в модельном представлении совокупного спроса. При этом наибольшая уязвимость наблюдается в сегменте внешнеторговой деятельности, поскольку экспортные потоки чувствительны к ограничительным мерам и напрямую влияют на динамику ВВП. Методологические подходы, заложенные в исследованиях Я. Тинбергена [403] и П. Андерсона, служат теоретической основой для дальнейшего количественного анализа данных процессов, позволяя на формальном уровне оценить масштаб и специфику влияния санкций на макроэкономическую стабильность через механизм внешней торговли.

В рамках нашего исследования базовую экономическую систему можно описать следующим равенством:

$$Y = C + I + G + (X - M),$$

где

Y - ВВП,

C - потребление,

I - инвестиции,

G - государственные расходы,

X - экспорт,

M - импорт.

Для целей данного исследования предполагается, что компоненты C , I и G являются экзогенными и остаются постоянными в анализируемом периоде. Таким образом, основное внимание уделяется изменению чистого экспорта $(X-M)$ в результате санкционных воздействий.

Санкции моделируются как экзогенный шок, приводящий к снижению экспорта. Для его количественной оценки вводится параметр санкционного воздействия $\delta_X \in [0,1]$. Тогда экспорт под санкционным воздействием определяется как:

$$X^{san} = X \cdot (1 - \delta_X),$$

где X^{san} – экспорт в условиях санкционного шока. Принимая $\delta_X = 0,20$, мы моделируем снижение экспорта на 20%.

При сохранении неизменными значений потребления, инвестиций и государственных расходов, агрегированный спрос до и после санкционного шока определяется соответственно по формулам:

1) без санкций:

$$Y = C + I + G + (X - M).$$

2) при санкциях:

$$Y^{san} = C + I + G + (X^{san} - M) = C + I + G + (X \cdot (1 - \delta_X) - M).$$

В качестве синтетических параметров для моделирования установим:

- $C = 500$,
- $I = 150$,
- $G = 200$,
- $M = 90$.

В результате, исходная модель принимает вид:

$$Y = 500 + 150 + 200 + (X - 90) = 850 + X - 90 = 760 + X,$$

а при санкционном шоке:

$$Y^{san} = 850 + (X \cdot (1 - \delta_X) - 90) = 760 + X \cdot (1 - \delta_X).$$

При $\delta_X = 0,20$ получаем:

$$Y^{san} = 760 + 0,8X.$$

Для демонстрации работы модели мы привели синтетические данные по экспорту X для 10 периодов. Пусть значения X возрастают с периодом, что может отражать естественный рост экспортного потенциала в условиях отсутствия санкций. Исходные данные принимаются следующими:

$$X_1 = 100, X_2 = 105, X_3 = 110, X_4 = 115, X_5 = 120,$$

$$X_6 = 125, X_7 = 130, X_8 = 135, X_9 = 140, X_{10} = 145.$$

Для каждого периода рассчитываются:

- $X^{\text{san}} = 0,8X$,
- $Y = 760 + X$,
- $Y^{\text{san}} = 760 + 0,8X$,
- Разница $\Delta Y = Y - Y^{\text{san}} = 0,2X$.

Ниже приведена таблица с рассчитанными значениями (табл. 2.1.1):

Таблица 2.1.1. – Обобщение результатов расчётов на основе синтетических данных*

Период	X (базовый экспорт)	X^{san} (экспорт с санкциями)	$Y = 760 + X$ (ВВП без санкций)	$Y^{\text{san}} = 760 + 0,8X$ (ВВП с санкциями)	$\Delta Y = Y - Y^{\text{san}}$
1	100	80	860	840	20
2	105	84	865	844	21
3	110	88	870	848	22
4	115	92	875	852	23
5	120	96	880	856	24
6	125	100	885	860	25
7	130	104	890	864	26
8	135	108	895	868	27
9	140	112	900	872	28
10	145	116	905	876	29

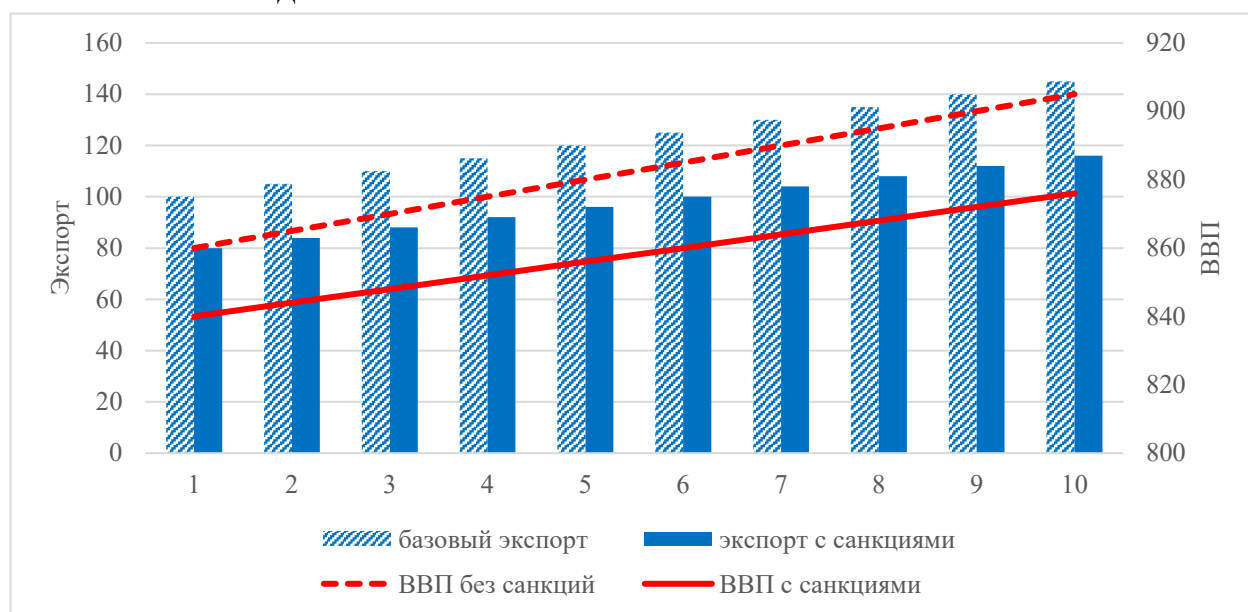
**Примечание:* значения агрегированных параметров C , I , G и M остаются фиксированными, что позволяет сконцентрироваться на влиянии санкционного шока в экспортном компоненте.

Аналогичные расчёты проделаны для остальных периодов. Полученная таблица демонстрирует, что снижение экспорта на 20 % приводит к пропорциональному снижению ВВП, равному 20 % от исходного объёма экспорта для каждого периода. Следовательно, величина потерь в совокупном спросе обусловлена прямой зависимостью от экспортного компонента, что

подтверждает гипотезу о важности торгового канала в оценке санкционных шоков. На основе табл. 2.1.1 сделана визуализация результатов (диагр. 2.1.1).

Проведённый анализ с использованием упрощённой модели совокупного спроса позволяет на концептуальном и количественном уровне продемонстрировать влияние санкций на торговый канал подсанкционной страны. Экзогенный шок, представленный снижением экспорта на 20%, приводит к уменьшению агрегированного спроса, что может оказывать существенное негативное воздействие на экономическую динамику страны. Полученные результаты свидетельствуют о том, что даже при сохранении стабильных уровней потребления, инвестиций, государственных расходов и импорта, сокращение экспортных объёмов способно значительно снизить общий уровень экономической активности.

Диаграмма 2.1.1. – Визуализация результатов расчетов по синтетическим данным

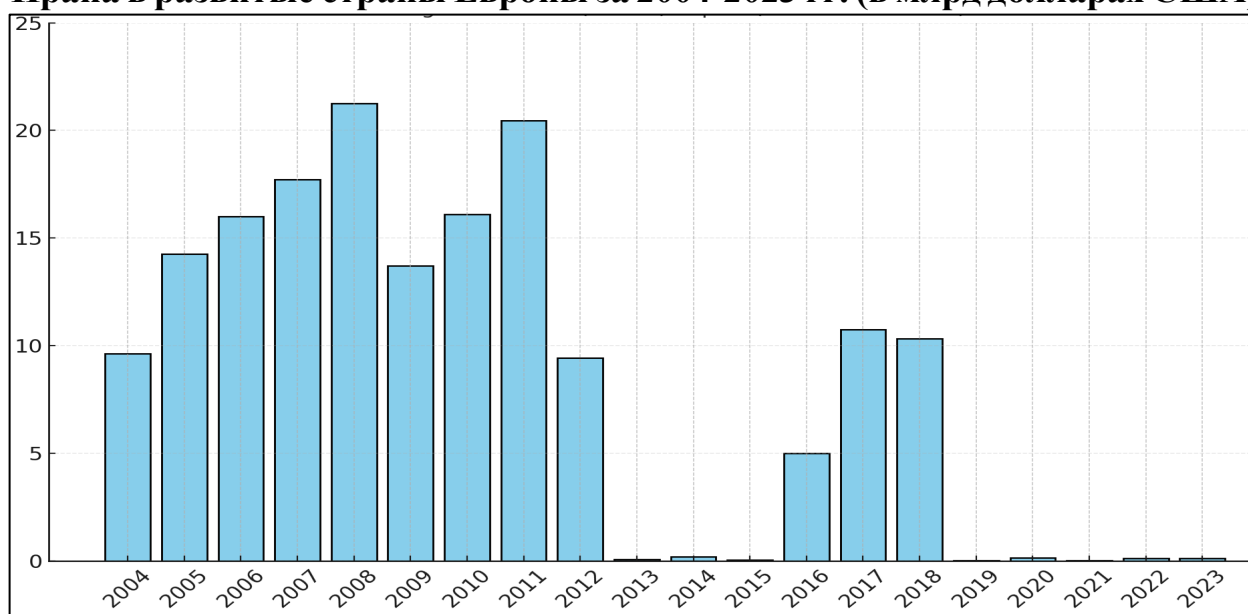

Источник: составлено автором на основании данных таблицы 2.1.1.

Упомянутые меры (эмбарго, квоты, нетарифные барьеры) часто приводят к эффекту отклонения торговли, описанному в рамках классической теории таможенных союзов, однако с той разницей, что стимулом изменения маршрутов поставок становится не тарифное соглашение, а санкционная политика. Санкционный режим стимулирует переориентацию экспортных потоков на альтернативных партнёров или обходной реэкспорт, что, с одной

стороны, снижает общий уровень благосостояния по сравнению со сценарием свободной торговли, а с другой – формирует более узкий рынок и завышает транзакционные издержки. Данные структурные эффекты затрагивают не только экономику государства-адресата санкций, но и компании из государств-инициаторов, теряющие потенциальные выгоды от исключённых товаров, а также третьи страны, которые могут столкнуться с дефицитом или, напротив, получить экономические преимущества за счёт занятия освободившейся рыночной ниши.

Диаграмма 2.1.2. – Динамика экспорта минерального топлива из Ирана в развитые страны Европы за 2004-2023 гг. (в млрд долларах США)

Источник: составлено автором на основании [558].

Международная практика показывает, что при наложении торговых ограничений государства, обладающие монотоварной специализацией или высокой степенью ресурсной зависимости, вынуждены оперативно искать иные каналы сбыта или корректировать внутреннее производство, что может иметь далеко идущие последствия для структуры национальной экономики.

Случай Ирана, подпавшего под многоэтапные режимы санкций, даёт иллюстрацию, каким образом сфокусированное эмбарго на нефтяной экспорт способно трансформировать весь макроэкономический ландшафт страны.

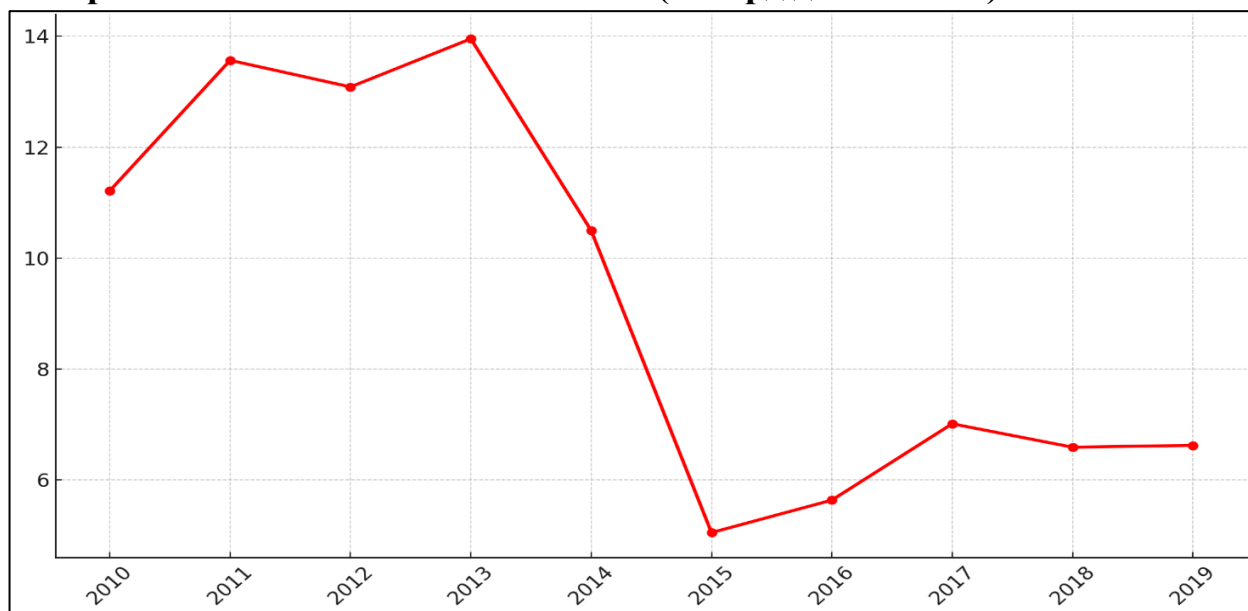
Официальные статистические отчёты зафиксировали многократное сокращение объёмов иранских нефтяных поставок на западные рынки после

2012 года – в 2013 году спад составил 99,4% (диагр. 2.1.2). Данное снижение вынудило Иран переориентироваться в пользу потребителей из стран Азии (Китай, Индия) [205, с. 34] и задействовать более теневые схемы поставок, включая перевалку нефти в открытом море и использование посреднических цепочек [504]. Сокращение привычных экспортных маршрутов сопровождалось уменьшением доходной части бюджета и девальвационным давлением на риал [279], что, в контексте частичной равновесной модели, означает сдвиг кривых спроса-предложения на нефтяном рынке при вынужденном изменении направления поставок. Несмотря на сохраняющиеся каналы экспорта, иранская нефтяная промышленность сталкивается с повышенными логистическими и страховыми издержками, негативно влияющими на ресурсную базу для инвестиций и модернизации.

Санкции, введённые США, ЕС и рядом других стран относительно России в 2014 году, первоначально затрагивали отдельные сферы (например, финансовый сектор, высокие технологии для нефтегазодобычи), однако ответные контрсанкции (запрет на импорт ряда продовольственных товаров) содействовали перестройке ее импорта (диагр. 2.1.3). Например, ряд стран заменили запрещённые к ввозу товары, производимые странами-инициаторами санкций, продукцией собственного производства для импорта в Россию. В частности, поставки мяса начали поступать из таких стран, как Бразилия, Парагвай, Уругвай, Аргентина и Беларусь. Фрукты и овощи стали импортироваться из Египта, Турции, Израиля и Китая [240, с. 53]. Одновременно финансовые и технологические ограничения побуждали российские компании к диверсификации партнёров, в частности, сдвигая вектор внешней торговли и кредитных заимствований в сторону Китая и некоторых ближневосточных стран [169, с. 141-143]. Подобная ситуация демонстрирует, что торговые барьеры и сопутствующие санкции инициируют перераспределительные процессы, что согласуется с моделью частичного равновесия и постулатами эффекта отклонения торговли.

Экономические санкции, накладывая ограничения на торговые потоки, неизбежно перестраивают структуру производства и стимулируют (или замедляют) процессы импортозамещения, которое может иметь противоречивые эффекты для конкурентоспособности национальных отраслей. В классической модели Солоу, где темпы роста зависят от накопления капитала и доступа к эффективным технологиям, сокращение внешних инвестиций и затруднённый импорт необходимых компонентов смещают долгосрочную траекторию в сторону более низкого уровня, а сама переходная динамика сопряжена с усилением дефицита и отставанием по производительности [491, с. 83-94].

Диаграмма 2.1.3. – Динамика объемов импорта продовольственных товаров России из ЕС за 2010-2019 гг. (в млрд долл. США)

Источник: составлено автором на основании [558].

Санкционное влияние, в частности торговые и технологические ограничения, способно изменять отраслевой баланс экономической системы, поскольку компании, лишённые возможности закупать комплектующие и сырьё на прежних рынках, вынуждены либо осваивать новые логистические маршруты, либо пытаться нарастить собственное производство (импортозамещение). Краткосрочно импортозамещение может стимулировать локальные отрасли, но при отсутствии передовых технологий и достаточных инвестиций эффект от снижения внешней конкуренции быстро оборачивается

стагнацией качества продукции [55, с. 678-745]. Если предприятия не имеют равнозначных заменителей иностранным товарам, то вынужденное импортозамещение ведёт к избыточным издержкам и ухудшению позиций на мировых рынках.

Тесная зависимость от критически важных звеньев ГЦДС проявляется в резком падении конкурентоспособности, когда подсанкционная сторона теряет доступ к компонентам высоких технологий или специализированному оборудованию. Структурная перестройка при жёстком эмбарго может включать переход к более простым производственным цепочкам с пониженной добавленной стоимостью, фактически консолидируя сырьевую специализацию и ослабляя потенциал долгосрочного роста [202, с. 41-42]. Подобная тенденция отражает уязвимость тех отраслей, которые сформировались в тесном взаимодействии с иностранными поставщиками ноу-хау, чья продукция оказалась в запрещённом списке.

Альтернативная гипотеза, по которой санкции создают стимулы для локальной промышленной политики и тем самым укрепляют конкурентные позиции в ряде сегментов, требует осторожной оценки эмпирических данных. Конкурентоспособность национальных производителей может временно повыситься на внутреннем рынке из-за отсутствия внешней конкуренции, однако средне- и долгосрочные выгоды под вопросом, если индустриальная структура вынужденно закрывается для международного инновационного обмена [226, с. 14-15]. С точки зрения модели Солоу, даже если временно повышается ставка сбережений (за счёт мобилизации внутренних ресурсов), ограничение международной кооперации ограничивает доступ к внешним знаниям, необходимым для технологических прорывов, и может приводить к тому, что экономика так и не достигает оптимального уровня капиталовооружённости.

В итоге, на макроуровне торговые санкции способны оказывать двойное воздействие на структурное развитие: в одних случаях они могут стимулировать рост производства отдельных отраслей (замещая импорт), а в

других – приводить к долгосрочным потерям конкурентоспособности, когда модель экзогенного или эндогенного роста (Солоу, Ромер) указывает на дефицит высококачественных капиталовложений и инноваций. Степень благоприятности исхода зависит, в частности, от наличия у государства-адресата диверсифицированной отраслевой базы, потенциала внутреннего рынка, а также навыков управленческого и научно-технического персонала, которые могли бы компенсировать выпавшие внешние ресурсы [180, с. 9-10].

Трансграничные финансовые ограничения, включая заморозку активов, отключение от международных платёжных систем (например, SWIFT) и запрет на операции в ключевых валютах, формируют один из наиболее чувствительных векторов санкционного давления, поскольку напрямую затрагивают способность государства-адресата финансировать импорт, обслуживать внешний долг и осуществлять расчёты по международным контрактам. Высокая степень вовлечённости национальных банков в международные расчётно-клиринговые системы порождает уязвимость, позволяющую инициатору санкций эффективно блокировать денежные потоки и провоцировать дефицит ликвидности [381, с. 83-86].

Классическая модель Манделла-Флеминга в контексте открытой экономики, исходит из того, что любое нарушение привычных каналов движения капитала (в случае, если финансовые ограничения лишают государство-адресат внешних заимствований или замораживают его активы) вызывает сдвиг в кривой платёжного баланса, отражающей сочетание уровней процентных ставок и валютных курсов, необходимых для поддержания равновесного состояния. При плавающем режиме обменного курса ограничение доступа к зарубежному капиталу усиливает девальвационное давление на национальную денежную единицу, поскольку снижаются валютные поступления и повышаются ожидания относительно риска [444, с. 376-380]. Впоследствии девальвация может, с одной стороны, стимулировать экспорт, но при закрытых рынках и ограниченном доступе к технологиям способность извлечь пользу от ослабления курса ограничена. Кроме того,

удорожание импортируемых компонентов может ускорять инфляционные процессы и подрывать инвестиционную активность, особенно если экономика зависит от ввоза капиталоемких товаров.

В контексте санкционного давления на финансовый сектор одной из ключевых трансмиссионных переменных выступает премия за риск, формирующая итоговую процентную ставку и непосредственно влияющая на инвестиционную активность. Изменения в ней, вызванные возросшей неопределённостью, увеличивают совокупную стоимость заимствований и тем самым тормозят реализацию инвестиционных проектов, что приводит к снижению темпов экономического роста. Используем упрощённую модель для процентной ставки и инвестиционного процесса, что позволит нам формализовать влияние санкционных мер на инвестиционную динамику и продемонстрировать ключевые механизмы трансформации финансового канала.

В рамках данного подхода предполагается, что общая (номинальная) процентная ставка r определяется как сумма безрисковой ставки r^* и премии за риск π^{risk} :

$$r = r^* + \pi^{\text{risk}}.$$

При этом санкционные меры отражаются в увеличении премии за риск. Для сценария без санкций премия за риск принимается постоянной и равной $\pi_A^{\text{risk}} = 0,01$ (1%), в то время как для сценария с санкциями она возрастает линейно от 1 % до 3 % по мере реализации санкционных мер.

Инвестиционная активность I моделируется с использованием экспоненциальной зависимости от процентной ставки:

$$I = I_0 \cdot e^{-\lambda r},$$

где:

- I_0 – базовый уровень инвестиций (условная величина),
- λ - коэффициент чувствительности инвестиций к изменению процентной ставки.

В рамках настоящего исследования в качестве исходных параметров выбраны:

$$I_0 = 100, \quad \lambda = 10.$$

Проведем сценарное моделирование:

1) без санкций (сценарий А): премия за риск постоянна и равна $\pi_A^{risk} = 0,01$. Тогда общая ставка:

$$r_A = r^* + \pi_A^{risk} = 0,02 + 0,01 = 0,03.$$

Инвестиции:

$$I_A = 100 \cdot e^{-10 \cdot 0,03} = 100 \cdot e^{-0,3} \approx 74,08.$$

2) с санкциями (сценарий В): премия за риск увеличивается линейно по 10 периодам от 1 % до 3 %. Для периода t премия за риск определяется выражением:

$$\pi_B^{risk}(t) = 0,01 + (t - 1) \cdot \frac{0,03 - 0,01}{9}$$

где $t = 1, 2, \dots, 10$. Тогда общая ставка:

$$r_B(t) = r^* + \pi_B^{risk}(t).$$

Инвестиции рассчитываются по формуле:

$$I_B(t) = 100 \cdot e^{-\lambda r_B(t)}$$

Для демонстрации модели рассмотрим 10 последовательных периодов. Вычислим значения премии за риск, процентной ставки и инвестиционных расходов для каждого периода в сценарии В, а также сравним их со значениями сценария А (без санкций).

Параметры:

безрисковая ставка: $r^* = 0,02$ (2%);

- сценарий А: $\pi_A^{risk} = 0,01$ (1%), $r_A = 0,02 + 0,01 = 0,03$, $I_A = 100 \cdot e^{-0,3} \approx 74,08$;
- сценарий В: премия за риск для периода t :

$$\pi_B^{risk}(t) = 0,01 + (t - 1) \cdot \frac{0,02}{9}$$

Таким образом, для $t = 1$ имеем $\pi_B^{risk}(1) = 0,01$, а для $t = 10$ $\pi_B^{risk}(10) = 0,01 + 9 \cdot \frac{0,02}{9} = 0,03$.

Для сценария В общая процентная ставка в периоде t :

$$r_B(t) = 0,02 + \pi_B^{risk}(t).$$

Инвестиции:

$$I_B(t) = 100 \cdot e^{-10r_B(t)}$$

В таблице 2.1.2 приведены результаты вычислений с округлением до двух знаков после запятой.

Сравнение сценариев демонстрирует, что при сохранении базовой (безрисковой) ставки неизменной и фиксированной премии за риск в отсутствие санкций (Сценарий А), инвестиционная функция принимает постоянное значение $I_A \approx 74,08$. В то же время, по мере поэтапного увеличения премии за риск в условиях санкционного шока (Сценарий В) общая процентная ставка возрастает от 3 % до 5 % за 10 периодов, что приводит к экспоненциальному снижению инвестиционной активности от $I_B(1) \approx 74,08$ до $I_B(10) \approx 60,65$. Разница ΔI между инвестициями без санкций и при санкционном шоке возрастает от 0 в первом периоде до 13,43 условных единиц в последнем, что указывает на существенную чувствительность инвестиций к росту процентных ставок (диагр. 2.1.4).

Таблица 2.1.2. — Обобщение результатов расчётов на основе синтетических данных*

Период	π_A^{risk}	$r_A = r^* + \pi_A^{risk}$	I_A	$\pi_B^{risk}(t)$	$r_B(t) = r^* + \pi_B^{risk}(t)$	$I_B(t)$	$\Delta I = I_A - I_B(t)$
1	0,01	0,03	74,08	0,01	0,03	74,08	0
2	0,01	0,03	74,08	0,0122	0,0322	72,4	1,68
3	0,01	0,03	74,08	0,0144	0,0344	70,8	3,28
4	0,01	0,03	74,08	0,0167	0,0367	69,3	4,78
5	0,01	0,03	74,08	0,0189	0,0389	67,8	6,28
6	0,01	0,03	74,08	0,0211	0,0411	66,3	7,78
7	0,01	0,03	74,08	0,0233	0,0433	64,8	9,28
8	0,01	0,03	74,08	0,0256	0,0456	63,4	10,68
9	0,01	0,03	74,08	0,0278	0,0478	62,0	12,08
10	0,01	0,03	74,08	0,03	0,05	60,65	13,43

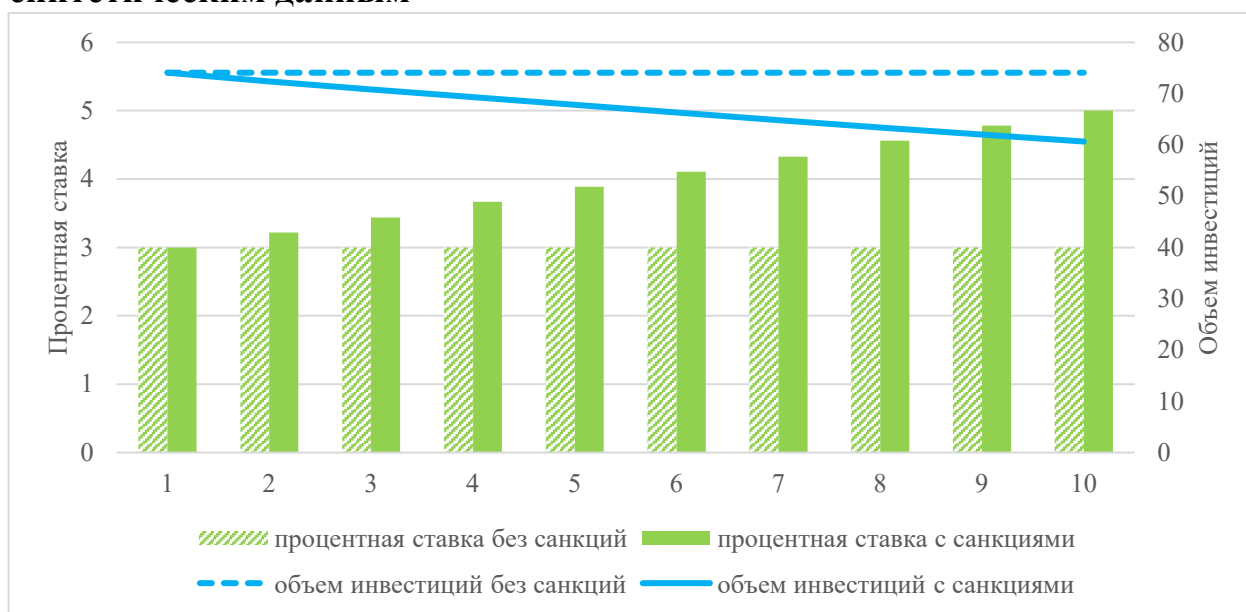
*Примечание: все значения округлены до двух знаков после запятой. Здесь $r^* = 0,02$ и коэффициент чувствительности $\lambda = 10$.

Данные результаты подтверждают гипотезу о том, что санкционные меры, приводящие к увеличению премии за риск, оказывают негативное влияние на финансовый канал через повышение стоимости заимствований и снижение инвестиционных потоков. Такая динамика может иметь значимые долгосрочные последствия для экономического роста подсанкционных стран.

Проведённый анализ с использованием упрощённой модели премии за риск и процентных ставок демонстрирует, что экономические санкции, способствующие увеличению премии за риск, ведут к существенному росту итоговой процентной ставки и, как следствие, к снижению инвестиционной активности. На концептуальном уровне полученные результаты свидетельствуют о том, что финансовый канал является важным механизмом передачи санкционных шоков в макроэкономическую динамику подсанкционных стран.

Так, в 2012 году ограничение доступа к международным финансовым рынкам для Ирана в следствии санкций повысило риск, связанный с иранскими активами, что, в свою очередь, увеличило стоимость заимствований внутри страны. В результате наблюдался рост процентных ставок и снижение инвестиционной активности [334].

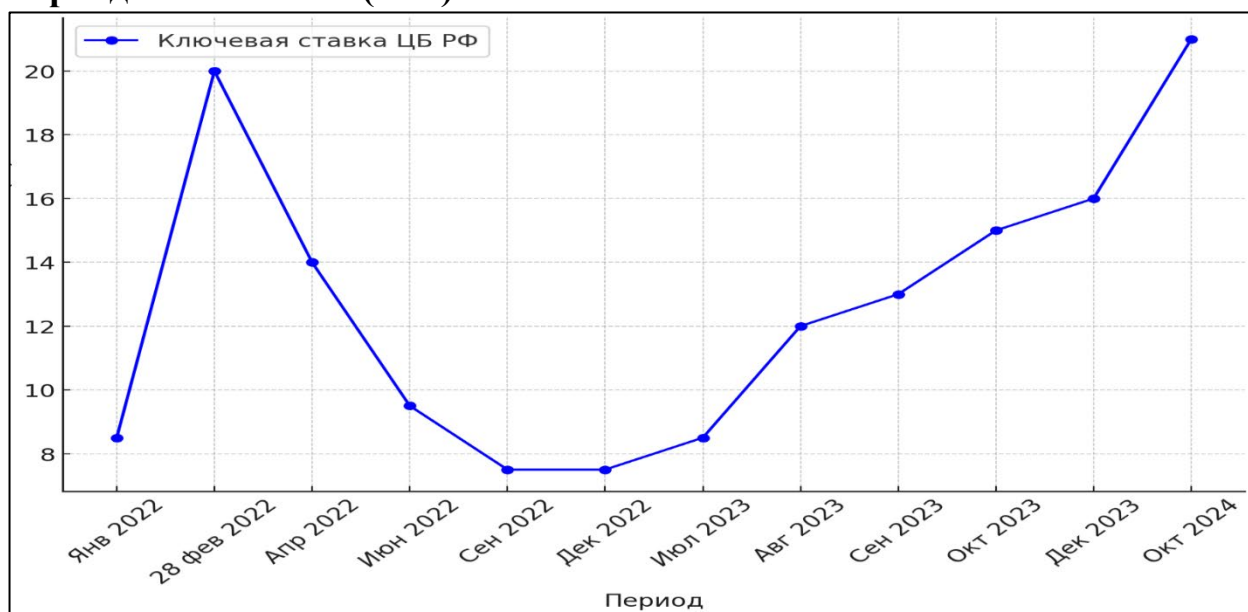
Диаграмма 2.1.4. – Визуализация результатов расчетов по синтетическим данным

Источник: составлено автором на основании данных таблицы 2.1.2.

Международные санкции 2022 года также напрямую повлияли на политику Банка России. Введение санкций против крупнейших российских банков и заморозка примерно половины ЗВР ЦБ (около 300 млрд. долл. США) создали беспрецедентный внешний шок. Именно эти события стали причиной внепланового повышения ставки до 20% в феврале 2022-го – регулятор назвал произошедшее «кардинальным изменением внешних условий» для экономики [301] (диагр. 2.1.5).

Диаграмма 2.1.5. – Динамика ключевой ставки Банка России в период 2022-2024 гг. (в %)

Источник: составлено автором на основании [255].

В ситуациях с заморозкой активов государство-инициатор или наднациональный орган (например, СБ ООН в отдельных случаях) блокирует резервы национального центрального банка, зарубежные счета крупных банков или корпоративных структур, что моментально сужает возможность адресата санкций управлять платёжным балансом. Отключение от SWIFT или аналогичных систем расчётов усугубляет проблему, так как лишает национальный банковский сектор стандартных каналов перевода денег и вынуждает переходить к более затратным и непрозрачным способам. В отрыве от доступа к международным расчётным системам любые транзакции становятся сложнее юридически оформлять и проводятся через третьи страны,

что увеличивает риск задержек, дополнительной комиссии и правовых коллизий [182, с. 44-45].

При фиксированных или ограниченно управляемых курсах национальной валюты страна, в отношении которой вводятся санкции, столкнётся с необходимостью тратить ЗВР на поддержку курса, что усиливает уязвимость в условиях растущего оттока капитала. Если наполнение резервов ограничено, экономика может пережить резкую девальвацию и всплеск инфляции, негативно отражающиеся на реальных доходах и структурной устойчивости. Финансовые санкции в итоге могут нарушить не только текущее финансирование госпрограмм и бизнес-проектов, но и подорвать доверие к национальной денежной единице, создавая базис для долгосрочной макроэкономической нестабильности [449, с. 383-385].

В итоге, рассматриваемый финансовый канал санкционного давления эксплицитно затрагивает внешнее и внутреннее равновесие (IS-LM-BP), переформатируя потоки капитала и изменяя поведение банков и корпораций, которые вынуждены искать обходные маршруты, формируя серые схемы финансирования. В контексте данной модели, разрыв привычных финансовых связей предполагает спад в инвестиционной деятельности и рост транзакционных издержек, тогда как перспектива возвращения к прежним уровням интегрированности связана с частичной отменой или смягчением санкций либо с развитием альтернативных расчётных систем [135, с. 59-62].

Практика подтверждает, что финансовые ограничения, проявляющиеся в отключении банков от ключевых платёжных систем или блокировке резервов и счетов, зачастую приводят к кризисным явлениям, выражающимся в стремительной девальвации, скачках инфляции и затруднениях при исполнении торговых контрактов.

Пример Ирана до заключения СВПД, а затем частично России после 2014 и 2022 годов, иллюстрирует, каким образом ограничения транзакций в международных системах приводят к ситуациям недоступности зарубежной ликвидности. Банковские учреждения, попавшие под запрет, фактически

теряют возможность проводить расчёты в традиционном формате, сталкиваясь с необходимостью искать обходные схемы или посредников, что увеличивает транзакционные издержки и риски застревания платежей [245, с. 13-16].

Против Ирана такой формат санкций совместно с торговым эмбарго способствовал существенному повышению стоимости импорта капиталоемких товаров и технологической продукции, что одновременно провоцировало ограничение предложения на внутренних рынках. В условиях частично управляемого курса национальной валюты (риала) ЦБ Ирана пришлось прибегнуть к ряду мер, направленных на поддержание официального курса, что истощало золотовалютные резервы и способствовало росту теневого сегмента [203, с. 31-34]. Аналогично, российский случай показывает, что ограниченное количество банков, подвергшихся отключению от SWIFT, вынуждено переводить средства через дублирующие цепочки, а бизнес-структуры, взаимодействующие с ними, несут репутационные и финансовые потери.

Ситуация Венесуэлы примеряет ещё более агрессивный сценарий финансовых санкций, когда ведущие нефтяные компании страны столкнулись с запретом на перечисление долларовых платежей и блокировкой ряда внешних счетов [321]. Рассчитываясь за экспорт нефти, Венесуэла испытывает трудности в переводе поступлений в свою финансовую систему, что, в условиях политической нестабильности и резкого сокращения нефтедобычи, быстро привело к распаду обычных схем обслуживания государственного долга и дефициту валюты на внутреннем рынке. Одновременно происходит резкий скачок цен (гиперинфляция), поскольку эмиссионные методы покрытия дефицита бюджета перестают иметь внешние подкрепления, а девальвация боливара обесценивает реальные доходы населения [303].

В рамках расширенной модели Манделла–Флеминга утрата доступа к международным расчётным системам и каналам привлечения капитала приводит к дестабилизации платёжного баланса, когда экспортная выручка не

аккумулируется на национальных счетах, а расчёты по внешнеторговым контрактам становятся затруднёнными или фрагментарными. Такое нарушение равновесия усугубляется необходимостью импортировать продовольствие и медицинские товары, финансирование которых затруднено из-за заблокированных резервов и нефункционирующих кредитных линий. Как результат, эффект цепного характера: обвала внутреннего курса, роста спекулятивной активности и массового оттока капитала (в том числе человеческого), ускоряющего социально-экономический коллапс. Для государства подверженного санкционному давлению, это означает системные сбои не только в сфере краткосрочных финансовых операций, но и во всех отраслях, зависящих от импорта технологий и инвестиций, что подрывает долгосрочную конкурентоспособность и внешнеэкономическую безопасность.

Ослабление финансового суверенитета под влиянием санкционных ограничений часто проявляется в том, что государство-адресат утрачивает стабильные каналы для хранения и перемещения своих резервных активов, а также лишается возможности беспрепятственного использования основных расчётных валют. Подобное явление, обусловленное блокировкой или заморозкой счетов национальных финансовых институтов, ограничивает гибкость органов денежно-кредитного регулирования, вынуждая их тратить имеющиеся ЗВР на поддержку курса либо адаптироваться к перманентной нехватке ликвидности. Во многих кейсах, связанных с ужесточением финансовых санкций, подсанкционная сторона сталкивается с дефицитом инструментов для регулирования платёжного баланса и проведения безубыточных внешнеторговых операций [447, с. 601-606].

Стремление сохранить внешнеэкономическую безопасность ведёт к поиску альтернативных расчётных систем, которые не зависят от традиционных западных инфраструктур (SWIFT, CHIPS) или от ведущих резервных валют (доллар США, евро). В некоторых случаях государства заключают соглашения о валютных свопах, позволяющие осуществлять

расчёты в национальных валютах с использованием упрощённых клиринговых механизмов [253]. Также могут появляться региональные платёжные механизмы (анalogии к системе Instanta межбанковских переводов) или специальные криптоплатформы, используемые для обхода традиционных финансовых каналов [66, с. 11-13]. Однако эффективность подобных мер не всегда очевидна, поскольку, с одной стороны, они дают возможность продолжать транзакции вне привычных инфраструктур, но, с другой стороны, сопряжены с повышенными транзакционными издержками и рисками нелегитимности, которых избегают крупные ТНК и институциональные инвесторы.

Введение санкций, предусматривающих ограничение притока ПИИ и приостановку совместных проектов, непосредственно затрагивает финансово-технологическую основу государства подверженного санкционному давлению, поскольку финансовые вливания извне, технологические лицензии и управленческие практики ТНК выступают в качестве внешних драйверов роста. Подобная форма экономического давления ограничивает доступ к иностранным ресурсам и компетенциям, провоцируя дефицит капитала и снижение динамики накопления капитала на уровне производственных отраслей и инфраструктурных объектов [465, с. 212-214]. Подобная логика согласуется с моделью Солоу, в которой долгосрочный рост подпитывается положением кривой совокупных инвестиций относительно выбывающего капитала; запрет на ПИИ фактически сокращает кривую сбережений (или инвестиционной части), опуская потенциальное устойчивое состояние на более низкую траекторию.

В классической модели Солоу [491, с. 74-83] долгосрочный уровень выпуска определяется процессом накопления капитала, при котором инвестиции формируются за счёт внутренних сбережений. Центральную роль в данной модели играет устойчивый уровень капитала — такой объём капитала на душу населения, при котором инвестиции полностью компенсируют амортизацию, прирост населения и темпы технологического

прогресса. Однако, для стран с открытой экономикой существенную роль играют также ПИИ, которые можно рассматривать как дополнительный источник инвестиций [423, с. 122-128]. Мы модифицируем стандартную модель Солоу, включив компонент ПИИ, и анализируем, каким образом санкционные меры, сокращающие приток ПИИ, влияют на устойчивый уровень капитала и, соответственно, на выпуск на душу населения.

Предположим, что выпуск Y определяется классической производственной функцией с постоянной отдачей от капитала и труда:

$$Y = K^{\alpha}(AL)^{1-\alpha}, \quad \alpha \in (0,1),$$

где K – общий капитал, L – численность рабочей силы, а A – уровень технологий. При переходе к интенсивным переменным (на душу населения или на эффективного работника) примем стандартное преобразование:

$$y = f(k) = k^{\alpha}, \quad k = \frac{K}{AL}, \quad y = \frac{Y}{AL}.$$

В стандартной модели накопление капитала описывается уравнением

$$\dot{k} = s f(k) - (n + \delta)k,$$

где s – доля внутренних сбережений, n – темп роста численности рабочей силы, δ – норма амортизации.

Для учета ПИИ вводится дополнительный компонент инвестиций, обозначаемый через θ , который характеризует долю притока ПИИ от общего выпуска. Следовательно, эффективная норма инвестиций до санкционных воздействий определяется как

$$s_{eff}^{san} = s + \theta.$$

Санкционные меры приводят к сокращению притока ПИИ, что можно смоделировать посредством параметра санкционного шока $\delta_{FDI} \in [0,1]$ (при $\delta_{FDI} = 0$ приток ПИИ не ограничен, а при $\delta_{FDI} = 1$ ПИИ полностью отсутствуют). Тогда в условиях санкций эффективная норма инвестиций становится

$$s_{eff}^{san} = s + \theta(1 - \delta_{FDI}).$$

При отсутствии технологического прогресса и изменения численности рабочей силы (то есть A и L считаем константными) динамика капитала на душу населения в дискретном варианте модели принимает вид:

$$k_{t+1} = (1 - \delta)k_t + k_t^\alpha,$$

$$k_{t+1}^{san} = (1 - \delta)k_t + s_{eff}^{san} k_t^\alpha.$$

В стационарном режиме $k_{t+1} = k_t = k^*$ удовлетворяет равенству

$$\delta k^* = s_{eff} (k^*)^\alpha \Rightarrow k^* = \left(\frac{s_{eff}}{\delta} \right)^{\frac{1}{1-\alpha}}$$

а в условиях санкций

$$k_{san}^* = \left(\frac{s_{eff}^{san}}{\delta} \right)^{\frac{1}{1-\alpha}}.$$

Величина выпуска на душу населения в стационарном состоянии определяется как

$$y^* = (k^*)^\alpha, \quad y_{san}^* = (k_{san}^*)^\alpha.$$

Для иллюстрации проведем расчет с использованием следующих параметров (значения выбраны синтетически, что соответствует типичным оценкам в литературе (например, Г. Мэнкью, Д. Ромера и Н. Вейл)) [463]:

- доля внутренних сбережений: $s = 0,15$ (15 %);
- доля ПИИ: $\theta = 0,10$ (10 %);
- норма амортизации: $\delta = 0,05$ (5 %);
- эластичность выпуска по капиталу: $\alpha = 0,33$;
- санкционный шок по ПИИ: $\delta_{FDI} = 0,40$ (ограничение на 40 % притока ПИИ).

Таким образом,

1) без санкций:

$$s_{eff} = s + \theta = 0,15 + 0,1 = 0,25,$$

2) при санкциях:

$$s_{eff}^{san} = 0,15 + 0,1 + (1 - 0,4) = 0,15 + 0,06 = 0,21.$$

Далее рассчитаем устойчивое значения. Устойчивый уровень капитала без санкций:

$$k^* = \left(\frac{0,25}{0,05} \right)^{\frac{1}{1-0,33}} = 5^{\frac{1}{0,67}} \approx 11,04,$$

$$y^* = 11,04^{0,33} \approx 2,21.$$

Устойчивый уровень капитала при санкционном шоке:

$$k_{san}^* = \left(\frac{0,21}{0,05} \right)^{\frac{1}{0,67}} = 4,2^{\frac{1}{0,67}} \approx 8,51,$$

В результате санкций устойчивый уровень капитала на душу населения снижается с 11,04 до 8,51, а выпуск на душу населения — с 2,21 до 2,03, что указывает на отрицательное влияние ограничений ПИИ на долгосрочную динамику экономического роста.

Для иллюстрации краткосрочной динамики рассмотрим дискретную версию модели при условии постоянных параметров. Будем симулировать эволюцию капитала на душу населения k_t по следующим рекуррентным соотношениям:

$$k_{t+1} = (1 - \delta)k_t + k_t^\alpha \text{ (без санкций),}$$

$$k_{t+1}^{san} = (1 - \delta)k_t + s_{eff}^{san} k_t^\alpha \text{ (при санкциях).}$$

В качестве начального уровня капитала примем $k_0 = 4$. Ниже приведены расчеты для 10 периодов. Для удобства вычисления используется приближенное значение $k_t^\alpha \approx \exp \{ \alpha \ln k_t \}$.

Таблица 2.1.3. – Динамика капитала и выпуска на душу населения в модели Солоу*

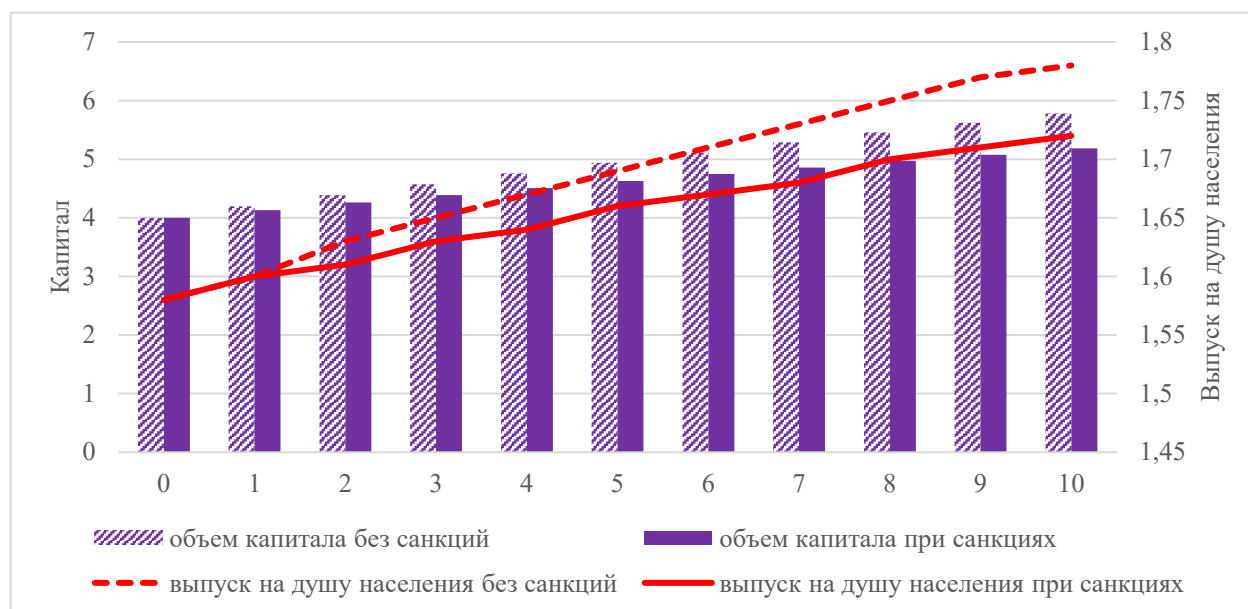
Период t	k_t (без санкций)	$y_t = k_t^{0,33}$	k_t^{san} (при санкциях)	$y_t^{san} = (k_t^{san})^{0,33}$	$\Delta k_t = k_t - k_t^{san}$	$\Delta y_t = y_t - y_t^{san}$
0	4,000	1,58	4,000	1,58	0,000	0,000
1	4,195	1,60	4,132	1,60	0,063	0,000
2	4,387	1,63	4,260	1,61	0,127	0,020
3	4,575	1,65	4,386	1,63	0,189	0,020
4	4,759	1,67	4,509	1,64	0,250	0,030
5	4,939	1,69	4,629	1,66	0,310	0,030
6	5,116	1,71	4,746	1,67	0,370	0,040
7	5,288	1,73	4,859	1,68	0,429	0,050
8	5,457	1,75	4,970	1,70	0,487	0,050
9	5,622	1,77	5,078	1,71	0,544	0,060
10	5,782	1,78	5,183	1,72	0,599	0,060

*Примечание: значения округлены до трех знаков.

Для наглядности приведем итоговую таблицу, объединяющую динамику капитала и выпуска для двух сценариев при параметрах: $s = 0,15, \theta = 0,1$; без санкций: $s_{eff} = 0,25$; при санкциях: $s_{eff}^{san} = 0,21$; $\delta = 0,05, \alpha = 0,33$; $k_0 = 4$ (табл. 2.1.3).

Проведенный анализ демонстрирует, что ограничение притока ПИИ вследствие санкционных мер приводит к снижению эффективной нормы инвестиций, что в свою очередь снижает динамику накопления капитала и уменьшает выпуск на душу населения. При прочих равных условиях стационарный уровень капитала без санкций составляет приблизительно 11,04, а при санкционном шоке – около 8,51. Соответственно, выпуск на душу населения снижается с 2,21 до 2,03 условных единиц. Динамическая симуляция, приведенная в таблице 2.1.3 и в диаграмме 2.1.6, демонстрирует, что даже в краткосрочной перспективе разница между сценариями постепенно нарастает, что может иметь долговременные негативные последствия для экономического роста.

Диаграмма 2.1.6. – Динамика капитала и выпуска на душу населения в модели Солоу

Источник: составлено автором на основании данных таблицы 2.1.3.

Данные результаты подтверждают гипотезу о том, что инвестиционный канал является одним из ключевых механизмов передачи санкционных шоков

в макроэкономику, а снижение притока ПИИ существенно ухудшает перспективы накопления капитала и экономического развития.

Санкционные нормы, ограничивающие не только приток средств, но и участие иностранных партнёров в добывающих, обрабатывающих и высокотехнологичных секторах, тормозят модернизационные процессы, поскольку закрывают путь к передовому оборудованию, экспертной поддержке и передаче управленческих практик. Если совместные проекты становились критичным источником обновления производственных мощностей, их заморозка резко увеличивает время и затраты на поиск внутренних заместителей, сказываясь на конкурентных позициях отраслей [116, с. 28-33]. В итоге дефицит по счету текущих операций усугубляется сложностями внутреннего финансового рынка, испытывающего как риск ликвидности, так и высокие процентные ставки из-за общего понижения кредитного рейтинга государства подверженного санкционному давлению.

Ограничения на импорт высокотехнологичной продукции, ключевых компонентов и систем в сфере исследований и разработок затрагивают инновационную среду, которую эндогенные модели роста (Ромер, Лукас) считают определяющим фактором для повышения производительности. Отказ от участия иностранных участников в научных коллаборациях, утрата доступа к зарубежным лабораториям или конструкторским бюро увеличивают энтропию сферы исследований и разработок, затрудняя успешное воспроизводство инновационных цепочек внутри страны. Компаниям приходится либо смещать фокус на менее сложные технологические решения, либо пытаться генерировать собственные аналоги при ограниченном внешнем финансировании, что чревато снижением конкурентного потенциала на мировых рынках [483, с. 1010-1020]. Такая ситуация зачастую сопровождается перераспределением ресурсов в пользу импортозамещения в базовых сегментах, одновременно ослабляя перспективы высокотехнологичного развития.

В ряде кейсов, связанных с нефтегазовыми мегапроектами или промышленными производствами, государство подверженное санкционному давлению пытается компенсировать отток западных инвесторов за счёт привлечения капитала из третьих стран (например, Китая или стран Персидского залива), однако не всегда эти партнёры готовы компенсировать интеллектуальные ресурсы и управленческие практики, которые были ранее доступны в рамках соглашений с более диверсифицированным кругом ТНК [233, с. 142-148]. В результате происходит частичный сдвиг акцента в сторону политико-дипломатических соглашений, в рамках которых экономическая целесообразность может уступать приоритет необходимости сосредоточения инвестиционно-технологической помощи в условиях санкционного режима. Такое смещение к сотрудничеству ограниченного круга инвесторов может привести к формированию квазимонопольного положения отдельных стран-партнёров и ослаблению экономического суверенитета подсанкционного государства.

Практические примеры указывают на то, что запрет на приток ПИИ и свёртывание совместных проектов могут приводить к заметному торможению целых секторов, особенно если эти сектора изначально полагались на передовые зарубежные технологии или крупные внешние кредиты.

На протяжении последнего десятилетия Иран, испытывая затруднения при привлечении западных операторов (Total, ENI, Shell), неоднократно сталкивался с замедлением модернизации нефтегазовых объектов [87, с. 71-73]. Отсутствие доступных технологий для разработки сложных месторождений и сокращение зарубежного финансирования вынуждали переходить к менее эффективным внутренним решениям либо расширять роль азиатских партнёров (китайских государственных компаний), при этом контракты часто включали более жёсткие условия для иранской стороны [529]. Сопоставимую тенденцию демонстрирует Россия после введения санкций США и ЕС в отношении компаний, участвующих в разведке и добыче углеводородов на арктическом шельфе, в глубоководных и сланцевых

проектах [164, с. 453-457]. Уход крупных ТНК, прежде обеспечивавших доступ к технологиям и инфраструктуре, стал причиной затягивания реализации ряда мегапроектов и возрастания издержек на стадиях геологоразведки и добычи [278].

В результате санкционных ограничений ТНК начинают опасаться рисков, связанных с блокировкой активов или попаданием под вторичные санкции, поэтому предпочитают добровольно приостановить участие в проектах на территориях, подпадающих под ограничения [248]. Сокращение отраслевого финансирования и технологического сотрудничества замедляет переход национальных экономик адресатов санкций к более передовым методам добычи, а также ослабляет привлекательность локальных фондовых площадок, поскольку инвесторы видят повышенные юридические и политические риски. Разрыв контрактов зарубежными подрядчиками порождает неопределённость в перспективе освоения месторождений и может негативно сказаться на доходной базе государства, ограничивая источник средств для прочих бюджетных обязательств.

В стремлении компенсировать уход инвестиционных партнёров, государства подверженные санкционному давлению, нередко делают ставку на привлечение капитала из других стран, не присоединившихся к санкционным режимам. Подобная диверсификация помогает частично восполнить недостаток внешнего финансирования, однако не всегда обеспечивает аналогичный уровень технологических решений или управленческих компетенций, что может влиять на качество производственных процессов и темпы реализации проектов. Хотя партнёры зачастую готовы предложить крупные инвестиционные пакеты в условиях ограничений, договорные схемы могут включать более жёсткие условия ценообразования или предполагают передачу большей доли природных ресурсов, что ставит под вопрос долгосрочную экономическую выгоду для страны-адресата санкций. Как результат, выбор в пользу альтернативных источников капитала может обеспечить краткосрочную выживаемость

энергетических или промышленных программ, но при этом порождает новые риски, связанные с зависимостью от узкого круга инвесторов.

Перекрытие каналов привлечения внешних инвестиций и отказ от сотрудничества с компаниями, обладающими передовыми технологиями, способно подрывать эндогенные механизмы роста, ключевые для повышения конкурентоспособности на мировых рынках. В логике эндогенной модели роста (Ромера) [482, с. 71-78] упор делается на том, что инновации и наука являются внутренними факторами развития, однако их прогресс на уровне национальной экономики нередко определяется трансграничными потоками знаний и международной научной кооперацией. Если санкции лишают страну-адресат доступа к результатам ведущих научно-исследовательских программ, а ограничение финансирования снижает интенсивность сферы исследований и разработок, то общий технологический уровень может стабилизироваться на пониженном плато, отражая недостаток идей, экспертных кадров и критических материальных ресурсов для прорывных разработок [483, с. 1020-1030].

Для анализа используем упрощённую версию модели Ромера, в которой основным детерминантом долгосрочного экономического роста является накопление знаний. Санкции моделируются как экзогенный шок, уменьшающий эффективность процесса накопления технологий и снижающий потенциал инновационной деятельности и, как следствие, негативно сказываясь на макроэкономических показателях.

В базовой версии модели Ромера технологический уровень $A(t)$ (накопленные знания) является основным источником экономического роста. В упрощённом дискретном варианте динамика накопления знаний задаётся уравнением

$$A_{t+1} = A_t + \Delta t \cdot \delta A_t$$

где

A_t – уровень накопленных знаний в период t ,

δ – базовая скорость накопления знаний, характеризующая эффективность научно-исследовательской деятельности,

Δt – шаг по времени (принимается равным единице без ограничения общности).

При отсутствии санкций динамика принимает экспоненциальный вид:

$$A_t = A_0(1 + \delta)^t.$$

Принимая, например, $A_0=100$ и $\delta=0,05$ (то есть 5 % прироста знаний в год), получаем, что без санкций уровень знаний растёт согласно $A_t = 100(1,05)^t$.

Санкционные меры, блокирующие доступ к зарубежным технологиям и знаниям, негативно влияют на эффективность накопления знаний. Для моделирования такого эффекта вводится санкционный параметр $\psi \in [0,1]$, характеризующий степень ограничения доступа к внешним источникам технологий. При наличии санкций эффективность накопления знаний снижается, и уравнение динамики принимает вид:

$$A_{t+1}^{san} = A_t^{san} + \delta(1 - \psi)A_t^{san},$$

или в рекуррентной форме

$$A_{t+1}^{san} = A_t^{san} \cdot [1 + \delta(1 - \psi)].$$

При $\psi = 0$ санкций модель сводится к базовому случаю, а при $\psi > 0$ эффективная скорость накопления знаний уменьшается до $\delta_{eff} = \delta(1 - \psi)$. В данной работе для демонстрации выберем $\psi = 0,3$, что соответствует снижению эффективности накопления знаний на 30 %.

В упрощённом подходе можно считать, что выпуск Y_t пропорционален уровню накопленных знаний A_t (при фиксированном объёме труда и прочих факторах):

$$Y_t = A_t \quad \text{и} \quad Y_t^{san} = A_t^{san}.$$

Это позволяет сделать вывод, что снижение темпов накопления знаний ведёт к пропорциональному снижению выпуска.

Для иллюстрации проведём расчёт динамики накопления знаний и выпуска на 10 периодов (годы) для двух сценариев:

1) сценарий А (без санкций):

$$A_{t+1} = A_t(1 + 0,05)$$

$$A_0 = 100.$$

2) сценарий В (при санкциях): эффективная скорость накопления знаний

$$\delta_{eff} = 0,05(1 - 0,3) = 0,035,$$

$$A_{t+1}^{san} = A_t^{san}(1 + 0,035)$$

$$A_0^{san} = 100.$$

Таким образом, для каждого периода t получаем:

- без санкций:

$$A_t = 100 \cdot (1,05)^t, \quad Y_t = A_t.$$

- при санкциях:

$$A_t^{san} = 100 \cdot (1,035)^t, \quad Y_t^{san} = A_t^{san}.$$

В приложении 8 приведены подробные расчёты для $t = 0, 1, \dots, 10$.

Ниже представлена таблица, объединяющая динамику накопления знаний и выпуска для двух сценариев (табл. 2.1.4).

Таблица 2.1.4. – Динамика накопленных знаний и выпуска в модели Ромера*

Период t	A_t (без санкций)	$Y_t = A_t$ (без санкций)	A_t^{san} (при санкциях)	$Y_t^{san} = A_t^{san}$ (при санкциях)	$\Delta A_t = A_t - A_t^{san}$
0	100,00	100,00	100,00	100,00	0,00
1	105,00	105,00	103,50	103,50	1,50
2	110,25	110,25	107,12	107,12	3,13
3	115,76	115,76	110,89	110,89	4,87
4	121,55	121,55	114,81	114,81	6,74
5	127,63	127,63	118,97	118,97	8,66
6	134,01	134,01	123,42	123,42	10,59
7	140,71	140,71	128,17	128,17	12,54
8	147,75	147,75	133,25	133,25	14,50
9	155,14	155,14	138,68	138,68	16,46
10	162,89	162,89	144,48	144,48	18,41

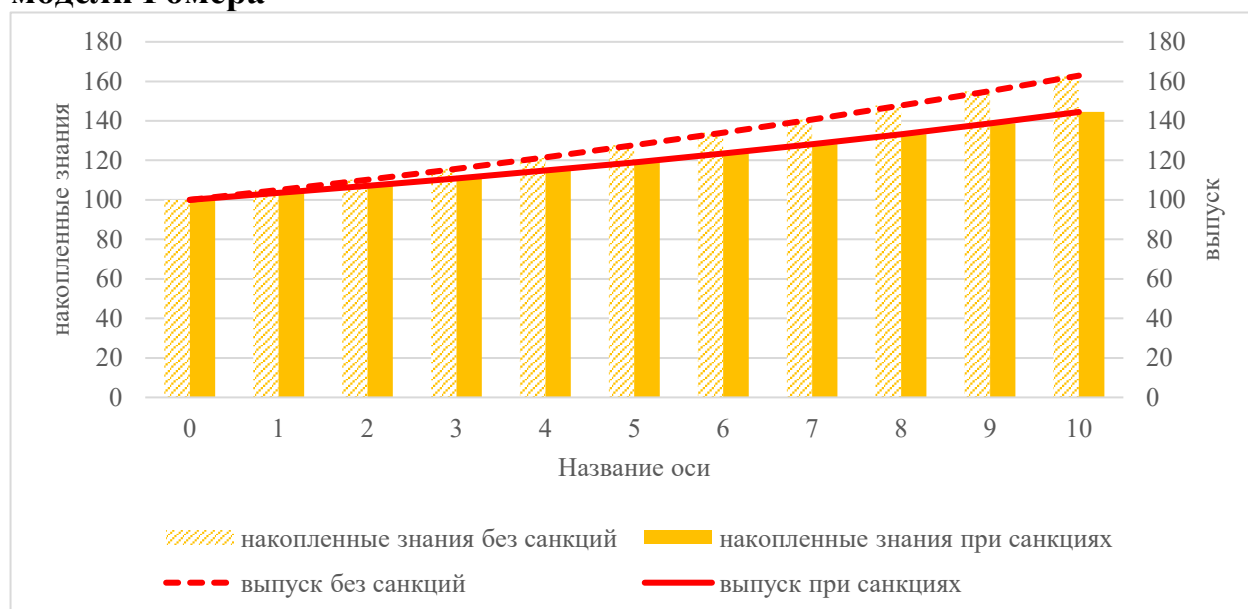
*Примечание: все значения округлены до двух знаков после запятой. Поскольку выпуск Y_t пропорционален A_t (при фиксированном уровне труда), то значения выпуска совпадают с уровнями накопленных знаний.

Проведённый анализ показывает, что при отсутствии санкций уровень накопленных знаний и, соответственно, выпуск растёт со скоростью 5% в год. При введении санкций, снижающих эффективность накопления знаний на 30%

($\psi = 0,3$), годовой темп роста уменьшается до 3,5%. Уже через 10 периодов (лет) разница между двумя сценариями составляет примерно 18,41 условных единиц, что указывает на существенное отставание в накоплении знаний и выпуске при санкционном шоке (диагр. 2.1.7).

В итоге, блокировка доступа к зарубежным технологиям и знаниям оказывает долгосрочное негативное влияние на динамику технологического прогресса, что в свою очередь приводит к снижению макроэкономических показателей. Уменьшение темпов накопления знаний напрямую отражается на производственной способности экономики, снижая её потенциал для инновационного роста.

Диаграмма 2.1.7. – Динамика накопленных знаний и выпуска в модели Ромера

Источник: составлено автором на основании данных таблицы 2.1.4.

Применительно к экспортно-ориентированным отраслям, которые до санкций опирались на импортные высокотехнологичные компоненты, формируется угроза постепенного выпадения из ГЦДС. Перевод части кооперации в режим теневых или альтернативных маршрутов увеличивает транзакционные издержки и усложняет масштабное коммерческое внедрение инноваций, что отражается в отставании промышленной базы и сокращении экспортных ниш, где раньше страна-адресат санкций могла конкурировать по качеству. В теоретических терминах это означает, что уровень отдачи от

капитала в модели Солоу/Ромера падает, а кривая потенциала роста смещается вниз, удлиняя срок, необходимый для возвращения на траекторию более высоких темпов развития.

В рамках дискуссий об импортозамещении нередко предполагается, что государство, лишённое внешних поставок необходимых технологий, может собственными силами наладить производство аналогов и тем самым восстановить конкурентные позиции. Однако, как указывают практические примеры (Иран, СССР в поздний период, Венесуэла), без масштабной кооперации с международными научно-производственными центрами и без доступа к международной научной среде локальное воспроизводство полных аналогов зачастую оказывается технически и экономически более затратным. Если импортозамещение происходит в условиях сжатых финансовых возможностей и отсутствия стимулирующей конкуренции со стороны передовых игроков, то изделие, выпускаемое в рамках национального замещения, может уступать зарубежным образцам по качеству и новизне, что не позволяет восстановить прежний уровень экспортного потенциала.

Потенциальный выход может заключаться в том, чтобы при первых признаках смягчения внешних ограничений страна-адресат санкций возобновила технологическое партнёрство и привлекла международных инвесторов для восстановительных проектов, включая обновление оборудования, обучение персонала и формирование совместных научно-исследовательских площадок. Тем не менее, репутационные риски, накопленная техническая отсталость и психологический барьер, вызванный санкционным режимом, усложняют возвращение к докризисным форматам интеграции, создавая долговременную просадку в конкурентоспособности [459, с. 466-470].

Санкции, непосредственно затрагивающие экспорт высокотехнологичной продукции или блокирующие передачу ноу-хау, приобретают особое значение для отраслей двойного назначения, то есть тех сфер, в которых развиваемые технологии могут одновременно иметь

гражданское и военное (или военизированное) применение. Подобные меры способны существенно ограничить доступ государств к критическим элементам в производстве микрочипов, программных платформ, авиационных двигателей, вооружения и изделий на стыке искусственного интеллекта (ИИ) [502].

Основу контроля экспорта задают национальные или наднациональные перечни технологических изделий, утвердившиеся в рамках специальных нормативных актов (к примеру, The Export Administration Regulations (EAR) в США, регламенты Совета ЕС), где каждая группа товаров проходит классификацию по уровню критичности. Запрет или лицензионные ограничения на поставку компонентов для высокопроизводительных вычислительных систем, ракетных технологий или систем цифрового шифрования вынуждают государство-адресат санкций обращаться к обходным маршрутам снабжения или пытаться формировать внутреннее производство аналогов, что зачастую требует длительного времени и значительных затрат [538]. Любые сбои в каналах технологических поставок, задействованных в сквозных инновационных процессах (микроэлектроника, робототехника, нанотехнологии, средства защиты данных), могут затруднить процесс модернизации. Дефицит ключевых компонентов и недостаток квалифицированного инструктажа вдвойне осложняют перспективы конкурировать в международном рынке высоких технологий.

Например, по официальным данным Министерства торговли США, в 2019–2020 гг. правительственными актами была существенно ограничена возможность Huawei и ряда других китайских корпораций закупать комплектующие, связанные с сетями пятого поколения (5G), а также высокопроизводительные полупроводники [499]. Подобные меры трактуются как оборонительные в контексте кибербезопасности и защиты сетевой инфраструктуры, но одновременно оказывают прямое коммерческое воздействие на возможности Huawei участвовать в международных тендерах на 5G-сети и сотрудничать с основными производителями чипов (Qualcomm,

Intel). Сокращение доступа к американским технологиям вынудило китайские фирмы нарастить инвестиции в собственные научно-исследовательские центры и ориентироваться на поставщиков внутри КНР или в соседних государствах [299]. Подобная переориентация сопровождается ростом расходов на разработку полупроводников нового поколения, поскольку приходится восполнять утерянную технологическую цепочку, не имея полноценного участия западных партнеров. Краткосрочно санкции ограничивают внешние контракты, что замедляет внедрение продуктов Huawei на международном рынке, а долгосрочно могут стимулировать диверсификацию и создание независимой экосистемы, если объём внутренних инвестиций достаточен для компенсации выпавших ноу-хау [432, с. 330-334].

Введение США и ЕС адресных санкций, в том числе технологического профиля (запрет на поставки продвинутых систем для добычи нефти и газа, ограничение в ИТ-сфере), отразилось на динамике локальных исследований и разработок и проектах по модернизации производства в России. Так, некоторые высокотехнологичные стартапы, зависящие от иностранного финансирования или кооперации с западными венчурными фондами, столкнулись с оттоком инвесторов, опасавшихся вторичных мер [259]. Аналогично, нефтегазовые предприятия, планировавшие освоение арктических и труднодоступных месторождений, были вынуждены пересмотреть планы из-за отсутствия необходимых технологий горизонтального бурения и комплектующих [536].

Санкции, применяемые против крупных экономических акторов, нередко создают цепную реакцию для внешнеторговых и финансовых потоков в регионе, включая те страны, которые формально не являются объектами ограничительных мер. Международная практика указывает, что перекрытие традиционных каналов экспорта-импорта и осложнение миграционных маршрутов может приводить к снижению денежных переводов и падению платёжеспособного спроса, затрагивая благосостояние населения в третьих державах. По оценкам Всемирного банка, денежные переводы в ряде

постсоветских государств могут составлять треть ВВП, что делает их крайне уязвимыми к внешнему шоку, если целевой рынок труда (например, государство, выступающее источником занятости для трудовых мигрантов) попадает под санкционное давление [126, с. 134-135].

Диаграмма 2.1.8. – Динамика объемов денежных переводов в Таджикистан (в млн долл. США) и их доли по отношению к ВВП (в %) за 2002-2023 гг.

Источник: составлено автором на основании [263].

Так, косвенное влияние международных санкций на экономику Таджикистана, который не являлся прямым адресатом санкций, неизбежно проявлялось через её тесные экономические, торговые и финансовые связи с Россией. В частности, заметное сокращение активности на российском рынке после 2014 года отразилось на денежных переводах трудовых мигрантов, играющих важную роль в поддержке платёжного баланса и потребительского спроса внутри Таджикистана (диагр. 2.1.8). «После двух лет номинальной стабильности, сомони обесценился на 11 процентов в 2014 году и еще 5,2 процента в первые 2,5 месяца 2015 года» [266] – отмечалось в отчете Группы Всемирного Банка, прямо связывая это с заметным ослаблением российской валюты из-за санкций. Подобные косвенные эффекты, учитываемые моделью Манделла-Флеминга в многостороннем контексте, свидетельствуют, что даже страны, не являющиеся формально целями санкций, могут испытать

негативное влияние посредством торгово-миграционных и финансовых каналов.

Пример Таджикистана иллюстрирует, каким образом сокращение внешнеэкономических связей и трудовой занятости в стране-партнёре – прежде всего Российской Федерации – влияет на социально-экономические показатели. Как видно из вышеприведенной диаграммы, экономика Таджикистана обладает высокой степенью зависимости от денежных переводов трудовых мигрантов, работающих за рубежом. Когда рост барьеров в финансовом и торговом секторах (включая ограничения на переводы через определённые платёжные системы) уменьшают возможности трудящихся пересылать средства домой, национальный платёжный баланс испытывает понижающее давление, а внутренняя экономика теряет часть потребительского спроса. В дополнение к этому сокращение экспортно-импортных потоков, вызванное санкциями, накладываемыми на ведущего партнёра (Россию), может проявляться в нарушении обычных логистических маршрутов, росте затрат на транспортировку и усложнении доступа к финансированию [261].

Подобная уязвимость малых экономик обусловлена узкой диверсификацией внешней торговли и серьёзной долей переводов мигрантов в структуре доходов домохозяйств. Любое потрясение (например санкции), с которым сталкивается главный торгово-инвестиционный партнёр, способно провоцировать эффект вторичного удара: помимо прямого уменьшения экспорта товаров из Таджикистана, снижается приток капитала, сокращаются возможности отправлять заработанные средства домой. Резкое ослабление рубля и ограничения по SWIFT приводят к перерасчёту переводимых сумм по более низкому курсу, в результате чего семьи мигрантов недополучают значительную часть доходов.

Внешнеторговая сфера также подвергается изменению структуры логистики, когда реэкспортные цепочки (включая снабжение импортируемых товаров через Россию или соседние страны) становятся менее

предсказуемыми и более затратными. Если санкции косвенно влияют на доступ российских операторов к зарубежным складским и транзитным возможностям, то Таджикистан, будучи логистически зависимым от этих путей, сталкивается с удорожанием импорта потребительских и промышленных товаров. Такая взаимосвязь формирует негативный мультипликатор для смежных рынков и вынуждает государство искать альтернативные маршруты, что не всегда возможно при ограниченном бюджете и инфраструктурных барьерах. Подобная трансформация экономики третьих стран подчёркивает комплексность санкционного давления, выходящего за пределы непосредственного адресата и влияющего на региональные внешнеэкономические связи.

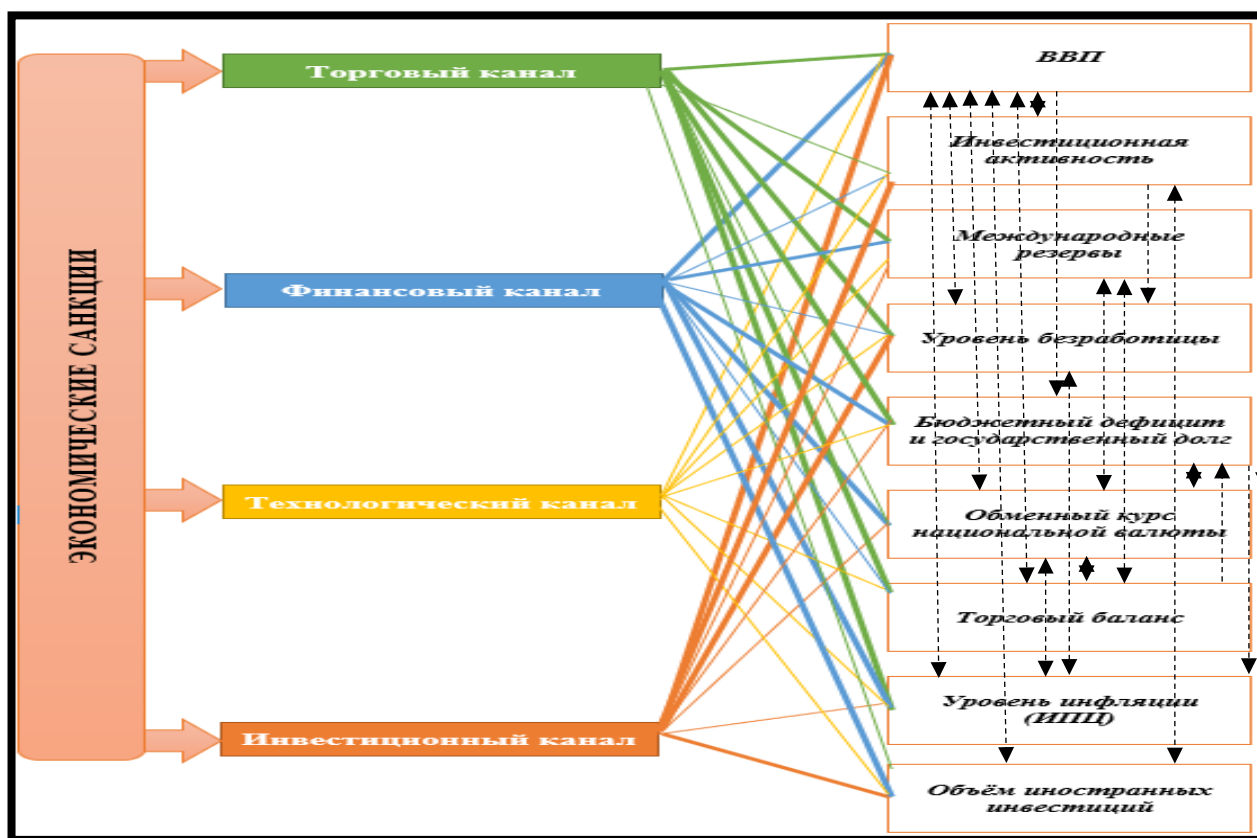

Рисунок 2.1.1. – Механизмы трансмиссии санкционных эффектов на макроэкономические показатели и их взаимозависимости

Источник: составлено автором.

Малая открытая экономика зачастую не обладает достаточным запасом ЗВР для смягчения внешних потрясений, которые могут возникать, если государство-партнёр, подвергшееся санкциям, сокращает объёмы импорта или инвестиционных проектов, перевалочных услуг и денежные переводы.

Подобная зависимость усиливается, если экспорт или миграционная занятость концентрируются на одном крупном внешнем акторе, то есть России. Столь моноцентричная структура экономических связей формирует дополнительный риск для бюджетообразующих отраслей, поскольку любые сдвиги в траектории экономики санкционированного партнёра отражаются на налоговых поступлениях и кредитном рейтинге малой страны.

Анализ механизмов трансмиссии санкционного воздействия на национальную экономику через торговый, финансовый, инвестиционный и технологический каналы в рамках фундаментальных макроэкономических моделей, а также эмпирическая оценка соответствующих кейсов на примере отдельных стран (Иран, Россия, Венесуэла, а также косвенные эффекты для третьих стран) позволяет сделать вывод, что макроэкономические последствия санкционного давления, прежде всего, формируют многоуровневые диспропорции в совокупном спросе и предложении, инициируют структурные сдвиги в производственно-торговом комплексе и финансово-инвестиционных потоках, а также усиливают волатильность основных макропоказателей (курса национальной валюты, инфляции, уровня занятости), обуславливая рост издержек для хозяйствующих субъектов и стимулируя поиск теневых или альтернативных каналов экономического взаимодействия.

Проведенные нами исследования позволяют представить таблицу, которая отражает ключевые механизмы трансмиссии санкционных эффектов через четыре основных канала: торговый, финансовый, инвестиционный и технологический на экономику подсанкционной страны (табл. 2.1.5). Каждый из каналов по-своему формирует экономические шоки, которые влияют на важнейшие макроэкономические индикаторы и структуру национальной экономики в целом. Также, нами была предпринята попытка наглядно проиллюстрировать механизмы трансмиссии санкционных эффектов на основные макроэкономические показатели через каналы передачи экзогенных шоков (рис. 2.1.1).

Таблица 2.1.5. – Схема влияния экономических санкций на макроэкономику и структуру экономики подсанкционной страны

<i>Канал воздействия</i>	<i>Детализация воздействия</i>	<i>Влияние на макроэкономику</i>	<i>Структурные изменения</i>
Торговый	экспортные ограничения и торговое эмбарго снижают экспорт страны; ограничения на импорт приводят к дефициту импортных товаров и сырья	снижение экспорта уменьшает ВВП (за счёт сокращения чистого экспорта). Дефицит импортных товаров может вызвать рост инфляции из-за нехватки продукции и удорожания альтернатив. В экспортных отраслях растёт безработица. Инвестиционная активность падает из-за неопределённости в торговле	сектора экономики, ориентированные на экспорт (например, нефтегазовый или металлургия), сокращаются. Возможно развитие отраслей-заменителей импорта (импортозамещение) в ответ на дефицит иностранных товаров. Происходит перераспределение ресурсов в пользу внутреннего рынка
Финансовый	санкции ограничивают доступ к международным финансам – замораживаются зарубежные активы, происходит отключение от SWIFT, вводятся запреты на внешние займы и инвестиции	ограничение финансирования ведёт к оттоку капитала и девальвации национальной валюты, что ускоряет инфляцию (импорт дорожает). ВВП снижается из-за сокращения кредитования экономики и инвестиций. Растёт безработица вследствие финансового кризиса и снижения деловой активности. Инвестиционная активность резко падает из-за нехватки кредитных ресурсов и доверия	финансовый сектор испытывает стресс (банки теряют международные связи, возможен банковский кризис). Экономика становится более изолированной финансово – растёт роль государства и внутренних источников финансирования. Компании переориентируются на национальные или альтернативные финансовые инфраструктуры (например, использование других валют, создание собственных платёжных систем)

Канал воздействия	Детализация воздействия	Влияние на макроэкономику	Структурные изменения
Инвестиционный	происходит отток иностранных инвестиций и капитала из страны, вводится запрет на новые прямые инвестиции; иностранные компании сворачивают проекты и уходят с рынка; отечественный бизнес выводит капиталы за границу из-за повышенных рисков	падение инвестиций напрямую снижает ВВП (меньше строятся предприятия, замораживаются проекты развития). Сворачивание проектов увеличивает безработицу (особенно в инвестиционно-ёмких отраслях, таких как строительство и высокотехнологичное производство). Сокращается потенциал долгосрочного роста экономики. Инфляция может усилиться при девальвации валюты из-за оттока капитала (импортные товары дорожают)	наблюдается замирание инвестиционно-ёмких секторов (например, инфраструктурных проектов, инновационных отраслей) без притока капитала и технологий. Усиливается роль государственных компаний или локальных инвесторов, пытающихся заместить ушедший иностранный капитал. Происходит общий спад инновационной активности и технологического развития
Технологический	вводятся ограничения на передачу технологий и оборудования – запрет экспорта в страну высокотехнологичных товаров (комплектующих, программного обеспечения, оборудования), прекращение технологического сотрудничества и обмена знаниями	узкие места и сбои в цепочках поставок, что повышает издержки и инфляцию. Ограничение доступа к технологиям снижает производительность, тормозя рост экономики. Может расти безработица среди квалифицированных кадров, если высокотехнологичные предприятия сокращаются или закрываются	происходит сокращение высокотехнологичных секторов экономики (например, машиностроения, электроники) из-за нехватки импортного оборудования и компонентов. Предпринимаются попытки развивать отечественные аналоги технологий (импортозамещение в технологической сфере), что требует времени и инвестиций. Экономика может смещаться в сторону менее технологичных отраслей, снижается её диверсификация и общий технологический уровень

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.1.1 демонстрирует многоканальную и многофакторную природу санкционных эффектов, подчёркивая их системное воздействие на макроэкономические показатели и структурные изменения в экономике. Полужирные линии показывают наибольшее влияние трансмиссионных каналов на определенные макроэкономические индикаторы, тогда как тонкие линии показывают менее значимое, но всё ещё присутствующее влияние. Как видно из рисунка, экономические санкции носят комплексный характер, оказывая мультипликативное воздействие на экономику страны-адресата, затрагивая одновременно несколько макроэкономических показателей. Связи и взаимосвязи между самими макроэкономическими показателями создают эффект обратной связи, усиливая санкционные шоки. Комплексный характер взаимосвязей между показателями указывает на необходимость учёта как прямых, так и косвенных эффектов санкций, а также оценки длительных структурных изменений в экономике подсанкционной страны.

Наши наблюдения указывают на то, что совокупное давление, оказываемое санкциями на торговый, финансовый, инвестиционный и технологический каналы, формирует систему взаимосвязанных ограничений, которая способна ослабить структурный потенциал национальной экономики и одновременно подорвать её конкурентные позиции в мирохозяйственном пространстве. Сокращение экспорта-импорта, резкое уменьшение доступных источников капитала и ограниченный доступ к высокотехнологичным решениям усугубляют проблему технологического разрыва и увеличивают зависимость от узкого круга альтернативных партнёров, что в долгосрочной перспективе снижает гибкость экономической политики и усиливает внешнеэкономическую уязвимость. Ключевые отрасли, утратившие привычные каналы финансирования или высококачественные импортные компоненты, переходят к замещающим схемам, которые не всегда гарантируют сопоставимые стандарты инновационности и эффективности, ослабляя тем самым общую конкурентоспособность на мировом рынке.

2.2. Международные экономические санкции как фактор трансформации современной мирохозяйственной системы

Современная мировая экономика переживает этап качественных преобразований, обусловленных одновременным воздействием ряда взаимоусиливающих факторов, среди которых особое место занимает эскалация санкционной политики. Рассмотрение санкций исключительно в качестве инструмента внешнеэкономического давления утрачивает достаточность объяснительной силы, так как в условиях полицентричной системы санкции становятся средством стратегической геоэкономической конкуренции, позволяющим государствам и коалициям государств корректировать конфигурацию мировых рынков, перераспределять технологические и финансовые ресурсы, а также влиять на формирование новых экономических центров силы [441, с. 42-50].

Рост числа экономически сильных и политически амбициозных акторов, таких как Китай, Индия, страны БРИКС и АСЕАН, приводит к объективному многополярному расширению международной экономической системы. При этом традиционные лидеры, в частности США и государства ЕС, всё чаще прибегают к санкционным мерам как к способу сохранения или укрепления собственных позиций на мировом рынке [109, с. 49-51]. Механизм санкций в данном контексте выходит за рамки простой блокировки торговых отношений, превращаясь в форму использования взаимозависимости в качестве оружия, при которой мощные государства и наднациональные союзы целенаправленно используют существующие взаимосвязи в сфере финансов, логистики и технологий, чтобы сдерживать экономическое и технологическое развитие своих оппонентов.

С учётом процессов полицентрализации, санкционный инструментарий начинает играть всё более значимую роль в борьбе за экономическое доминирование в стратегических секторах, которые определяют технологическое превосходство и долгосрочную конкурентоспособность стран. Высокотехнологичные отрасли (например, производство

полупроводников, развитие искусственного интеллекта, авиакосмическая промышленность), энергетика (нефть, газ, возобновляемые источники) и финансовый сектор (доступ к мировым рынкам капитала, расчётные системы) становятся ключевыми площадками, на которых ведущие центры мировой экономики осуществляют санкционное давление [49, с. 90-110]. Данные меры направлены, с одной стороны, на подрыв позиций конкурентов, а с другой — на стимулирование собственных высокотехнологичных кластеров и обеспечение привлекательности внутренних рынков.

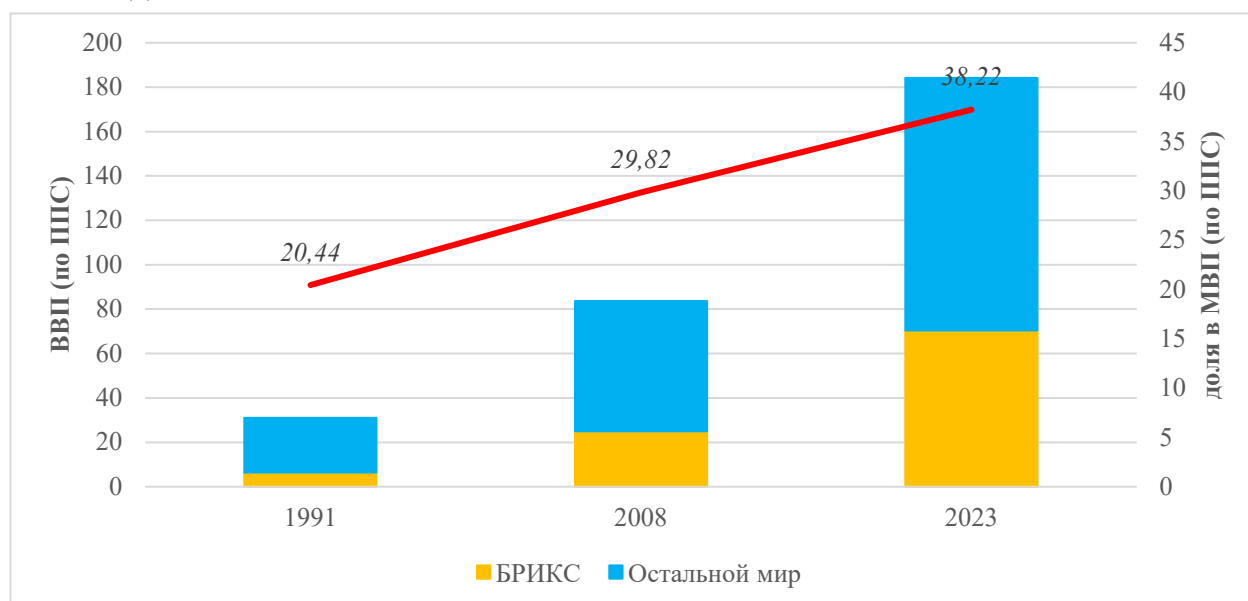
В целом, актуальность исследования санкций как геоэкономического инструмента в многополярной системе определяется двумя группами факторов. Во-первых, наблюдается качественно новая роль санкций в структуре внешнеэкономических мер, предполагающих не только нанесение прямого экономического ущерба, но и формирование долгосрочных стратегических преимуществ. Во-вторых, рост числа центров экономической силы ведёт к усложнению международного сотрудничества и обострению конкуренции за контроль над ресурсами, технологиями и финансовыми потоками, что повышает вероятность применения санкций в качестве механизма экономического принуждения.

В классическом понимании сама геоэкономика представляет собой совокупность стратегий и методов, посредством которых государства стремятся использовать экономические средства (тарифную и нетарифную политику, экспортный контроль, валютные интервенции, инвестиционные ограничения и пр.) для достижения геополитических целей [48, с. 116]. Первоначально данный термин получил распространение в исследованиях, посвящённых постбиполярным трансформациям конца XX в., когда геополитическое противостояние стало постепенно смещаться в экономическую плоскость [460, с. 17-23]. При этом многие авторы подчёркивают, что в современных условиях геоэкономика выходит за рамки простых инструментов «экономического давления» и приобретает системный

характер, позволяющий формировать, перенаправлять и контролировать международные потоки товаров, капитала, технологий, информации.

Длительное время после окончания холодной войны наблюдалась тенденция к однополярности с доминированием США, однако вступление в XXI в. ознаменовалось ускоренным ростом Китая, а также динамичным развитием Индии, а позднее — экономическим усилением ряда других стран, консолидировавшихся в различные блоки (БРИКС, АСЕАН). Формально данные структуры являются региональными или межрегиональными объединениями, но фактически выступают новыми центрами экономического влияния, бросающими вызов традиционным мировым лидерам [177, с. 513-514]. Одновременно появились многосторонние инициативы, продвигающие идею «юг-юг» кооперации, опираясь на институциональную базу региональных банков развития и площадок для торгово-инвестиционного диалога. Вследствие этого мирохозяйственная система перестаёт быть однородной: она обретает черты полицентричной архитектуры, в которой конкуренция разворачивается сразу на нескольких уровнях — от финансовых рынков и ресурсных сфер до технологических стандартов и норм международной торговой политики.

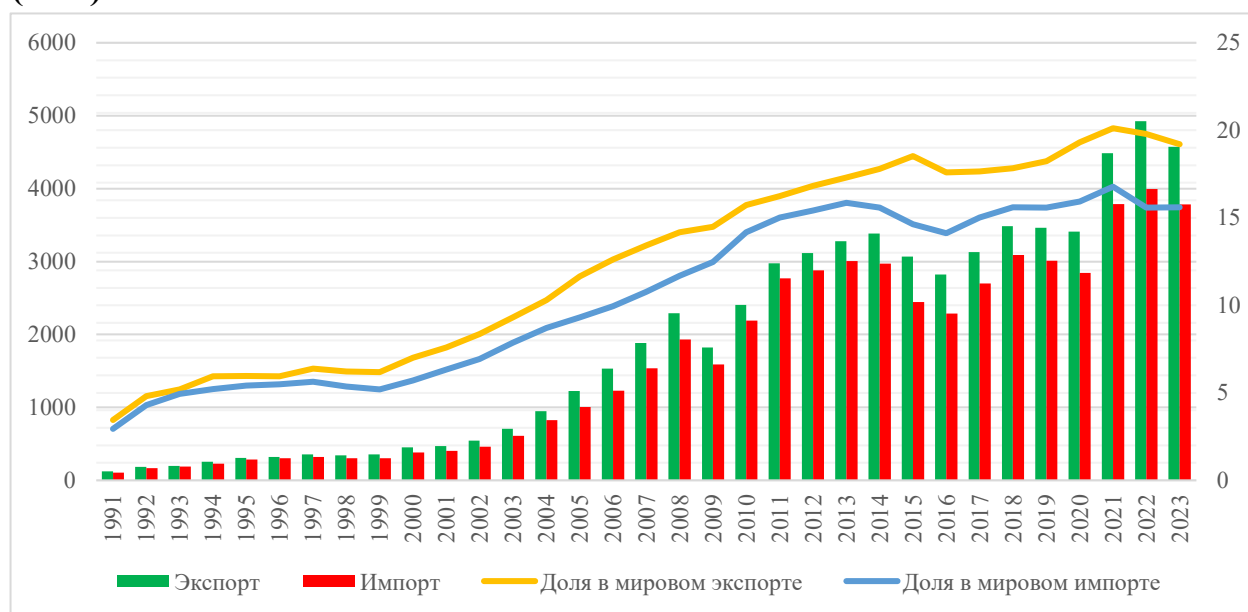
Диаграмма 2.2.1. – Суммарные объемы ВВП (по ППС) стран БРИКС (в трлн долларов США) и их доля в МВП (по ППС) (в %) в 1991, 2008 и 2023 годах

Источник: составлено автором на основании [262].

Так, анализ эмпирических данных позволяет сделать вывод о существенном увеличении доли стран БРИКС в структуре МВП за последнее время: если в 1991 году данный показатель составлял 20,44%, что отражает ограниченную роль стран БРИКС в мировой экономике в начале однополярного мира, то впоследствии, в 2008 году, доля ВВП стран данной группы увеличилась до 29,82%, что было связано с ускоренным экономическим ростом, активизацией внешнеэкономической деятельности и усилением интеграционных процессов (диагр. 2.2.1). В 2023 году доля стран БРИКС достигла 37,91%, что свидетельствует о продолжающемся росте их значимости в мировой экономической системе и укреплении их позиций как экономических центров силы.

Диаграмма 2.2.2. – Динамика суммарных объемов экспорта и импорта БРИК (в млрд долл. США) и их доля в международной торговле (в %) за 1991-2023 гг.

Источник: составлено автором на основании [558].

Анализ среднегодовых темпов роста ВВП (по ППС) за период 1991–2023 гг. показывает, что данный показатель стран БРИКС увеличивался в среднем на 7,81% в год и это значительно превышает аналогичный показатель для мировой экономики, составивший 5,72%. Такие результаты свидетельствуют об ускоренном экономическом развитии стран БРИКС, опережающем мировые средние темпы роста, что ещё раз подчёркивает их возрастающее значение в мировой экономической системе, а соотношение между

экономическими показателями стран БРИКС и остальных государств демонстрирует тенденцию к перераспределению глобального экономического влияния. Хотя доля других стран в ВМП также увеличивалась, темпы её роста оказались существенно ниже, чем у стран БРИКС, что указывает на изменение баланса экономической мощи на мировом уровне.

Похожую тенденцию можно наблюдать и в сфере международной торговли, где почти 20% мирового экспорта и 15% импорта приходится на Бразилию, Индию, Китай и Россию (БРИК) (диагр. 2.2.2). Среднегодовые темпы роста суммарного экспорта этих стран с 1991 года составили 13,11%, что также почти в 2 раза превышает аналогичный показатель для мира – 6,73%. Суммарные объемы экспорта и импорта Бразилии, Индии, Китая и России за последние 33 года увеличились на 38 и 35 раз соответственно.

Таблица 2.2.1. – Топ-10 компаний по активам в мире в 2024 году (в млрд долл. США)

№	Название	Страна	Отрасль	Активы
1	Industrial & Commercial Bank of China (ICBC)	Китай	банковский сектор, финансовые услуги	6 297
2	Agricultural Bank of China	Китай	банковский сектор, финансовые услуги	5 618
3	China Construction Bank	Китай	банковский сектор, финансовые услуги	5 399
4	Bank of China	Китай	банковский сектор, финансовые услуги	4 569
5	Fannie Mae	США	ипотечное кредитование, финансовые услуги	4 325
6	JPMorgan Chase	США	банковский сектор, инвестиционные и финансовые услуги	3 875
7	Freddie Mac	США	ипотечное кредитование, финансовые услуги	3 281
8	Bank of America	США	банковский сектор, финансовые услуги	3 180
9	HSBC Holdings	Великобритания	банковский сектор, финансовые услуги	3 039
10	BNP Paribas	Франция	банковский сектор, финансовые услуги	2 862

Источник: составлено автором на основании [521].

Инвестиционные позиции данных стран в мире также претерпели заметные изменения за анализируемый период: в 1991 году на их долю приходилось только 2,3% ПИИ в мире, а 2023 году – почти 20% [557]. Также

доля четвертки заметно возросла и в ЗПИ за этот период – с 0,6% до 14,2% [557]. В 2024 году 4 китайские компании заняли первые места в мире по активам, сумма которых составляет почти 22 трлн. долл. США (табл. 2.2.1).

Такое развитие полицентричности влечёт за собой неизбежную перестройку альянсов и коалиций. Если в предшествующие периоды основное противостояние сводилось к конфигурации «G7 против остального мира», то в настоящее время появляются новые группы и форматы с ярко выраженным экономическим потенциалом, как БРИКС, который по совокупным экономическим показателям и демографическому весу формирует заметную альтернативу западным интеграционным кластерам [397, с. 56-58] (табл. 2.2.2). Подобным образом набирает обороты и механизм ВРЭП, объединяющий значительную часть стран Восточной и Юго-Восточной Азии и нацеленный на снижение барьеров в торговле и инвестициях.

Таблица 2.2.2. – Сравнительный анализ основных экономических и внешнеэкономических показателей (в млрд долл. США), а также численности населения (в млн человек) крупнейших групп стран в 2023 г.

Группы/ Показатель	ВВП (по номиналу)	ВВП (по ППС)	Торговый оборот	ПИИ	Население
G7	47 327,0	53 603,5	15 072,7	390,4	778,4
	44,6%	29,1%	31,3%	27,8%	9,7%
БРИКС	28 787,7	70 399,8	10 960,5	350,1	3 925,7
	27,1%	38,2%	22,8%	24,9%	48,7%
ВРЭП	29 056,8	55 676,9	12 997,4	457,9	2 207,3
	27,4%	30,2%	26,9%	32,6%	27,4%
МЕРКОСУР	2 939,9	6 063,0	782,6	92,5	279,2
	2,8%	3,3%	1,6%	6,6%	3,5%
Африканский союз	2 922,7	9 532,3	1 335,3	48,6	1 479,0
	2,7%	5,2%	2,8%	3,5%	18,3%

Источник: составлено автором на основании [265;556].

Важным моментом здесь выступают не только декларативные цели интеграции (свобода движения товаров, услуг, рабочей силы), но и готовность стран-участниц согласованно противостоять внешнему санкционному давлению, а в ряде случаев — использовать собственные санкционные инструменты для закрепления позиций в региональных или даже мировых товарно-финансовых цепочках. Взаимодействие и конфликты между G7 и БРИКС, а также усиление роли таких объединений, как МЕРКОСУР или

Африканский союз, указывают на возрастание экономической и политической роли глобального Юга и формирование альтернативных центров притяжения капитала и технологий [383].

Следовательно, геоэкономическая конкуренция становится ключевым вектором взаимодействия ведущих акторов мировой экономики, а разнообразные формы санкций и контрсанкций — тем инструментом, который стремительно набирает популярность как механизм перераспределения ресурсов, подавления конкурентов и защиты национальных интересов в условиях полицентричности.

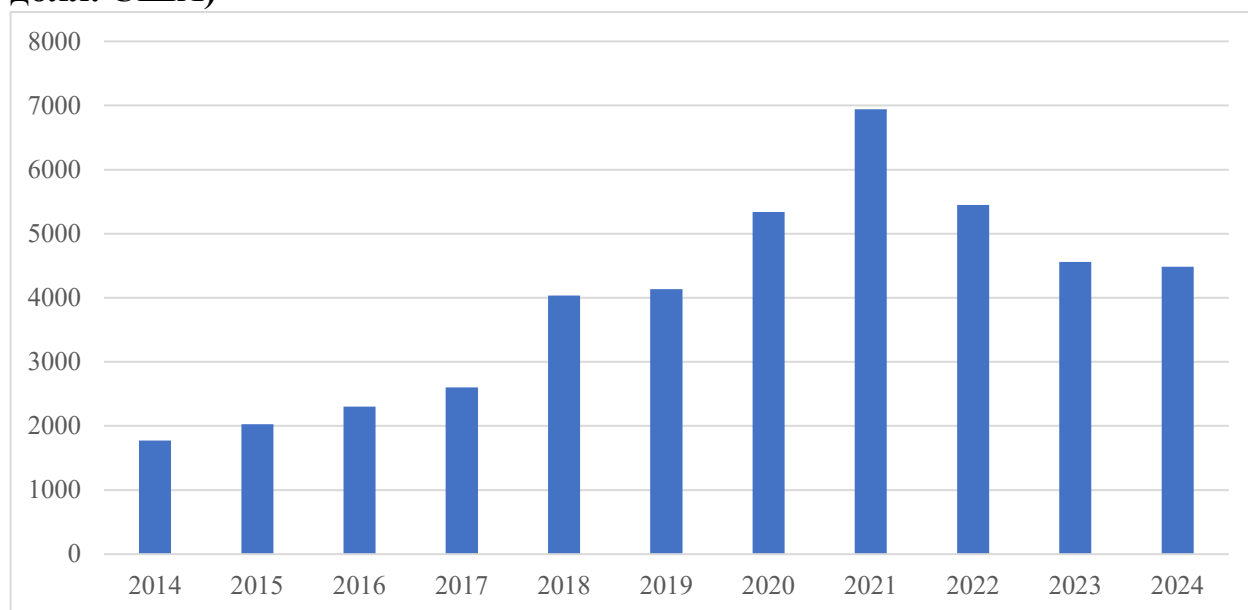
Особенности современной санкционной политики наиболее ярко проявляются в стремлении государств и транснациональных акторов целенаправленно ограничить доступ конкурентов к критически важным рынкам, ресурсам, технологиям и финансовым каналам с целью сохранения или усиления собственных геоэкономических позиций. В условиях многополярной системы приоритетность санкций возрастает, поскольку жёсткие ограничительные меры позволяют в сжатые сроки трансформировать экономический ландшафт и создать существенные препятствия для функционирования ключевых отраслей или национальных хозяйственных комплексов [406, с. 367-368].

Наиболее показательным примером, ранее нами уже отмеченным, служит политика США по отношению к китайским компаниям, специализирующимся на телекоммуникациях и микроэлектронике, что сказалось на двусторонней торговле в данном товарном сегменте (диагр. 2.2.3). С 2018 года введён ряд мер, запрещающих американским фирмам поставлять оборудование и компоненты для производства полупроводников ряду предприятий КНР [311], в частности Huawei и ZTE. Фактически данные меры блокировали доступ к высокопроизводительным микрочипам, необходимым для мобильных сетей 5G, что негативно сказалось на конкурентоспособности китайских производителей [88, с. 101-102]. Эти компании регулярно подвергаются технологическим санкциям, особенно с

2022 года после жестких экспортных ограничений США, запрещающих поставки оборудования для производства продвинутых чипов в Китай [270], что ограничивает их сотрудничество с ведущими мировыми производителями полупроводников. В результате, несмотря на государственную поддержку внутри Китая, им приходится искать альтернативных партнёров или развивать собственную элементную базу, что также замедляет темпы расширения присутствия на мировом рынке телекоммуникационных решений.

Аналогичные ограничения применялись США и их союзниками в отношении российской авиационной отрасли с 2014 года. Запрет на поставку определённых комплектующих для авиастроения, а также ограничения на сервисное обслуживание пассажирских лайнеров существенно осложнили развитие национальных проектов в этой сфере, включая разработку современных среднемагистральных самолётов [113, с. 195-196].

Диаграмма 2.2.3. – Динамика импорта оборудования для производства полупроводников* Китая из США за 2014-2024 гг. (в млн долл. США)

*Примечание: Код 8486 – Машины и аппаратура для изготовления полупроводниковых приборов или электронных интегральных схем по ТН ВЭД.

Источник: составлено автором на основании [269].

Другим наиболее резонансным примером уже финансовых санкций стало отключение ряда российских банков от системы SWIFT в 2022 году на фоне санкционных пакетов, принятых США, Великобританией и ЕС [343].

Такая мера затрудняет проведение трансграничных расчётов и фактически усложняет доступ к мировым финансовым ресурсам для банков и их клиентов.

Также можно отметить заморозку валютных резервов ЦБ Ирана в 2012 году, инициированная США с целью препятствовать финансированию ядерной программы Тегерана и давления на экономическую стабильность страны. В результате этих мер Иран утратил возможность эффективно управлять своими внешними накоплениями, что привело к существенному обесцениванию национальной валюты и осложнило импорт критически важных товаров [201, с. 84-85].

Применение мер против нефтегазовых секторов, как правило, отражает попытку ограничить поступления в бюджет стран-экспортёров или затруднить реализацию крупных инфраструктурных проектов. Так, в отношении Ирана длительное время действовало нефтяное эмбарго, установленное США и ЕС, приводя к существенному снижению экспортных доходов Тегерана и сжатию его доли на мировом рынке углеводородов [140, с. 30-31].

В последние годы всё более заметными становятся ограничения, затрагивающие доступ к редкоземельным металлам, которые необходимы для производства электроники, электротранспорта, возобновляемой энергетики и военной техники [133, с. 177-178]. Например, введённые КНР ограничения на экспорт стратегически важных металлов в США, как реакция на действия последней, направленные на ограничение доступа китайских компаний к передовым технологиям, осложнили для американских корпораций закупки китайских редкоземельных элементов.

Приведенные примеры показывают, насколько широкий спектр стратегических задач решается с помощью санкций в условиях полицентричной мировой экономики. Каждая из рассмотренных мер — будь то ограничения на экспорт, блокировка финансов, пресечение трансфера технологий или эмбарго на энергоресурсы — направлена на подрыв экономического потенциала конкурентов и укрепление собственного конкурентного статуса.

Одно из ключевых отличий современного этапа эволюции мирохозяйственного порядка заключается в том, что санкции перестают быть инструментом точечного давления и превращаются в комплексное средство стратегического воздействия на конкурентные преимущества отдельных стран и блоков. Данное обстоятельство особенно очевидно в условиях полицентричности, когда несколько экономических и политических центров сопоставимой мощи (США, Китай, ЕС, Россия, Индия, нарождающиеся коалиции развивающихся государств) конкурируют за лидерство на мировых рынках, в сфере инноваций и на площадках международных организаций [390, с. 10-11].

В первом приближении санкции представляются действенным способом ограничить экономическое развитие оппонента, создавая дефицит ресурсных, технологических и финансовых возможностей. Так, полупроводниковые ограничения США, затрагивающие китайскую микроэлектронную промышленность, направлены на ухудшение международной конкурентоспособности КНР в высокотехнологичных секторах [387, с. 2-4]. Аналогичные цели прослеживаются и в санкционных мерах ЕС против ряда российских корпораций, особенно в сфере оборонно-промышленного комплекса и энергетики, где ограничивается доступ к западному оборудованию и инвестициям.

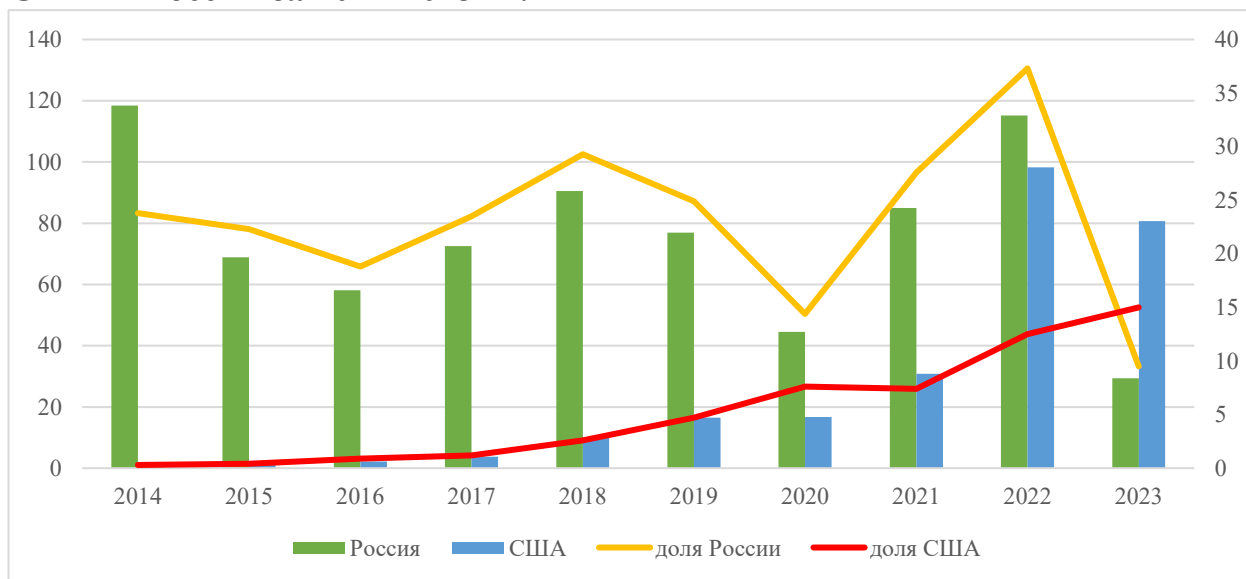
Важно отметить, что стремление подорвать конкурентные позиции может носить превентивный или долгосрочный характер. К примеру, блокировка поставок ключевых компонентов для производства гражданской авиации или нефтегазового сектора не только подрывает сиюминутные производственные планы, но и способствует отставанию санкционированной страны в перспективных областях НИОКР. В результате создаётся кумулятивный эффект ослабления, который позволяет санкционирующему центру сохранять технологическую дистанцию и доминировать на критических участках ГЦДС [408, с. 8-9].

Санкции, нацеленные на высокотехнологичные отрасли (микроэлектроника, авиастроение, космические технологии, ИИ и др.), выполняют функцию «точечных ударов» по технологическим цепочкам, где любые перебои в поставках или кооперации способны вызвать цепную реакцию во всей инновационной экосистеме. Ярким примером служит ограничение поставок высокопроизводительных вычислительных модулей и специализированных микрочипов для китайских и российских компаний, занимающихся разработкой суперкомпьютеров, систем обработки больших данных или военных технологий [63, с. 38-40].

Стратегический расчёт при таком подходе заключается в том, чтобы создать хроническую нехватку «критических» технологий, вынудив целевую страну тратить значительные ресурсы и время на импортозамещение и развитие внутренней технологической базы. Эти процессы могут замедлить развитие передовых отраслей и удержать конкурентов на этапе «догоняющего» модернизационного сценария, в то время как санкционирующие акторы продолжают совершенствовать собственные НИОКР и закреплять технологическое превосходство [139, с. 71-72].

Другим стратегическим расчетом может выступать переформатирование рынка, путем выдавливания традиционного конкурента из нее. Так, после введения санкционных ограничений против российской нефтегазовой отрасли в 2022 году США усилили своё присутствие на европейском энергетическом рынке, наращивая поставки СПГ и нефти (диагр. 2.2.4). Как видно из диаграммы к 2023 году Россия существенно сократила своё присутствие на энергетическом рынке ЕС вследствие усиления санкционных мер, введения эмбарго на экспорт энергоресурсов и стратегической ориентации ЕС на диверсификацию поставок. В ответ на образовавшийся вакуум США активно наращивают объёмы поставок нефти и газа, и ожидается, что их доля на европейском энергетическом рынке достигнет 48% от общего импорта СПГ странами ЕС [260].

Диаграмма 2.2.4. – Динамика объемов поставок нефтегазовых продуктов в ЕС (27)* (в млрд долл. США) и доля в их общем объеме (в %) США и России за 2014-2023 гг.

*Примечание: ЕС после 1 февраля 2020 года.

Источник: составлено автором на основании [551].

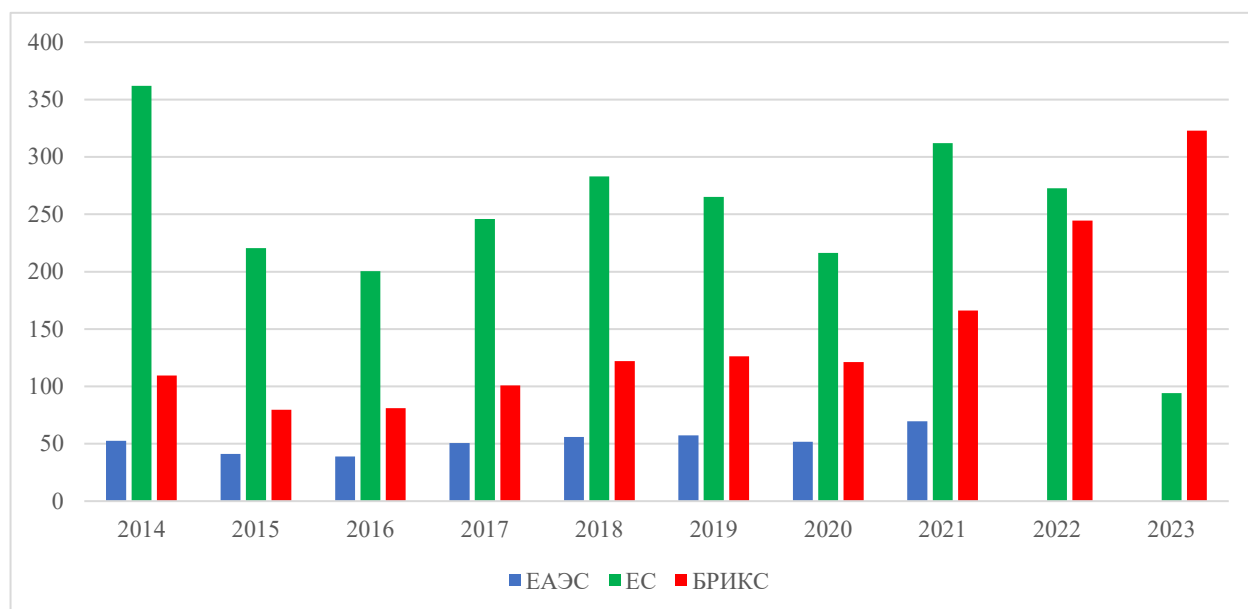
Санкции в контексте полицентричности часто принимают форму коллективных мероприятий, когда несколько государств или союзов согласованно действуют против определённого участника международных экономических отношений. Так, санкции коалиционного типа активно использовались США и ЕС в отношении Ирана (с 2012 года), а впоследствии и России (начиная с 2014 года и с ужесточением в 2022 году). Подобная консолидация позволяет странам-инициаторам одновременно оказывать многоканальное давление — финансовое, технологическое, торговое, инвестиционное — и снижает возможность целевого государства найти обходные пути через альтернативных партнёров.

Однако не следует упускать из виду, что формирование коалиций может происходить и со стороны санкционируемых держав. Столкнувшись с внешним давлением, такие акторы способны консолидировать усилия (в рамках БРИКС, ЕАЭС, АСЕАН или двусторонних соглашений) и разрабатывать контрмеры: создание параллельных расчётных систем, совместные инфраструктурные проекты, взаимные гарантии поставок критических ресурсов. Как результат, санкционная политика неизбежно порождает встречные блоки, в рамках которых формируются собственные

правила экономического взаимодействия и появляются предпосылки для дальнейшего ускорения полицентричных тенденций.

В целом, санкции становятся все более многофункциональным инструментом, через который в полицентричном контексте идёт перенастройка международных товарно-финансовых цепочек, распределение инновационных ресурсов и формирование новых экономико-политических коалиций. Их стратегическое назначение выходит далеко за пределы простой изоляции одного государства: санкции выполняют роль катализатора масштабных структурных сдвигов, отражая растущую конкуренцию за статус мирового лидера.

Диаграмма 2.2.5. – Динамика объемов взаимной торговли России с группами стран за 2014-2023 гг. (в млрд долл. США)*

*Примечание: 1) ЕС до 1 февраля 2020 года; 2) БРИКС до 1 января 2024 года; 3) с 2022 года внешнеторговая статистика Российской Федерации и Республики Беларусь не публикуются.

Источник: составлено автором на основании [551].

Санкционное давление со стороны одной группы государств стимулирует развитие экономических связей целевой страны или объединения стран с иными партнёрами, не поддерживающими соответствующие ограничения. Это проявляется в двух взаимосвязанных тенденциях:

— во-первых, замещением традиционных рынков сбыта и поставщиков в пользу региональных или «дружественных» союзов (БРИКС, ЕАЭС, АСЕАН). То есть, в условиях действия жёстких санкций государства

стремятся переориентировать экспорт и импортную деятельность на альтернативные рынки, имеющие нейтральную или дружественную позицию. Например, введенные в 2014 и последующих годах санкции ЕС и США против России повлекли существенное сокращение оборотов с европейским рынком и одновременный рост взаимной торговли России с Китаем, Индией и другими партнерами в рамках ЕАЭС и БРИКС (диагр. 2.2.5). Аналогичная логика прослеживается в случае Ирана, который, столкнувшись с широкими санкциями со стороны западных стран, резко усилил экспорт энергоносителей в азиатские рынки, включая Китай, а также переориентировал часть логистических маршрутов через союзные или дружественные государства (Ирак, Оман и т.д.) [163, с. 91-106].

Схожие процессы наблюдаются и в рамках АСЕАН, страны которой, будучи неоднородным по политике блоком, часто становятся привлекательным транзитным узлом для товаров, попадающих под санкции в иных регионах. В результате укрепляется внутрирегиональная кооперация, что способствует формированию новых экономических полюсов и снижает зависимость от традиционных западных рынков [395, с. 23-29].

— во-вторых, ростом внутрирегиональной торговли и развитием альтернативных каналов обмена (реэкспорт, теневые схемы). То есть, санкции могут подтолкнуть страны к развитию теневых или полутеневых форм торговли, когда официально запрещенные товары перемещаются через третьи юрисдикции, не присоединившиеся к санкционным ограничениям. Реэкспортная схема нередко подразумевает минимальную переработку продукта в посредническом государстве с последующей поставкой конечному покупателю под другим кодом ТН ВЭД. Подобные серые маршруты исторически были зафиксированы в случае поставок нефти и нефтепродуктов из Ирана и Венесуэлы, а также при экспорте высокотехнологичного оборудования из США или ЕС в третьи страны [44, с. 24-28].

Кроме того, часть акторов в ответ на санкции инициирует процессы углубления региональной интеграции и институционального оформления

свободных торговых зон. Например, в рамках ЕАЭС в последние годы предприняты меры по гармонизации таможенного регулирования, что облегчает трансграничное движение товаров между государствами-участниками и усиливает коллективную экономическую безопасность при внешнем санкционном давлении [332]. Схожую роль играет и ВРЭП в Восточной и Юго-Восточной Азии, которое создано для систематизации торговых правил, снижения барьеров и придания устойчивости региональным цепочкам поставок.

В целом, переориентация торговых потоков и рост внутрирегиональной торговли иллюстрируют, насколько мощно санкции могут влиять на географию мирового товарооборота и перераспределять роли экономических центров. Создавая барьеры на одном направлении, они одновременно стимулируют поиск альтернатив, ведут к укреплению или созданию новых транспортно-логистических коридоров и, в конечном счёте, способствуют полицентризации мирового хозяйства.

Важно отметить, что санкционная активность не только стимулирует переориентацию торговых потоков и развитие «теневых» каналов обмена, но и также способствует формированию новых экономических центров, способных со временем конкурировать с традиционными лидерами мировой экономики. В этих условиях ключевую роль играют страны, обладающие значительным демографическим, ресурсным и технологическим потенциалом, а также интеграционные объединения, обеспечивающие своим участникам институциональные и экономические преимущества.

Китай и Индия уже на протяжении нескольких десятилетий демонстрируют высокие темпы экономического роста, обусловленные в том числе привлечением ПИИ, масштабными промышленными и технологическими проектами и быстрым расширением внутреннего рынка (табл. 2.2.3). Однако санкционное давление на другие экономики (например, ограничения США и ЕС против ряда стран в Евразии, Ближнем Востоке и Латинской Америке) способствовало ещё более активному переносу

производств и инвестиций в КНР и Индию, которые, обладая сравнительно дружелюбными режимами для международного капитала, становятся выгодными альтернативами для ТНК [470, с. 95-101].

Таблица 2.2.3. – Основные показатели экономического потенциала Китая и Индии в 2023 году

Показатель /Страна	Китай	Индия
Доля ВВП в МВП (в %)	16,8	3,4
Позиция по доле ВВП в МВП	2	5
Доля ВВП в МВП (по ППС) (в %)	18,8	7,9
Позиция по доле ВВП в МВП (по ППС)	1	3
Среднегодовые темпы экономического роста за последние 20 лет (в %)	8,2	6,3
Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения за последние 20 лет (в %)	7,6	4,9
Объем накопленных ПИИ (в млрд долл. США)	3 659,6	536,9
Среднегодовой объем ПИИ за последние 20 лет (в млрд долл. США)	123,6	34,9
Численность населения (млн человек)	1 410,7	1 438,1
Доля численности населения в мировом населении (в %)	17,5	17,8
Среднегодовые темпы прироста населения за последние 50 лет (в %)	0,9	1,8
Среднегодовой объем экспорта товаров за последние 20 лет (в млрд долл. США)	2 035,2	265,5
Среднегодовой объем импорта товаров за последние 20 лет (в млрд долл. США)	1 665,4	400,3

Источник: составлено автором на основании [265;556].

В случае Китая процесс привлечения крупных производственных кластеров в сферах электроники, автомобилестроения и лёгкой промышленности усилился благодаря доступу к собственной колоссальной сырьевой и технологической базе, а также богатому человеческому капиталу. Кроме того, компаниям, работающим в Китае, зачастую проще избежать прямых санкций, так как КНР не присоединяется к большинству односторонних ограничительных мер, инициированных США или ЕС. Это делает китайскую производственную площадку сравнительно устойчивой даже под влиянием глобальных санкционных волн.

Индия, хоть и в меньшей степени обладает высокоразвитой промышленной инфраструктурой, предоставляет масштабный внутренний рынок и демонстрирует растущий технологический сектор (ИТ, фармацевтика, биотехнологии). Санкции, введенные против ряда стран, побуждают ТНК диверсифицировать цепочки поставок и переносить часть производств в Индию, что укрепляет её позиции в качестве потенциального экономического полюса [118, с. 279-281].

Важным элементом трансформации мирохозяйственной системы и перераспределения экономических полюсов становится тенденция к регионализации, когда страны, сталкивающиеся с внешним санкционным давлением, предпочитают консолидировать усилия на региональном уровне и формировать собственные площадки для торговли, инвестиций и технологического обмена.

Африканский союз, представляющий почти все государства континента, предпринимает усилия по углублению экономической интеграции, в том числе за счёт реализации соглашения о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA). Эти меры позволяют снизить зависимость от внешних рынков, находящихся под влиянием санкционных механизмов, и стимулировать рост внутрирегионального товарооборота [107, с. 359-362]. В перспективе, создание AfCFTA может увеличить совокупный ВВП Африки и повысить долю континента в международных торговых потоках, частично компенсируя риски, связанные с санкционными ограничениями со стороны других экономических центров.

Аналогичные процессы наблюдаются и в Латинской Америке, где ряд стран в рамках МЕРКОСУР стремятся укреплять взаимный товарооборот и координировать торговые политики, дабы преодолеть последствия санкций и торговых барьеров, налагаемых внешними игроками [242, с. 42-43].

В результате, региональные интеграционные структуры, будь то БРИКС, ЕАЭС, Африканский союз или МЕРКОСУР, приобретают дополнительный стимул к развитию в условиях санкционного давления. Они

формируют своего рода «защитный пояс» для участников, упрощая внутриблочные расчёты, ускоряя стандартизацию процедур и снижая транзакционные издержки во взаимной торговле. Подобная регионализация не только смягчает негативное влияние ограничений, но и создаёт предпосылки для появления новых экономических центров, способных со временем конкурировать с традиционно доминирующими странами и блоками

В совокупности все описанные процессы — от переориентации торговых потоков до укрепления позиций Китая, Индии и целого ряда региональных блоков — демонстрируют, как санкции, исходящие преимущественно от традиционных экономических лидеров (США, ЕС), приводят к возникновению или усилению новых центров силы. Эта тенденция усиливает многополярность мировой экономики, перестраивая прежнюю иерархию и создавая условия для более гибкой и распределённой системы мирохозяйственных связей.

Одним из наиболее показательных примеров снижения роли традиционных многосторонних структур является эволюция ВТО. Изначально эта организация рассматривалась как универсальный институт, обеспечивающий предсказуемость и прозрачность торговых взаимоотношений между государствами, в том числе через механизм разрешения споров. Однако в последние годы действенность данного механизма столкнулась с серьёзными испытаниями.

Во-первых, наличие санкционных коллизий — когда одна сторона вводит односторонние ограничения, а другая оспаривает их легитимность — приводит к частичной парализации системы разрешения споров в ВТО. Обособленные санкции (к примеру, тарифы на сталь и алюминий, введённые США в 2018 году) стали предметом многочисленных исков, которые затянулись из-за блокирования назначения судей в Апелляционный орган [121, с. 97-98]. Такая ситуация ослабляет авторитет ВТО и вынуждает некоторые страны искать альтернативные пути урегулирования конфликтов (региональные арбитражи, двусторонние договорённости).

Во-вторых, традиционно ВТО оставалась в стороне от политических аспектов международных отношений, но при санкционных разногласиях экономические меры тесно переплетаются с геополитикой. В результате значительная часть торговых споров фактически не доходит до стадии полноценного судебного рассмотрения, поскольку заинтересованные стороны считают, что общие правила организации не охватывают весь спектр санкционных претензий или что их соблюдение не соответствует их геоэкономическим интересам [238, с 127-128].

Как следствие, наблюдается дестабилизация традиционных механизмов, на которых основывалась либерализация международной торговли в течение нескольких десятилетий, и частичное ослабление нормативной базы ВТО. Это приводит к росту непредсказуемости в торговых отношениях и усиливает тенденции к регионализации и формированию закрытых экономических блоков.

В ответ на затруднения, возникающие в рамках существующих международных институтов, страны с формирующимися рынками и государства, подвергающиеся санкциям, всё чаще создают собственные финансово-экономические организации. Эти институты выступают не только в качестве инструментов обхода санкций, но и как основы новой архитектуры мирового хозяйства, более гибкой и устойчивой к политическому давлению извне.

Например, инициированный странами БРИКС в 2014 году, Новый банк развития (НБР) БРИКС нацелен на финансирование инфраструктурных и иных долгосрочных проектов в государствах-участниках, что позволяет снизить зависимость от таких традиционных институтов, как Всемирный банк и МВФ [246, с. 13-17]. В контексте санкционной проблематики важно, что этот банк предоставляет кредиты и инвестиции с учётом интересов стран БРИКС и не ориентируется на санкционные списки, формируемые западными странами. Такая политика даёт странам, находящимся под санкционным давлением,

возможность получать финансирование и реализовывать проекты, минуя ограничения.

Другим примером является Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который был создан в 2015 году по инициативе Китая и призван стимулировать развитие инфраструктуры в Азии, а в перспективе — в других регионах. За относительно короткий срок банк стал сопоставимым с ведущими финансовыми организациями по объёму одобренных проектов [136, с. 355-358]. Он привлекателен для государств, сталкивающихся с внешними санкционными ограничениями, поскольку обеспечивает доступ к капиталу и не придерживается унифицированной санкционной политики США или ЕС. Подобная дифференциация институтов способствует укреплению экономической самостоятельности и финансового суверенитета ряда азиатских стран.

Также, санкции, ограничивающие доступ к международным расчётным механизмам (таким как система SWIFT), стимулировали разработку альтернативных платёжных платформ, таких как:

- CIPS (Cross-Border Interbank Payment System) — китайская система трансграничных платежей в юанях, созданная в 2015 году. Её расширение означает, что иностранные партнёры, желающие избежать рисков, связанных с потенциальным отключением от SWIFT, могут проводить расчёты через CIPS, тем самым снижая уязвимость своих финансовых потоков перед возможными санкционными мерами [209, с. 61];
- Система передачи финансовых сообщений (СПФС) — российский аналог SWIFT, разрабатываемый с 2014 года. На фоне введённых ограничений Западом эта система постепенно интегрируется в трансграничные расчёты с рядом азиатских и ближневосточных банков, создавая тем самым самостоятельный контур финансовых коммуникаций [211, с. 157-158].

Формирование таких инфраструктурных элементов — банковских организаций, платёжных систем, инвестиционных механизмов — указывает на появление многовекторной модели мировой финансовой архитектуры.

Если раньше доминирование однополярных институтов (МВФ, Всемирный банк, система SWIFT) было почти абсолютным, то теперь их роль постепенно дополняется и, в отдельных случаях, вытесняется сетью региональных и национальных структур. В перспективе данная тенденция может привести к более конкурентной среде в сфере международных финансов и кредитования, а также повысить автономность стран, ранее сильно зависящих от санкционной политики ведущих мировых держав.

С учётом перечисленных изменений, переформатирование международных экономических институтов и появление альтернативных финансово-организационных платформ выступают одной из ключевых черт текущей трансформации мирохозяйственной системы. Данный процесс в значительной мере детерминирован санкционной динамикой, вынуждающей участников международных отношений создавать или активнее использовать инструменты, которые снижают риск внешнеполитического давления и гарантируют относительную независимость при осуществлении международной экономической деятельности.

Обобщая выше рассмотренные тенденции, можно отметить, что санкции играют роль катализатора долгосрочных структурных сдвигов в мировой экономике. Эти сдвиги отражаются в постепенном формировании «двухуровневой» или даже «многослойной» хозяйственной системы, где крупные державы или блоки государств устанавливают собственные сферы влияния, определяя правила и инфраструктуру экономического взаимодействия, а уязвимые участники оказываются вынуждены маневрировать между несколькими центрами силы.

В условиях, когда санкционные режимы становятся систематическими, а международные институты (например, ВТО) испытывают трудности с универсальным урегулированием спорных вопросов, наблюдается тенденция к фрагментации. Крупные державы (США, Китай, в определённой мере ЕС) создают или усиливают собственные экономические сети, где действуют особые механизмы доступа к рынкам, финансовым ресурсам и технологиям.

«Двухуровневая» модель предполагает, что существует «ядро» — государства или коалиции, обладающие значительным политическим, финансовым и технологическим потенциалом, — и «периферия» или «полупериферия» — страны, которые не могут в полной мере влиять на международные правила игры и вынуждены принимать условия, диктуемые одним из центров силы [407, с. 23-30].

При этом «многослойность» возникает в случаях, когда одновременно функционируют несколько перекрывающихся экономических блоков. Например, государство может участвовать в региональном союзе и, параллельно, сохранять точки взаимодействия с международными финансовыми институтами другого центра, пытаясь извлечь выгоду от конкуренции между этими структурами или избежать санкционного давления [461, с. 4-6].

С практической точки зрения, подобное разграничение мирохозяйственного пространства нередко сопровождается «дублями» или аналогами международных институтов (альтернативные платёжные системы, параллельные банки развития, собственные механизмы сертификации и стандартизации). Это ведёт к фрагментации общих правил и повышает транзакционные издержки для транснационального бизнеса, вынужденного работать сразу в нескольких правовых и технологических режимах.

Другим из побочных эффектов санкционных мер, в сочетании с геоэкономической конкуренцией, оказывается стимулирование регионализации. Страны, не имеющие глобальных экономических амбиций, но испытывающие внешнее давление, ищут поддержку у более сильных государств или формируют коалиции, чтобы компенсировать риски. В результате наблюдается ускоренное развитие внутрирегиональных рынков, которые могут функционировать в относительной автономии от международной санкционной среды.

Примером выступают инфраструктурные проекты (транспортные коридоры, энергетические сети), финансируемые за счёт институтов вроде

АБИИ или НБР БРИКС. Подобные проекты обеспечивают участникам более устойчивые торговые связи и сокращают зависимость от логистических маршрутов, потенциально подконтрольных конкурентам, вводящим санкции [45, с. 118-126].

Однако вместе с этим возрастает зависимость локальных экономик от «патронов» — новых центров силы, предоставляющих кредиты и инвестиции. В частности, страны, обратившиеся за финансовой поддержкой к Китаю, могут столкнуться с долговыми обязательствами и политическими уступками (например, признание политических интересов Китая на региональном уровне). Аналогичную ситуацию можно наблюдать в государствах, вовлечённых в проекты, поддерживаемые Россией или некоторыми ближневосточными монархиями, которые в ответ на поддержку требуют доступа к природным ресурсам, военным базам или другим стратегическим активам [243;435].

Данный процесс приводит к формированию новых зависимостей, частично заменяющих прежние каналы влияния западных институтов (МВФ, Всемирный банк) или доминирование крупных ТНК. Нередко это сопровождается политическими сделками и неформальными альянсами, которые позволяют обойти санкционные барьеры, но закрепляют долгосрочные интересы нового центра в экономике принимающей страны.

В конечном итоге, санкции в сочетании с полицентричными процессами превращаются в двойной драйвер изменений: с одной стороны, они углубляют многополярность, способствуя созданию альтернативных институтов и блоков; с другой — вызывают растущую дифференциацию участников мировой экономики по уровню их автономии и влияния. Возникает «многослойная» структура, в которой блоки могут частично пересекаться или, напротив, конкурировать, оказывая давление на периферийные экономики и вынуждая их определяться с вектором внешнеэкономических приоритетов. Всё это демонстрирует, насколько сложной и динамичной становится архитектура мирохозяйственных связей в долгосрочной перспективе.

Выполненный выше анализ санкционной практики в полицентричной мировой экономике даёт основания утверждать, что санкции выступают одним из наиболее результативных механизмов, позволяющих государствам и интеграционным блокам корректировать глобальную конфигурацию сил. Их применение вышло за рамки традиционных торговых и политических ограничений: в современных условиях санкции становятся комплексным инструментом геоэкономического воздействия, затрагивающим стратегические отрасли (высокие технологии, энергетика, финансы) и формирующим разрывы в производственно-сбытовых цепочках.

При этом в условиях растущей полицентричности, санкции не только сдерживают экономические возможности государств-«оппонентов», но и стимулируют углубление региональной кооперации. Поскольку ведущие державы (США, ЕС, Китай, Россия и другие) всё активнее используют санкции в качестве рычага давления, целевые страны либо создают собственные блоки (БРИКС, ЕАЭС), либо укрепляют уже существующие интеграционные объединения (АСЕАН, МЕРКОСУР), чтобы минимизировать санкционные риски. На практике это приводит к расширению внутренних рынков в рамках союзов и к появлению «параллельных» платёжных систем и финансовых институтов, независимых от западных или иных внешних влияний.

Таким образом, можно выделить два ключевых вывода, характеризующих роль санкций в современной мирохозяйственной системе:

1) санкции как катализатор геоэкономического перераспределения – ограничительные меры, вводимые против определённых стран или корпораций, вынуждают целевые субъекты менять структуру внешнеэкономических связей, что в итоге укрепляет новую конфигурацию мирового хозяйства. Данное явление проявляется в переориентации торговых потоков, формировании альтернативных финансовых структур и ускоренном развитии внутрирегиональных рынков;

2) санкции как фактор «раздела» глобального пространства – под воздействием санкционных режимов мирохозяйственная система постепенно

утрачивает однородность, распадаясь на «зоны влияния» крупных держав и альянсов. При этом каждая из зон вводит собственные правила и инструменты экономического взаимодействия (вплоть до альтернативных платёжных систем и форм многосторонней финансовой поддержки), что стимулирует конкуренцию норм и стандартов на наднациональном уровне.

В результате санкции становятся одним из системообразующих факторов, влияющих на международное экономическое и технологическое равновесие. Они, с одной стороны, консервируют асимметрию в пользу стран, обладающих мощной финансовой, технологической и институциональной базой, а с другой — порождают множество ответных процессов, способствующих укреплению региональных блоков и появлению новых центров экономической силы. Подобная амбивалентность указывает на то, что санкции в долгосрочной перспективе сохраняют своё значение в арсенале геоэкономических стратегий, продолжая трансформировать международную торговлю, инвестиции и систему глобального регулирования.

Развитие событий в долгосрочной перспективе может пойти по нескольким сценарным траекториям, каждая из которых будет обусловлена совокупностью факторов: от эскалации соперничества между основными центрами (США, ЕС, Китай, Россия, Индия) и формирования новых коалиций до возможных компромиссов в сфере международного торгово-инвестиционного и финансового регулирования.

Первый сценарий подразумевает вероятное углубление поляризации — по мере сохранения или ужесточения санкционного давления существует риск дальнейшего формирования конкурентных блоков, группирующихся вокруг ведущих экономик. Так, в одном «полюсе» могут оказаться США и ЕС, а в другом — Китай, Россия, Индия и часть государств, стремящихся к альтернативным проектам (региональные версии инициативы «Пояс и путь», коллективная платёжная инфраструктура и т.п.). В этой модели «центры силы» конкурируют за рынки, ресурсы и за лояльность нейтральных игроков (страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки), которые

усиливают свою позицию в качестве «развивающихся» узлов ГЦДС [539]. Рост числа нейтральных игроков нередко сопровождается их стремлением извлечь выгоду из конкурентного противостояния, поскольку каждая сторона готова предлагать им особые условия финансирования, торговли, доступа к технологиям.

Также, в качестве альтернативных сценариев могут выступать:

- эскалация санкционной политики – в случае нарастания противоречий между основными центрами геоэкономической силы возможно дальнейшее ужесточение технологических и финансовых ограничений, формирующих ещё более жёсткую фрагментацию мировых рынков [496, с. 16-19]. Усложнение доступа к критическим компонентам и услугам, сокращение трансграничного движения капитала и введение «зеркальных» мер могут привести к «блоковой» экономике, где каждая группа стран создаёт собственные стандарты и инфраструктуру (аналог SWIFT, свои платёжные системы, уникальные стандарты технологической совместимости). В итоге подобная эскалация способна замедлить мировой экономический рост и усилить риск системных кризисов, связанных с разрывами в ГЦП;

- компромисс и частичная либерализация – менее вероятный, но потенциально продуктивный сценарий включает постепенное ослабление жёстких санкционных режимов и возвращение к многосторонним переговорам о реформировании ключевых международных институтов (ВТО, МВФ и Всемирного банка). Подобный сценарий может реализоваться при условии, что ведущие акторы придут к выводу о неэффективности долгосрочной санкционной конфронтации и будут готовы к уступкам ради снижения транзакционных издержек и стабилизации мировых рынков [478, с. 125-130]. На практике это предполагает выработку более справедливых правил доступа к технологиям и капиталу, а также механизмы разрешения торгово-политических конфликтов, учитывающие интересы как развитых, так и развивающихся государств.

- многоуровневая архитектура – ещё один вариант подразумевает, что мировая экономика перейдёт к «многослойной» конфигурации, в которой одновременно сосуществуют несколько санкционных режимов, а между ними сохраняются зоны свободного обмена. Фактически это означает появление параллельных финансово-экономических подсистем, ориентированных на разные блоки или коалиции. При этом часть стран выбирает путь «санкционной нейтральности» или «санкционного прагматизма», сохраняя гибкость во внешнеэкономической политике и готовность сотрудничать как с Западом, так и с альтернативными объединениями [456, с. 464-465]. Данная модель может оказаться наиболее реалистичной в силу различий в приоритетах и исторически сложившихся связях стран, способных одновременно участвовать в нескольких интеграционных проектах или использовать дублирующие институты для минимизации собственных рисков.

С учётом рассмотренных сценариев можно констатировать, что многополярность и санкционная динамика взаимно усиливают друг друга, проецируясь на стратегические решения государств и ТНК. В наиболее вероятном варианте укрепляются блоковые структуры, а стремление к независимости от чужих санкционных режимов приводит к формированию альтернативных финансово-экономических пространств. При этом сохраняется возможность ограниченной нормализации отношений через формальные компромиссы и частичное возвращение к либеральным принципам многосторонней торговли. Исход конкретного сценария будет зависеть от политической воли ведущих держав, их способности договариваться о выработке общих правил, а также от степени вовлечённости «третьих» государств, стремящихся сохранить экономический суверенитет и расширить доступ к ресурсам и технологиям.

2.3. Оценка экономических последствий санкций с применением экономико-математических и статистических методов

В современной экономической науке тема экзогенных шоков, связанных с трансграничными ограничительными мерами и санкционным давлением, приобретает особое значение, поскольку тесно переплетается с проблемами глобализации, экономической безопасности и международной торговли. В условиях интенсификации конфронтационных политических процессов и повышения волатильности на мировых рынках, возникающие торговые и финансовые барьеры могут существенно трансформировать структуры национальных экономик, изменять их потенциальные темпы роста и приводить к существенным колебаниям макроэкономических индикаторов, как нами было показано в первом параграфе данной главы диссертационной работы.

Одним из важнейших вызовов при изучении санкций в контексте макроэкономики является их комплексное влияние на совокупный выпуск, уровень цен, обменный курс, экспортно-импортные потоки и инвестиционную активность, причём характер и глубина этих изменений зависят от множества факторов, таких как степень открытости экономики, доступ к альтернативным рынкам сбыта, уровень диверсификации производства и финансовая устойчивость банковского сектора. Традиционные макроэкономические модели, опирающиеся на сравнительно низкую институциональную изменчивость, нередко оказываются недостаточно гибкими для анализа столь экзогенных и целенаправленных шоков, которыми являются санкции.

В данном параграфе ставится задача комплексного изучения воздействия санкционных мероприятий на российскую экономику с применением метода SVAR анализа, который, наряду с высокоразвитым аппаратом идентификации, позволяет выделить роль экзогенных воздействий и оценить их динамическое влияние на основные макроэкономические переменные. Методология SVAR, особенно в сочетании со знаковыми ограничениями, признана в современной экономической литературе наиболее

гибким и теоретически обоснованным инструментом, позволяющим корректно отделить искомые шоки (в данном случае — санкционные) от эндогенных колебаний, обусловленных внутренней динамикой экономической системы [498, с. 10-12].

Исследование опирается на представительную выборку поквартальных данных по ключевым макроэкономическим индикаторам России за период 2004–2023 годов, включая индекс санкционной интенсивности, который интерпретируется как экзогенный индикатор внешнеполитического давления. Введение данного индекса в спецификацию SVAR даёт возможность количественно оценить непосредственные (на начальном горизонте) и косвенные (в среднесрочной перспективе) эффекты санкций, а также проследить механизмы их распространения через каналы обменного курса, цен и экспорта.

Следует подчеркнуть, что изучение санкционного шока в рамках SVAR-модели не ограничивается только анализом краткосрочных флуктуаций; напротив, оно предполагает выстраивание долгосрочных сценариев динамики ВВП, инфляции, внешней торговли и инвестиционной деятельности, что особенно актуально для экономических агентов, формирующих средне- и долгосрочные стратегии развития. Более того, применение декомпозиции дисперсии к идентифицированной структуре позволяет определить вклад санкций в формирование волатильности каждой из эндогенных переменных, а также оценить временную специфику данного влияния.

Исследования, посвящённые анализу шоков в рамках векторных авторегрессионных моделей, в том числе, в отечественной экономической литературе, [56;57;59;64] в течение последних нескольких десятилетий претерпели существенные изменения, пройдя путь от классических VAR-моделей в работах Сима [489] до более продвинутых структурных подходов (SVAR), опирающихся на экономические теории и различные идентификационные схемы [421;422]. Ключевая идея SVAR-анализа состоит в том, чтобы, используя эмпирические данные, корректно идентифицировать

фундаментальные шоки (монетарные, фискальные, технологические и т.п.) и отделить их от динамики, обусловленной эндогенным поведением экономики.

В контексте современных прикладных исследований всё более популярным становится применение знаковых ограничений, которые позволяют моделировать реакции экономических переменных, исходя из теоретических представлений о знаке реакции на тот или иной шок. Подобные идентификационные подходы получили широкое признание благодаря их гибкости и меньшей зависимости от жёстких предположений о структуре экономики [427;492]. Такая методология особенно актуальна в случаях, когда теоретические допущения о временной структуре шока (краткосрочные или долгосрочные ограничения) оказываются недостаточными или когда априорное упорядочение переменных (рекурсивная идентификация) не отражает сложившихся в реальности причинно-следственных связей.

В то же время исследования, посвящённые санкционным шокам, ещё не обладают столь обширным массивом теоретического и эмпирического материала, каким располагают традиционные темы, вроде монетарной политики или шоков совокупного предложения. Тем не менее, в ряде работ показано, что санкции, будучи целенаправленно направленным институциональным инструментом давления, могут выступать специфическим экзогенным шоком, изменяющим структуру торговых потоков, затраты на финансирование и поведение инвесторов, что, в конечном счёте, сказывается на макроэкономической динамике [415;473]. В частности, М. Нойенкирх и Ф. Ноймайер подчёркивают, что санкционный шок способен приводить к значительным потерям для ВВП страны-адресата и, в зависимости от масштабов секторальных ограничений, изменять траекторию инфляции, торгового баланса и инвестиционной привлекательности на протяжении нескольких лет.

Включение санкционного фактора в рамки SVAR-моделирования опирается на предпосылку, что санкции представляют собой экзогенное (со стороны национальной экономики) воздействие, не являющееся следствием

внутренней динамики и закономерностей хозяйственного цикла. Данный подход схож с методологией, используемой при анализе природных катастроф или глобальных пандемий, когда внешнее событие рассматривается в качестве независимого «шока», неподконтрольного внутренним властям [452, с. 168-170]. Однако, в отличие от вышеуказанных примеров, санкции обладают политико-экономической природой и нередко сопровождаются ответными мерами, что может формировать дополнительную эндогенность в долговременном горизонте.

Чтобы избежать трудностей, связанных с выявлением чистого влияния санкций, в исследовании целесообразно использовать индекс санкционной интенсивности, измеряющий совокупность введённых ограничений (включая визовые, финансовые, торговые барьеры и прочие меры). Так, например, в случае России такой индекс может учитывать, во-первых, спектр санкционирующих стран, а во-вторых, динамику ужесточения (или ослабления) существующих мер. Теоретическая трактовка состоит в том, что после увеличения санкционного индекса экономика испытывает немедленный удар по финансовым потокам (рост стоимости заимствований, отток капитала), в среднесрочном плане — сокращение экспортных возможностей, а в более отдалённой перспективе — структурные изменения, связанные с поиском альтернативных рынков сбыта и перестройкой производственных цепочек.

В целом, эмпирическая модель на примере России, в которой санкции включены как экзогенный шок, должна отразить сразу несколько каналов трансмиссии: валютно-финансовый, ценовой и торговый. В то же время теоретические предпосылки предсказывают положительную связь шока санкций с инфляцией (через удорожание импорта и возможный рост маржинальных издержек), отрицательную — с реальным ВВП и экспортом, а также отток инвестиций в результате ухудшения инвестиционного климата. Монетарные власти, стремясь купировать инфляционные риски и

стабилизировать курс рубля, могут реагировать ужесточением денежно-кредитной политики, что влечёт за собой рост ключевой ставки.

Резюмируя, можно выделить несколько ключевых теоретических блоков, на которые опирается данное исследование:

- 1) общая теория SVAR с акцентом на идентификационные методики, основанные на знаковых ограничениях, позволяющих моделировать не только монетарные или фискальные, но и институциональные (политические) шоки;
- 2) специфика санкционного давления как экзогенного возмущения, которое затрагивает сразу несколько макроэкономических показателей и каналов распространения (торговля, инвестиции, курс, инфляция);
- 3) гипотезы о реакции ключевых переменных в ответ на санкции, вытекающие из гипотез об импортируемой инфляции, ограничении доступа к рынкам капитала и перестройке внешних торговых потоков.

Данные методологические и теоретические ориентиры создают основу для практического использования SVAR-подхода в целях оценки санкционного воздействия на российскую экономику, что и будет подробно изложено далее. Вычисления будут выполнены в среде Python 3.11 с использованием библиотек statsmodels (оценивание VAR), NumPy и pandas (обработка данных), и matplotlib (визуализация).

На первом этапе был построен стандартный вектор авторегрессии (VAR), включающий шесть эндогенных переменных:

$$Y_t = B_0 + B_1 Y_{t-1} + B_2 Y_{t-2} + \dots + B_p Y_{t-p} + C X_t + \varepsilon_t$$

где:

- Y_t — вектор эндогенных переменных в момент времени t , включающий:
 - реальный ВВП (GDP_t)
 - индекс потребительских цен (CPI_t)
 - валютный курс (ER_t)
 - экспорт ($Export_t$)

- чистый приток инвестиций (NetInv_t)
- ключевая ставка Банка России (KeyRate_t)
- X_t — экзогенная переменная (индекс санкций, Sanctions_t) (Приложение Ж),
- B_0 — вектор констант,
- B_i — матрицы коэффициентов при лаговых значениях переменных,
- C — матрица коэффициентов экзогенной переменной,
- ε_t — вектор случайных ошибок (остатков модели), обладающих нулевым математическим ожиданием и ковариационной матрицей Σ_ε .

После оценки модели VAR была проведена проверка стационарности временных рядов, что позволило определить необходимое преобразование данных. Применение критерия Дики-Фуллера (ADF-тест) показало, что переменные GDP, ER и KeyRate являются нестационарными, вследствие чего к ним были применены первые разности логарифмов, а к GDP также дополнительно вторые (Приложение 3). Оставшиеся переменные оказались стационарными, и их структура не претерпела изменений. Экзогенная переменная Sanctions была оставлена в исходном виде, поскольку её динамика определяется внешними политико-экономическими факторами, не зависящими от состояния внутреннего спроса и предложения.

Определение количества лагов является ключевым шагом при построении VAR-модели, поскольку от него зависят точность оценок и стабильность прогнозов. Для выбора оптимального порядка использовались следующие информационные критерии:

- Критерий Акаике (AIC),
- Критерий Шварца (BIC),
- Критерий Ханнана-Куинна (HQIC).

Результаты оценки показали, что критерий AIC предложил 8 лагов, BIC — 1 лаг, а HQIC — 4 лага (Приложение И). Ввиду необходимости

сбалансировать точность предсказаний и минимизацию потерь степени свободы, в исследовании принято компромиссное значение — 4 лага.

После определения порядка лагов VAR-модель была оценена методом наименьших квадратов, а затем проведены диагностические проверки:

- 1) проверка устойчивости VAR: анализ собственных значений полиномиальной матрицы показал, что все корни находятся внутри единичного круга, что свидетельствует о стабильности модели;
- 2) тест на автокорреляцию остатков (Ljung-Box тест): результаты подтвердили отсутствие автокорреляции, что указывает на корректность выбора количества лагов;
- 3) анализ распределения остатков: гистограммы распределений ошибок не выявили значительных отклонений от нормального распределения (Приложение К).

На основании полученных результатов сокращённая форма VAR была признана адекватной и использована в дальнейшем для идентификации структурных шоков.

Одним из наиболее важных этапов в SVAR-анализе является переход от сокращённой формы VAR к структурной модели. Это требует наложения дополнительных ограничений, позволяющих выделить экономически интерпретируемые шоки. В настоящем исследовании использован метод знаковых ограничений, что объясняется его гибкостью и меньшей зависимостью от априорных предположений о временной структуре взаимосвязей переменных.

Модель структурных шоков представлена следующим уравнением:

$$A_0 Y_t = A_1 Y_{t-1} + \dots + A_p Y_{t-p} + C X_t + e_t$$

где:

- A_0 — матрица структурных коэффициентов, связывающая эндогенные переменные,
- e_t — вектор структурных шоков с диагональной ковариационной матрицей (ортогональные ненаблюдаемые возмущения).

Связь между остатками сокращённой VAR-модели ε_t и структурными шоками e_t задаётся через:

$$\varepsilon_t = A_0^{-1} e_t$$

Так как уравнение содержит n^2 неизвестных, необходимо наложить дополнительные идентификационные ограничения для нахождения уникального решения.

В рамках данного подхода вводятся ограничения на знаки импульсных реакций переменных в момент санкционного шока. Экономическая логика предсказывает следующую реакцию ключевых переменных на санкционное давление (табл. 2.3.1).

Для нахождения допустимого набора решений использовалась генерация ортогональных матриц-вращений и отбор вариантов, удовлетворяющих заданным знаковым ограничениям. Этот метод был признан наиболее подходящим, поскольку он позволяет корректно учитывать неопределённость в реакциях экономики, не прибегая к жёстким допущениям о рекурсивной структуре.

Таблица 2.3.1. - Реакция ключевых переменных на санкционное давление

Переменная	Реакция на санкционный шок
Реальный ВВП ($\Delta \ln \text{GDP}$)	↓ (сокращение)
Инфляция (CPI)	↑ (рост)
Валютный курс ($\Delta \ln \text{ER}$)	↑ (девальвация)
Экспорт (Export)	↓ (сокращение)
Чистый приток инвестиций (NetInv)	↓ (отток капитала)
Ключевая ставка Банка России ($\Delta \ln \text{KeyRate}$)	↑ (повышение)

Источник: составлено автором.

Результаты SVAR моделирования, основанные на идентификации санкционного шока через метод знаковых ограничений, позволяют проследить динамику воздействия санкций на российскую макроэкономику в

краткосрочной и среднесрочной перспективе. Полученные оценки подтверждают гипотезу о системном влиянии санкционного давления на ключевые экономические индикаторы, включая ВВП, инфляцию, валютный курс, экспортные потоки, приток инвестиций и денежно-кредитную политику.

Импульсные функции реакции переменных на санкционный шок демонстрируют наличие существенных отклонений от тренда, причём их характер и продолжительность зависят от природы каждой переменной и её положения в экономической системе (Приложение Л).

- Реакция реального ВВП на санкционный шок выражается в негативном отклонении от трендового уровня, которое наиболее ярко проявляется в течение первых 2–4 кварталов после введения санкций. Величина снижения достигает 0,12–0,15% на квартал, что является значительным падением, учитывая совокупные темпы роста российской экономики в посткризисный период.

Основные причины снижения ВВП:

- а) сокращение экспортных поступлений в результате санкционных ограничений, что ведёт к сжатию производственного сектора;
- б) рост инфляционного давления, вызывающий уменьшение потребительского спроса и реальных доходов населения;
- с) отток капитала, ведущий к сокращению инвестиционной активности в ключевых отраслях.

Несмотря на начальное резкое снижение, по мере адаптации экономики происходит постепенное восстановление: во второй год после санкционного шока темпы сокращения ВВП замедляются, и на горизонте 6–8 кварталов экономика частично возвращается к предсанкционным уровням. Однако данное восстановление не является полным, поскольку структурные изменения в экономике требуют более длительного периода трансформации.

- Реакция инфляции на санкционный шок принципиально отличается от реакции ВВП: санкции приводят к значительному росту инфляционных ожиданий и фактического уровня цен. Увеличение инфляции

начинается немедленно после санкционного шока, причём инфляция достигает максимальных значений на горизонте 1–2 кварталов (повышение на 3–5 процентных пунктов в сравнении с базовым трендом).

Основные каналы инфляционного роста:

а) девальвационный эффект – ослабление национальной валюты приводит к удорожанию импортируемых товаров, что немедленно сказывается на потребительских ценах;

б) рост издержек предприятий – ограничение доступа к внешнему финансированию увеличивает стоимость привлечённого капитала, что ведёт к повышению цен на продукцию;

с) инфляция ожиданий – в условиях санкционного давления экономические агенты закладывают дополнительные инфляционные риски в цены, что усиливает инфляционную динамику.

На горизонте 6–8 кварталов темпы инфляции начинают снижаться, что связано с адаптацией экономики и корректировкой политики Банка России. Однако общий уровень инфляции остаётся выше докризисных значений даже в долгосрочной перспективе.

- Одной из наиболее ярко выраженных реакций на санкционный шок является девальвация рубля, которая проявляется в резком снижении обменного курса в первые кварталы после введения санкционных мер. Ослабление национальной валюты связано с:

а) оттоком капитала и закрытием ряда международных инвестиционных программ;

б) ограничением доступа к валютной ликвидности, что сокращает возможности Банка России по поддержанию курса;

с) сокращением экспортных поступлений, что снижает предложение валюты на внутреннем рынке.

Импульсные функции показывают, что сразу после санкционного шока курс рубля снижается в среднем на 6–8%, достигая пика девальвации на

горизонте 1–2 кварталов. Затем курс стабилизируется, но остаётся на 12–15% ниже предсанкционного уровня даже в среднесрочной перспективе.

- Снижение экспортных потоков является одним из ключевых последствий санкционного давления. Импульсные отклики показывают, что объём экспортных поставок сокращается в среднем на 5–7% в первые 3–4 квартала после введения санкций.

Основные причины падения экспорта включают:

- a) ограничения на международных рынках, включая эмбарго и запреты на поставки нефтепродуктов;
- b) рост транзакционных издержек, связанный с сокращением доступных платёжных каналов и банковских операций;
- c) снижение доверия к российским поставщикам, что ведёт к переориентации внешних партнёров на альтернативные рынки.

Несмотря на постепенное восстановление экспортных потоков через альтернативные логистические маршруты (например, с переориентацией на азиатские рынки), общий уровень экспорта остаётся ниже долгосрочного тренда на 10–15% даже через 2–3 года после санкционного шока.

- Чистый приток капитала в экономику демонстрирует чётко выраженную отрицательную реакцию на санкционный шок. Инвестиции начинают снижаться сразу после введения ограничений, причём отток капитала на горизонте первых кварталов составляет от 5 000 до 10 000 млн. долларов США в зависимости от глубины санкционного воздействия.

Причины оттока капитала включают:

- a) ухудшение инвестиционного климата и рост неопределённости среди международных инвесторов;
- b) закрытие западных рынков капитала и сокращение возможностей внешнего заимствования;
- c) повышенные валютные и макроэкономические риски, которые делают долгосрочные инвестиции в экономику менее привлекательными.

Через 6–8 кварталов начинается частичная стабилизация инвестиционных потоков, однако уровень притока капитала остаётся значительно ниже докризисного уровня.

- Реакция Банка России на санкционный шок выражается в немедленном повышении ключевой ставки, направленном на стабилизацию инфляции и поддержание курса рубля. Импульсные отклики показывают, что в первые 1–2 квартала ставка повышается на 1,5–2,5 процентных пункта, что соответствует практике экстренного ужесточения денежно-кредитной политики.

Причины повышения ставки:

1. необходимость борьбы с инфляцией (контроль над инфляционными ожиданиями);
2. стабилизация валютного курса, чтобы избежать неконтролируемой девальвации;
3. поддержание доверия к банковскому сектору и предотвращение паники на финансовых рынках.

Однако через 4–6 кварталов ставка начинает снижаться по мере стабилизации инфляции и валютного курса.

В целом, основные выводы по импульсным откликам таковы:

- 1) санкции оказывают сильный краткосрочный негативный эффект на ВВП, экспорт, курс рубля и инвестиции;
- 2) инфляция резко растёт в первые кварталы, но затем стабилизируется;
- 3) Центральный Банк вынужден прибегать к жёсткой денежно-кредитной политике, повышая ключевую ставку;
- 4) долгосрочные последствия включают снижение потенциального экономического роста и структурные изменения в инвестиционном климате.

Анализ декомпозиции дисперсии в рамках SVAR модели позволяет количественно оценить вклад санкционного шока в изменчивость ключевых макроэкономических переменных и определить, насколько устойчивым

является влияние санкций на динамику экономических показателей в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Методология декомпозиции дисперсии основана на разложении прогнозной ошибки (Forecast Error Variance Decomposition, FEVD), которое позволяет определить, какая доля изменений в каждой переменной объясняется санкционным шоком по сравнению с внутренними эндогенными факторами, такими как циклические колебания, изменения в денежно-кредитной политике или колебания внешнего спроса.

Результаты декомпозиции дисперсии подтверждают гипотезу о том, что санкционный шок является мощным внешним возмущением, особенно в первые годы после его возникновения, однако в долгосрочном периоде его влияние ослабевает, уступая место другим макроэкономическим факторам (табл. 2.3.2). В таблице 2.3.2 показано, какую долю волатильности ключевых макроэкономических переменных объясняет санкционный шок на разных временных горизонтах.

Таблица 2.3.2. – Вклад санкционного шока в волатильность макроэкономических показателей: результаты декомпозиции дисперсии

Переменная/Период	1 год (1–4 кв.)	2–3 года	5–10 лет
Реальный ВВП	70–90%	20–30%	10–15%
Инфляция	50–65%	25–35%	10–12%
Валютный курс	80%	35–45%	10–20%
Экспорт	70–85%	30–40%	15%
Чистый приток инвестиций	75%	20–25%	10–15%
Ключевая ставка Банка России	50–60%	15–20%	5–10%

Источник: составлено автором на основе SVAR-модели.

На основании декомпозиции дисперсии можно сформулировать следующие обобщающие выводы:

1) на горизонте первого года после введения санкций их влияние на волатильность макроэкономических переменных максимально:

- до 90% изменчивости ВВП объясняется санкциями;
- 80% волатильности валютного курса также обусловлены санкционными мерами;

- инвестиционные потоки и экспорт испытывают шок, определяемый санкциями на 75–85%.

2) через 2–3 года вклад санкционного шока начинает снижаться (20–45% в зависимости от переменной), что свидетельствует о частичной адаптации экономики.

3) в долгосрочном периоде (5–10 лет) влияние санкций сохраняется, но становится умеренным (10–15% волатильности ВВП, экспорта и инвестиций), что говорит о структурных последствиях санкционного давления.

Таблица 2.3.3. - Прогноз макроэкономических показателей России на 10 лет при сохранении санкционного давления

Переменная/Период	Краткосрочные последствия (1–2 года)	Среднесрочные эффекты (3–5 лет)	Долгосрочные последствия (5–10 лет)
Реальный ВВП	снижение на 0,8–1,2%	частичное восстановление, но рост остаётся ниже тренда	потенциальный ВВП на 10–12% ниже докризисного уровня
Инфляция	рост на 5–8 п.п. выше базового уровня	стабилизация на высоком уровне	длительная высокая инфляция (около 4–5% в год)
Валютный курс	девальвация на 15–20% в первые годы	колебания с тенденцией к ослаблению	укрепление маловероятно, курс останется на 10–15% ниже докризисного
Экспорт	снижение на 10–15%	перестройка логистики, но общий объём на 20% ниже	слабая динамика, экспорт не восстанавливается до прежнего уровня
Чистый приток инвестиций	отток капитала (до \$10–15 млрд. в год)	слабая активность, привлечение инвесторов затруднено	чистый отток капитала сохраняется, инвестиционный климат остаётся негативным
Ключевая ставка Банка России	повышение на 2–3 п.п. для борьбы с инфляцией	постепенное снижение, но остаётся выше нейтрального уровня	вероятна политика умеренной жёсткости

Источник: составлено автором на основании SVAR-модели.

Использование SVAR модели позволяет не только оценить краткосрочные и среднесрочные последствия санкций, но и спрогнозировать их влияние на горизонте 10 лет с учетом возможных траекторий восстановления.

Нами были спрогнозированы два сценария:

1. Базовый сценарий – санкции сохраняются на текущем уровне в течение всего прогнозного периода.
2. Альтернативный сценарий – санкции снимаются в начале прогнозного горизонта, что позволяет оценить потенциальное восстановление экономики при отмене внешних ограничений.

Прогнозирование осуществляется на основании динамических импульсных реакций (Dynamic IRFs) и декомпозиции дисперсии (Variance Decomposition), что позволяет выявить, какие переменные останутся под влиянием санкционного давления даже в долгосрочной перспективе.

1. Сценарий 1 – санкции остаются на текущем уровне (10 лет): данный сценарий моделирует продолжение текущего уровня санкционного давления без его дальнейшего усиления, но также без ослабления или отмены. Включение санкционного индекса в модель в качестве экзогенной переменной позволяет оценить долгосрочные эффекты внешнего давления на макроэкономические показатели России (табл. 2.3.3).

Динамика, приведенная в таблице 2.3.3 обосновывается следующими положениями:

- санкционное давление приводит к долговременному эффекту снижения ВВП, обусловленному замедлением инвестиций, сжатием экспорта и ухудшением макроэкономических условий;
- инфляция остаётся высокой из-за импортируемого удорожания товаров и ограничений в поставках высокотехнологичной продукции;
- курс рубля испытывает продолжительное ослабление, связанное с уходом иностранных инвесторов и переориентацией торговли на менее выгодные рынки;

- инвестиционная активность остаётся подавленной, так как доступ к внешним финансовым ресурсам остаётся ограниченным, а внутренняя неопределённость высока.

2. Сценарий 2 – полное снятие санкций в начале прогнозного периода – в данном сценарии моделируется гипотетическая отмена всех санкций в начале прогнозного горизонта. Это позволяет оценить потенциал восстановления макроэкономических показателей при возвращении России к более свободным торговым и финансовым условиям (табл. 2.3.4).

Таблица 2.3.4. - Прогноз макроэкономических показателей России на 10 лет при полной отмене санкций

Переменная/Период	Краткосрочные последствия (1–2 года)	Среднесрочные эффекты (3–5 лет)	Долгосрочные последствия (5–10 лет)
Реальный ВВП	рост на 1,5–2,0%	экономика выходит на уровень 4–5% выше базового	восстанавливается до долгосрочного тренда
Инфляция	снижение на 3–4 п.п.	достигает целевого уровня 4%	устойчивый уровень
Валютный курс	укрепление на 10–15%	стабилизация валютного курса	валютный рынок становится менее волатильным
Экспорт	рост на 15–20%	полное восстановление к 5-му году	возможен дальнейший рост за счёт интеграции в мировые рынки
Чистый приток инвестиций	увеличение потоков капитала до \$20–25 млрд. в год	полное восстановление к 5-му году	вложения в долгосрочные проекты, включая технологические
Ключевая ставка Банка России	снижение на 1,5–2 п.п.	приближение к нейтральному уровню	стабилизация на нейтральном уровне, поддерживающем устойчивый экономический рост

Источник: составлено автором на основании SVAR-модели.

Динамику, приведенную в таблице 2.3.4 можно обосновать следующими положениями:

- отмена санкций приводит к немедленному росту доверия к российской экономике, что стимулирует возвращение капитала и восстановление инвестиций;

- снижение инфляции происходит за счёт удешевления импорта, снятия логистических ограничений и роста предложения товаров;
- рубль укрепляется на фоне притока валютных средств, возвращения доступа к международным расчётам и роста экспорта;
- экспорт выходит на траекторию роста, поскольку восстанавливаются утраченные торговые связи и открываются новые возможности для торговли;
- ключевая ставка Банка России снижается, что способствует расширению кредитования и внутреннего потребления.

Сравнительный анализ двух ключевых сценариев, основанных на сохранении и отмене санкций, позволяет сделать ряд существенных выводов, указывающих на долгосрочные макроэкономические последствия:

а) при сохранении санкционного режима экономика демонстрирует лишь постепенную и неполную адаптацию, не достигая уровня своего докризисного потенциала, что в свою очередь сопровождается более жёсткими параметрами денежно-кредитной политики для сдерживания инфляционных рисков;

б) одновременно с этим валюта остаётся под давлением, поскольку ограничительные меры продолжают оказывать негативное влияние на платежный баланс и приток капитала.

В противоположность этому, сценарий отмены санкций приводит к существенному ускорению экономического роста, вызванному ростом внутреннего и внешнего спроса, восстановлением экспортных операций и повышением инвестиционной привлекательности; при этом отмечается более быстрое снижение инфляции, что создаёт предпосылки для проведения более либеральной денежно-кредитной политики и способствует укреплению рубля. Важным элементом сравнительного анализа является также фиксация наиболее существенного разрыва по показателям экспорта и инвестиций, которые оказываются наиболее чувствительными к внешнеторговым и финансовым ограничениям, что свидетельствует о ключевой роли санкций в

формировании долгосрочных структурных тенденций для российской экономики.

Санкционное давление, согласно результатам структурного моделирования, оказывает ощутимый негативный эффект на макроэкономические показатели в долгосрочной перспективе, что выражается в сокращении потенциала роста и ослаблении инвестиционной привлекательности России. Проведённый анализ подтвердил гипотезу о том, что санкционный шок является одним из наиболее значимых экзогенных возмущений, оказывающих комплексное воздействие на российскую экономику. Согласно результатам импульсных откликов и декомпозиции дисперсии, в первый год после введения санкций их влияние на изменчивость ключевых макроэкономических показателей достигает 70–90%, а в долгосрочной перспективе остаётся значимым (10–15% даже через 5–10 лет). В случае отмены санкций российская экономика способна восстановить утраченные позиции и выйти на более высокую траекторию развития, что подтверждается результатами моделирования с использованием SVAR-подхода. Представленный анализ формирует научно обоснованную базу для прогнозирования будущего развития экономики России как в условиях сохранения санкционного давления, так и при его возможном смягчении или отмене.

На основании полученных результатов разработаны рекомендации по макроэкономической политике, направленные на минимизацию последствий санкционного давления и обеспечение устойчивого экономического роста в долгосрочной перспективе (рис. 2.3.1). На наш взгляд, разработка эффективных механизмов адаптации, диверсификация экономики и гибкость макроэкономической политики являются ключевыми инструментами минимизации негативных эффектов санкционного воздействия.

Денежно-кредитная политика: баланс между жёсткостью и стимулированием

- контроль инфляции остаётся приоритетом - необходимо поддерживать гибкий, но предсказуемый режим таргетирования CPI для снижения долгосрочных инфляционных рисков
- ставка БР должна учитывать баланс между стабилизацией рубля и поддержкой экономики: чрезмерное ужесточение монетарной политики может подавлять инвестиционную активность, особенно в условиях внешнего давления
- расширение механизмов валютного регулирования и развитие внутреннего валютного рынка позволит снизить волатильность рубля и зависимость от внешних шоков

Фискальная политика: поддержка инвестиций и стимулирование роста

- развитие импортозамещения и технологической независимости за счёт налоговых льгот и субсидий для компаний, ориентированных на производство критически важных товаров
- расширение государственных программ поддержки экспорта, включая кредитование экспортёров и дипломатическое продвижение альтернативных рынков
- стимулирование частных инвестиций через смягчение налоговой нагрузки и создание благоприятной среды для иностранных инвесторов, особенно из стран, не участвующих в санкционных ограничениях

Диверсификация внешнеэкономической деятельности

- переориентация экспортных потоков на страны Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки для компенсации потерь на традиционных западных рынках
- создание устойчивых логистических маршрутов и развитие транспортной инфраструктуры для снижения издержек экспортных поставок
- активизация двусторонних соглашений о свободной торговле с ключевыми партнёрами для минимизации тарифных барьеров

Финансовая и инвестиционная политика

- создание альтернативных платёжных систем для сокращения зависимости от западных расчётных механизмов
- привлечение инвестиций через суверенные фонды и финансовые институты стран-партнёров, снижение барьеров для трансграничного движения капитала
- развитие внутреннего фондового рынка как инструмента долгосрочного финансирования предприятий в условиях ограниченного доступа к международным рынкам капитала

Рисунок 2.3.1. – Рекомендации по макроэкономической политике

Источник: составлено автором.

Выводы по второй главе

Исследование механизмов и экономических последствий воздействия международных экономических санкций на архитектуру мировой экономики подтвердило, что санкционные режимы оказывают многоаспектное влияние на макроэкономические показатели и структуру национальных хозяйственных комплексов. Во-первых, идентифицированы ключевые каналы трансмиссии санкций: торговый (сокращение экспортно-импортных операций), финансовый (ограничение доступа к кредитным и инвестиционным ресурсам), инвестиционный (запрет иностранных инвестиций и заморозка инвестиционных проектов), а также технологический (блокирование высокотехнологичного импорта и ноу-хау). Во-вторых, доказано, что взаимодействие указанных каналов способно создавать кумулятивный эффект, когда внешнеполитически мотивированные ограничения приводят к изменению производственных и логистических цепочек, вынуждая фирмы и государства переориентировать своё развитие и инвестиционные потоки.

На мегауровне мировой экономической системы международные экономические санкции могут выступать фактором трансформации мирохозяйственной системы, провоцируя переформатирование ГЦДС формирование альтернативных региональных или «параллельных» рынков. Выявлено, что в долгосрочной перспективе санкции могут стимулировать импортозамещение и локализацию производства, способствовать созданию новых экономических альянсов и межрегиональных интеграционных проектов, однако одновременно повышают транзакционные издержки и риск фрагментации мирового рынка.

Применение эконометрического моделирования (в том числе методов регрессионного анализа и моделирования общего равновесия) позволило количественно оценить последствия санкционного давления для национальной экономики на примере Российской Федерации. Полученные результаты указывают на системное падение инвестиционной активности, рост инфляционного давления и волатильности валютного курса, а также

снижение темпов экономического роста при жёстком санкционном сценарии. При этом построены прогностические сценарии дальнейшего экономического развития России в контексте санкционного давления.

ГЛАВА 3. АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

3.1. Анализ успешных и неуспешных адаптационных стратегий подсанкционных стран

В настоящее время в условиях глобальных экономических трансформаций и динамичного изменения геополитических реалий международные экономические санкции приобретают всё более существенный характер, выступая одним из ключевых инструментов внешнеполитического давления на целевые государства. Именно в контексте данной тенденции особое значение приобретает исследование не только прямых последствий санкционных мер, но и адаптационных стратегий, которые формируют подсанкционные страны с целью минимизации негативных воздействий и сохранения своей экономической устойчивости. При этом недостаточное внимание к специфике стратегий реагирования способно приводить к ошибочным прогнозам относительно стойкости национальных экономик и неполной оценке их политико-дипломатического потенциала, поскольку только комплексный анализ мер, применяемых государствами в ответ на внешние ограничения, позволяет выявить факторы, определяющие их способность к успешному приспособлению.

Актуальность указанной проблематики обусловлена тем, что санкционные инструменты зачастую имеют не только прямую экономическую нагрузку, но и сопутствующие последствия, затрагивающие широкий спектр общественных, политических и технологических сфер. Без понимания механизма, посредством которого страны адаптируются к подобному давлению, невозможно составить целостную картину степени их уязвимости перед внешними воздействиями, а также оценить долгосрочные риски, связанные с потенциалом экономической деградации или, напротив, развития новых индустриальных направлений. Только анализ совокупности макроэкономических, институциональных и торгово-политических мер, предпринятых подсанкционными государствами, даёт возможность объективно оценивать их экономическую устойчивость и

дипломатическую гибкость. Кроме того, формирование эффективной адаптационной модели обеспечивает не только смягчение санкционного давления в краткосрочной перспективе, но и может способствовать модернизации ряда отраслей, переходу к альтернативным каналам привлечения инвестиций, а также переориентации внешнеэкономических связей.

Определение конкретных условий, предопределяющих «успешность» либо, напротив, «неуспешность» стратегий, реализуемых государствами, на чью экономику наложены внешние ограничения, и выявление, каким образом выбранные наборы мер позволяют, либо не позволяют, снизить уязвимость национальных рынков, поддержать основные производственные сектора и сохранить доступ к критически важным ресурсам и технологиям является, на наш взгляд, академически целесообразным. При этом предполагается рассмотреть не только экономические индикаторы (валютные резервы, динамику ВВП, инвестиционные потоки, торговый баланс), но и более тонкие аспекты, относящиеся к дипломатическим инструментам, институтам развития и степени координации деятельности различных субъектов экономической политики.

Для достижения поставленной цели будет последовательно проанализирован ряд кейсов, где государства сталкивались с внешними ограничениями различной жёсткости, в результате чего обнаруживались различные варианты реагирования: от диверсификации экспортно-импортных каналов и переориентации технологической базы до полного или частичного провала, вызванного отсутствием достаточных ресурсов, дефицитом политической воли или отсутствием благоприятных международных альянсов. При таком подходе представляется возможным выявить, какие системные факторы способствуют смягчению санкционного давления и формированию более устойчивой социально-экономической модели, а какие, напротив, ведут к углублению кризисных явлений и усиливают уязвимость государств перед внешними актами экономического принуждения.

Раскрытие основных драйверов и барьеров, влияющих на результативность предпринимаемых подсанкционными странами мер, должно

продемонстрировать, как конкретные механизмы реагирования – от финансовых и торговых контрмер до программ импортозамещения и дипломатических инициатив – формируют траектории дальнейшего экономического развития и влияют на перспективы восстановления либо усиления изоляции национальных рынков. Эта постановка вопроса даёт возможность более целостно охарактеризовать природу санкционного давления, рассмотрев его не только как внешний фактор, но и как триггер внутренних трансформаций, своевременность и глубина которых в совокупности определяют, сможет ли государство эффективно противостоять ограничениям и каким образом это повлияет на его положение в международной системе хозяйственных связей.

В контексте методологической оценки успеха или провала мер, принимаемых государствами в ответ на введённые против них санкции, особое значение приобретают критерии, позволяющие определить, насколько эффективно национальная экономика способна нейтрализовать негативные последствия внешнего давления и сохранить потенциал для последующего развития (рис. 3.1.1). Одним из ключевых показателей считается стабильность либо положительная динамика основных макроэкономических переменных, в числе которых выделяются темпы роста реального ВВП, уровень инфляции и безработицы, а также состояние платёжного баланса. Поддержание макроэкономической сбалансированности свидетельствует о том, что введённые санкции не спровоцировали системный кризис и не разрушили критические сегменты хозяйственного комплекса страны, что, в свою очередь, говорит о действенности принимаемых внутренних мер финансового, фискального и структурного характера [466, с. 748-750]. Более того, способность государственных институтов проводить антикризисную политику, предусматривающую разумное регулирование денежно-кредитной сферы, стабилизацию кредитно-финансовых рынков и преодоление диспропорций в формировании бюджета, указывает на наличие управленческих компетенций, необходимых для поддержания экономической устойчивости.

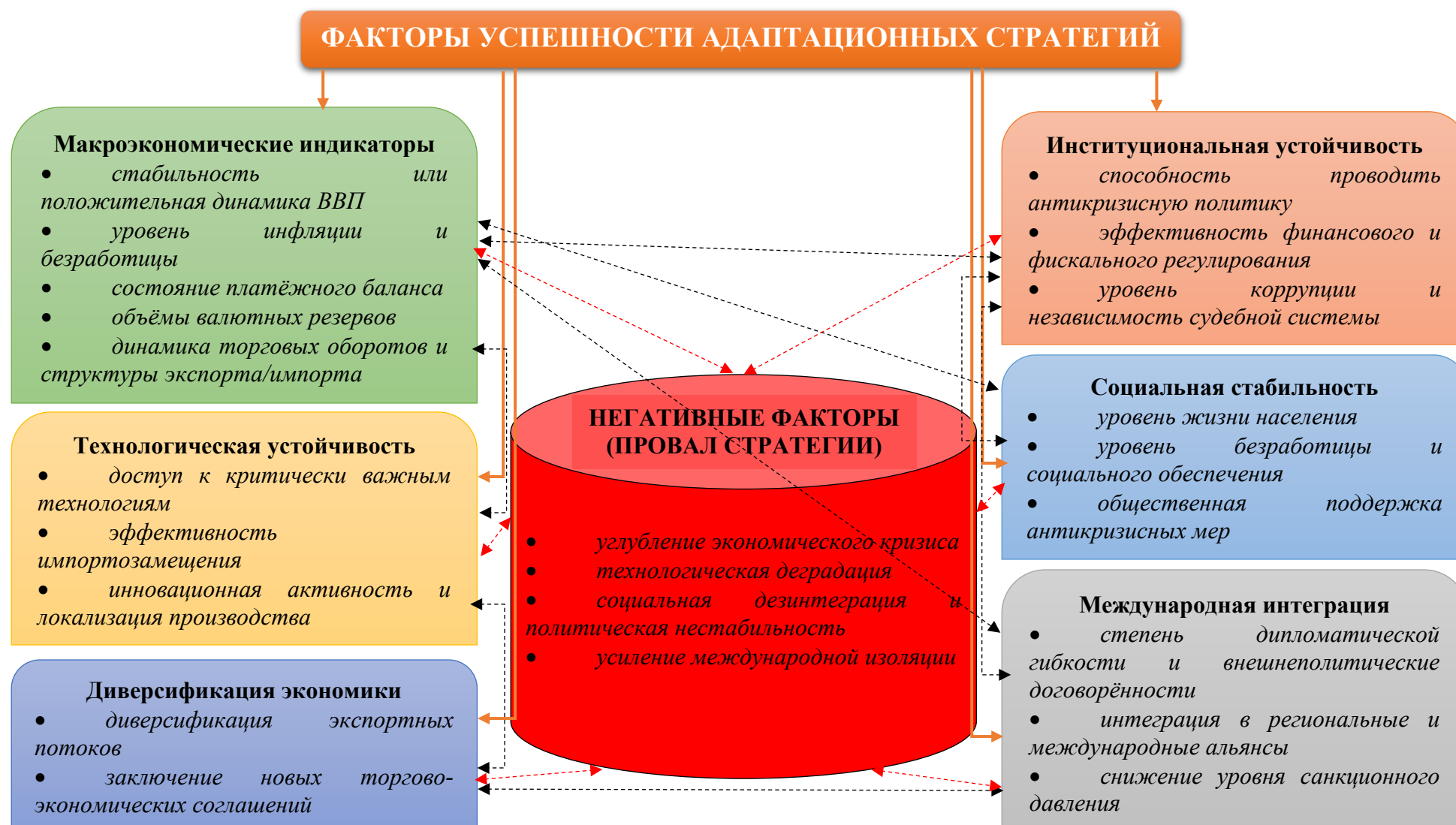

Рисунок 3.1.1. – Критерии оценки успешности адаптационных стратегий государств в условиях санкционного давления

Источник: составлено автором.

Не менее значимым признаком успешной адаптации выступает сохранение доступа к технологиям, имеющим решающее значение для функционирования ключевых отраслей промышленности, либо оперативный переход к механизмам импортозамещения в тех сферах, где прямой доступ к внешнему рынку блокирован санкционными ограничениями [148, с. 53-55]. При этом важно учитывать не только наличие технологических компетенций внутри самой страны, но и способность компаний оперативно выстраивать новые каналы поставок критического оборудования и компонентов. В условиях долгосрочного санкционного воздействия именно технологический разрыв может стать фактором, усиливающим уязвимость национальной экономики: при отсутствии действенных мер по поддержке инноваций отрасли, ориентированные на передовые разработки, быстро утрачивают конкурентные преимущества [146]. Следовательно, эффективная адаптация в данном аспекте связана с выработкой системных решений, нацеленных на стимулирование собственной исследовательской базы, локализацию производства и поиск потенциальных зарубежных партнёров, не вовлечённых в санкционный режим [442, с. 20-22].

Третьим фактором, позволяющим судить об относительной успешности противосанкционных мер, выступает диверсификация экспорта и создание альтернативных каналов сбыта продукции, особенно в тех секторах, где государство обладает конкурентными преимуществами. Если до введения санкций экономика в значительной мере зависела от узкой номенклатуры экспортных товаров или от определённой группы стран-покупателей, то для эффективного смягчения внешнего давления необходима переориентация потоков. Это достигается путём заключения новых торгово-экономических соглашений, поиска более гибких логистических маршрутов и активизации маркетинговых стратегий, направленных на привлечение дистрибьюторов в регионах, не поддерживающих санкционный режим [105, с. 42-45]. Расширение географии сбыта снижает вероятность критического сжатия экспортных доходов и создаёт предпосылки для более устойчивой интеграции

государства в мировое хозяйство за счёт формирования горизонтальных связей с разнопрофильными партнёрами.

Ещё одним важным индикатором, указывающим на эффективность адаптации, может служить частичное или даже полное ослабление санкционного давления, когда государство-инициатор санкций или группы стран, участвующие в режиме внешних ограничений, идут на пересмотр своей политики. Такое смягчение зачастую достигается посредством дипломатических договорённостей, в рамках которых подсанкционное государство выполняет определённые условия или предлагает взаимовыгодные компромиссы [433, с. 30-31]. В этом случае достижение договорённостей о частичном снятии запретительных мер свидетельствует о том, что применённые механизмы реагирования и внешнеполитические шаги оказались достаточно убедительными, чтобы снизить остроту конфликта. Однако важно подчеркнуть, что данное обстоятельство не всегда указывает на долгосрочный успех: если дипломатические уступки приводят к временной отмене ограничений без решения структурных проблем, то любые новые разногласия на международной арене способны вновь привести к ужесточению санкционных режимов.

В ряду негативных индикаторов, свидетельствующих о провале адаптационной стратегии и неспособности государства противостоять санкционному давлению, одним из наиболее значимых выступает углубление экономического кризиса, сопровождаемое существенным сокращением объёмов производства и стремительным падением уровня жизни населения. В подобных условиях наблюдается резкая девальвация национальной валюты, вызывающая рост инфляции и провоцирующая дефицит основных товаров, в том числе продовольственных и промышленных, что в совокупности приводит к снижению платёжеспособности потребителей и усугублению социальной напряжённости [193, с. 144-145]. Параллельно с этим сокращаются капиталовложения в производственные мощности, ТНК сворачивают проекты или полностью уходят с рынка, а национальные предприятия терпят убытки в

результате разрыва цепочек поставок критических сырьевых и технологических компонентов [123, с. 727–728]. Системный характер такого кризиса проявляется в том, что государству не удаётся компенсировать потери ни за счёт внутренних ресурсов, ни путём перенастройки экспортно-импортных каналов, вследствие чего возникает замкнутый цикл экономической дестабилизации, не позволяющий реализовать модернизационные инициативы.

Следующим неблагоприятным показателем признаётся технологическая деградация, которая вызывает рост зависимости от серых или теневых схем поставок высокотехнологичного оборудования и компонентов. В условиях многократного сокращения внешних источников финансирования и при блокировке каналов официального импорта государство утрачивает доступ к передовым разработкам и ноу-хау, что неминуемо отражается на конкурентоспособности ключевых отраслей промышленности [204, с. 56-57]. Формируется специфическая теневая инфраструктура, ориентированная на полулегальные или нелегальные способы ввоза комплектующих, что не только повышает затраты на их приобретение, но и создаёт риски дальнейших ограничительных мер в отношении посредников. При отсутствии системных инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы внутри страны технологическое отставание усиливается, затрагивая стратегические сектора (машиностроение, электронику, нефтегазовое оборудование), и в конечном итоге блокирует возможности для долгосрочного экономического роста [484, с. 1-3].

Ещё одним признаком отсутствия результативной стратегии адаптации к внешнему давлению считается расширение санкционного режима и усиление международной изоляции. Когда государство не демонстрирует готовности к диалогу или предпринимает действия, воспринимаемые как угроза международной стабильности, против него могут вводиться дополнительные ограничения различного характера: от замораживания активов и технологического эмбарго до блокировки новых финансовых

каналов [79, с. 69-71]. В случае, если санкции принимаются не только одной страной, но и поддерживаются широким кругом международных партнёров, возрастает риск дипломатической изоляции, снижаются шансы на формирование альтернативных экономических союзов, а значит и минимизируются возможности обхода наложенных барьеров. Такая ситуация создаёт предпосылки для хронизации кризисных явлений, поскольку неоднократные волны санкций формируют новую институциональную среду, в которой подсанкционное государство оказывается лишённым значимых рычагов интеграции в мировое хозяйство и не может рассчитывать на существенную поддержку со стороны ведущих экономических акторов.

Взаимосвязи между критериями оценки успешности адаптационных стратегий государств в условиях санкционного давления демонстрируют системный характер взаимодействия макроэкономических показателей, технологической устойчивости, диверсификации экономики, институциональной и социальной стабильности, а также уровня международной интеграции. Макроэкономические индикаторы оказывают непосредственное влияние на социальную и институциональную стабильность, обеспечивая условия для экономического роста и поддержания внутреннего спроса.

Технологическая устойчивость и диверсификация экономики взаимно стимулируют инновационное развитие и расширение экспортных потоков, тогда как международная интеграция способствует укреплению внешнеэкономических связей и снижению уязвимости национальных рынков. Эффективность институциональной среды и общественная поддержка антикризисных мер формируют политическую стабильность, необходимую для успешной адаптации к внешним ограничениям. При этом негативные индикаторы (углубление экономического кризиса, технологическая деградация, социальная дезинтеграция и международная изоляция) обладают обратным влиянием на все категории, формируя замкнутый цикл экономической дестабилизации. Комплексный характер этих взаимосвязей

подчёркивает значимость учёта как внутренних, так и внешних факторов, определяющих успешность адаптационных стратегий в условиях санкционного давления.

Методологическая основа анализа адаптационных стратегий подсанкционных государств базируется на комплексном применении как количественных, так и качественных индикаторов, позволяющих получить целостное представление о реальном состоянии их социально-экономического развития и внешнеполитических возможностей. В качестве ключевых количественных показателей рассматриваются темпы изменения ВВП, динамика торговых оборотов, структура экспорта и импорта, уровень инфляции, параметры безработицы и объёмы ЗВР. Подобные индикаторы берутся из официальных источников, в том числе отчётов МВФ и Всемирного банка, а также годовых статистических сводок, публикуемых национальными институтами (Министерствами финансов, Центральными банками, органами статистики). Объективность таких данных во многом зависит от степени прозрачности государств, предоставляющих отчёты, и их соответствия международным стандартам учёта и отчётности. В случае наличия значимых расхождений между национальной и международной статистикой применяется процедура сопоставления показателей с целью исключения недостоверных или заведомо искажённых сведений.

Помимо числовых данных, существенный акцент делается на качественные характеристики, отражающие институциональные и политические аспекты, без анализа которых невозможно корректно интерпретировать результаты экономического противостояния санкциям. К числу подобных параметров относятся степень реформирования государственных институтов, способность правительства осуществлять эффективное управление финансовыми и материальными ресурсами, наличие или отсутствие дипломатической гибкости в достижении договорённостей с внешними акторами, а также уровень интегрированности страны в региональные или международные альянсы [393, с. 61-63]. При оценке

институциональной среды рассматривается не только формальное законодательство, но и фактическая реализация механизмов контроля, уровень коррупции, независимость судебной власти и характер взаимоотношений между государственным сектором и бизнес-сообществом. Особое внимание уделяется способности политической элиты формировать новую повестку в условиях санкционного давления, а также ресурсам, которые позволяют ей инициировать структурные изменения, направленные на укрепление экономического фундамента.

Объединение количественных и качественных индикаторов требует применения сравнительного анализа в формате кейс-стади, при котором детально изучаются конкретные государства, столкнувшиеся со сходными по масштабу или характеру санкциями, но продемонстрировавшие разную результативность ответных мер. Такой подход обеспечивает возможность более глубокой интерпретации: сопоставление статистических данных о производственной динамике, объёмах торговых операций и показателях финансовой стабильности с результатами экспертных опросов и документальных исследований позволяет выявить общие закономерности и специфические факторы, оказывающие решающее влияние на итог адаптационной политики. В частности, при анализе результатов импортозамещения целесообразно изучать не только изменение общего объёма производства, но и оценивать динамику выпуска высокотехнологичной продукции, показатель инновационной активности, а также структуру экспортных поставок, поскольку формальное увеличение производства может сопровождаться снижением технологического уровня.

Опираясь на официальные отчёты (например, материалы профильных министерств, доклады центральных банков) и на рецензируемые научные публикации, можно получить доступ к разнообразным информационным потокам, что позволяет нивелировать риск односторонней интерпретации. Подобное сочетание эмпирических данных и аналитических материалов способствует выявлению скрытых или слабо выраженных тенденций, которые

могут ускользать при использовании изолированного (либо исключительно статистического, либо чисто политологического) метода. В ряде случаев к анализу привлекаются также результаты полевых интервью и социологических исследований, позволяющих зафиксировать изменения в бизнес-среде, уровень общественной поддержки действий правительства и общее восприятие санкционного давления населением [42, с. 5-6]. Как результат, системный подход, сочетающий разнородные источники информации, обеспечивает более достоверные результаты и способствует формированию методологически обоснованных выводов о факторах, влияющих на успешность либо неудачу мер, предпринимаемых подсанкционными странами.

Начиная с 2014 года Российская Федерация подвергается серии многоэтапных и разнонаправленных санкций, инициированных рядом западных государств и международных объединений, прежде всего США, ЕС, Великобританией, Канадой, а также их некоторыми азиатскими и тихоокеанскими партнёрами (Приложение Н). Столь широкая география введения ограничительных мер отражает не только их политическую подоплёку, связанную с военным конфликтом России и Украины, но и меняющуюся архитектуру мировой экономики, в которой санкции всё более явно проявляются в роли инструмента многоуровневого экономического давления. Основной акцент накладываемых санкционных режимов фокусируется на финансово-банковском секторе, нефте- и газодобывающей промышленности, ВПК, а также высокотехнологичных отраслях, что в совокупности формирует серьёзные вызовы для модернизации российской экономики и доступа к передовым иностранным разработкам.

Подобная санкционная политика реализуется через механизмы законодательного и административного характера (законы, указы, исполнительные акты правительств зарубежных стран, решения Совета ЕС), а её общий вектор заключается в постепенном ужесточении установленных ограничений. Относительная специфика российской ситуации — в том, что

санкции многократно дополняются новыми пакетами, расширяя как перечень подсанкционных лиц и компаний, так и сферы, на которые распространяется запрет или лимитирование доступа к ресурсам, технологиям и финансовым инструментам [179, с. 157-159]. Эти меры усложняют функционирование ряда стратегических направлений российской экономики и провоцируют ответные меры в виде контрсанкций, импортозамещения и переориентации на незападные рынки в рамках системной политики экономической адаптации.

Одним из центральных направлений антикризисных мер стало импортозамещение в сельском хозяйстве, машиностроении, радиоэлектронике и фармацевтике [69, с. 229-231]. Данные сектора были определены как стратегически уязвимые в условиях ограничения доступа к зарубежным технологиям и комплектующим. В рамках национальных проектов и специализированных подпрограмм (к примеру, «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности») было предусмотрено:

- финансирование исследовательских центров и конструкторских бюро, способствующее формированию отечественных разработок и сокращению зависимости от зарубежных инноваций;

- стимулирование выпускников технических вузов через гранты и целевой приём, направленные на усиление кадрового потенциала в высокотехнологичных сферах;

- поддержку МСБ, функционирующего в наукоёмких областях, включая налоговые льготы, субсидирование процентных ставок и создание технопарков для инновационных стартапов [2].

В сельскохозяйственном комплексе усилия по импортозамещению сопровождались формированием региональных агропромышленных кластеров и развитием инфраструктуры хранения и переработки продукции [232, с. 260-262]. Это позволило увеличить производство ряда продовольственных товаров (мясо птицы, свинина, овощи закрытого грунта) и одновременно сократить импортозависимость в наиболее критичных

товарных нишах [83, с. 109-112]. Однако ряд исследований указывает на сохранение зависимости от зарубежных семян, посадочного материала и сельскохозяйственной техники высокой производительности [215, с. 23].

В качестве контрмеры на санкции со стороны США, ЕС и ряда других стран Правительство России ввело запрет на ввоз определённых категорий продовольственных товаров, прежде всего мяса, рыбы, овощей и фруктов [36]. По мнению ряда аналитиков, данная мера способствовала:

- 1) расширению внутреннего рынка для отечественных аграриев, что, в свою очередь, стимулировало рост производства в растениеводстве и животноводстве [83, с. 107-112];
- 2) увеличению размеров господдержки (субсидии на покупку сельхозтехники, компенсации процентов по кредитам), что создало более благоприятные условия для локальных сельхозпредприятий [230, с. 138-139];
- 3) росту цен на некоторые категории продуктов (например, фрукты, овощи, мясо), что в краткосрочном периоде повлекло ускорение инфляции на продовольственном рынке ввиду отсутствия полноценных импортных аналогов, особенно в нехарактерных для российского климата товарных нишах [222, с. 3-4].

В целом, продовольственное эмбарго стало катализатором аграрной перестройки, однако его эффективность в средне- и долгосрочной перспективе зависит от углубления переработки, модернизации хранения и решения логистических проблем внутри страны [138, с. 12-13].

В направлении валютно-финансовой политики в условиях ограниченного доступа к зарубежным кредитным ресурсам и рисков утечки капитала Банк России перешёл к режиму плавающего курса рубля, что помогло компенсировать внешний шок и частично сохранить международные резервы [328]. Жёсткая монетарная политика, сопровождавшаяся повышением ключевой ставки в 2014–2015 гг., позволила стабилизировать

инфляцию к 2017 году, но одновременно замедлила темпы кредитования реального сектора [162, с. 40].

Параллельно был взят курс на дедолларизацию экономики: правительство объявило о стремлении сократить расчёты в долларах США и увеличить использование национальных валют в торговле со странами ЕАЭС, Китаем, Турцией и Ираном [85, с. 23-24]. В качестве дополнения к этому усилились ограничения на трансграничное движение капитала, охватывавшие как корпоративные, так и частные операции, что создаёт дополнительные барьеры для оттока финансовых средств за рубеж [330].

Также, в ответ на высокую вероятность отключения ряда российских банков от международной системы SWIFT правительством и Банком России была инициирована реализация масштабного проекта по созданию отечественной СПФС [92, с. 593-595]. Одновременно увеличивалось использование национальных платёжных карт «Мир», что должно повысить автономность платёжной инфраструктуры и снизить зависимость от зарубежных операторов Visa и MasterCard [329].

Системный анализ предпринятых Россией мер по адаптации к санкциям свидетельствует о многоплановом характере противодействия внешним ограничениям: акцент сделан одновременно на стимулировании импортозамещения, формировании собственных финансовых механизмов и оптимизации структуры аграрного рынка. Импортозамещение и продовольственное эмбарго позволили частично переориентировать внутренние производственные мощности и снизить зависимость от импортных поставок продовольствия. При этом валютно-финансовая политика, основанная на переходе к плавающему курсу рубля и дедолларизации экономики, содействовала предотвращению острой финансовой дестабилизации, хотя и сопровождалась усилением бюджетной и кредитной нагрузки на некоторые отрасли. Развитие национальных платёжных систем и укрепление институтов, обслуживающих внешнюю торговлю с незападными партнёрами, указывают на стремление к более

широкой географической диверсификации торговых потоков. Однако дальнейшая результативность данных мер будет зависеть не только от конъюнктуры мировых рынков, но и от способности российской промышленности к технологическому прорыву при ограниченном доступе к передовым зарубежным ноу-хау.

Результаты санкционного давления и контрмер являются неоднозначными. В первые два года после введения широкомасштабных внешних ограничений (2014–2015 гг.) российская экономика переживала острый шоковый период, сопровождавшийся стремительным ослаблением рубля и увеличением уровня инфляции до двузначных значений (Приложение Ж). Однако уже с 2016 года, благодаря умеренному восстановлению цен на нефть и переходу Банка России к жёсткой монетарной политике, начался процесс стабилизации. В рамках данной политики ключевая ставка была временно повышена, что позволило ограничить рост инфляционных ожиданий и постепенно вернуть инфляцию в заданный целевой коридор.

Неравномерность экономического роста (2016–2020 гг.) выявила структурные проблемы, связанные с сырьевой ориентацией и технологическими диспропорциями. В частности, промышленное производство росло преимущественно в сырьевых и аграрных сегментах, тогда как высокотехнологические отрасли сталкивались с дефицитом импортного оборудования, задержками логистических поставок и ограниченным доступом к международным рынкам капитала. Тем не менее, строгая бюджетная и кредитно-денежная дисциплина смогла предотвратить угрозу гиперинфляции и массового оттока капитала, несмотря на повышенную неопределённость внешнеполитической обстановки.

Системная оценка результатов противостояния санкционному давлению позволяет констатировать относительную макроэкономическую устойчивость России, поддерживаемую объёмными международными резервами, экспортно-сырьевыми доходами и диверсифицированной валютной политикой. В краткосрочной перспективе подобные факторы обеспечили

возможность компенсировать утраченные каналы финансирования и сохранить стабильность государственного бюджета. Более того, переориентация экспортных потоков на азиатские страны и Ближний Восток позволила частично восполнить потери от свертывания сотрудничества с рядом западных рынков.

С другой стороны, финансовые и технологические санкции сформировали дополнительные барьеры для структурной модернизации: высокотехнологичные отрасли испытывают дефицит критических технологий, а западные рынки капитала практически закрыты для крупных государственных компаний. Параллельно перестройка логистических маршрутов, предполагающая более сложную транспортную инфраструктуру, ведёт к удорожанию издержек и повышает неопределённость планирования. В совокупности данные факторы указывают на то, что, несмотря на умеренно позитивные результаты антикризисных мер и успешную стабилизацию ряда макроэкономических параметров, долгосрочный сценарий роста остаётся под вопросом. Решение проблем технологического отставания и расширение доступа к иностранным инвестиционным ресурсам выступают критически важными условиями для полноценной модернизации экономики и сохранения её конкурентоспособности на мировых рынках.

Реализация международного санкционного режима против Исламской Республики Иран, включающего в себя жёсткие ограничения на экспорт углеводородов и блокировку доступа к международной финансовой системе (в частности, платёжной сети SWIFT), существенно затруднила функционирование крупнейших отраслей и усугубила проблему нехватки ликвидности в банковском секторе (Приложение О). Помимо этого, заморозка ряда зарубежных активов иранского правительства и корпоративных структур, а также ограничения на поставки технологий двойного назначения негативно сказались на возможностях модернизации промышленности и привлечения иностранных инвестиций, что усилило необходимость поиска новых экономических партнёров и альтернативных схем взаимодействия с

внешним миром [480, с. 30-35]. Параллельно с этим внутренние диспропорции, связанные с высокой ролью госрасходов в нефтеориентированной структуре бюджета, обострили риск инфляционных всплесков и падения курса национальной валюты при сокращающемся объёме нефтяных поступлений [448, с. 5319–5325].

Для противодействия санкциям правительство Ирана предприняло комплекс мер, направленных на переориентацию нефтяного экспорта и частичное импортозамещение в промышленности [117, с. 107-108]. В условиях снижения поставок углеводородов в Европу и некоторые другие западные рынки Тегеран активизировал торговые контакты с Китаем, Индией, Южной Кореей и Японией [480, с. 30-35]. При этом использовались специальные каналы реализации нефти, позволяющие обходить прямые финансовые ограничения, например путём заключения бартерных сделок и расчётов в национальных валютах, минуя долларовые клиринговые системы. Параллельно с этим иранские власти стремились стимулировать выпуск отечественной автомобильной и бытовой техники, используя механизмы налоговых льгот, субсидирования процентных ставок по кредитам для промышленных предприятий и ограничение импорта отдельных категорий товаров [469, с. 1154-1160]. Подобная политика усиливала загрузку местных производственных мощностей, при этом способствуя накоплению технологических компетенций, необходимых для постепенного формирования более самостоятельного промышленного кластера.

Одним из центральных аспектов борьбы с финансовой блокировкой стало развитие собственных или параллельных банковских структур, способных функционировать в отрыве от глобальных платёжных сетей. Иранские банки разрабатывали различные формы бартерных соглашений, транзакции с использованием региональных электронных систем и расчёты в валютах государств-импортёров нефти [438, с. 149]. Несмотря на возрастание транзакционных расходов и рисков, подобные схемы позволяли поддерживать часть торговых операций и оказывать помощь экспортёрам, чей бизнес зависел

от поставок иранской нефти. Принципиально важным достижением дипломатических усилий стало заключение в 2015 г. СВПД, в результате которого наблюдалось частичное снятие или смягчение некоторых санкций, хотя и в ограниченном формате [271]. Это временное облегчение режима, продлившееся до 2018 г., способствовало краткосрочному улучшению макроэкономической конъюнктуры и позволило привлечь определённый объём европейских инвестиций в нефтегазовый и автомобильный секторы. Однако возобновление более жёсткой санкционной политики в последующие годы продемонстрировало, что, хотя Иран сумел сформировать отдельные инструменты обхода санкций и стимулировать локальное производство, долгосрочная устойчивость экономики по-прежнему зависела от успешности переговоров и широты круга торговых партнёров.

Временное смягчение внешнего давления в результате заключения СВПД позволило иранскому правительству на короткий период стабилизировать внутреннюю экономическую ситуацию и привлечь дополнительные ресурсы для дальнейшего развития. В частности, по данным МВФ, в период 2016–2017 гг. наблюдалось улучшение динамики ВВП страны, возобновился рост в нефтегазовом секторе за счёт увеличения экспортных квот, а объёмы импорта отдельных видов промышленного оборудования стали возрастать [527]. Стабилизация в финансовом секторе выразилась в некотором укреплении национальной валюты, что, однако, носило временный характер и в значительной мере зависело от политико-правовых рамок, регулирующих доступ Ирана к мировым рынкам капитала. Данная тенденция продемонстрировала, что даже ограниченное ослабление санкций способно существенно изменять макроэкономическую конъюнктуру, если государство обладает экспортным потенциалом и способностью к проведению прагматичной финансовой и фискальной политики.

Наряду с макроэкономическим оздоровлением, иранская сторона предприняла попытки расширить присутствие на азиатских и ближневосточных рынках за счёт активизации нефтяных поставок и развития

отраслевых контактов, включая формирование индустриальных кооперационных проектов с китайскими и индийскими компаниями [490, с. 64-70]. Хотя полное избавление от технологических барьеров не произошло, частичное улучшение внешней среды поспособствовало появлению новых совместных предприятий в секторе лёгкой и автомобильной промышленности, а также увеличению поставок оборудования для нефтепереработки. Одновременно иранское правительство продолжало курс на импортозамещение в ряде приоритетных областей (например, в производстве автокомпонентов и бытовой техники), используя имеющиеся внешние ресурсы для локализации отдельных стадий технологического цикла. Данная политика позволила в определённой степени диверсифицировать источники материально-технического обеспечения, что снизило зависимость от нескольких ведущих мировых поставщиков.

Сигналом к позитивным сдвигам в инвестиционном климате Ирана стало начало притока ПИИ со стороны европейских корпораций, заинтересованных в долгосрочных проектах в нефтегазовом комплексе и автомобилестроении. Французские и немецкие концерны, получившие возможность заключать контракты с иранскими партнёрами на льготных условиях, запустили ряд совместных производств и технологических линий, что должно было обеспечить как модернизацию ряда отраслей, так и трансфер ноу-хау [522;550]. Тем не менее указанная активизация оказалась кратковременной: возобновление жёсткой санкционной политики в 2018 г., в том числе со стороны США, привело к ужесточению ограничительных мер и выходу ряда европейских инвесторов из иранских проектов под угрозой вторичных санкций [62, с. 10-14]. Столь неопределённая международная обстановка продемонстрировала уязвимость иранской экономики перед колебаниями политического курса ведущих держав и показала, что частичная диверсификация рынков сбыта и создание альтернативных финансово-торговых каналов не могут в полной мере компенсировать отсутствие

стабильного доступа к передовым технологиям и крупному долгосрочному капиталу.

Иранская экономика продемонстрировала определённую степень устойчивости к внешним шокам благодаря многолетнему опыту санкционного давления и значительному уровню государственного контроля над ключевыми отраслями. Однако фундаментальный характер западных финансово-технологических ограничений сдерживает возможность проведения структурных реформ, необходимых для долгосрочного развития и международной конкурентоспособности иранских предприятий. Несмотря на меры по импортозамещению, разворачиванию национальной платёжной системы и диверсификации производства, Тегерану не удалось полностью преодолеть технологическую и финансовую уязвимость.

Реализация жёстких ограничительных мер в отношении Боливарианской Республики Венесуэла, инициированных США и поддержанных рядом стран, оказала критически негативное воздействие на экономическую и политическую стабильность этого государства (Приложение П). Ключевой уязвимостью для Венесуэлы стала крайне высокая концентрация экспортной выручки на нефтяном секторе, который формировал более 90% валютных поступлений по данным ОПЕК [500]. Такое положение вещей делало государственный бюджет крайне уязвимым к изменениям мировых цен на нефть и ограничениям, возникающим вследствие санкционных мер. Блокировка доступа к международным финансовым рынкам, затруднение обслуживания госдолга и существенное сокращение экспортных каналов лишили Каракас значительной доли внешних доходов, что привело к острому дефициту ликвидности и обострило проблему несбалансированности бюджета [358].

Особое место среди факторов, обусловивших неуспешность венесуэльской адаптации к санкциям, занимает отсутствие своевременных реформ в нефтяном секторе и затягивание процесса перехода к диверсифицированным экспортным моделям [440, с. 76-82]. Правительство

долго полагалось на монополизацию нефтегазовых доходов государственным концерном PDVSA, не уделяя должного внимания развитию нефтепереработки, сервисного обслуживания и внедрению инновационных технологий, которые могли повысить эффективность отрасли. К моменту введения санкций выяснилось, что значительные средства, полученные от нефтяной ренты в предыдущие годы, не были конвертированы в проекты, направленные на модернизацию производственных мощностей и поиск иных экспортных ниш. Как результат, сокращение нефтяных поставок и усложнение финансовых расчётов из-за санкций повлекли за собой стремительное истощение ВВП и падение уровня промышленного производства.

Усугубляющим обстоятельством стал финансовый кризис, выраженный в беспрецедентном уровне гиперинфляции, который венесуэльские власти не сумели обуздать эффективными монетарными или фискальными мерами [479, с. 339-341]. Отсутствие жёсткой и продуманной политики по стабилизации национальной валюты – боливера, поддержке банковской системы и привлечению иностранного капитала привело к нарастающей недоверии внутренних и внешних инвесторов. Неудержимая эмиссия денег для покрытия дефицита бюджета стимулировала дальнейший рост цен, усиливала социальное напряжение и ухудшала благосостояние населения. В такой ситуации любые попытки государства сохранить социальные программы или обеспечить импорт продовольствия и лекарств сталкивались с отсутствием достаточной валютной выручки и острым дефицитом базовых товаров.

Отдельным барьером, препятствующим смягчению санкционного давления, выступила недостаточная дипломатическая поддержка со стороны ведущих мировых держав. Венесуэла не смогла сформировать стабильные внешнеэкономические альянсы, которые дали бы возможность переориентировать нефтяные потоки и обеспечить поступление финансовых ресурсов в обход американских и региональных ограничений [425, с. 51-52]. При этом сотрудничество с рядом государств, которые рассматривались в качестве потенциальных партнёров, оказалось неэффективным или слабо

институционализированным, и поэтому не сформировало устойчивых альтернатив для сбыта венесуэльской нефти и привлечения иностранного финансирования. Сложившаяся международная изоляция привела к тому, что структуры, связанные с официальным правительством, подвергались вторичным санкциям при попытках совершать транзакции через третьи страны. В результате Венесуэла оказалась в условиях ограниченных внешних источников поддержки, не имея возможности оперативно среагировать на финансовый коллапс внутри страны и стабилизировать объёмы нефтедобычи. Все эти факторы в совокупности спровоцировали системный экономический кризис, когда падение доходов и сокращение промышленного производства сопровождались острой нехваткой базовых товаров и разрушением социальных институтов.

Продолжающееся усиление внешних санкций, а также проциклические внутренние факторы привели к резкому сокращению ВВП Венесуэлы, которое в отдельные годы достигало двузначных значений, отражая масштабное сжатие как сырьевого, так и обрабатывающего секторов экономики [566]. По данным Международного валютного фонда, к концу 2019 г. реальный объём ВВП страны уменьшился более чем на 60 % по сравнению с докризисным периодом, что свидетельствует о глубоком структурном кризисе, обуславливающем дестабилизацию государственного бюджета и утрату большей части доходов, формировавшихся за счёт экспортных поставок нефти [528]. Параллельно с этим наблюдался стремительный спад промышленного производства, когда многие предприятия, не имея стабильного доступа к зарубежному капиталу и комплектующим, оказывались вынуждены сворачивать деятельность или переходить на упрощённые технологии, не способные поддерживать конкурентоспособность на внешних рынках. Ситуацию усугубляла галопирующая инфляция, подрывающая покупательную способность и сберегательную активность населения, а также препятствующая формированию хотя бы минимально предсказуемого инвестиционного климата.

Наиболее драматичным следствием столь масштабных макроэкономических дисбалансов и санкционного давления стал катастрофический отток населения, вызванный сочетанием социально-экономических и гуманитарных факторов. По некоторым данным, к 2022 г. суммарное число вынужденных переселенцев и эмигрантов, покинувших Венесуэлу, приближалось к 7 млн. человек [405], причём значительная часть мигрантов направлялась в соседние латиноамериканские страны, испытывая дефицит легальных возможностей для трудоустройства и социальной защиты. Из-за утраты работоспособных кадров и квалифицированных специалистов национальная экономика ещё более ослаблялась, теряя значительный человеческий потенциал для восстановления и диверсификации. Параллельно в самой Венесуэле возникал дефицит ключевых медицинских препаратов, продовольственных товаров и товаров первой необходимости, поскольку правительство в условиях нехватки валюты не могло гарантировать стабильную оплату поставок из-за рубежа [411]. Резкое падение уровня доходов населения на фоне инфляционной спирали усугубляло продовольственную незащищённость, формируя предпосылки для гуманитарного кризиса, о котором заявляли как международные организации, так и неправительственные структуры, оказывающие помощь беженцам и внутренне перемещённым лицам [399]. Сложившаяся ситуация отражала неспособность государственных институтов обеспечить эффективное функционирование экономики в условиях внешнего давления и сужающихся финансовых возможностей, а также отсутствие результативных механизмов по восстановлению хотя бы базового уровня социальной стабильности [400, с. 30-32].

Венесуэла, столкнувшись с жёстким санкционным давлением, направленным в первую очередь на нефтяной сектор и финансово-банковскую систему, продемонстрировала сложную и неоднозначную динамику адаптации: с одной стороны, государственные институты попытались компенсировать выпадающие нефтяные доходы путём переориентации

экспорта и привлечения кредитных ресурсов от государств, не поддерживающих санкции (прежде всего России и Китая), а с другой стороны, нехватка институциональных механизмов, отсутствие устойчивых валютных резервов и высокие социальные диспропорции привели к глубокому кризису ликвидности и гиперинфляционным процессам. В условиях массового оттока населения, деградации нефтедобывающей инфраструктуры и ограниченных возможностей для модернизации производственных отраслей Венесуэла так и не смогла выработать системную модель импортозамещения и полноценной диверсификации. В результате, несмотря на формальное наличие ряда альтернативных каналов внешней торговли, экономика страны осталась критически уязвимой перед колебаниями мировых цен на сырьё, а социально-экономическая ситуация продолжает характеризоваться острым финансовым дефицитом, проблемами с обеспечением продовольствием и ограниченным доступом к инвестиционным ресурсам.

Введение многоуровневых санкций против КНДР, инициированных в основном с 2006 года в ответ на развёртывание национальной ядерной программы, обусловило формирование комплексного режима внешних ограничений, охватывающего широкую сферу экономических и финансовых взаимодействий (Приложение Р). Резолюции Совета Безопасности ООН [560], а также дополнительные запретительные меры со стороны США, ЕС и ряда других государств, постепенно ужесточались, ограничивая экспорт и импорт стратегически значимых товаров (энергоносителей, металлургической продукции, технологий двойного назначения), замораживая активы северокорейских компаний и финансовых институтов за рубежом, а также блокируя международные транзакции, при осуществлении которых подозревалась причастность к военным или ядерным исследованиям.

Одной из центральных проблем, препятствующих полноценной адаптации Северной Кореи к данным санкционным условиям, является крайне ограниченная способность диверсифицировать внешнюю торговлю. Традиционно доминирующим партнёром КНДР выступает Китай, на который

приходится до 90% товарооборота по официальным и теневым каналам [131, с. 25]. Однако даже Пекин, стремясь соблюдать режим многосторонних санкций, в соответствии с резолюциями СБ ООН периодически вводит дополнительные ограничения на поставки угля, нефти и прочих критических ресурсов, а также ужесточает мониторинг трансграничных транзакций [511]. Это создаёт постоянно меняющуюся внешнеэкономическую среду, где даже неформальные схемы импорта и экспорта становятся уязвимыми для выявления и блокировки. При отсутствии широкого круга альтернативных рынков сбыта и источников снабжения КНДР вынуждена полагаться на узкие каналы, которые не позволяют восполнять технологический дефицит и обеспечивать устойчивую динамику валютных поступлений.

Важной чертой провальной адаптации КНДР к санкционному режиму выступает сохраняющаяся технологическая изоляция и отсутствие масштабных зарубежных инвестиций [241, с. 7-8]. В условиях, когда большинство международных компаний и финансовых структур избегают прямого сотрудничества с северокорейскими предприятиями из-за риска вторичных санкций или дипломатического давления, сфера иностранных вложений практически не развивается. Государство лишено современной промышленной инфраструктуры и продвинутых производственных технологий, необходимых для выпуска высококачественной конкурентоспособной продукции, что ещё более усиливает структурные дисбалансы внутри национальной экономики. Попытки наладить контрабандные каналы поставок высокотехнологичной аппаратуры и компонентов часто сопряжены с большими затратами и высоким риском разоблачения, приводя к ещё большему ужесточению санкций со стороны мирового сообщества.

Наконец, существенной преградой для развития гражданского сектора КНДР и смягчения санкционного давления является крайне высокий приоритет военных расходов, из-за чего основная часть ресурсов, включая человеческие и финансовые, направляется на обслуживание военного

комплекса [115, с. 87-89]. При дефиците внутренних источников финансирования это порождает перекосы в экономической структуре: нехватка продовольствия и базовых потребительских товаров, отставание инфраструктуры, ограниченный доступ к медицинским услугам и слабая ориентированность государственных программ на развитие индустриальных и технологических отраслей гражданского назначения. В совокупности данные факторы формируют замкнутый круг, при котором внешние ограничения и внутренняя милитаризованная политика взаимно усиливают изоляцию страны, не позволяя выработать эффективные каналы взаимодействия с мировым рынком и препятствуя созданию альтернативных экономических связей, способных частично компенсировать урон от санкций.

Жёсткий санкционный режим, наложенный на Северную Корею, в совокупности с отсутствием диверсифицированных экономических связей и ориентированностью государственных приоритетов на военный сектор, привёл к сформировавшемуся дефициту широкой номенклатуры потребительских и промышленных товаров. Постоянная нехватка продовольствия, топлива и медикаментов усугубляется тем, что официальные поставки критических ресурсов блокируются международными ограничениями, а доступ к передовым технологиям строго контролируется или вовсе запрещается в рамках экспортных эмбарго [475, с. 1-2]. Попытки правительства восполнить образующийся дефицит за счёт полулегальных и нелегальных схем, включая контрабанду и теневые механизмы перепродажи, не могут заменить полноценного взаимодействия с внешними рынками и не обеспечивают должной материальной базы для развития промышленности. Недостаток инновационной техники и инвестиций дополнительно препятствует модернизации производственных мощностей, поскольку значительная часть оборудования, поступающего «серыми» каналами, морально устарела и не соответствует требованиям современных технологических процессов.

В подобной ситуации экономика КНДР долгое время находится в состоянии постоянного застоя, характеризующегося низкими или нулевыми

темпами роста, значительными перекосами в распределении ресурсов и недостаточной обеспеченностью базовой инфраструктурой [376]. Формально сохраняя государственный контроль над большинством хозяйственных процессов, власти не в состоянии создать условия для стимулирования предпринимательской активности, поскольку подавляющая часть капитала и человеческих ресурсов направляется на военно-оборонные нужды, а контакты с внешними рынками существенным образом ограничены. В условиях, когда основные доходные статьи (например, экспорт угля, некоторых видов металлов и других материалов) подпадают под международные санкции, бюджет остаётся крайне зависимым от конъюнктуры неофициальной торговли с соседними странами. Такая зависимость не создаёт предпосылок для полноценного индустриального рывка: отсутствует доступ к широкому кругу машин и технологий, необходимому обучению специалистов, а также к системному привлечению капитала для запуска модернизационных программ.

В результате фактическая зависимость КНДР от неофициальных каналов торговли и внешнеполитических уступок становится фундаментальным препятствием для формирования полноценного экономического роста. Зависимость от узкого круга партнёров, прежде всего Китая, усиливает уязвимость страны в случае дальнейшего ужесточения санкционного режима или принятия дополнительных ограничительных мер на уровне ООН. При этом попытки обходить санкции путём теневых сделок только повышают транзакционные издержки и провоцируют дополнительное ужесточение контроля со стороны международного сообщества. Такое противоречивое положение, когда внутренняя милитаризация и внешняя изоляция взаимно усиливают друг друга, не даёт возможности выстроить устойчивую модель экономического развития: Северная Корея остаётся преимущественно замкнутой системой, лишённой необходимой технологической и инвестиционной поддержки, что консервирует её в режиме хронического дефицита и подавляет потенциал любой более или менее масштабной реформы.

Таблица 3.1.1. – Сравнительное сопоставление ключевых мер адаптации подсанкционных государств

Критерий / Механизм	Россия	Иран	Венесуэла	КНДР
Диверсификация рынков	<i>основные направления</i>			
	- расширение сотрудничества с Китаем, Турцией, Индией и рядом стран Азии; - устойчивые каналы для энергоресурсов, агропрома	- активизация поставок нефти в Китай, Индию, Южную Корею и частично Японию; - формирование теневых схем бартерной торговли и расчётов в нацвалютах	- отдельные попытки продавать нефть через посредников в Азии и Африке; - поддержка торговли с некоторыми латиноамериканскими странами (Куба, Боливия)	- поставки ограничены практически одним доминирующим партнёром – Китаем; - эпизодические неформальные контакты с Россией и рядом стран Азии
	<i>результат</i>			
	- удалось частично компенсировать сокращение связей с ЕС и США; - продолжаются попытки диверсифицировать машиностроительную и металлургическую продукцию	- перестроение нефтяного экспорта, но рыночная зависимость от азиатских покупателей остаётся критичной; - «окно возможностей» в рамках СВПД оказалось краткосрочным	- отсутствие широкого спектра покупателей нефти; - высокий уровень санкционной блокады затрудняет длительные контракты	- сильная зависимость от китайского рынка; - высокие риски при любом ужесточении санкций или дипломатических напряжениях с Китаем
Импортозамещение и технологическая база	<i>направление</i>			
	- АПК (увеличение внутреннего выпуска мяса, зерновых, овощей); - стимулирование высокотехнологичных отраслей (электроника, ИТ, авиапром)	- выпуск автомобилей и бытовой техники на основе локального производства; - сектор нефтегазового оборудования требует технологических партнёрств	- декларируемое импортозамещение в нефтепереработке; - слабое развитие иных отраслей из-за гиперинфляции	- формальные программы для сельского хозяйства и лёгкой промышленности; - большая часть «импортозамещения» декларируется в военных целях

	Продолжение таблицы 3.1.1			
	Россия	Иран	Венесуэла	КНДР
	оценка результативности			
	- частичные успехи в агропроме, снижение импортной зависимости; - в высокотехе зависит от иностранных комплектующих, но есть локальные инициативы	- достигнут частичный рост локализации, но сохранение значительной импортной зависимости; - технологические санкции препятствуют масштабным инновациям	- фактически не реализовано: отсутствуют ресурсы, инвестиции, компетенции; - ручной контроль и госмонополии подрывают инициативы в несырьевых сегментах	- практически отсутствует технологический прорыв; - научные ресурсы ориентированы на военный сектор, гражданская промышленность остаётся архаичной
Параллельные финансовые каналы	инструменты			
	- переход на расчёты в национальных валютах с рядом стран; - развитие системы «Мир», SWIFT-альтернатив	- бартерные соглашения и расчёты в нацвалютах (с Китаем, Индией); - подпольные финансовые маршруты для нефтедолларов, временное облегчение после СВПД	- ограниченные «теневые» договорённости с дружественными правительствами; - механизм государственной криптовалюты «El Petro» (2018), на практике малоэффективен	- фактически сводятся к нелегальным перепродажам через китайские, российские и другие каналы; - отсутствие собственных развитых систем электронных расчётов
	эффект			
	- частичное снижение зависимости от долларовых транзакций; - остаются сложности при привлечении крупных иностранных инвестиций	- возможность обходить часть финансовых ограничений; - уязвимость при усилении вторичных санкций, критическая зависимость от неофициальных схем	- невозможность полноценно включиться в мировую финансовую систему; - высокие операционные риски и зависимость от разовых сделок	- постоянный рост теневой экономики, высокие транзакционные издержки; - усиление внимания со стороны международного сообщества и новые раунды санкций

Окончание таблицы 3.1.1

Международная изоляция / интеграция	Россия	Иран	Венесуэла	КНДР
	<i>уровень интеграции</i>			
	- относительно высокий по сравнению с Венесуэлой и КНДР, имеются значительные внешние партнёры; - уровень дипломатического манёвра выше, чем у Ирана	- кратковременный период частичного снятия санкций (СВПД) позволил активизировать контакты с ЕС; - основная «поддержка» идёт со стороны азиатских партнёров (Китай, Индия)	- практически минимальный, помимо отдельных латиноамериканских союзников; - отсутствие институциональной поддержки со стороны ведущих мировых акторов	- находится в жёсткой международной изоляции; - основной опорой служит Китай, при этом возможны колебания в зависимости от политической конъюнктуры
	<i>ограничения</i>			
	- отдельные сектора (высокие технологии, финансовые услуги) остаются под жёсткими санкциями США и ЕС	- сохранение ряда жёстких ограничений; зависят от политических решений крупных держав	- ухудшение дипломатических отношений с США и соседними странами; - массовый отток населения снижает внутренний ресурс для стабильной адаптации	- невозможность развивать многосторонние контакты; - военно-политический курс ведёт к новому витку санкций и ужесточению контроля со стороны ООН и других акторов

Источник: составлено автором.

Выше приводится сравнительный анализ адаптационных стратегий четырёх стран (России, Ирана, Венесуэлы и КНДР) с опорой на критерии, отражающие эффективность их противостояния санкционным режимам (табл. 3.1.1). В центре внимания – механизмы диверсификации рынков, импортозамещения, формирования собственной технологической базы и организации параллельных финансовых каналов. При этом каждая страна рассматривается сквозь призму наличия или отсутствия стратегической гибкости, выраженной в умении выстраивать внешнеэкономические связи в обход санкций, а также в способности укреплять внутренние институты, обеспечивающие экономическую устойчивость:

1) диверсификация рынков – Россия и Иран смогли скорректировать географию сбыта, ориентируясь на азиатские рынки и развивая новые каналы финансового взаимодействия. Венесуэла, напротив, испытала серьёзные трудности в поиске устойчивых каналов для реализации нефти, а КНДР фактически сконцентрирована на Китае, без широкой географической альтернативы;

2) импортозамещение и технологическая база – Россия продемонстрировала успехи в аграрном секторе, частично локализовав производство сельхозпродукции, а Иран усиленно развивал собственное автомобилестроение и другие отрасли. Однако в обоих случаях сохраняется зависимость от внешних технологических компонентов. Венесуэла и КНДР испытывают выраженный технологический голод, обусловленный отсутствием инвестиций и ограниченным доступом к мировому рынку;

3) параллельные финансовые каналы – Россия и Иран предприняли попытки формирования альтернативных расчётных систем (переход на нацвалюты, бартер), что позволило частично обойти санкционные барьеры. Венесуэла, испытавшая гиперинфляцию и потерю доверия к национальной валюте, не смогла эффективно реализовать аналогичные инструменты; «El Petro» оставался в основном на уровне декларации. КНДР практически лишена

официальных механизмов, опираясь на нелегальные методы, что усиливает её международную изоляцию.

4) уровень международной изоляции/интеграции – Россия продолжает поддерживать значимые экономические связи с целым рядом стран, сохранив более высокий уровень интеграции, чем Венесуэла или КНДР; Иран имеет опыт частичного снятия санкций (период СВПД), но с оговорками и высоким риском возврата ограничений. Венесуэла и КНДР оказались в наиболее жёсткой дипломатической и экономической изоляции, что многократно усложняет любую попытку реструктуризации или модернизации национальной экономики.

Данная сравнительная таблица демонстрирует, насколько существенной оказывается роль широты внешнеэкономических контактов, готовности крупных партнёров к сотрудничеству (даже в обход санкций) и собственной способности государства формировать технологический и финансовый суверенитет. Обнаруживается, что без комплекса согласованных мер, охватывающих как макроэкономическую политику, так и дипломатическое пространство, вероятность достижения полноценного успеха в условиях санкционного давления снижается. При этом частичный прогресс (как в случае России и Ирана) подтверждает значимость опоры на внутренние ресурсы и альтернативные международные связи, однако указывает на сохранение уязвимостей, связанных с ограниченным доступом к передовым технологиям и международному капиталу.

Анализ выявленных стратегий противодействия внешним санкциям показывает, что динамика их успешности зависит не только от конкретных мер (диверсификации рынков, импортозамещения, использования параллельных финансовых каналов), но и от более фундаментальных факторов, определяющих потенциал государства к адаптации. Существенную роль здесь играют параметры ресурсной базы, гибкость проводимой экономической политики, дипломатические возможности и временной

горизонт, в течение которого подсанкционная экономика способна сохранять устойчивость.

Во-первых, одним из ключевых критериев успешности адаптации выступает масштаб внутреннего рынка и наличие минерально-сырьевых ресурсов. В условиях санкционного давления богатые природные ресурсы способны служить своеобразной подушкой безопасности, позволяя сохранять экспортные доходы и заполнять бюджет, даже если часть традиционных каналов сбыта оказывается недоступной. Так, Россия и Иран, обладая крупными запасами нефти и газа, имели возможность переориентировать экспорт на альтернативных покупателей, несмотря на финансовые и технологические ограничения. В то же время критическая зависимость Венесуэлы от нефтяных доходов, сопряжённая со слабой институциональной средой и поздними мерами по диверсификации, привела к коллапсу бюджета и потере значительной части промышленного потенциала. В случае КНДР сама по себе ресурсная база весьма ограничена и не способна обеспечить сколь-нибудь значимый экспортный поток, что усугубляет технологическую изоляцию и усиливает необходимость в нелегальных схемах торговли.

Во-вторых, принципиальное значение имеет гибкость экономической политики, проявляющаяся в своевременности и адекватности предпринимаемых монетарных, фискальных и структурных мер. Эффективно организованное импортозамещение способно компенсировать блокировку внешних каналов поставок, тогда как продуманная денежно-кредитная политика даёт возможность избежать гиперинфляции и удержать национальную валюту от резкого обесценивания. Россия после 2014 года, осуществляя меры по поддержке агросектора и стимулированию отечественного машиностроения, а также проводя более жёсткую фискальную политику, частично смягчила последствия западных санкций. Иран, столкнувшийся с изоляцией и ограничениями на нефтяной экспорт, реализовал ряд аналогичных шагов, хотя их результативность была подорвана возобновлением санкций в 2018 г. Венесуэла, напротив, продемонстрировала

неспособность поддерживать стабильную денежную систему, что спровоцировало гиперинфляцию и усилило социальный кризис. В КНДР сосредоточение ресурсов в военном секторе и слабое развитие гражданской промышленности затрудняют любые шаги по созданию устойчивой макроэкономической модели.

В-третьих, дипломатическая активность и способность выстраивать многосторонние форматы сотрудничества с незападными или нейтральными странами нередко играют решающую роль в смягчении санкций. Государство, обладающее дипломатическим ресурсом, может заключать торговые соглашения, формировать стратегические альянсы и наращивать объёмы бартерных или расчётных операций в обход ограничений, либо вести переговоры о поэтапном снятии санкций. Примером служит Иран, заключивший СВПД, который пусть и временно, но позволил частично оживить экономические контакты с европейскими инвесторами. Россия, активно взаимодействуя с Китаем, Индией, Турцией и другими партнёрами, избежала полной финансовой изоляции. Одновременно Венесуэла и КНДР оказались в состоянии более жёсткой дипломатической блокады: у первой не хватило международной поддержки для переориентации нефтяных потоков, вторая столкнулась с глобальным консенсусом по ядерному вопросу и крайне узким кругом потенциальных союзников.

Наконец, временной фактор во многом определяет, способна ли принятая адаптационная модель принести долгосрочные выгоды или является лишь краткосрочной реакцией, неизбежно иссякающей при затягивании санкционного давления. Иран, добившись определённого прогресса в период действия СВПД (2015–2018 гг.), снова оказался в затруднительном положении после выхода США из соглашения, поскольку не успел выстроить устойчивые институты и технологические компетенции. С другой стороны, продолжительные санкции против России способствовали системному переходу к политике импортозамещения и диверсификации, которая, хоть и не избавила страну от уязвимостей, всё же сформировала относительный

буфер для ряда ключевых отраслей. В целом, практика показывает, что если санкции сохраняются на длительном отрезке, государство вынуждено инвестировать в структурные изменения экономики, поскольку кратковременные меры (например, оперативное выделение субсидий или временное привлечение теневых схем) без глубинных институциональных преобразований рано или поздно себя исчерпывают.

Рассмотрение представленных выше кейсов показывает, что итоговая результативность предпринимаемых адаптационных стратегий подсанкционных государств тесно связана с целым комплексом внутренних и внешних переменных. При оценке России и Ирана обращает на себя внимание сравнительно более высокий уровень экономической устойчивости, обеспеченный сочетанием обширной ресурсной базы и возможностью диверсифицировать рынки сбыта. За счёт переориентации части экспортных потоков (энергонасителей, промышленной продукции) и поддержки национальных секторов (в частности, агропромышленного комплекса и высокотехнологичных отраслей) данным странам удалось сгладить негативные последствия санкций. Одновременно доступ к крупным внутренним рынкам и наличие политической воли к созданию параллельных финансовых механизмов способствовали сохранению ключевых отраслей и позволили частично нейтрализовать ограничения, наложенные западными государствами.

Вместе с тем кейсы Венесуэлы и Северной Кореи, несмотря на определённые попытки приспособиться к внешним барьерам, демонстрируют более высокую уязвимость. В случае Венесуэлы причиной провала адаптационных мер стал критический перекоп в пользу сырьевого сектора, тесно связанного с глобальной нефтерентной моделью, а также отсутствие системных реформ, способных стимулировать развитие альтернативных отраслей и институциональных структур. Неготовность проводить жёсткую денежно-кредитную политику, неспособность справиться с гиперинфляцией, и недостаточная дипломатическая поддержка внешних партнёров привели к

масштабной экономической дезинтеграции и социальной катастрофе. Аналогично, КНДР длительное время пребывает в состоянии технологической и финансовой изоляции, что не даёт возможности выстроить экономику, ориентированную на внутренний гражданский спрос и продуктивное сотрудничество с зарубежными инвесторами. Концентрация ресурсов на военном секторе, минимальный круг торговых союзников и сложности с обновлением производственных мощностей формируют замкнутый цикл неэффективной адаптации, из которого государство не выходит из-за усиливающихся международных ограничений.

Наряду с выявленными различиями в институциональных условиях и объёмах ресурсной поддержки, важным остаётся временной фактор, детерминирующий траекторию экономических трансформаций. Даже у стран, успешно компенсирующих часть ограничений (Россия, Иран), продолжительный характер санкционного режима угрожает долгосрочной конкурентоспособности, поскольку жёсткие барьеры на пути импорта передовых технологий и дефицит крупных зарубежных инвестиций могут привести к постепенному отставанию от мировых технологических трендов. Если государство не предпринимает мер по стимулированию собственных инновационных кластеров и не развивает внутренние механизмы модернизации, то издержки санкций накапливаются и в конечном счёте могут подорвать промышленный и научно-технический потенциал. Следовательно, необходим комплексный подход, охватывающий как диверсификацию рынков и формирование параллельных расчётных каналов, так и глубокую реструктуризацию национальной экономики, направленную на повышение её технологической независимости и усиление дипломатических позиций в рамках многосторонних форматов.

3.2. Перспективы совершенствования адаптационных мер и институциональные условия их реализации

В предшествующем параграфе настоящего исследования был осуществлён многосторонний анализ адаптационных стратегий четырёх государств, пребывающих под жёстким санкционным давлением, а именно Российской Федерации, Исламской Республики Иран, Боливарианской Республики Венесуэла и КНДР. На базе сопоставительного метода были выделены как положительные результаты (выраженные в создании параллельных финансовых механизмов или частичной диверсификации секторов экономики), так и факторы неуспеха (гиперинфляция, отсутствие технологической базы, дефицит дипломатических контактов), обуславливающие провалы либо крайне ограниченный эффект от предпринимаемых мер. Установлено, что конечная эффективность антикризисных действий тесно связана со способностью органов государственной власти и бизнес-сообщества оперативно реагировать на внешнеэкономическую турбулентность и выстраивать институциональные рамки, позволяющие минимизировать социально-экономические потери.

В свете выявленных закономерностей настоящий параграф работы сосредоточен на том, каким образом уже апробированные в вышеуказанных кейсах меры могут быть модифицированы, дополнены или усилены для повышения результативности противостояния санкционному давлению. При этом предполагается рассмотреть институциональные условия, оказывающие длительное воздействие на формирование адаптационного потенциала, а также уточнить роль инновационно-технологических инициатив и дипломатических форматов. Основная задача состоит в том, чтобы определить пути совершенствования механизмов импортозамещения, финансовых инструментов и стратегий внешнеэкономической кооперации, которые, будучи применены системно, способны смягчить негативные эффекты санкций и придать дополнительный импульс развитию национальных рынков.

Формулирование целевого вектора совершенствования адаптационных мер во многом предопределяется необходимостью системного подхода, подразумевающего согласованное взаимодействие нескольких уровней экономической и политико-правовой регуляции. Прежде всего, государства, на которые наложены санкции, вынуждены уделять приоритетное внимание дальнейшему развитию импортозамещения в стратегически важных отраслях, где блокирование поставок ключевых технологий и комплектующих потенциально способно вызвать технологическую деградацию или критические сбои в производственных цепочках [185, с. 74]. При этом не менее значимой задачей представляется диверсификация финансовых каналов, подразумевающая расширение расчётов в национальных валютах, создание или модернизацию платёжных систем, способных функционировать в обход традиционных платформ, а также заключение клиринговых соглашений с партнёрами, придерживающимися нейтральной или независимой от санкционного режима позиции. Подобные шаги, будучи синхронизированы с дипломатическими инициативами по заключению двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле или иных формах экономической кооперации, повышают шансы смягчить негативные эффекты внешнего давления и обрести необходимые альтернативные каналы сбыта продукции, особенно если ключевые покупатели исходно относились к санкционной коалиции с осторожностью или занимали нейтральную позицию на международной арене.

Наряду с организационными и финансово-экономическими аспектами особое место занимает реализация институциональных преобразований, направленных на укрепление правовой базы и совершенствование институтов управления, способных предотвращать накопление внутренних дисбалансов. Оптимизация государственных структур и повышение прозрачности бюджетных процедур способствуют целенаправленному перераспределению ресурсов на наиболее уязвимые сектора, а формирование механизмов ГЧП упрощает привлечение предприятий к программе технологического

переворужения [199, с. 7-8]. При такой модели взаимодействия власти и бизнеса повышается общий уровень устойчивости, позволяющий оперативнее реагировать на изменения внешнеэкономической конъюнктуры, формировать собственные фонды компенсации возможных потерь и поддерживать социальную стабильность в периоды пиковой санкционной нагрузки. В совокупности, укрепление регулирующих и координационных институтов, стимулирование внутреннего инновационного потенциала и использование дипломатических площадок для переговоров представляются фундаментальными элементами, без которых даже масштабные и дорогостоящие меры импортозамещения и диверсификации финансовых потоков не смогут обеспечить долгосрочное преодоление санкционного давления.

Рассматривая институциональные условия, обеспечивающие более глубокую и долгосрочную адаптацию подсанкционных государств к внешним ограничениям, следует уделить особое внимание комплексному реформированию государственного управления, повышающему прозрачность, эффективность и скоординированность принимаемых мер. Одним из ключевых барьеров на пути к устойчивому совершенствованию адаптационных механизмов выступает избыточная бюрократия, затрудняющая быструю мобилизацию ресурсов и оперативную реакцию на санкционные вызовы [214]. Устранение подобных препятствий возможно посредством оптимизации организационной структуры госаппарата, уточнения подведомственности и сокращения многоступенчатых процедур принятия решений, которые провоцируют задержки в реализации программ импортозамещения, технологических трансферов и переговорах с бизнесом. Параллельно с этим существенную угрозу для целенаправленного использования бюджетных ассигнований создаёт коррупционная практика, подрывающая доверие инвесторов и внешних партнёров, а также ухудшающая качество государственных услуг [99, с. 23-26]. Переход к более прозрачным административным процедурам, формирование эффективных механизмов

общественного и парламентского контроля за распределением государственных средств, а также внедрение цифровых сервисов управления способствуют сокращению коррупционных рисков и повышению степени предсказуемости политики в целом.

Одним из наиболее результативных инструментов, позволяющих государству аккумулировать ресурсы в ситуации многогранных угроз, связанных с санкционным режимом, выступает перераспределение полномочий между центральной властью и региональными административными единицами. Опыт ряда крупных государств показывает, что региональные структуры, наделённые достаточной автономией в вопросах экономического развития, способны быстрее привлекать инвесторов и формировать локальные программы импортозамещения и экспортного продвижения [221, с. 6]. При этом, чтобы избежать дублирования функций и противоречий между различными уровнями управления, необходимо чётко регламентировать механизмы взаимодействия, а также формировать межведомственные советы по координации антикризисных мер, куда входят представители министерств, бизнес-ассоциаций, научных кругов и экспертных организаций. Такие меры, функционируя на постоянной основе, анализируют внешний санкционный фон, вырабатывают совместные программы по реорганизации логистических и финансовых цепочек, отслеживают результативность госпрограмм и дают рекомендации по корректировке бюджетных приоритетов.

Параллельно с реформой государственного управления важнейшим направлением институциональных преобразований становится правовое укрепление и создание гарантий для привлечения новых инвестиций, несмотря на действующие санкции. Прежде всего, речь идёт о принятии законодательных актов, упрощающих процедуру регистрации, лицензирования, налогового администрирования и таможенного контроля для иностранных и национальных компаний, участвующих в противосанкционных инициативах [94, с. 2193-2195]. Например, введение

налоговых каникул, предоставление страхового покрытия экспортных операций, создание специальных экономических зон и технопарков — всё это способно повысить привлекательность локального рынка и компенсировать часть рисков, связанных с трудностями в финансовых расчётах и поставках ключевых технологий. Дополнительный стимул к формированию инвестиционного климата в санкционных условиях создают механизмы ГЧП, особенно в стратегически важных отраслях (энергетика, транспортная инфраструктура, цифровые платформы), где роль государства в качестве якорного инвестора или гаранта способна снизить порог входа для частного бизнеса и ускорить реализацию проектов высокой капиталоемкости.

Наконец, существенное значение для повышения устойчивости национальной экономики к внешнему санкционному давлению имеет институционализация внешнеэкономической безопасности. С этой целью целесообразно создавать специализированные агентства либо департаменты, наделённые полномочиями проводить системный мониторинг санкционных рисков и обеспечивать оперативную координацию действий как между ведомствами, так и с деловыми кругами [181, с. 8-9]. Подобные структуры могут концентрировать аналитические ресурсы, разрабатывая сценарные прогнозы развития глобальной конъюнктуры, рекомендовать меры по диверсификации экспортно-импортных каналов, оказывать методическую помощь национальным компаниям в вопросах соблюдения комплаенса. При этом логично интегрировать в корпоративные контракты и финансовую документацию единые регламенты, требующие учитывать санкционные ограничения, чтобы минимизировать возможность косвенных нарушений или вторичных санкций, которые впоследствии могли бы нанести ущерб компаниям и государственным учреждениям. Участие правительственных агентств в сопровождении ключевых экспортных сделок или инвестиционных проектов даёт дополнительную уверенность как внутренним, так и внешним инвесторам: становится очевидным, что государство не только осведомлено о возможных препятствиях, но и располагает регламентированными мерами по

нивелированию санкционных рисков. Таким образом, укрепление институтов внешнеэкономической безопасности и формализация финансового комплаенса служат логичным продолжением программы институциональных реформ, направленных на сокращение бюрократических барьеров, поддержку инвестиций и повышение доверия к экономической политике в целом.

К числу важнейших направлений совершенствования мер, предпринимаемых государствами, уже находящимися под санкционным воздействием, относятся целенаправленные экономические инструменты, способствующие закреплению адаптационного эффекта и усилению внутренней конкурентоспособности. Данные инструменты охватывают широкий спектр инициатив, начиная от углублённой программы импортозамещения в высокотехнологичных отраслях и заканчивая развитием альтернативных финансово-торговых схем, позволяющих смягчать ограничения внешних регуляторов. Особое внимание при этом уделяется диверсификации экспортных и импортных направлений, что, с одной стороны, исключает монополизацию рынков поставок, а с другой – снижает риск рыночного шока при введении новых ограничительных мер.

Одним из приоритетов для подсанкционных государств продолжает оставаться углублённая политика импортозамещения, нацеленная на сокращение зависимости от закупок оборудования, компонентов и технологий у стран, непосредственно поддерживающих санкционный режим. Важнейшим условием результативности подобной политики является системная поддержка НИОКР, направленных на разработку собственных технологических решений в сегментах электроники, фармацевтики, транспортного машиностроения [132;176]. Для этого государство может применять инструменты субсидирования, налоговых преференций и прямого финансирования крупных инновационных проектов, вовлекающих как государственные, так и частные научно-технологические центры. При этом принципиальное значение имеет наличие доступного трансфера знаний, позволяющего локальным производствам адаптировать и масштабировать

новые разработки. Такие инициативы потенциально включают подготовку кадров, развитие исследовательских университетов, формирование межотраслевых консорциумов и активизацию технологического предпринимательства. Основная цель данного курса – поэтапное замещение критически важных комплектующих, прежде закупавшихся в странах-секционерах, при одновременном стимулировании экспортных возможностей высокотехнологичных отраслей.

Успех подобного подхода в немалой степени зависит от регулярного мониторинга текущего уровня локальных компетенций и от создания институциональных механизмов, поощряющих долгосрочные ГЧП. Стимулирование отечественных производителей должно сопровождаться повышением требований к качеству продукции, её соответствию международным техническим регламентам, а также созданию условий для интеграции в альтернативные глобальные или региональные цепочки добавленной стоимости. Тем самым, импортозамещение из инструмента экстренного реагирования постепенно трансформируется в долговременную стратегию технологического самообеспечения и роста, формируя базис для конкурентоспособности на международных рынках.

Государствам, вынужденным функционировать в условиях ограничения доступа к традиционным финансовым услугам, необходимо укреплять и расширять параллельные каналы расчётов и торговых операций. Основными формами подобной деятельности выступают использование национальных платёжных систем, развёртывание собственных или региональных аналогов SWIFT (систем типа CIPS в Китае) и платёжных карт (например, «Мир»), а также заключение двух- и/или многосторонних соглашений об обслуживании расчётов в национальных валютах [93, с. 27-28]. Это даёт возможность частично компенсировать ограничения, связанные с недоступностью, например, долларовых и евровых операций, особенно в сегменте средних и малых сделок, не требующих международных клиринговых платформ. Чтобы повысить надёжность подобных механизмов, государства развивают

экспортно-импортные банки, способные предоставлять предприятиям гарантии и кредиты, ориентированные на условия внешних ограничений, а также формируют структуры для бартерных и клиринговых сделок.

Параллельно с этим целесообразно создавать юридические рамки, упрощающие заключение контрактов, учитывающих санкционные риски, а также внедрять единую нормативно-технологическую базу для отслеживания движения денежных средств с учётом мирового комплаенса. Такие меры в совокупности позволяют снизить транзакционные издержки, традиционно возникающие при обходе санкций через третьи страны, и сделать финансовые расчёты более прозрачными и предсказуемыми для ключевых участников.

Наконец, важнейшим условием успешности экономических инструментов адаптации становится диверсификация рынков сбыта и выстраивание долгосрочных связей с государствами и региональными объединениями, не присоединившимися к санкционным режимам. В свете глобальных структурных сдвигов и растущего многообразия экономических полюсов такой подход позволяет подсанкционным государствам находить новые ниши для своей продукции, отчасти компенсируя потерю традиционных экспортных каналов [77, с. 91-92]. Механизмы подобной переориентации могут включать подписанные на долгосрочную перспективу контракты на поставку нефти, газа или промышленных товаров, совместные инвестиционные проекты по созданию инфраструктуры, продвижение отраслевой кооперации (сельское хозяйство, металлургия, химия, ИКТ) на площадках региональных экономических блоков. Отметим, что участие в таких блоках не только минимизирует санкционные риски, но и формирует правовую среду, облегчающую привлечение новых партнёров, обеспечивая дополнительные таможенные и тарифные льготы. В контексте текущей геополитической конкуренции развитие связей со вторым эшелоном крупных экономик (Индонезия, Турция, Южная Корея, отдельные государства Ближнего Востока и т.д.) может стать решающим фактором, позволяющим подсанкционным экономикам, несмотря на финансово-технологические

ограничения, поддерживать положительную динамику производства и не утратив при этом перспективы технологического обновления.

В дополнение к экономическим инструментам и институциональным преобразованиям нацеленность подсанкционного государства на гибкую и проактивную дипломатическую стратегию является критически важным звеном совершенствования мер, направленных на снижение негативных последствий санкционного давления. При этом дипломатические усилия не ограничиваются традиционными межгосударственными контактами, но включают разнообразные каналы взаимодействия на многосторонних площадках, а также инструменты, связывающие бизнес-круги и общественные организации разных стран [103, с. 57-58]. В условиях глобальной экономической перестройки, где региональные союзы и коалиции становятся всё более влиятельными, именно дипломатическая составляющая позволяет подсанкционным правительствам расширять круг доступных партнёров, ослаблять жёсткость введённых ограничений и выстраивать новые логистические и финансовые пути.

Одним из ключевых направлений дипломатической активности остаётся интенсификация участия в многосторонних объединениях вроде БРИКС, ШОС или иных региональных структурах, в рамках которых сформировано или формируется собственное поле экономических интересов, нередко не совпадающее с санкционной политикой коллективного Запада [398, с. 4-5]. Присоединяясь к совместным инвестиционным проектам и соглашениям о взаимной защите капиталовложений, подсанкционная экономика получает инструмент для частичного обхода барьеров на финансовых рынках, а также возможность доступного привлечения ресурсов из стран-участниц. Подобная модель взаимодействия обеспечивает минимизацию транзакционных издержек и международных рисков, поскольку операции внутри таких объединений обычно не подлежат тем же ограничениям, что и сделки, осуществляемые через западные финансово-технологические узлы.

Помимо институтов многостороннего формата, особую значимость приобретают двусторонние договорённости с государствами, не участвующими в санкционной коалиции, либо занимающими нейтральную позицию. Практика показывает, что в ряде случаев такие партнёры могут выступать в роли международных посредников, через которых возможно совершение транзитных операций по экспорту и импорту, а также организация совместных предприятий в сферах, критически важных для подсанкционного государства [120;228]. Реализация экономической дипломатии предполагает постоянное взаимодействие с крупными корпорациями и отраслевыми бизнес-ассоциациями партнёрских стран, нацеленное на поиск взаимных выгод и преодоление правовых и бюрократических барьеров, связанных с санкционным режимом. Расширение сферы экономических связей и заключение соглашений на уровне отдельных отраслей зачастую становятся более гибкими инструментами, позволяющими формализовать механизмы компенсации ограничений, чем рамочные межправительственные протоколы. В результате деловые круги, заинтересованные в сохранении и расширении рынков, сами оказывают давление на свои национальные правительства с целью смягчения либо частичной корректировки санкционной политики [247].

Особое место в дипломатическом арсенале занято инструментами так называемой «мягкой силы», предполагающей влияние не через прямую политическую экспансию или экономическое доминирование, а посредством привлекательности ценностей, культуры, научно-образовательных инициатив. Для государств, находящихся под внешними ограничениями, «мягкая сила» может проявляться в интенсивном продвижении собственных культурных институтов за рубежом, организации обменных программ для студентов и учёных, реализации совместных проектов в сфере экологии, здравоохранения, цифровизации или научных исследований [89;150]. Подобные меры способствуют созданию позитивного образа страны и повышению доверия к ней, что крайне важно, поскольку санкции нередко сопряжены с формированием негативного стереотипа о «нарушителе» или «угрозе» для международной

стабильности. Развивая многоформатное сотрудничество в гуманитарной плоскости, подсанкционное государство косвенно снижает остроту политических противоречий и даёт заинтересованным странам дополнительный стимул к сохранению или наращиванию экономических связей.

Наконец, вклад «мягкой силы» в укрепление дипломатических позиций может быть замечен в процессе выстраивания позитивной повестки, которая предполагает информационно-пропагандистскую работу, освещающую, к примеру, успехи в борьбе с эпидемиями, освоении альтернативных источников энергии, развитии инфраструктуры или инновационных технологических решений. Формирование международных кооперационных площадок в данных областях (например, совместных лабораторий, медицинских альянсов, экологических проектов) предоставляет дополнительную возможность наладить каналы взаимодействия с зарубежными партнёрами, не вовлечёнными в санкционную стратегию [40]. Как результат, дипломатическая активность, сочетающая поиск союзников и посредников с механизмами «мягкой силы», позволяет не только нейтрализовать негативное воздействие санкций, но и создавать предпосылки для более глубокого сотрудничества, выходящего за рамки вынужденных антикризисных мер. Подобный подход тесно переплетается с экономическими и институциональными преобразованиями, повышая вероятность того, что усилия по модернизации и адаптации будут поддержаны внешними партнёрами и станут основой для дальнейшего развития.

Критически важным в рамках совершенствования адаптационных мер, нацеленных на преодоление санкционного давления, выступает формирование таких предпосылок для долгосрочного развития, которые выходят за пределы простого реагирования на внешние ограничения. В условиях международной конкуренции экономика подсанкционного государства должна сохранить способность не только поддерживать базовые отрасли, но и активно вовлекаться в международные процессы, связанные с распределением и созданием добавленной стоимости. В противном случае сохраняется риск застывания на уровне сырьевого или полусырьевого экспорта и критической зависимости от

внешнеполитической конъюнктуры [368, с. 30-45]. Ключевыми факторами на данном этапе становятся вовлечённость в кооперационные цепочки, не затрагиваемые санкционными ограничениями, а также поддержание макроэкономической стабильности, позволяющей обеспечивать привлекательный инвестиционный климат и конкурентное преимущество на мировых рынках.

В контексте санкционной среды особую актуальность приобретает стратегия точечного (нишевого) встраивания в ГЦДС, в рамках которых стоимость конечной продукции в значительной мере создаётся за счёт специализации и кооперации различных участников [446, с. 84-91]. Для государств, стремящихся сохранить или нарастить конкурентоспособность, перспектива участия в кооперационных связях, не подвластных прямому действию санкций, может включать освоение инновационных сфер: развитие «умного» сельского хозяйства, IT-услуг, биоинженерных технологий или иных кластеров, где мировые производственные циклы относительно децентрализованы и зависят от нескольких крупных региональных центров [84, с. 394-395]. В подобной конфигурации санкционированная страна имеет возможность либо создавать полуфабрикаты и компоненты для цепочек, ориентированных на дружественные рынки, либо предоставлять собственные уникальные разработки, которые не могут быть легко заменены на мировом рынке.

Дополнительным вектором становится продвижение региональных брендов и товарных линеек, ориентированных на рынки партнёрских стран, не поддерживающих санкционный режим. Региональная специфика способна выступить конкурентным преимуществом, если государство способно обеспечить стандарты качества, адаптированные к международным требованиям, и при этом сформировать привлекательный для зарубежного потребителя имидж [237, с. 147-148]. Одним из инструментов такой стратегии могут являться совместные логистические центры, маркетинговые офисы и электронные площадки, специализирующиеся на продвижении ассортимента

(например, агропромышленной продукции, органических товаров, IT-решений) на рынки Азии, Ближнего Востока, Африки или Латинской Америки. В противном случае, если государство ограничивается реактивными и временно ограниченными схемами сбыта продукции, оно рискует потерять перспективу системного участия в международных цепочках, а значит, и долгосрочный потенциал роста.

Наращивание долгосрочной конкурентоспособности тесно связано с умением государства удерживать под контролем макроэкономические показатели, особенно если оно действует в условиях санкционного давления, ограничивающего доступ к финансовым ресурсам и передовым технологиям [155;419] . Слаженная монетарная политика, нацеленная на недопущение гиперинфляции, является ключевым фактором, определяющим доверие со стороны внутренних и внешних инвесторов. В сочетании с ответственной фискальной политикой (управлением бюджетными расходами, дефицитом, долговыми обязательствами) подобный подход обеспечивает минимизацию рисков истощения резервов и возникновения финансовых шоков. Государственное регулирование, ориентированное на предсказуемую денежно-кредитную среду, не только укрепляет позиции национальной валюты, но и создаёт стабильные условия для бизнеса, заинтересованного в долгосрочных проектах.

Целесообразным механизмом снижения уязвимости перед внешними потрясениями выступает наращивание ЗВР, их диверсификация по видам активов (золото, облигации, иностранная валюта) и географии размещения [225, с. 102-103]. Диверсификация даёт возможность перераспределить риски, связанные с заморозкой активов или торговых потоков в случае дальнейшего ужесточения санкций. Аналогичным образом может действовать и суверенный фонд, аккумулирующий часть экспортных или иных доходов и направляемый впоследствии на финансирование прорывных технологических проектов и поддержку критических отраслей в периоды максимальных экономических ограничений [74]. Подобный инструментарий снижает зависимость текущих

бюджетных процессов от мировой волатильности цен на ресурсы, гарантирует запас ликвидности для покрытия импортных нужд и способствует формированию у инвесторов чувства предсказуемости экономического курса государства. В совокупности, сочетание участия в незапретных глобальных и региональных производственных цепочках с чётким регулированием монетарных и фискальных параметров создаёт базис для той конкурентоспособности, которая способна сохраняться даже при пролонгированном санкционном давлении.

Резюмируя вышесказанное, мы представляем схему в интегрированном виде, которая отражает системную логику совершенствования адаптационного потенциала государства в условиях санкционного давления (рис. 3.2.1). Её концептуальное ядро основывается на взаимодополняющем сочетании институциональных преобразований, обеспечивающих гибкость и прозрачность экономико-правовой среды, комплексных экономических инструментов, ориентированных на технологическое и финансовое самосовершенствование, дипломатической активности, формирующей пространственное многообразие внешнеэкономических связей, а также на механизмах поддержания макроэкономической стабильности. Синергетическое взаимодействие данных компонентов способствует выстраиванию эффективных долгосрочных стратегий, позволяющих не только смягчить негативное влияние санкций, но и развивать конкурентные преимущества в мировом экономическом пространстве. В результате достигается более высокий уровень институциональной эластичности и управляемости, что обеспечивает устойчивость национальной экономики к экзогенным шокам и открывает перспективы для углублённой интеграции в альтернативные глобальные и региональные цепочки добавленной стоимости. Без подобного системного преобразования точечные меры, направленные лишь на обход санкций, могут обеспечить лишь краткосрочный эффект, тогда как долгосрочная устойчивость в условиях продолжительного санкционного давления требует внедрения более масштабных структурных изменений.

Рисунок 3.2.1. – Системный подход к совершенствованию адаптации к экономическим санкциям
Источник: составлено автором.

3.3. Стратегические превентивные меры для стран, находящихся в зоне потенциального санкционного риска

Как нами было рассмотрено ранее, современные международные экономические процессы, характеризующиеся ростом геополитической конкуренции и усложнением структуры мирохозяйственных взаимосвязей, всё чаще предполагают использование санкционных механизмов в качестве инструмента внешнеполитического давления. При этом число государств, потенциально уязвимых к тем или иным формам ограничений, непрерывно возрастает, а сами санкции, в силу многостороннего или экстерриториального характера, затрагивают всё более широкие сегменты мировой экономики [467, с. 66-72]. В подобных условиях странам, которые формально пока не находятся под санкциями, целесообразно заблаговременно принимать меры по укреплению собственной экономической устойчивости и конкурентоспособности, поскольку исторические примеры свидетельствуют о том, что внезапное введение ограничительных мер способно вызвать шоковые последствия для несбалансированных и институционально неподготовленных национальных хозяйственных систем. Более того, анализ успешных и неуспешных стратегий адаптации, представленный в предыдущих параграфах, демонстрирует, что страны, заранее нарастившие резерв прочности (например, сформировав альтернативные каналы логистики, накопив валютные резервы или создав технологические заделы), оказываются способными эффективно противостоять внешнему давлению или по крайней мере смягчать наиболее разрушительные эффекты.

С учётом данной логики, определение мер, которые страны могут и должны предпринять превентивно, до того, как санкции станут реальной угрозой или будут объявлены является объективно обусловленным. Подобный превентивный подход предполагает не только изоляцию от потенциальных разрывов в поставках и финансовых транзакциях, но и более широкий курс на формирование внешнеэкономической безопасности и укрепление конкурентоспособности национальных отраслей. В рамках решаемых задач

предполагается, во-первых, выявить ключевые направления, по которым государствам стоит заранее укреплять экономическую и финансовую инфраструктуру, а во-вторых, показать, каким образом эти действия коррелируют с формированием системного фундамента для долгосрочного роста и укрепления позиций страны в региональной и мировой структуре разделения труда. В совокупности эти меры рассматриваются как элемент целостного курса, позволяющего государствам минимизировать вероятность критического удара от санкционных ограничений и, одновременно, повысить собственный потенциал развития за счёт институциональных, финансовых и технологических реформ.

В рамках превентивного курса на внешнеэкономическую безопасность многопрофильная диверсификация торговых потоков представляет собой один из основополагающих элементов, позволяющих снизить уязвимость национальной экономики к возможным внешним ограничениям. Центральным направлением такой диверсификации становится постепенное расширение географии поставок и покупок, когда предприятия и государственные институты целенаправленно осваивают как уже сформировавшиеся, так и перспективные новые рынки. Подобная стратегия даёт возможность государства избежать крайностей ассиметричной внешней торговли, при которой вся внешнеэкономическая активность сосредоточена в узком круге стран [386, с. 137-143].

Значительную роль в обеспечении дифференцированной структуры торговли играет стимулирование экспорта и импорта через механизмы налоговых льгот, субсидий, экспортного кредитования, страхования внешнеторговых сделок и грантовых программ. Эти меры оказываются особенно важными для МСП, зачастую не располагающих достаточными ресурсами и компетенциями для самостоятельного выхода на незнакомые рынки. Если правительство создаёт благоприятные условия – например, формирует экспортные агентства, содействующие регистрации компаний за рубежом, или организует международные выставки и бизнес-миссии, – тем

самым повышается доля национальных субъектов, имеющих прямой доступ к альтернативным рынкам [210, с. 262-265]. В результате, при возникновении потенциальных санкционных угроз со стороны одного или нескольких торговых партнёров, диверсифицированная структура позволяет оперативнее перераспределять экспортно-импортные потоки в пользу других направлений, минимизируя тем самым вероятность резкого спада в объёмах торговли.

Немаловажным условием действенной многопрофильной диверсификации становится предварительная подготовка к форматам двусторонней и многосторонней свободной торговли. Подписание соглашений об упрощённых таможенных режимах, гармонизации технических стандартов и взаимном признании сертификатов не только упрощает выход на новые рынки, но и способствует росту конкурентоспособности отечественного бизнеса [165, с. 96]. Кроме того, подобные договорённости могут содержать положения, снижающие риск закрытия рыночного доступа вследствие политических разногласий: в некоторых случаях в тексте соглашений прописываются механизмы арбитража, позволяющие урегулировать торговые споры в обход односторонних санкционных мер. Параллельно с этим государство получает инструмент влияния на геополитических партнёров посредством привлечения их в общие интеграционные форматы, где санкционные ограничения не являются общепринятым инструментом внешнеполитических отношений.

В дополнение к подписанию соответствующих соглашений рекомендуется активно применять практику идентификации перспективных рыночных ниш: постоянный анализ конъюнктуры, отслеживание спроса на продукцию в странах с потенциально нейтральной или дружественной позицией, а также выявление ниш, где национальные производители могут предложить уникальные товары или услуги. Эти сведения могут аккумулироваться в едином государственном центре мониторинга внешних рынков либо в рамках специализированных подразделений при торгово-промышленных палатах, что даёт возможность своевременно корректировать

экспортно-импортные приоритеты и формировать устойчивые бизнес-связи до того, как какое-либо внешнее ограничение проявится в острой форме. В результате, многопрофильная диверсификация внешней торговли выступает не столько страховкой от возможных санкций, сколько полноценным направлением долгосрочного развития экономики, ориентированным на повышение её международной конкурентоспособности и гибкости в условиях изменяющейся международной конъюнктуры.

Одним из ключевых направлений превентивного укрепления внешнеэкономической безопасности, позволяющим минимизировать потенциальные риски при введении ограничительных мер, становится формирование альтернативных платёжно-финансовых каналов, независимых от глобальных инфраструктур, контролируемых странами-инициаторами санкций. В условиях, когда международная межбанковская система, подобная SWIFT, используется не только для обмена финансовыми сообщениями, но и как элемент внешнеполитического давления [208, с. 82], национальные институты, ориентирующиеся на долгосрочную защиту своих интересов, стремятся создать резервные инструменты для бесперебойного осуществления экспортно-импортных расчётов, управления валютными потоками и обслуживания государственного и корпоративного долга. Такой подход даёт возможность снизить зависимость от экстерриториальной юрисдикции и обеспечить определённую автономию при совершении критически важных финансовых операций, что крайне актуально для государств, уязвимых перед внезапными санкционными решениями.

Первым шагом в данном направлении служит организация собственной системы межбанковских переводов и электронных расчётов, технически и юридически способной функционировать в автономном режиме [73, с. 21-22]. Как мы отмечали ранее, в ряде стран подобные системы уже действуют (например, в Китае – CIPS, в России – СПФС), причём они выполняют роль не полного аналога SWIFT, но резервного канала, позволяющего внутри национальной или региональной границы проводить операции без опасений

международного блокирования. Комплементарно данному механизму могут формироваться клиринговые дома, заключающие двусторонние соглашения по бартерным расчётам и взаимозачётам экспортно-импортных поставок [171, с. 99-102]. Такая инфраструктура поначалу может покрывать лишь малую долю торговых оборотов, но в перспективе способна служить страховочным и быстро масштабируемым инструментом на случай, когда доступ к доминирующим международным системам неожиданно ограничивается.

Дополнительно к развитию автономной расчётной базы подсанкционные или потенциально подсанкционные государства могут укреплять взаимную интеграцию национальных платёжных инструментов, такие как банковские карты, электронные биржи, платформы интернет-торговли и мобильные приложения для переводов. Если подобные ресурсы получают официальное признание и взаимодействуют с локальными регуляторами, их использование может быть расширено для кросс-границных операций [174, с. 1566-1568]. Раннее формирование юридической и технологической инфраструктуры для таких проектов снижает давление на бизнес и население, сталкивающихся с возможной блокировкой или замораживанием транзакций.

Существенным элементом в системе превентивных мер, касающихся финансовой безопасности, является диверсификация валютных резервов и активов. Поскольку международная практика показала, что точечное замораживание иностранных резервов или суверенных фондов стало инструментом санкционной политики, объёмы и состав ЗВР следует планировать с учётом возможных рисков конфискации или блокировки [154, с. 735-736]. Такая стратегия включает распределение резервов между различными резервными валютами, а также покупку драгоценных металлов, ценных бумаг надёжных эмитентов и участие в профильных международных организациях, облегчающих доступ к ликвидности. Аналогичное правило действует при управлении суверенными фондами, средства которых нецелесообразно держать исключительно в юрисдикции потенциального

санкционного инициатора. Вместо этого активно применяются инвестиции в проекты или активы в нейтральных или дружественных странах, покупка акций и облигаций, выпущенных на альтернативных площадках. Тем самым государство формирует своего рода страховочную сетку, снижая риск одномоментной потери значительной части резервов и обеспечивая стабильность расчётов по внешним обязательствам даже при жёстком ограничительном режиме.

В совокупности указанные меры – от создания национальных систем межбанковских переводов и клирингов до продуманного распределения резервов – призваны обезопасить финансовую систему страны от внешних шоков, а также поддержать непрерывность внешнеторговых операций. При этом необходимо учитывать, что масштабные инициативы в сфере финансовых технологий и параллельных расчётов требуют институционально развитой среды, включающей надёжное законодательство, компетентный надзорный орган и заинтересованность частного сектора в работе с новыми платформами. Если перечисленные условия выстраиваются задолго до возникновения санкционных вызовов, то при внезапном внешнем давлении государство способно более оперативно и без критических потерь перейти на резервные механизмы, сохранив при этом базовую устойчивость денежно-кредитной системы.

Опыт стран, уже столкнувшихся с санкционным давлением, указывает на то, что ключ к успешному преодолению внешних ограничений во многом лежит в эффективном институциональном обеспечении превентивных мер. При этом критически важную роль играет создание правовой и организационной инфраструктуры, позволяющей государству оперативно реагировать на возможные угрозы и мобилизовать ресурсы для защиты национальных интересов. Подобная инфраструктура должна быть закреплена на законодательном уровне, а её практические функции – адаптированы к различным сценариям развития международной конъюнктуры [458, с. 19669–19673].

Одной из приоритетных задач в данном аспекте является законодательное закрепление инструментов быстрого реагирования на санкционную угрозу. Речь идёт о необходимости встраивания в правовую систему норм, позволяющих правительству вводить экстренные меры поддержки для бизнеса и финансового сектора, если резко ограничивается доступ к мировым рынкам капитала или нарушаются критические поставки высокотехнологичной продукции [134, с. 180-181]. К подобным мерам могут относиться налоговые каникулы, упрощённые процедуры таможенного декларирования, выдача субсидий и госгарантий экспортно-импортным компаниям, а также упрощённые механизмы мониторинга и контроля за оттоком капитала. При этом крайне важно, чтобы такие полномочия были чётко регламентированы: законодательство должно предусматривать прозрачные основания для активации экстренных режимов, конкретный перечень действий, которые государственные органы вправе предпринять, и алгоритмы взаимодействия с частным сектором.

Превентивный характер правового регулирования предполагает, что государство не только реагирует постфактум на введённые санкции, но и обладает возможностью отслеживать первые признаки нарастающей угрозы. Это достигается за счёт функционирования межведомственных советов по внешнеэкономической безопасности, призванных анализировать глобальную конъюнктуру, проводя регулярный сбор и интерпретацию информации о динамике цен на ключевые товары, изменениях в системе международных расчётов, настроениях политических элит ведущих экономических держав. Такие советы, в состав которых включают представителей министерств экономики, финансов, торговли, центрального банка, внешнеполитического ведомства, а также экспертов из научно-исследовательских институтов и крупного бизнеса, могут работать в режиме постоянного обмена информацией о потенциальных санкционных инициативах. Их деятельность должна обеспечивать правительству своевременные рекомендации по целесообразности принятия тех или иных шагов: от увеличения резервов

стратегического сырья и готовой продукции до проработки альтернативных логистических коридоров и торговых соглашений.

Столь многоуровневая координация призвана обеспечить слаженность действий на всех этапах – от выявления рисков и их оценки до принятия конкретных решений по корректировке налоговой, таможенной или валютной политики. Благодаря этому государственные институты получают возможность своевременно вносить изменения в нормативную базу, облегчать доступ к необходимым финансовым инструментам для бизнеса и формировать дополнительные стимулы для диверсификации экспортно-импортных потоков. Данный механизм также способствует повышению уровня осведомлённости участников внешнеэкономической деятельности, поскольку подготовленные межведомственными советами аналитические материалы предоставляют предпринимателям и инвесторам более точные ориентиры относительно развития санкционных сценариев и методов их нейтрализации.

Следовательно, правовые и организационные платформы, включая наделение правительства экстренными полномочиями и создание межведомственных структур по мониторингу и управлению рисками, выступают в качестве системного каркаса превентивной стратегии. Они не просто задают процедуру введения временных защитных мер для местной индустрии или финансового сектора, но и формируют культуру постоянного анализа внешнеэкономической среды, стимулирующую развитие национальных институтов, способных адаптироваться к любым изменениям международного порядка.

Ещё одним важным элементом институциональной основы для превентивных мер выступает долгосрочное планирование развития инновационного потенциала, ориентированного на обеспечение технологической независимости по ключевым направлениям экономики. В условиях нарастающего глобального соперничества и возрастания роли высокотехнологичных сегментов (микроэлектроника, фармацевтика, ИКТ, энергетическое оборудование) именно данные отрасли становятся объектами

жёсткого санкционного воздействия [101, с. 30-33]. Следовательно, заблаговременное финансирование НИОКР, поддержка стартапов и формирование национальной инновационной экосистемы позволяют сформировать автономную технологическую базу, снижающую риск критической зависимости от иностранных поставщиков комплектующих и технологий.

Одним из приоритетов становится наличие централизованной государственной программы в области науки и инноваций, где аккумулируются все усилия по продвижению отечественных разработок [4]. Такая программа предполагает как прямое финансирование из бюджета (грантовые конкурсы, субсидирование опытно-конструкторских работ), так и косвенные меры, упрощающие коммерциализацию результатов исследований. Например, при наличии специального госзаказа на инновационную продукцию (в оборонно-промышленном комплексе, энергетике, транспортном машиностроении) государство выступает якорным клиентом, создающим первичный платёжеспособный спрос на технологии, которые впоследствии могут выйти на экспортные рынки [100, с. 170].

Дополнительным механизмом стимулирования технологической независимости выступает поощрение стартапов и малых инновационных предприятий, способных более гибко реагировать на меняющиеся конъюнктурные условия [141, с. 208-210]. Для повышения их конкурентоспособности в международном масштабе можно сформировать сеть технопарков, бизнес-инкубаторов и венчурных фондов, тесно взаимодействующих с профильными научно-исследовательскими институтами и университетами. При этом целесообразно закладывать правовой базис, стимулирующий партнёрство крупных государственных и частных корпораций с перспективными малыми компаниями, чтобы ускорить переход от опытных образцов к промышленной апробации. Такая система государственно-частного сотрудничества по продвижению НИОКР придаёт устойчивость инновационному процессу: даже в случае неблагоприятных

внешних условий (например, отсутствия отдельных деталей или запрета на закупку высокотехнологичного оборудования) местные разработчики могут находить обходные решения и продолжать производство.

Особенное внимание в таких стратегических программах уделяют критическим сферам, в которых внешнее ограничение способно вызвать системный кризис:

- микроэлектроника – локализация производства базовых полупроводниковых компонентов, разработка собственных микроархитектур, стимулирование проектов в сфере микро- и нанотехнологий;
- фармацевтика – развитие полного цикла производства лекарственных препаратов, включая синтез активных субстанций, внедрение стандартов надлежащей производственной практики (GMP) и формирование научных центров для исследования новых молекул;
- ИКТ – создание отечественных программных платформ, коммуникационного оборудования (серверы, роутеры), формирование цифровых сервисов на базе собственных дата-центров, облачных решений и технологий кибербезопасности;
- энергетическое оборудование – ускорение разработок в области возобновляемых источников энергии (солнечные, ветровые, водородные установки), высокопроизводительных турбин и генераторов для тепловой и гидроэнергетики, а также технологий энергосбережения.

Подобные стратегические программы по технологическому развитию могут активно взаимодействовать с измерением внешнеэкономической безопасности, упрощая процесс ухода от зависимости по критическим позициям. Если импортозамещение высокотехнологичной продукции начинается до введения возможных санкций, то государство успевает не только нарастить внутренние компетенции, но и наладить альтернативные соглашения о кооперации в случае невозможности закупки отдельных технологий в странах, потенциально поддерживающих санкционную политику. Более того, благодаря предварительному инвестированию в НИОКР

возникает шанс вывести отечественные решения на региональные или даже мировые рынки, где есть спрос на доступные и технологически конкурентоспособные продукты.

В целом, развитие инноваций и стремление к технологической независимости представляют собой не отдельный экстренный инструмент, а комплексный подход, дополняющий институциональные реформы и меры по созданию параллельных финансовых каналов. Объединение научно-технической модернизации с продуманным правовым и организационным механизмом обеспечивает более высокую устойчивость экономики к внешним воздействиям, поскольку способствует появлению точек роста и открывает возможности для опережающих стратегий в случае глобальных технологических сдвигов. Этим достигается не просто превентивная защита от санкций, но и закладываются основы для долгосрочной конкурентоспособности, которая даёт государству возможность уверенно вести внешнеэкономическую деятельность в многостороннем, меняющемся мире.

Важнейшей предпосылкой укрепления конкурентоспособности национальной экономики и внешнеэкономической безопасности выступает активное привлечение деловых кругов к процессам превентивного планирования и адаптации. Речь идёт не только о пассивной осведомлённости предпринимателей относительно потенциальных ограничений, но и об их прямом участии в формировании антикризисной архитектуры, основанной на взаимовыгодном обмене информацией и совместном поиске гибких инструментов реагирования. В условиях современных геополитических вызовов государственное руководство, будучи заинтересовано в устойчивом развитии экспортных отраслей, вынуждено взаимодействовать с МСБ, который нередко становится наиболее уязвимой частью экономической структуры при введении санкций.

Одной из ключевых мер, способствующих повышению осведомлённости и готовности предпринимателей к санкционным рискам, является проведение тематических форумов, семинаров и обучающих программ. Подобные

площадки создают возможности для детального информирования бизнесменов о механизмах вторичных санкций, схемах параллельных расчётов и страхования экспортных сделок, а также о доступных инструментах хеджирования (например, валютных свопах и форвардах, страховании форс-мажорных ситуаций и внедрении политических рисков индексов). При этом важно, чтобы такие мероприятия носили не формальный, а практико-ориентированный характер, давая не только общую макроэкономическую картину, но и прикладные кейсы успешных и неуспешных попыток обхода санкций, содействуя обмену опытом между компаниями из смежных отраслей и государственными структурами, курирующими внешнеэкономическую деятельность. Существенно, что именно через подобные каналы предприниматели могут наиболее оперативно получать сигналы об изменениях во внешнеполитической обстановке, корректировать свои бизнес-стратегии, а государство – узнавать о наиболее уязвимых сегментах национального хозяйства и своевременно формировать точечные меры поддержки.

Другим неотъемлемым компонентом развития институциональных условий для укрепления конкурентоспособности становится создание экспортных агентств для МСБ, ориентирующихся на новые каналы сбыта (прежде всего электронную коммерцию и региональные торговые площадки). В ряде случаев малый и средний бизнес лишён необходимой экспертизы и финансовых ресурсов для самостоятельного выхода на мировые рынки, особенно в ситуации, когда существует угроза санкционного давления со стороны отдельных экономических акторов. Специализированные агентства, частично финансируемые из госбюджета и работающие в тесном контакте с профильными министерствами и банками развития, способны предоставлять услуги по сертификации продукции, юридическому сопровождению экспортных контрактов, поиску надёжных логистических партнёров и консультированию по вопросам таможенного законодательства. Они также могут помочь предпринимателям осваивать механизмы электронной торговли: регистрироваться на международных маркетплейсах, заниматься

продвижением отечественных брендов в социальных сетях и прорабатывать цифровые инструменты финансирования.

Особый интерес представляют программы, комбинирующие элемент обучающей платформы и маркетингового посредника, где предприниматели не только получают теоретические знания о том, как организовать безопасный экспорт в обход потенциальных ограничений, но и могут в режиме реального времени провести тестовые поставки, задействовать расширенную базу контактов потенциальных заказчиков, воспользоваться онлайн-витринами или электронными платёжными системами. Подобные комплексные решения позволяют МСБ быстрее найти стабильные каналы сбыта вне зависимости от конъюнктурных колебаний и санкционных рисков. Государство со своей стороны получает выгоду в виде повышающейся диверсификации экономических связей и снижения вероятности цепной реакции, когда закрытие одного рынка влечёт за собой массовую потерю экспортных доходов у большого числа компаний.

Именно таким образом взаимодействие с бизнес-сообществом, организуемое при поддержке профильных госорганов и финансовых институтов, способствует формированию более гибкой и устойчивой структуры внешнеэкономических связей. Вовлечённость предпринимателей в государственные форумы, обучающие программы и активное сотрудничество с экспортными агентствами позволяют им своевременно адаптироваться к меняющимся международным условиям, находить альтернативные пути сбыта и, тем самым, вносить вклад в укрепление общей конкурентоспособности страны на мировой арене.

Эффективная превентивная стратегия, направленная на повышение внешнеэкономической безопасности и конкурентоспособности, предполагает не только укрепление национальной базы, но и активное взаимодействие с соседними и дружественными странами посредством региональных структур. Подобные объединения обеспечивают благоприятный формат для снижения таможенных барьеров, координации технических стандартов и совместного

участия в инфраструктурных проектах, что в совокупности расширяет возможности участников по нейтрализации санкционного давления [418, с. 290-294].

Одним из наиболее результативных инструментов в данной сфере становится присоединение к ЗСТ или таможенным союзам, позволяющим национальным компаниям получить льготный доступ к рынкам партнёрских государств. При этом важно, чтобы подобные союзы не ограничивались декларативным снятием тарифных барьеров, а включали механизмы урегулирования торговых споров и согласования внешнеторговой политики. Такое согласование позволяет на институциональном уровне зафиксировать взаимную поддержку в случае введения кем-либо из внешних игроков односторонних ограничительных мер против одной из стран-участниц. Кроме того, во многих современных блоках ведётся работа над цифровыми платформами, упрощающими документооборот и сокращающими бюрократические процедуры, что повышает мобильность торговли и снижает риски блокировки отдельных цепочек поставок из-за политических причин. Государство, заранее интегрированное в подобные структуры, способно оперативнее диверсифицировать маршруты экспорта и импорта, минимизируя потенциальные убытки от санкций.

Наряду с торгово-тарифной кооперацией, перспективным направлением оказывается участие в межгосударственных программах научно-технического сотрудничества, где формируются объединённые исследовательские проекты, технологические кластеры и центры разработки инновационных решений. Столь интегрированный формат, во-первых, помогает разделить затраты на проведение дорогостоящих НИОКР, а во-вторых, повышает технологическую автономию стран-участниц за счёт обмена данными, совместного пользования исследовательским оборудованием и выпуском унифицированных продуктов. Это особенно значимо в тех областях, где традиционно преобладает высококонцентрированный рынок технологий (например, микроэлектроника, инженерия, биотехнологии), и отдельные государства могут столкнуться с

проблемой ограниченного доступа к передовым разработкам. Кооперация на региональном уровне даёт возможность обойти подобные барьеры: если в одном государстве располагается производственная база, а в другом – лаборатория, специализирующаяся на опытно-конструкторских работах, то общее технологическое решение возникает как результат синергетического сотрудничества.

Чрезвычайно актуальна также инфраструктурная кооперация: совместное финансирование транспортных коридоров, трубопроводных систем, энергетических проектов и логистических хабов. Когда несколько стран формируют транзитный союз или договариваются о создании магистральных маршрутов в обход потенциально небезопасных регионов, они тем самым снижают риск, что санкции против одного участника заблокируют всё движение товаров и ресурсов в регионе. Если же инфраструктурные объекты находятся в совместной собственности (или функционируют по модели государственно-частных партнёрств в рамках интеграционного объединения), то введение внешних ограничений против одного из партнёров заметно усложняется, так как затронет интересы сразу нескольких государств. Подобный фактор может служить весомым аргументом в дипломатических дискуссиях, убеждая санкционные коалиции избегать крайне жёстких мер, способных вызвать ответную реакцию целого регионального блока.

Это позволяет сделать вывод, что интеграция с региональными объединениями не сводится к простому снятию таможенных пошлин или подписанию двусторонних соглашений о свободной торговле. Она охватывает более глубокую сферу – формирование общих технических, научных и инфраструктурных проектов, создающих единую платформу для развития экономики стран-участниц. С точки зрения превентивных мер, такая интеграция значительно укрепляет возможности государства по хеджированию рисков, связанных с санкционным режимом, а также повышает конкурентоспособность национальных отраслей, расширяя спектр внешних рынков и совместных программ.

В контексте вышеизложенных рекомендаций, направленных на укрепление экономической системы до возможного введения санкций, особую значимость приобретает анализ успешных кейсов государств, которым удалось заранее сформировать широкую базу для внешнеэкономической безопасности и конкурентоспособности. Несмотря на то, что Сингапур и ОАЭ существенно различаются по размеру населения, природно-ресурсной базе и историческим предпосылкам, их объединяет качественное институциональное развитие, гибкая финансовая политика и акцент на долгосрочной диверсификации, что позволило обоим государствам стать устойчивыми к колебаниям глобальной конъюнктуры.

Одним из наиболее наглядных примеров целенаправленного формирования многопрофильной экономики служит Сингапур, сумевший за несколько десятилетий эволюционировать от транзитного порта с ограниченной ресурсной базой до крупного мирового финансово-технологического хаба [47] (табл. 3.3.1). Ключевым фактором успеха стала проактивная государственная политика, сочетавшая меры по привлечению многонациональных корпораций (предоставление налоговых льгот, формирование промышленной инфраструктуры, поддержка высококвалифицированной рабочей силы) с жёсткими требованиями к соблюдению правового порядка и борьбе с коррупцией. Упор на развитие финансового сектора, а также стимулирование локальных научно-исследовательских центров в таких областях, как электроника, биотехнологии, фармацевтика, способствовали формированию прочной технологической платформы. В результате Сингапур стал мировым лидером по уровню легкости ведения бизнеса и один из самых диверсифицированных финансовых узлов в Азии [159]. В случае любых внешних колебаний (включая торговые конфликты, санкционное давление на его контрагентов и прочие факторы) государство остаётся устойчивым благодаря широким внешнеэкономическим связям и признанному инвестиционному климату.

Аналогичной проактивной стратегией, хотя и с опорой на иной набор конкурентных преимуществ, характеризуется пример ОАЭ, где в течение нескольких десятилетий целенаправленно создавались СЭЗ и внедрялась политика открытости к иностранным инвестициям [167, с. 334-335] (табл. 3.3.1). Несмотря на то, что экономика ОАЭ изначально базировалась на нефтяном секторе, власти стремились избежать сценария полной нефтяной зависимости и вложили значительные средства в инфраструктурные проекты (авиационный и морской транспортный хаб, логистику, телекоммуникации), а также в развитие туристической отрасли и финансовых услуг. Грамотно выстроенные СЭЗ (Джебель Али в Дубае, а также другие зоны в Абу-Даби и Рас-эль-Хайме) предоставляли нерезидентным компаниям благоприятные условия налогообложения, упрощённые таможенные процедуры, а также гарантии неприкосновенности капитала и единые нормы быстрого регистрационного оформления [75, с. 223-224]. Результатом стало привлечение глобальных операторов в различные сферы бизнеса (транспорт и логистика, электронная коммерция, блокчейн-сервисы), что снизило уязвимость экономики к возможному запрету на поставки углеводородов и позволило сформировать диверсифицированные источники дохода.

С учётом данного опыта можно выделить несколько общих элементов, позволяющих странам, ещё не столкнувшимся с санкционными угрозами, выстроить запас прочности заранее. Во-первых, это формирование привлекательного делового климата, предполагающего прозрачные правовые механизмы (включая защиту прав собственности и независимую судебную систему), а также комплекс мер по поддержке иностранных и национальных инвесторов.

Во-вторых, опора на развитие высокотехнологичных секторов, способных генерировать дополнительную добавленную стоимость, и стимулирование инноваций (через налоговые льготы, прямое госфинансирование НИОКР, венчурные фонды).

Таблица 3.3.1. - Ключевые факторы устойчивости экономик Сингапура и Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ) перед потенциальными внешними санкционными мерами

Фактор устойчивости	Сингапур	ОАЭ
Диверсификация структуры экономики	- высокая степень диверсификации: значимую роль играют финансовые услуги, логистика, высокотехнологичные отрасли и фармацевтика	- экономика исторически завязана на нефтегазовом секторе, но в последние десятилетия реализуются масштабные инициативы по диверсификации: развитие финансового сектора, туризма, авиаперевозок, высокотехнологичных хабов (например, в Дубае); - консолидация в сфере международной логистики и услуг
Уровень финансового суверенитета	- один из ключевых мировых финансовых центров, опирается на развитую банковскую систему и собственный рынок капитала; - объёмные ЗВР (по меркам небольшой страны) и строгая регуляторная политика, обеспечивающая доверие инвесторов	- наличие суверенных фондов (в особенности Abu Dhabi Investment Authority), аккумулирующих значительные нефтяные доходы и обеспечивающих долгосрочную устойчивость; - продвинутый финансовый сектор и фондовые рынки (Дубай, Абу-Даби), использующие либеральный режим для притока иностранных инвестиций
Институциональная среда и макроуровень	- высокие позиции в рейтингах глобальной конкурентоспособности, развитая правовая база, минимальная коррупция; - стабильная бюджетная политика и низкий госдолг; - прогнозируемая денежно-кредитная политика, связанная с авторитетом местного регулятора (Денежно-кредитное управление Сингапура)	- совершенствующаяся нормативная база, прозрачная бизнес-среда, поддерживаемая реформами и цифровизацией госуправления; - относительно низкие налоговые ставки, особенно в СЭЗ, что стимулирует крупные транснациональные корпорации сохранять присутствие в регионе
Технологический и инфраструктурный уровень	- один из глобальных логистических хабов благодаря порту Сингапура и современной инфраструктуре (аэропорт Changi); - активно развиваемые инновационные экосистемы (стартап-кластеры, биомедицина, финтех) при поддержке правительства; - высокая цифровизация государственной и бизнес-среды	- колоссальные инвестиции в логистические и технологические объекты (аэропорты, морские порты, «умные» города); - мировой лидер в сфере небоскрёбных инфраструктурных проектов и сервисных IT-решений (особенно в Дубае); - системное развитие технологических парков и промышленных свободных зон

Фактор устойчивости	Сингапур	ОАЭ
Международные дипломатические связи	- политика активного нейтралитета, позволяющая сохранять широкий круг экономических и инвестиционных партнёров; - участие в многочисленных региональных и международных объединениях (АСЕАН, АТЭС и т.д.), обеспечивающих международную легитимность и разнообразие рынков	- активная внешнеполитическая стратегия, ориентированная на поддержание отношений как с западными странами, так и с региональными акторами (Саудовская Аравия, Египет, Турция и др.); - участие в ОПЕК и ряде межрегиональных инициатив, а также привлечение иностранных инвесторов в развитие инфраструктуры
Управление ЗВР	- сформированная система управления резервами через Суверенный фонд благосостояния (GIC) и Temasek Holdings; - консервативная и диверсифицированная модель инвестирования, позволяющая сохранять активы в ликвидной форме	- суверенные фонды (в том числе Mubadala, ADIA), эффективно вкладывающие средства в зарубежные активы, диверсифицирующие портфель и создающие запас прочности; - гибкая политика управления ресурсами, дающая возможность аккумулировать резервы для поддержания курса нацвалюты и антикризисных мер
Политическая и социальная стабильность	- чётко выстроенная вертикаль управления, низкий уровень социально-политических конфликтов; - высокий уровень безопасности, доверия к правоохранительным и судебным органам; - продвинутая система соцобеспечения и мер по поддержке человеческого капитала	- относительная стабильность монархических структур и социального контракта (государственная поддержка населения, в особенности граждан ОАЭ); - демографическая политика, опирающаяся на привлечение квалифицированной иностранной рабочей силы и формирование мультикультурной среды
Гибкость в адаптации к внешним шокам	Признанная адаптивность к глобальным кризисам: благодаря тесной интеграции в мировые рынки, Сингапур быстро перенаправляет ресурсы и потоки - Диверсификация внешней торговли позволяет ограничить риски, связанные с санкциями против отдельных стран или отраслей	- государственная политика быстрого реагирования: при необходимости ОАЭ финансирует альтернативные каналы логистики и стимулирует пересмотр налогово-таможенных режимов; - высокая толерантность к изменениям сырьевой конъюнктуры благодаря ранее накопленному капиталу и разветвлённой инвестиционной активности

Источник: составлено автором.

В-третьих, развитие инфраструктуры и сервисной базы (финансовой, транспортной, логистической), без которой невозможен быстрый выход на региональные и мировые рынки. И наконец, акцент на диверсификацию направлений внешнеэкономической деятельности: государство, избегающее моноориентации на один сектор или одну группу партнёров, автоматические снижает свою уязвимость в случае введения внешних ограничений или неблагоприятных конъюнктурных сдвигов [426, с. 802-803].

В целом, кейсы Сингапура и ОАЭ наглядно демонстрируют, как своевременные реформы, сочетание благоприятного правового климата и инфраструктурной модернизации, а также развитие многообразных отраслей позволяют странам существенно повысить устойчивость к внешним шокам, включая возможные санкции или торговые барьеры. Они также указывают на важность целенаправленной государственной политики, непрерывно поддерживающей инновационные направления и обслуживающей международные финансовые потоки, что содействует не только экономическому росту, но и формированию прочных оборонительных механизмов в глобальной экономической системе.

Неотъемлемым фактором долгосрочной устойчивости экономики, а также ключевой предпосылкой для её эффективной диверсификации в условиях потенциальных внешних ограничений является качество человеческого капитала. При возникновении санкционных рисков именно накопленные знания, навыки и инновационный потенциал общества позволяют государству не только смягчить удар, но и в некоторых случаях направить вызовы во благо, переориентируя производство и внешнеэкономическую стратегию на перспективные ниши [370, с. 60-70]. Систематические вложения в образование и науку обеспечивают фундамент для устойчивого развития: выпускники, обладающие компетенциями в области инженерии, биоинформатики, информационных технологий, финансового анализа или международной торговли, могут оперативно адаптировать существующие производственные и

логистические цепочки, а также разрабатывать альтернативные решения, недоступные при дефиците квалифицированных кадров.

Развёрнутая государственная политика, стимулирующая непрерывное повышение уровня образования и научно-исследовательской деятельности, зачастую включает в себя как целевые программы подготовки специалистов, так и создание инфраструктуры для кооперации между университетами, бизнесом и государственными институтами [453, с. 346-352]. Формирование современных образовательных центров, лабораторий и технопарков, способных работать в тесном контакте с промышленными предприятиями, способствует не только скорейшей коммерциализации результатов научных исследований, но и ускоренному освоению новых технологий. В случае необходимости резкого разворота на иные рынки или разработки собственных аналогов импортных товаров (если, например, поставки из стран-инициаторов санкций будут заблокированы), наличие гибкого и высококвалифицированного кадрового резерва становится решающим фактором. Умение быстро переучиваться и переквалифицироваться, ориентируясь на новые запросы мировой экономики, позволяет сохранить конкурентоспособность даже при значительных изменениях внешних условий.

Дополнительным важным аспектом, повышающим эффективность формирования человеческого капитала, выступает привлечение международных университетов и научных центров в развивающиеся страны [535]. В условиях конкуренции за научные ресурсы и таланты крупные государственные и частные фонды могут предлагать выгодные условия для зарубежных вузов или исследовательских организаций, приглашая их открывать филиалы на своей территории. Такая политика, при всей своей затратности, даёт возможность относительно быстро закрепить передовые образовательные и исследовательские методики, вовлечь национальных студентов и преподавателей в глобальные сети научной кооперации, а также сформировать локальные научные школы, ориентированные на потребности конкретных отраслей (микроэлектроника, фармацевтика, нефтегазовая

геология, материалы ведения и прочее). Присутствие исследовательских университетов или центров уровня QS 100–200 значительно упрощает доступ к международным грантам и проектам, стимулирует обмен знаниями с зарубежными партнёрами и в долгосрочной перспективе способствует созданию локальной экспертной среды, способной оперативно генерировать ноу-хау [404, с. 98-103].

В силу этого, страны, стремящиеся выработать механизмы превентивной защиты от возможного санкционного режима, неизбежно выходят на вопрос о комплексном совершенствовании образовательных программ, поддержке интернациональных форматов обучения, а также наращивании научных компетенций, способных заменить импортные технологии или обеспечить их адаптацию к локальной специфике. Вложения в человека, в образовании и подготовке кадров – будь то финансирование фундаментальной науки или прикладных исследований – приносят долгосрочную отдачу, тогда как попытки оперативно импортировать технологические решения при внешнем давлении могут оказаться малоэффективными из-за ограничений в доступе к оборудованию и вычислительным системам [410, с. 2-5]. Как результат, упор на развитие человеческого капитала формирует одновременно и фундамент для экономического роста, и страховой барьер против внешнеэкономических шоков, позволяющий национальному хозяйству быстрее переключаться на альтернативные рынки, схемы кооперации и технологические платформы.

Представленные ранее превентивные меры демонстрируют целостную систему действий, обеспечивающих государствам высокий уровень готовности к возможному санкционному давлению. В условиях глобальных экономических и геополитических потрясений превентивная стратегия должна охватывать все основные сферы хозяйственного комплекса, начиная от широкого спектра внешнеторговых направлений и заканчивая тонко настроенной финансово-технологической инфраструктурой. Сама же практика показывает, что изолированные меры – например, попытка исключительно субсидировать национальные предприятия или ограничиться формальным расширением

торговых соглашений – редко приносят устойчивый результат. Эффективность превентивных шагов возрастает многократно, когда государство подготавливает согласованную программу, синхронизирующую действия по диверсификации, технологическому развитию, финансовому хеджированию и поддержке человеческого капитала в единый комплекс, что в долгосрочной перспективе обеспечивает высокую экономическую устойчивость и конкурентоспособность даже при возникновении внезапных внешних ограничений.

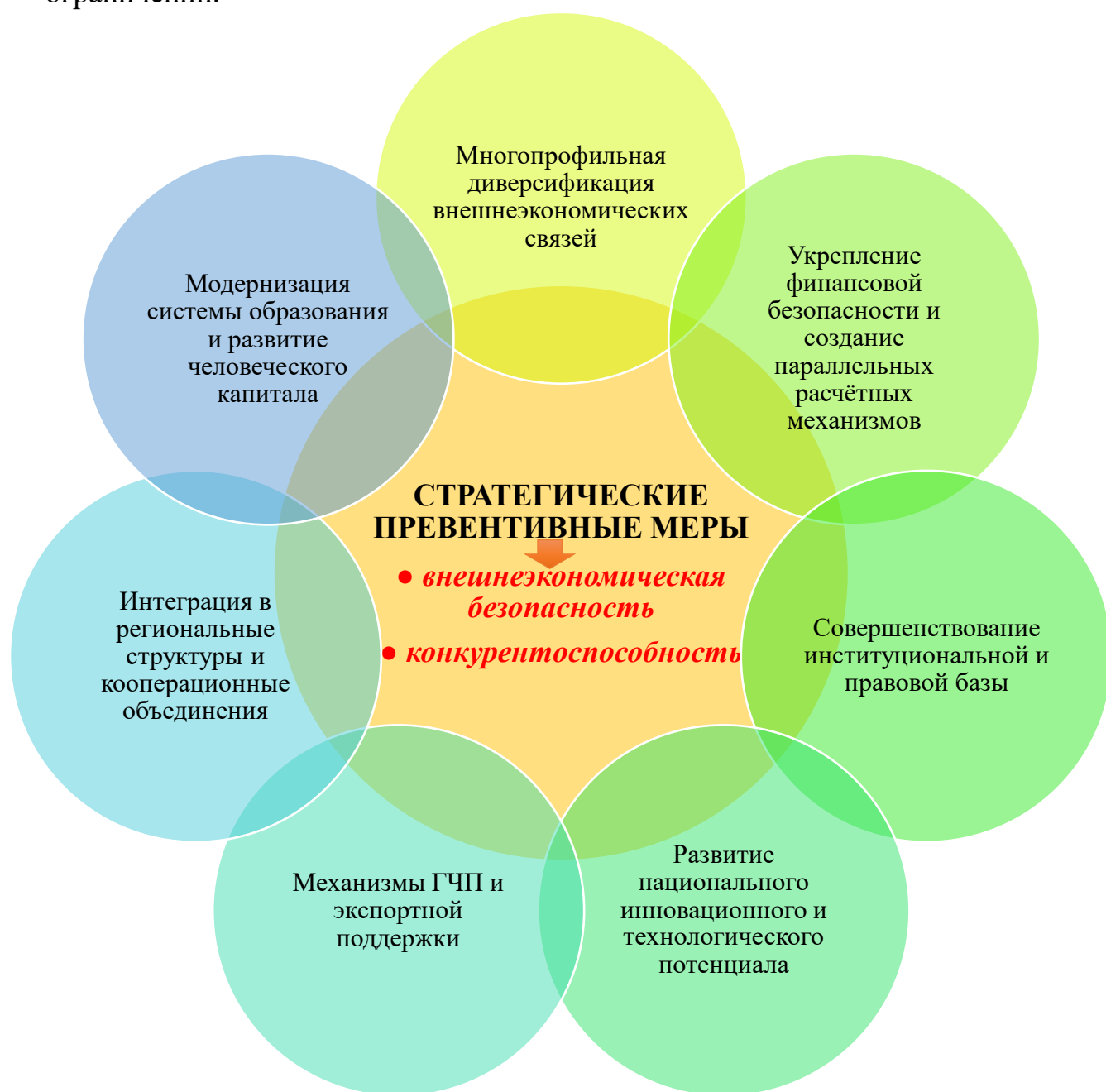

Рисунок 3.3.1. – Стратегические превентивные меры для государств, находящихся в зоне потенциального санкционного риска
Источник: составлено автором.

Представленная схема визуализирует комплекс стратегических превентивных мер, направленных на формирование внешнеэкономической устойчивости государства в условиях потенциальных санкционных рисков, через системную интеграцию институциональных, финансовых, технологических и образовательных компонентов (рис. 3.3.1). Каждое направление отражает ключевые векторы адаптационного потенциала и взаимосвязано с центральной целью — обеспечением долгосрочной конкурентоспособности и внешнеэкономической безопасности. Значимость вышеописанных превентивных мер для национальных правительств и деловых кругов проявляется в их способности не только приостановить или ослабить наиболее разрушительные последствия внезапных внешних ограничений, но и сохранить при этом макроэкономическую стабильность и конкурентоспособность в долгосрочном горизонте. Практические результаты такой синергии могут быть наиболее очевидными в отраслях, где риск внешних ограничений особенно высок либо критичен для национальной экономики.

Выводы по третьей главе

Сравнительный анализ адаптационных стратегий государств, находящихся под устойчивым санкционным давлением, выявил высокую степень зависимости эффективности антикризисных мер от уровня институциональной согласованности, качества экономического управления и наличия гибких внешнеэкономических механизмов. Успешные практики характеризуются созданием параллельных финансовых инфраструктур, стратегической диверсификацией внешнеэкономических связей и оперативной мобилизацией внутренних ресурсов, в то время как неудачные кейсы демонстрируют институциональную инерцию, технологическую уязвимость и неспособность к политико-экономической адаптации. Эти различия подтверждают необходимость системного подхода, предполагающего взаимодействие государства, бизнеса и научного сообщества в процессе выработки и реализации адаптационных решений.

Повышение результативности адаптационных мер возможно лишь при условии институционального переосмысления системы экономической безопасности, включающего модернизацию механизмов государственного управления, укрепление правовой и нормативной базы, развитие механизмов государственно-частного партнёрства, а также формирование комплексной стратегии импортозамещения в технологически критичных секторах. Особую значимость приобретают финансово-расчётные решения, направленные на обеспечение автономности национальной платёжной инфраструктуры и устойчивости внешнеэкономических транзакций. Таким образом, институциональная среда выступает не только фоном, но и ключевым условием эффективности санкционной адаптации, определяя глубину и устойчивость реализуемых механизмов экономической стабилизации.

Превентивные стратегии обеспечения внешнеэкономической устойчивости в условиях потенциального санкционного давления должны строиться на принципах проактивной институциональной подготовки, стратегической диверсификации, технологической независимости и развития человеческого капитала. Комплекс мер, направленных на предварительное укрепление экономической структуры — от диверсификации рынков и расчётных каналов до интеграции в региональные блоки и формирования национальных инновационных систем — способствует снижению риска критических деструкций в случае внешнеполитических и геоэкономических потрясений. Следовательно, устойчивость и конкурентоспособность национальной экономики в долгосрочной перспективе напрямую зависят от своевременного внедрения системных превентивных решений, интегрированных в стратегию внешнеэкономической безопасности.

ГЛАВА 4. АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭКОНОМИКИ ТАДЖИКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ САНКЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

4.1. Особенности структуры экономики Таджикистана и её внешнеэкономических связей

Таджикистан, будучи государством со сравнительно небольшой и диверсифицированной в ограниченных пределах экономикой, оказывается в центре научных дискуссий о гибкости и потенциальном уязвимом положении ряда стран постсоветского пространства, особенно в условиях, когда мировое хозяйство трансформируется в сторону полицентрализации [125, с. 65-66]. Усиление геоэкономической конкуренции и расширение практики международных экономических санкций приводят к тому, что государства с тесными внешнеторговыми связями и критической зависимостью от отдельных партнёров сталкиваются с новыми вызовами. Тесная сопряжённость производственных структур и миграционно-финансовых потоков повышает чувствительность Таджикистана к неблагоприятным внешнеполитическим воздействиям.

В то время как санкционные режимы, декларируемые ведущими державами или коалициями, могут быть преимущественно нацелены на иные страны и блоки, малые экономики региона нередко испытывают косвенное влияние, отражающееся на ключевых отраслях, логистических маршрутах и миграционных коридорах. Процессы фрагментации и полицентрализации мировой экономики, связанные с возникновением самостоятельных узлов влияния (включая растущие рынки азиатского региона), усложняют классическую картину зависимости республики от традиционных рынков, но при этом открывают окна возможностей для переориентации экспортно-импортных потоков и поиска новых финансовых партнёров.

В контексте данных перемен анализ структуры экономики Таджикистана и её внешнеэкономического вектора позволяет охарактеризовать, какие отраслевые и институциональные особенности

усиливают или ослабляют восприимчивость республики к действию ограничительных мер, наблюдаемых в системе современных мирохозяйственных связей.

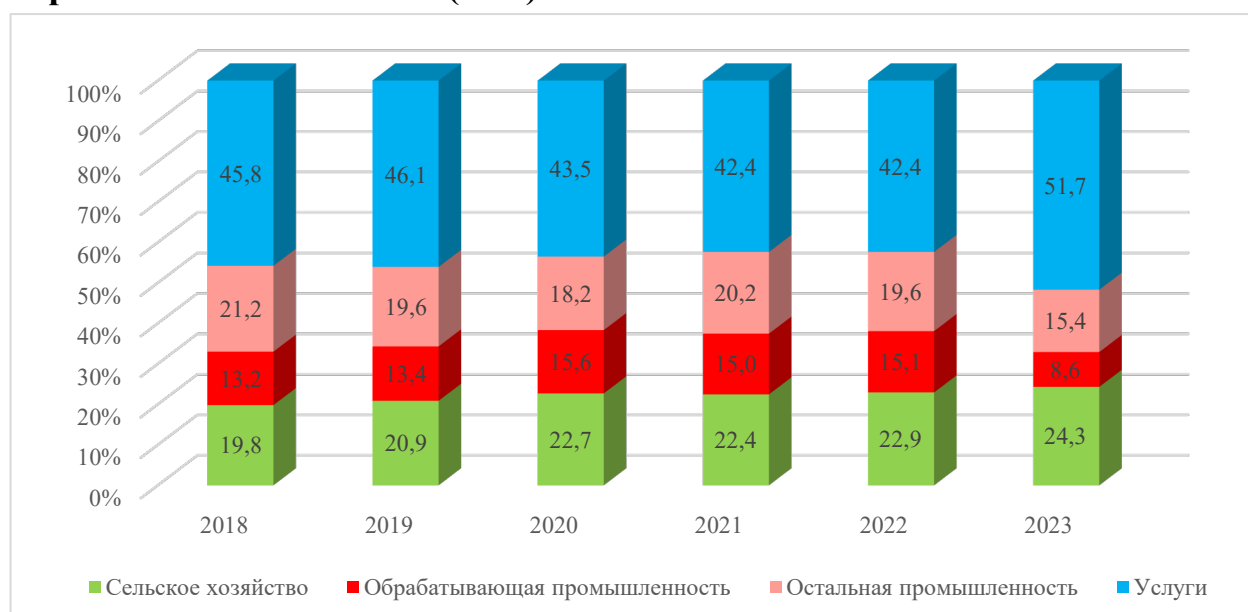
Международный опыт показывает, что государства, формировавшие базу экономической безопасности через диверсификацию отраслей и широкий круг инвестиционных соглашений, обнаруживают большую устойчивость при влиянии экзогенных шоков, в том числе в сфере высоких технологий и критической инфраструктуры [192, с. 20-21]. Таджикистан же, сталкиваясь с проблемой энергодефицита и технологической зависимости, дополняемой высокой ролью трудовых мигрантов и связанных с ними денежных переводов, нуждается в комплексном осмыслении собственных структурных параметров [173, с. 185-187]. Именно такой подход – раскрытие отраслевых пропорций, оценки уровня развития ключевых производств и внешнеторговых ориентиров – даёт возможность сформулировать предметную базу для прогноза санкционных рисков и обоснования превентивных мер, отвечающих реалиям полицентричного мирохозяйственного порядка.

Рассмотрение ключевых черт производственно-отраслевого профиля и внешнеторговой направленности Таджикистана, которые должны формировать своеобразные опорные секторы и определять внешнеэкономические векторы республики, на наш взгляд, является целесообразным в рамках данного исследования. Такой подход служит теоретико-практической основой для последующего анализа канала воздействия международных ограничительных мер на хозяйственный комплекс страны, позволяя не только выявить потенциальные точки уязвимости, но и очертить сферу для применения проактивных мер государственной и корпоративной политики в условиях возможного санкционного давления.

Системный учет динамики отдельных отраслей национальной экономики представляется одним из ключевых факторов формирования внешнеторговых векторов развития, поскольку от него в значительной

степени зависит степень устойчивости экономической системы к внешним шокам и ее способность адаптироваться к трансформирующимся макроэкономическим условиям. Проведенный комплексный анализ статистических данных указывает на существенные структурные преобразования в ВВП Таджикистана, выражающиеся в изменении долевых показателей основных секторов хозяйства (диагр. 4.1.1).

Диаграмма 4.1.1. – Динамика распределения ВВП Таджикистана по отраслям за 2018-2023 гг. (в %)

Источник: составлено автором на основании [252].

Согласно агрегированным сведениям, в 2018 году ведущую роль в формировании национального продукта играла сфера услуг, обеспечивая 45,8% ВВП. Однако к 2023 году данный показатель увеличился до 51,7%, что свидетельствует о постепенном переходе к сервизоориентированной модели экономического роста. Указанный тренд может быть обусловлен целым рядом факторов, включая рост внутреннего спроса на услуги, расширение торгово-финансового взаимодействия с зарубежными партнерами, а также ускоренное развитие телекоммуникационных сервисов, отражающееся в формировании более диверсифицированной структуры экономики.

Вторым по значимости сектором продолжает оставаться сельское хозяйство, продемонстрировавшее увеличение доли в ВВП с 19,8% в 2018 году до 24,3% в 2023 году. Подобная тенденция, с одной стороны, подчеркивает

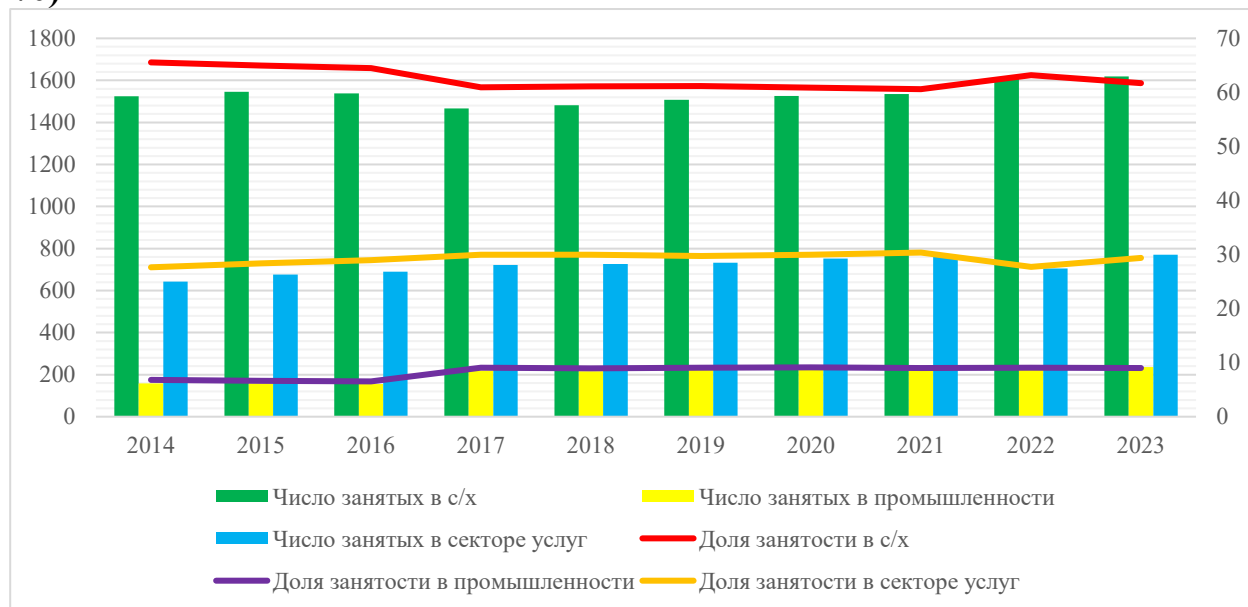
сохраняющееся стратегическое значение аграрного сектора, подкрепленное природно-климатическими преимуществами и высоким уровнем занятости в сельской местности, а с другой – указывает на эффективность предпринимаемых государством мер по стимулированию агропромышленного комплекса [158, с. 137-138]. Кроме того, в условиях геополитической нестабильности и усиления рисков продовольственной безопасности вклад сельского хозяйства в макроэкономическую стабильность возрастает, позволяя минимизировать негативное влияние внешнеэкономических колебаний.

Обрабатывающая промышленность, напротив, демонстрирует разнонаправленную динамику: ее доля сократилась с 13,2% в 2018 году до 8,6% в 2023 году, что может свидетельствовать о наличии структурных диспропорций, связанных как с недостаточностью капитальных инвестиций и технологических инноваций в производстве [104, с. 96], так и с неблагоприятными внешними факторами, в частности волатильностью мировых цен на сырье и ограниченностью доступа к зарубежным технологиям. Аналогично уменьшение удельного веса прочих отраслей промышленности (с 21,2% в 2018 году до 15,4% в 2023 году) позволяет говорить о тенденции к деиндустриализации, которая может быть спровоцирована переориентацией национальной экономики на иные сегменты хозяйственной деятельности и перераспределением ресурсов в пользу сферы услуг [224, с. 34].

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что структура ВВП Таджикистана в анализируемом периоде отражает устойчивую тенденцию к расширению сервисного сектора и сельскохозяйственного производства при одновременном снижении удельного веса промышленности. С одной стороны, подобная перестройка создает дополнительные рабочие места, повышает гибкость экономики в контексте внутреннего спроса и укрепляет продовольственную безопасность; с другой стороны, ослабление

индустриальной базы может негативно сказаться на потенциале долгосрочного развития и усложнить задачу диверсификации производства.

Диаграмма 4.1.2. – Динамика числа занятых (тыс. человек) и доли занятости (в %) в сельском хозяйстве Таджикистана за 2018-2023 гг. (в %)

Источник: составлено автором на основании [252].

Анализ динамики численности занятых и структуры их распределения по секторам экономики последние 10 лет также позволяет выявить ключевые тенденции, отражающие структурные изменения в национальном хозяйстве, а также определить влияние различных макроэкономических и внешнеполитических факторов на рынок труда (диагр. 4.1.2). В течение исследуемого периода происходили как плавные, так и резкие сдвиги в отраслевой структуре занятости, что обусловлено совокупностью долгосрочных экономических процессов и краткосрочных шоков, среди которых колебания спроса на труд в сельском хозяйстве, нестабильность сектора услуг и слабый рост промышленного производства.

В 2014 году в Таджикистане преобладала занятость в сельском хозяйстве, доля которой составляла 65,6% от общего числа занятых, тогда как на промышленность приходилось 6,8%, а на сферу услуг – 27,6%. В последующие годы происходило постепенное сокращение доли аграрного сектора: к 2017 году она снизилась до 60,9%, что свидетельствовало о начавшемся переходе рабочей силы в промышленность и сферу услуг. Однако,

несмотря на этот тренд, промышленность не продемонстрировала устойчивого роста, хотя в 2017 году доля занятых в данной отрасли увеличилась до 9,1%, что может быть связано с мерами государственной поддержки или реализацией отдельных крупных проектов (например, Рогунской ГЭС). В то же время сфера услуг постепенно расширялась, и к 2017 году ее доля достигла 30%, что указывает на структурный переход экономики в сторону третичного сектора, характерный для большинства развивающихся стран.

В период с 2018 по 2021 гг. отмечалась стабилизация отраслевой структуры занятости, когда доля сельского хозяйства колебалась в пределах 60,6–61,2%, промышленность сохраняла относительно низкую долю (около 9%), а сектор услуг оставался на уровне 30%. Однако в 2022 году произошел внезапный рост занятости в сельском хозяйстве, что привело к увеличению его доли до 63,2% при одновременном снижении доли сферы услуг до 27,7%. Подобное явление, вероятно, объясняется началом активной фазы российско-украинского военного конфликта и нежеланием трудовых мигрантов участвовать в ней [287], что замедлило миграционные процессы [300].

В 2023 году наметился обратный тренд, свидетельствующий о начале восстановления структуры занятости, что выразилось в снижении доли сельского хозяйства до 61,7% и одновременном росте занятости в сфере услуг до 29,4%. Доля промышленности осталась практически неизменной (9%), что указывает на отсутствие значительных сдвигов в развитии производственного сектора. Данный факт может свидетельствовать о том, что национальная экономика сталкивается с проблемами в области индустриализации, связанными с ограниченностью инвестиций, нехваткой квалифицированных кадров и зависимостью от импорта технологий.

На основании проведенного анализа можно выделить три ключевых структурных макроэкономических тенденций. Во-первых, сельское хозяйство продолжает доминировать в экономике, что указывает на недостаточную диверсификацию источников роста и высокую зависимость от аграрного

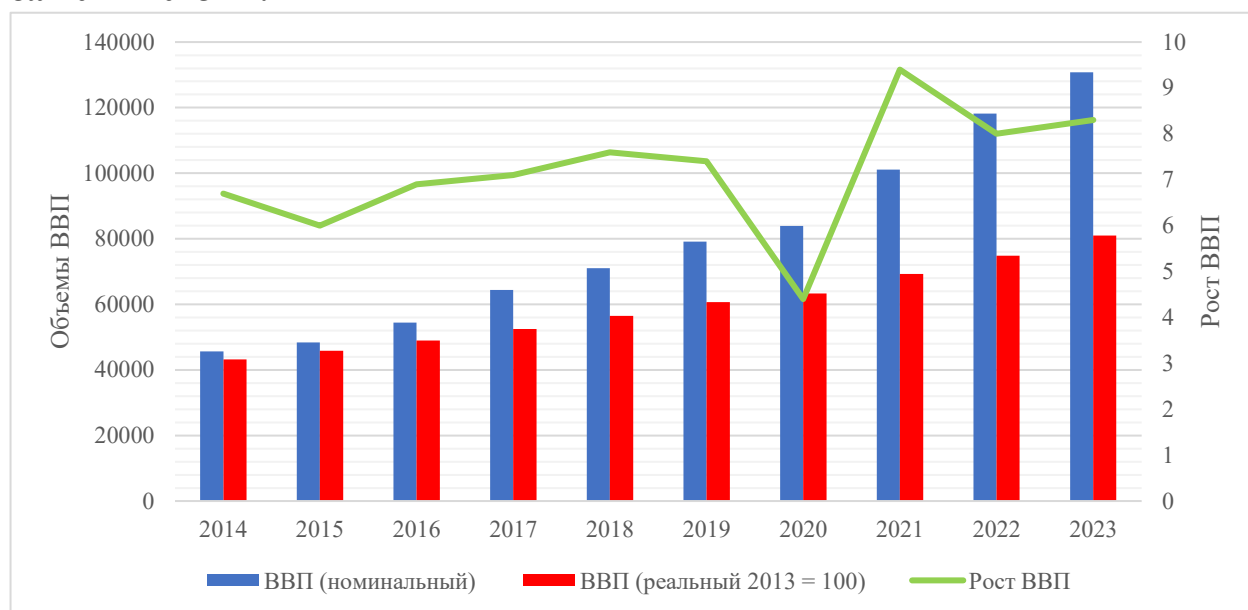
сектора; хотя в 2014–2017 гг. его доля сокращалась, после 2018 года она стабилизировалась, а в 2022 году даже увеличилась. Во-вторых, промышленность демонстрирует замедленные темпы роста, что указывает на отсутствие значительного прогресса в развитии обрабатывающего производства, что не характерно для динамично развивающихся экономик. В-третьих, сфера услуг в долгосрочной перспективе демонстрирует тенденцию к расширению, однако в 2022 году она столкнулась с временным спадом, вызванным внешними и внутренними шоками, но уже в 2023 году наметилось восстановление к прежним уровням.

Другим важным элементом нашего макроэкономического исследования выступает анализ объемов ВВП Таджикистана за период 2014–2023 гг., поскольку позволяет выявить закономерности экономического развития страны, оценить устойчивость национальной экономики к внешним и внутренним шокам, а также определить ключевые факторы, влияющие на динамику производства и потребления (диагр. 4.1.3). В данном контексте особую значимость приобретает сопоставление номинального и реального ВВП, что дает возможность учесть влияние инфляционных процессов, а также выявить структурные изменения, происходящие в экономике. Кроме того, рассмотрение динамики темпов экономического роста позволяет оценить эффективность государственного регулирования, проанализировать влияние глобальных макроэкономических тенденций и выявить потенциальные риски для долгосрочного развития страны.

Анализ представленных данных демонстрирует устойчивый рост номинального ВВП, который увеличился более чем в три раза за рассматриваемый период, что обусловлено как расширением внутреннего производства, так и инфляционным давлением, отражающим влияние изменения ценовой конъюнктуры. Если в 2014 году объем ВВП составлял 45,61 млрд. сомони, то к 2023 году данный показатель превысил 130,7 млрд. сомони, что свидетельствует о значительном увеличении экономической активности, однако не позволяет в полной мере оценить реальные изменения

в уровне производства и потребления. В отличие от номинального ВВП, показатель реального ВВП, который рассчитывается в постоянных ценах 2013 года, сравнительно демонстрирует менее выраженную динамику роста, что свидетельствует о наличии инфляционных факторов, оказывающих влияние на покупательную способность населения и инвестиционные процессы [161, с. 183-184].

Диаграмма 4.1.3. – Динамика объемов номинального и реального ВВП (в млн сомони) и темпов экономического роста (в %) Таджикистана за 2014-2023 гг.

Источник: составлено автором на основании [252].

Темпы экономического роста, являющиеся ключевым индикатором динамики национального хозяйства, демонстрируют значительную волатильность на протяжении всего исследуемого периода, что свидетельствует о высокой зависимости экономики от внешнеэкономической конъюнктуры, изменений в финансово-кредитной политике и структурных трансформаций внутри страны. В начальном периоде (2014–2019 гг.) наблюдается тенденция к постепенному снижению темпов роста, что может быть обусловлено замедлением мировой экономики и сокращением объемов денежных переводов мигрантов в страну [86, с. 227-228]. Наиболее заметный спад темпов роста зафиксирован в 2020 году, когда под влиянием пандемии COVID-19 произошло резкое замедление экономической динамики, обусловленное сокращением объемов внешней торговли, снижением

денежных переводов от трудовых мигрантов и уменьшением инвестиционных потоков [188, с. 12-13]. Однако в 2021 году экономика демонстрирует значительное восстановление, что проявляется в резком увеличении темпов роста, достигших максимального значения за весь анализируемый период, что может быть связано с эффектом отскока после кризисного спада, восстановлением международной торговли, а также стимулирующей политикой государства.

В последующие годы (2022–2023 гг.) темпы роста ВВП стабилизируются в пределах 7–8%, что свидетельствует о переходе экономики в фазу относительно устойчивого развития, а за исследуемый период среднегодовые темпы роста составили 7,2%. Несмотря на позитивную динамику, сохраняется необходимость диверсификации экономики, поскольку высокая зависимость от отдельных источников дохода, включая денежные переводы трудовых мигрантов и экспорт сырьевых товаров, может представлять угрозу для устойчивости экономического роста в долгосрочной перспективе.

В свете приоритетного значения сельскохозяйственного комплекса для обеспечения продовольственной стабильности, а также ограничений объёма настоящего исследования, детализированный анализ промышленного потенциала [231] и энергетической инфраструктуры [67] не представляется целесообразным в данном параграфе. При этом, учитывая потребность в системной оценке внешних факторов, оказывающих влияние на национальную экономику, приведем краткую характеристику основных промышленных отраслей Таджикистана.

Промышленный сектор Республики Таджикистан, представленный лёгкой промышленностью, алюминиевым производством, горнорудной отраслью и энергетическим комплексом, в совокупности формирует значительную часть экономического потенциала страны. При этом анализ указанных направлений в свете потенциальных внешнеэкономических ограничений (санкций, торговых барьеров, технологических рестрикций)

выявляет ряд уязвимостей и структурных особенностей, способных ощутимо повлиять на национальное хозяйство.

Лёгкая промышленность, объединяющая свыше ста предприятий, специализирующихся на переработке местного сырья (хлопок, шёлк, кожа, шерсть), во многом ориентирована на внешние инвестиции и создание совместных предприятий с зарубежными партнёрами [251]. Ключевым фактором дальнейшего роста становится доступ к современным технологиям окраски, отделки тканей и выпуску конкурентоспособных готовых изделий [98, с. 165]. В случае введения санкционных мер в отношении торговых партнеров, затрагивающих трансфер промышленных технологий или линий финансирования, отечественные предприятия могут столкнуться с ограничениями на закупки оборудования и красителей, ростом затрат на сырьё и логистику, а также риском снижения экспортных продаж. Успех лёгкой промышленности в поддержании экспортного потенциала напрямую связан с возможностью привлечения иностранного капитала и сохранения стабильных каналов сбыта на внешних рынках.

Алюминиевый сектор, где ведущую позицию занимает Таджикская алюминиевая компания (ТАЛКО), ответственна за значительную долю валютных поступлений в республике [249]. Сырьё (глинозём) и комплектующие для функционирования ТАЛКО часто импортируются, а экспорт первичного алюминия ориентирован на ключевые мировые рынки. Следовательно, в случае санкционного ограничения в странах партнерах на поставку глинозёма, технологий обогащения или финансовых инструментов (международных расчётов, страхования сделок), производственная устойчивость компании может существенно снизиться. Более того, международные ограничения, направленные на алюминиевый сектор, угрожают как объёмам экспорта, так и привлечению зарубежных партнёров к модернизационным проектам по повышению энергоэффективности и экологической безопасности.

Горнорудная промышленность, развивающаяся благодаря добыче золота, серебра, свинцово-цинковых руд, сурьмы и редкоземельных металлов, в значительной мере ориентируется на экспортно-ориентированную модель: продажа сырья либо полуфабрикатов международным партнёрам [250]. Высокая зависимость от специализированных технологий и доступ к иностранным рынкам сбыта образуют потенциал роста, однако при введении внешних экономических ограничений поставки необходимого горного оборудования, запчастей и химических реагентов могут быть затруднены, а транзакции – усложнены финансовыми барьерами. Государственные и частные предприятия, занятые в разведке и разработке месторождений, требуют стабильно работающих внешнеторговых каналов для обеспечения комплексного цикла добычи и переработки.

Энергетический комплекс, опирающийся в основном на гидроресурсы, характеризуется сезонной неравномерностью выработки электроэнергии, что порождает риск энергодефицита в зимний период [67, с. 124]. Крупнейшими гидроэлектростанциями являются Нурекская, Байпазинская и Сангтудинская ГЭС, которые обеспечивают значительную часть внутреннего потребления электроэнергии. В то же время развитие гидроэнергетики планируется осуществлять с привлечением внешних инвестиций (строительство новых ГЭС, обновление сетей передачи энергии) [236, с. 79-80]. Санкционные режимы, препятствующие получению иностранного оборудования и технологий, могут существенно затормозить модернизацию инфраструктуры, усугубляя сезонный дефицит электроэнергии и увеличивая затраты промышленных предприятий на поддержание производственного цикла.

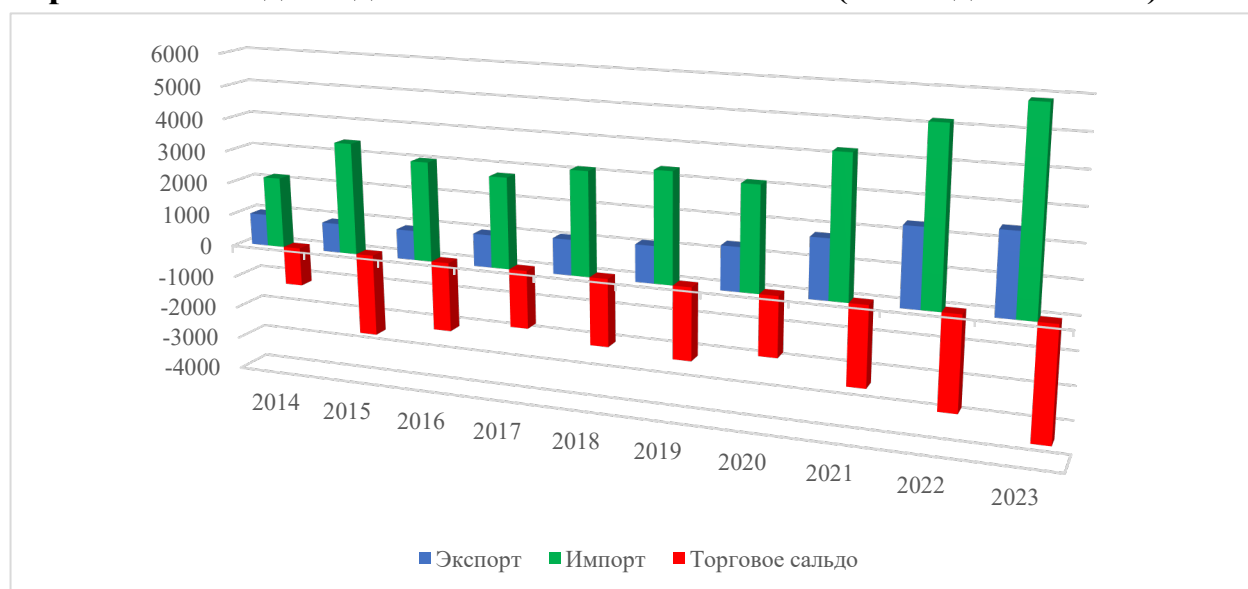
Рассмотрение указанных отраслей под углом возможных внешних ограничений демонстрирует, что значительная часть промышленного сектора Таджикистана зависит от международных технологических и финансовых связей. Успешность дальнейшего роста во многом определяется сохранением доступности импортных ресурсов (сырья, комплектующих, оборудования) и внешних рынков сбыта, а также способностью диверсифицировать отраслевые

инвестиции и развивать внутреннюю базу переработки, снижающую уязвимость к потенциальным санкционным шокам.

В контексте формирующихся вызовов для национальной промышленности, особую значимость приобретает анализ внешнеэкономических связей Таджикистана, поскольку устойчивое развитие ключевых отраслей напрямую зависит от сохранения стабильных экспортно-импортных потоков и сотрудничества с зарубежными партнёрами.

Динамика объемов экспорта, импорта и торгового сальдо Таджикистана за период 2014–2023 годы демонстрирует отчетливую тенденцию к увеличению объемов внешней торговли с одновременным сохранением отрицательного торгового сальдо (диагр. 4.1.4). Данная динамика указывает на устойчивую зависимость экономики Таджикистана от импорта, что обуславливает дефицит торгового баланса на протяжении всего рассматриваемого периода.

Диаграмма 4.1.4. – Динамика объемов экспорта-импорта и торгового сальдо Таджикистана за 2014-2023 гг. (в млн долл. США)

Источник: составлено автором на основании [320].

Анализ показывает, что объем импорта за десятилетний период увеличился значительными темпами. В период с 2014 по 2023 гг. совокупный рост импорта составил более чем 2,7 раз, причем наиболее существенные темпы прироста наблюдались в 2015, 2021 и 2022 гг., когда импорт увеличился на 58%, 34% и 23% соответственно по сравнению с предыдущими годами. Это

может быть обусловлено ростом внутреннего спроса на потребительские товары, сырье и оборудование, а также изменениями в ГЦП. Средние темпы роста импорта за рассматриваемый период составили 11,74% в год, что подтверждает устойчивую зависимость экономики Таджикистана от внешних поставок.

Экспорт также демонстрировал рост, однако его темпы были ниже по сравнению с импортом. В среднем экспорт увеличивался на 10-15% в год, но в некоторые годы наблюдалось замедление темпов роста, что связано с нестабильностью мировых цен на основные экспортные товары Таджикистана, такие как алюминий и хлопок. Наибольший прирост экспорта был зафиксирован в 2021 году (на 36% по сравнению с 2014 годом), что, вероятно, связано с восстановлением мирового спроса после пандемийного спада. Тем не менее в 2023 году темпы роста экспорта замедлились до 4,5%, что указывает на ограниченные возможности для дальнейшего наращивания объемов поставок за рубеж. Средние темпы роста экспорта за период 2014–2023 гг. составили 10,66% в год, что свидетельствует о положительной динамике роста экспортных поставок, хотя их объемы остаются существенно ниже объемов импорта.

Анализ изменения торгового сальдо показывает усугубление дефицита. Если в 2014 году отрицательное сальдо составляло -1438,9 млн. долларов США, то в 2023 году оно достигло рекордных -3445,8 млн. долларов США, что отражает рост дефицита почти в 2,5 раза. Наибольшее ухудшение наблюдалось в 2015 году, когда отрицательное сальдо увеличилось на 75%. Это связано с заметным ускорением роста импорта на фоне незначительного роста экспорта, что привело к увеличению торгового дефицита. Средние темпы роста отрицательного торгового сальдо за рассматриваемый период составили 12,57% в год, что отражает увеличение дефицита торгового баланса Таджикистана несмотря на более высокие темпы роста экспорта по сравнению с импортом. Средневзвешенный коэффициент покрытия импорта экспортом

за период 2014–2023 гг. составил 0,381, то есть в среднем экспорт покрывал только 38,1% импорта страны.

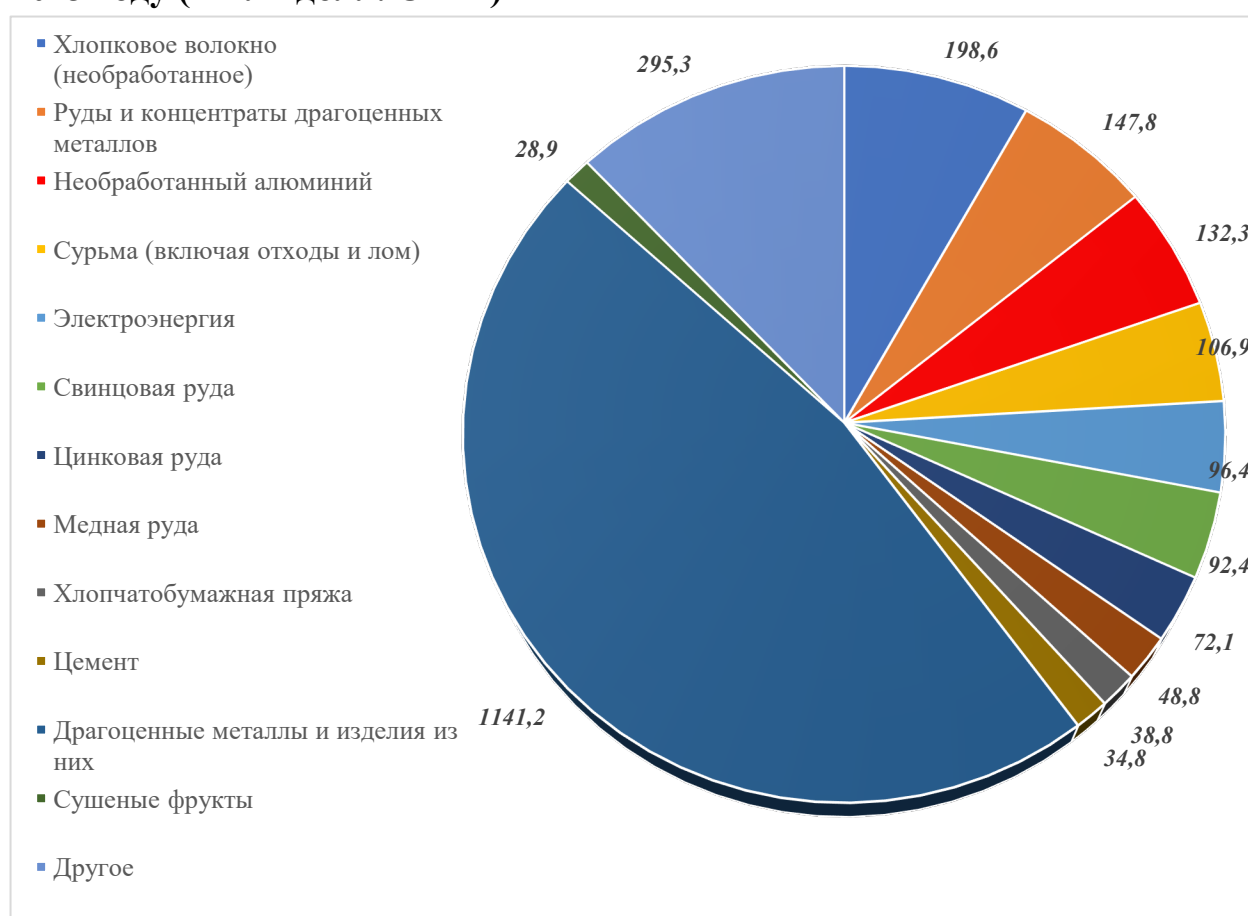
Анализ внешней торговли Таджикистана подтверждает сохраняющуюся тенденцию к значительному росту импорта, что вкупе с умеренным увеличением экспорта ведет к углублению отрицательного торгового сальдо. Эта динамика сигнализирует о растущей зависимости экономики от внешних поставок, особенно в таких критически важных секторах, как энергетика, сельское хозяйство и промышленность. В условиях уязвимости к внешнему экономическим шокам, вызванным санкциями или глобальными экономическими колебаниями, усиление этой зависимости может затруднить функционирование национальной экономики, особенно в периоды внешнеэкономических кризисов. Экономика Таджикистана сталкивается с рисками, связанными с ограничением доступа к ключевым товарам и услугам, а также с ростом издержек, что требует продуманной стратегии диверсификации торговых и инвестиционных потоков для минимизации этих внешних угроз [119;122].

Рассмотрение товарной структуры внешней торговли даёт возможность выявить, какие группы товаров формируют главный вклад в экспортно-импортные потоки, а также в каком направлении развивается конкурентная специализация и импортозависимость национального хозяйства.

Структура экспорта демонстрирует выраженную сырьевую направленность, что связано с доминированием товаров с низкой добавленной стоимостью, таких как хлопковое волокно, руды и концентраты драгоценных металлов, а также необработанный алюминий (диагр. 4.1.5). Видный вклад в экспорт вносит хлопковое волокно, отражая традиционную специализацию страны на поставках сырья для текстильной промышленности. Этот факт подчеркивает значимость аграрного сектора, однако высокая доля необработанного хлопка указывает на недостаточное развитие текстильной переработки внутри страны.

Руды и концентраты драгоценных металлов также занимают важное место в структуре экспорта, что свидетельствует о развитии добывающей отрасли и существенных природных ресурсах. При этом отсутствие высоких уровней переработки ограничивает добавленную стоимость, создаваемую в стране. Аналогичная ситуация наблюдается и в экспорте необработанного алюминия, который отражает наличие мощностей по первичной переработке металлов, но в то же время указывает на слабое развитие более сложных металлургических производств.

Диаграмма 4.1.5. – Товарная структура экспорта Таджикистана в 2023 году (в млн долл. США)

Источник: составлено автором на основании [320].

Следует особо отметить, что значительная часть экспорта приходится на золото, которое составляет почти половину от общего объема внешней торговли. Такая концентрация экспорта в одной статье свидетельствует о высокой зависимости от мировых цен на драгоценные металлы, что увеличивает уязвимость экономики перед внешними шоками. Исключив золото из расчетов, становится очевидным, что доля остальных товарных

позиций существенно ниже, что подчеркивает недостаточную диверсификацию экспортной корзины.

Энергетический сектор также вносит весомый вклад в экспортную выручку, что объясняется природными конкурентными преимуществами страны в области гидроэнергетики. Тем не менее, высокая доля экспорта электроэнергии указывает на недостаточный уровень внутреннего промышленного потребления, что ограничивает возможности для развития энергоемких производств.

Экспорт руд – свинцовой, цинковой, медной и других видов – отражает активное использование минеральных ресурсов, однако экспорт этих товаров в необработанном виде подчеркивает низкий уровень переработки и недостаток промышленных мощностей в металлургическом секторе. Это также говорит о зависимости страны от внешнего спроса на сырье и ограниченных возможностях создания добавленной стоимости внутри страны.

Среди промышленных товаров доминирует экспорт алюминия и сурьмы, что подчеркивает ориентацию на экспорт цветных металлов, однако преобладание сырьевых форм экспорта вновь указывает на ограниченные возможности переработки и создание более сложных производственных цепочек. Это же наблюдается и в экспорте щелочных металлов, который остается преимущественно сырьевым.

Потребительские товары в структуре экспорта представлены в основном хлопчатобумажной пряжей, одеждой и текстильными изделиями, что отражает наличие в стране текстильного кластера. Однако экспорт этих товаров ориентирован на продукцию с низкой добавленной стоимостью, что ограничивает конкурентоспособность на мировых рынках. Отсутствие высокотехнологичных текстильных изделий свидетельствует о недостаточном уровне локализации переработки хлопка и необходимости развития текстильного производства более высокой сложности.

Структура экспорта Таджикистана характеризуется высокой концентрацией на сырьевых товарах, в особенности на золоте, которое

составляет почти половину от общего объема экспорта. Остальные позиции также в основном связаны с экспортом сырья, что указывает на низкую добавленную стоимость экспортируемой продукции, недостаточный уровень диверсификации экономики, низкую степень технологической зрелости производственного сектора и, как результат, ограниченные возможности для долгосрочного устойчивого роста Таджикистана. Экономика остается уязвимой к колебаниям мировых цен на сырье, в то время как вклад высокотехнологичных товаров и товаров с высокой добавленной стоимостью остается незначительным. Также, такая товарная структура экспорта страны делает экономику уязвимой к широкому спектру санкционных мер, включая ограничения на экспорт золота, металлов, хлопкового волокна и электроэнергии. Высокая концентрация на сырьевых товарах, низкий уровень диверсификации и недостаточная добавленная стоимость экспортируемой продукции усиливают макроэкономические риски и ограничивают возможности для устойчивого экономического роста. В условиях потенциальных санкций особенно важно развивать перерабатывающую промышленность, повышать технологическую сложность экспортируемой продукции и диверсифицировать экспортные рынки, чтобы уменьшить зависимость от узкой группы товаров и минимизировать негативные последствия для экономики.

Структура импорта страны характеризуется выраженной зависимостью от критически важных товаров, включая энергоресурсы, продовольствие, транспортные средства и промышленное оборудование (диагр. 4.1.6). Наибольший объем импорта приходится на нефть и нефтепродукты, которые составляют значительную часть общей импортной корзины, что подчеркивает уязвимость экономики к колебаниям мировых цен на энергоресурсы, а также указывает на дефицит собственных мощностей по переработке нефти наряду с ограниченными объемами внутренней добычи. Высокая доля импорта легковых автомобилей и грузового транспорта формирует зависимость от зарубежных производителей и создает дополнительные риски в условиях

возможных логистических и торговых ограничений. Импорт летательных аппаратов, также необходимо рассматривать в данном контексте.

Диаграмма 4.1.6. – Товарная структура импорта Таджикистана в 2023 году (в млн долл. США)

Источник: составлено автором на основании [320].

Импорт пшеницы, сахара и подсолнечного масла демонстрирует значительную зависимость от внешних поставок продовольствия, что создает риски для продовольственной безопасности страны. Введение ограничений на экспорт сельскохозяйственной продукции со стороны основных торговых партнеров или повышение цен на мировых рынках могут привести к росту инфляции и негативно сказаться на социально-экономической ситуации. Импорт хлебобулочных и кондитерских изделий также свидетельствует о недостаточной локализации переработки агропромышленного сырья внутри страны.

Промышленная продукция в структуре импорта представлена железными и стальными прутками, металлоконструкциями, а также плоским прокатом, что указывает на высокую потребность в строительных материалах

и ограниченные возможности внутреннего производства металлопроката. Эта зависимость от импорта сырьевых и полуфабрикатных металлических изделий создает барьеры для развития строительного и машиностроительного секторов, снижая конкурентоспособность отечественной промышленности.

Импорт лекарственных средств и химических удобрений подчеркивает недостаточное развитие фармацевтической и химической промышленности, что делает экономику зависимой от внешних поставок жизненно важных товаров. В условиях возможных торговых ограничений или логистических сбоев подобная структура импорта может привести к дефициту товаров первой необходимости и ухудшению социально-экономической ситуации в стране.

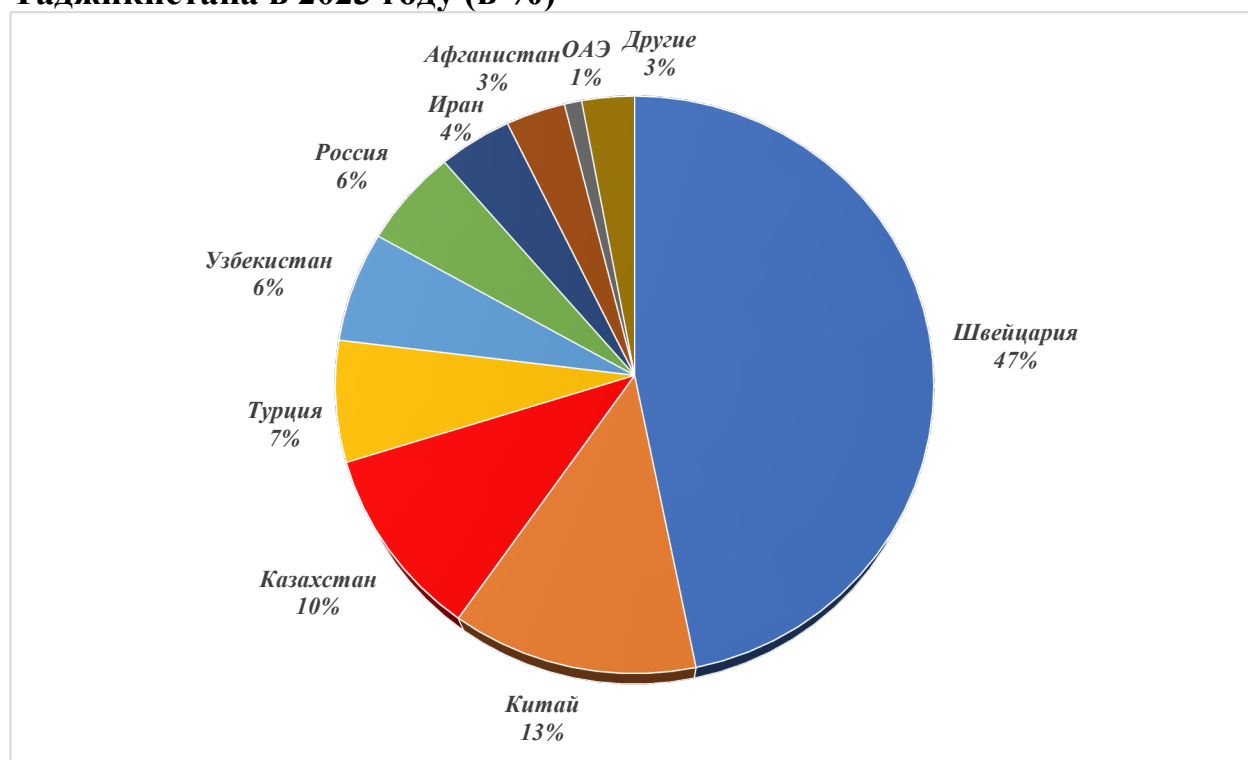
Высокий объем импорта промышленного оборудования, включая оборудование для сортировки минералов и землеройные машины, свидетельствует о потребности в модернизации производственных мощностей и строительной техники. Тем не менее, подобная зависимость от импорта оборудования указывает на ограниченные возможности для технологической автономии и необходимость поддержания устойчивых внешнеэкономических связей.

Структура импорта страны демонстрирует высокую зависимость от критически важных товаров, таких как энергоресурсы, продовольствие, транспортные средства, а также промышленное оборудование, что создает значительные риски в условиях вероятных экономических санкций. Ограничение импорта нефти, газа и нефтепродуктов может вызвать энергетический кризис, повысить себестоимость промышленного производства и спровоцировать рост инфляции. Поэтому потенциальные санкции в странах партнерах на поставки продовольствия, включая пшеницу, сахар и подсолнечное масло, усугубят продовольственную зависимость, что приведет к дефициту базовых товаров и социальной напряженности. Ограничения на импорт высокотехнологичного оборудования и транспортных средств могут замедлить модернизацию промышленных мощностей и

инфраструктурных проектов, снизив темпы экономического роста. Таким образом, значительная концентрация импорта на критически важных товарах подчеркивает уязвимость экономики перед внешнеполитическими рисками, что требует диверсификации поставок, локализации производства и развития стратегических запасов для повышения экономической безопасности.

Анализ географической структуры внешней торговли позволяет установить, как распределяются экспортно-импортные потоки Республики Таджикистан по основным странам-партнёрам, и в каком направлении развиваются ключевые векторы экономического взаимодействия, формирующие уязвимости или возможности для роста в условиях волатильности мировой конъюнктуры и потенциального санкционного давления.

Диаграмма 4.1.7. – Географическая структура экспорта Таджикистана в 2023 году (в %)

Источник: составлено автором на основании [320].

Экспортная структура Таджикистана за 2023 год демонстрирует значительную концентрацию внешнеторговых потоков на ограниченном числе ключевых партнеров, что указывает на высокую степень зависимости от определенных направлений (диагр. 4.1.7). Швейцария занимает ведущую

позицию с долей 46,8% от общего объема экспорта, что свидетельствует о значительной зависимости экспортных доходов Таджикистана от поставок драгоценных металлов (золота). Высокая концентрация экспорта в одно направление повышает уязвимость национальной экономики к внешним шокам, связанным с изменениями мировых цен на сырьевые товары.

Китай занимает вторую позицию среди основных экспортных направлений с долей 12,9%, что подчеркивает стратегическое значение этого направления в контексте международной экономической интеграции. Однако относительно невысокая доля экспорта в Китай свидетельствует о наличии потенциала для дальнейшего расширения ассортимента экспортируемой продукции, учитывая высокий спрос на потребительские товары и сырье в этой стране.

Казахстан и Турция занимают третью и четвертую позиции с долями 10,5% и 6,8% соответственно. Это отражает важность региональной экономической интеграции и укрепление торгово-экономических связей с государствами Центральной Азии и Ближнего Востока. Однако относительно невысокие доли экспорта в эти страны свидетельствуют о наличии неиспользованных возможностей для увеличения объемов поставок и диверсификации товарных групп.

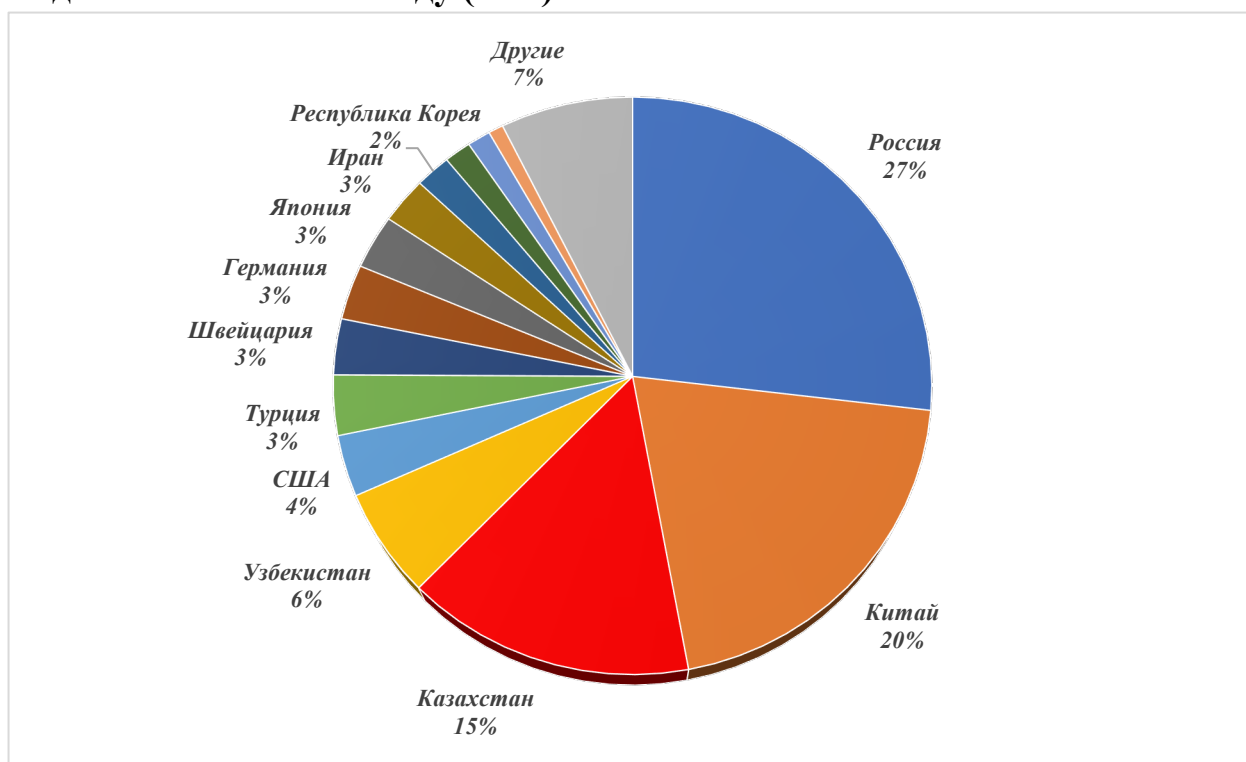
Узбекистан и Россия также входят в число ведущих экспортных направлений, занимая 6,2% и 5,5% соответственно от общего объема экспорта. Это указывает на значимость экономических связей со странами ближнего зарубежья. Тем не менее, высокая концентрация экспорта в определенных товарных группах увеличивает уязвимость национальной экономики к изменениям на международных рынках.

Высокая концентрация экспорта Таджикистана на 5 ключевых партнеров, на долю которых приходится 83,2% от общего объема экспортных поставок, создает существенные риски в контексте вероятного введения санкций как против самого Таджикистана, так и против его внешнеэкономических партнеров. Такая географическая структура экспорта

обуславливает значительную уязвимость национальной экономики к внешнеполитическим изменениям и возможным ограничениям на международных рынках.

Кроме того, высокая зависимость от экспорта в страны, которые сами подвержены риску введения санкций, создает дополнительные угрозы для устойчивости экспортных поставок. В частности, возможное расширение санкций против Китая или России, которые являются стратегическими торговыми партнерами Таджикистана, может вызвать каскадные эффекты в цепочках поставок и отрицательно сказаться на объемах экспорта. Это приведет к сокращению экспортных доходов, нарушению логистических цепочек и увеличению транзакционных издержек.

Диаграмма 4.1.8. – Географическая структура импорта Таджикистана в 2023 году (в %)

Источник: составлено автором на основании [320].

Анализ географической структуры импорта Таджикистана за 2023 год показывает значительную концентрацию поставок на ограниченном числе ключевых партнеров, на долю которых приходится более половины общего объема импорта (диагр. 4.1.8). В частности, Россия занимает ведущую позицию с долей 26,9% от общего объема импорта, что свидетельствует о

высокой зависимости национальной экономики от поставок энергоносителей, продовольственных товаров и промышленной продукции из данной страны. Такая концентрация импорта создает значительные риски в случае ограничения экспорта или изменения торговой политики России связанные, например, с усилением санкций, что может привести к перебоям в поставках и росту цен на критически важные товары.

Китай занимает вторую позицию среди крупнейших поставщиков с долей 20,2% от общего объема импорта, что подчеркивает стратегическое значение торгово-экономических связей с данным направлением. Высокая зависимость от китайских поставок объясняется наличием широкого ассортимента потребительских товаров, оборудования и строительных материалов. Однако эта зависимость создает риски в случае введения торговых ограничений, изменения логистических цепочек или геополитических обострений, что может привести к росту затрат на импортируемую продукцию.

Казахстан также занимает значительную позицию в структуре импорта с долей 15,2% соответственно. Это отражает важность вероятной региональной экономической интеграции и наличие устойчивых экономических связей в Центральной Азии. Однако высокая концентрация импорта в этом направлении увеличивает уязвимость к изменениям в торговой политике, колебаниям обменных курсов и возможным санкционным ограничениям в рамках региональных экономических союзов.

В общем, на долю трех ключевых партнеров по импорту приходится 62,3% или почти две трети всего объема поставок в Таджикистан, что свидетельствует о высокой степени концентрации внешнеэкономических связей и значительной зависимости национальной экономики от ограниченного круга поставщиков.

Высокая концентрация импорта на трех основных поставщиках – России, Китае и Казахстане – делает экономику Таджикистана уязвимой к внешнеэкономическим шокам, связанным с изменением торговой политики,

введением дополнительных санкций или колебаниями валютных курсов. Введение санкций против России уже оказывает значительное влияние на логистические цепочки и финансовые расчеты, что усложняет импорт критически важных товаров, включая энергоносители, продовольственные товары и промышленное оборудование. В случае усиления санкционного давления или введения вторичных санкций против третьих стран, сотрудничающих с Россией, Таджикистан может столкнуться с резким ростом цен на импортируемую продукцию и перебоями в поставках.

Зависимость от импорта из Китая также создает значительные риски, учитывая глобальную геополитическую напряженность и возможное введение торговых ограничений. Китай является основным поставщиком потребительских товаров, оборудования и строительных материалов, поэтому изменения в китайской торговой политике или перебои в логистических цепочках могут привести к дефициту критически важных товаров в Таджикистане. Кроме того, высокая концентрация импорта из Китая усиливает уязвимость экономики к колебаниям обменного курса юаня, несмотря на его историческую стабильность, что может привести к росту затрат на импортируемую продукцию.

Импорт из Казахстана также занимает значительную долю в структуре импорта Таджикистана, что обусловлено географической близостью и устойчивыми экономическими связями в рамках постсоветского пространства. Однако зависимость от поставок из Казахстана увеличивает уязвимость к изменениям в региональной экономической политике и возможным санкционным ограничениям. В случае введения вторичных санкций [281] или ухудшения экономической ситуации в Казахстане, Таджикистан может столкнуться с дефицитом ряда стратегически важных товаров, включая продовольствие и энергоносители.

Такая высокая концентрация импорта на трех ключевых направлениях указывает на недостаточную диверсификацию внешнеэкономических связей и ограниченные возможности для гибкости в условиях внешних шоков.

Введение дополнительных санкций против России, ухудшение торговых отношений с Китаем или изменение экономической политики в Казахстане могут вызвать значительные экономические последствия, включая рост цен на импортируемые товары, снижение покупательной способности населения и еще большее ухудшение торгового баланса страны.

Другим значимым направлением внешнеэкономических связей Таджикистана является международная миграция трудовых ресурсов, так как эмиграция и денежные переводы играют ключевую роль в экономическом развитии республики, являясь важными источниками национального дохода и стабилизации социально-экономической ситуации (диагр. 2.1.8). Так, в 2023 году около 22% таджикских семей получали финансовую поддержку от трудовых мигрантов, что способствовало повышению их платежеспособности и улучшению условий жизни [267]. Эти переводы являются основным источником валютных поступлений, поддерживающим потребление, инвестиции и экономическую устойчивость на макроуровне. Роль миграции и денежных переводов в экономике Таджикистана выходит за рамки транзакций, поскольку они оказывают влияние на рынок труда, социальную стабильность, демографические процессы и динамику уровня жизни населения, а также имеют значительное значение для поддержания внешней балансировки валютной системы и развитие сектора услуг.

Динамика денежных переводов в Таджикистан за прошедшие годы свидетельствует о высокой зависимости национальной экономики от трудовой миграции и денежных поступлений из-за рубежа, особенно из России, которая традиционно является основным направлением трудовой миграции наших граждан. В условиях международных санкций против России, особенно после начала конфликта в Украине в 2022 году, эта зависимость усиливает уязвимость экономики Таджикистана к внешнеэкономическим шокам.

Высокая зависимость от денежных переводов из России делает экономику Таджикистана крайне уязвимой к внешним шокам, связанным с введением санкций, колебаниями обменного курса рубля и изменением

миграционной политики [76, с. 88-89]. В случае дальнейшего усиления санкционного давления на Россию, включая ограничения на международные финансовые переводы или запрет на использование международных платежных систем, объем переводов в Таджикистан может существенно сократиться. Также существуют риски, связанные с вероятным введением визового режима или ограничениями на трудовую миграцию в России, что значительно сократит доходы таджикских мигрантов и снизит объем денежных переводов [257].

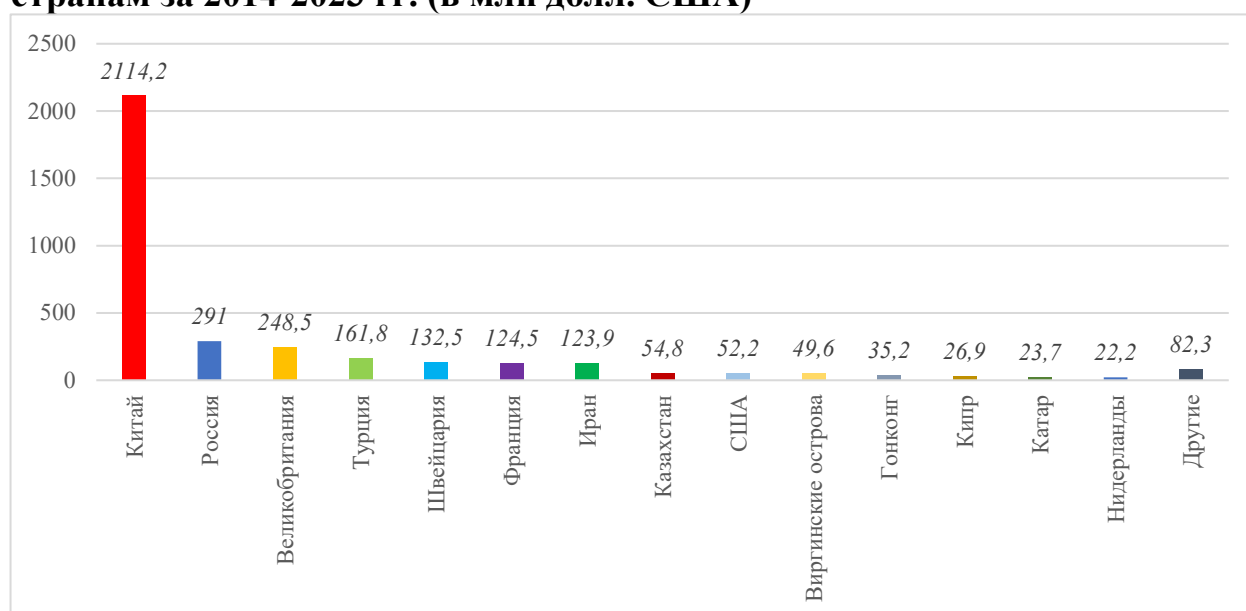
В контексте анализа внешнеэкономических связей, важным аспектом является рассмотрение ключевых инвестиционных партнёров Республики Таджикистан, чьи ПИИ играют значительную роль в стимулировании экономического роста, улучшении инфраструктурной базы и создании новых рабочих мест, несмотря на сопутствующие риски, связанные с глобальными экономическими нестабильностями и политическими вызовами [137, с. 67]. Они, осуществляя ПИИ в различные отрасли таджикской экономики, формируют один из важнейших векторов внешнеэкономического сотрудничества, способствуя модернизации производств и инфраструктуры, а также стимулируя экспортно-ориентированный рост страны [195, с. 15-17].

Анализ географической структуры ПИИ в Таджикистан за период с 2014 по 2023 годы демонстрирует чрезвычайно высокую концентрацию капитальных поступлений из ограниченного числа стран, среди которых с заметным отрывом лидирует Китай, объем инвестиций которого составил более 2 млрд. долларов США (рис. 4.1.9). Такая диспропорция в распределении источников ПИИ свидетельствует о значительной экономической уязвимости Таджикистана перед потенциальными экономическими санкциями или внешнеэкономическими шоками, исходящими от государств-доноров капитала.

Наибольшую обеспокоенность вызывает зависимость от Китая, который, являясь крупнейшим инвестором, оказывает доминирующее влияние на экономическую динамику Таджикистана. Такая односторонняя

зависимость обуславливает множество рисков, включая экономическую уязвимость перед изменениями в китайской экономической политике, а также перед возможным введением санкций или ограничений на экспорт капитала со стороны китайского руководства. Более того, высокая концентрация китайских инвестиций создает предпосылки для передачи внешнеэкономических шоков в случае ухудшения макроэкономической ситуации в Китае, что может привести к внезапному оттоку капитала, снижению темпов экономического роста в Таджикистане и дестабилизации обменного курса национальной валюты.

Диаграмма 4.1.9. – Объемы привлеченных ПИИ в Таджикистан по странам за 2014-2023 гг. (в млн долл. США)

Источник: составлено автором на основании [290].

Помимо Китая, значимыми инвесторами в таджикскую экономику являются Россия, Великобритания, Турция и Швейцария. В контексте глобальной геополитической напряженности, особенно с учетом санкционных режимов, направленных против России, существует вероятность сокращения российских инвестиций в Таджикистан, что может негативно отразиться на объемах притока капитала. Аналогичные риски присущи Великобритании и Швейцарии, являющимся ведущими международными финансовыми центрами, поскольку изменения в их внешнеэкономической политике, вызванные санкционными ограничениями, могут существенно повлиять на динамику ПИИ в Таджикистане. Также уязвимость наблюдается в отношении

Турции, которая, активно участвуя в международной политике, подвержена изменениям в политико-экономической конъюнктуре региона, что может отразиться на объемах капиталовложений.

Анализ диаграммы также демонстрирует низкую степень диверсификации источников ПИИ, что увеличивает вероятность экономических шоков в случае введения санкций против отдельных стран или ТНК. Высокая концентрация инвестиций из нескольких стран-доноров свидетельствует о хрупкости инвестиционной структуры и необходимости стратегического пересмотра политики привлечения иностранного капитала.

Диаграмма 4.1.10. – Доли привлеченных ПИИ в Таджикистан по отраслям за 2014-2023 гг. (в %)

Источник: составлено автором на основании [289].

Также, анализ структуры ПИИ по отраслям даёт представление о том, как зарубежный капитал распределяется между различными сегментами экономики Таджикистана, выявляя приоритетные направления и указывая на потенциальные источники технологического и финансового трансфера, а также обозначая области, где уязвимость к внешним шокам может оказаться наиболее существенной (диагр. 4.1.10).

Так, анализ структуры ПИИ в Таджикистан за последние 10 лет свидетельствует о значительной концентрации иностранного капитала в ограниченном числе секторов, что обуславливает высокую степень экономической уязвимости перед потенциальными экономическими санкциями. Наибольшую долю в общем объеме ПИИ занимает горнодобывающая промышленность и разработка карьеров (49%), за которой следует обрабатывающая промышленность (21%), что указывает на критическую зависимость национальной экономики от данных отраслей. Такая структурная концентрация иностранных инвестиций создает предпосылки для возникновения макроэкономических шоков в случае введения санкций, направленных против ключевых секторов экономики.

Наиболее значимым фактором риска является высокая концентрация ПИИ в горнодобывающей промышленности, на долю которой приходится 49% всех иностранных капиталовложений. Данная отрасль представляет собой стратегический сектор экономики Таджикистана, связанный с добычей и экспортом полезных ископаемых, включая редкоземельные металлы и драгоценные ресурсы, что формирует устойчивую внешнеэкономическую зависимость от экспорта сырьевых товаров. Такая односторонняя специализация в привлечении инвестиций увеличивает уязвимость перед внешнеэкономическими шоками, санкциями или ограничениями на экспорт сырья, а также перед мерами, направленными на ограничение поставок оборудования и технологий для добычи полезных ископаемых. Более того, значительная доля иностранных инвестиций в горнодобывающий сектор может быть обусловлена интересами зарубежных государств (в первую очередь Китая) в стратегических ресурсах Таджикистана, что увеличивает вероятность введения санкций в условиях геополитической напряженности.

Не менее важным источником рисков является концентрация ПИИ в обрабатывающей промышленности, которая аккумулирует 21% всех иностранных инвестиций. Высокая степень зависимости от импортных комплектующих, оборудования и технологий, а также

экспортоориентированный характер обрабатывающих предприятий делают данный сектор уязвимым перед санкциями, направленными на ограничения внешнеторговой деятельности, запреты на экспорт высоких технологий или ограничение доступа к международным финансовым рынкам. Введение подобных санкций может привести к резкому снижению объемов производства, сокращению экспортной выручки, ухудшению торгового баланса и обесцениванию национальной валюты. Более того, санкции против поставщиков технологий и оборудования могут негативно отразиться на производственных мощностях обрабатывающей промышленности, что приведет к стагнации в данном секторе экономики.

Анализ распределения ПИИ по остальным отраслям показывает, что значительные объемы инвестиций направлены в транспорт, складское хозяйство и связь (7%), строительство (6%) и финансовое посредничество (6%). Введение санкций против иностранных логистических и строительных компаний или ограничение международных финансовых операций, включая доступ к системам международных платежей (таким как SWIFT), может существенно дестабилизировать указанные сектора экономики и оказать негативное влияние на реализацию инфраструктурных проектов, что в конечном итоге замедлит экономический рост страны. Кроме того, значительные объемы инвестиций в финансовое посредничество свидетельствуют о зависимости экономики Таджикистана от притока иностранного капитала через банковскую систему, что увеличивает риски в случае введения финансовых санкций или ограничений на движение капитала.

Следует также отметить, что низкие объемы ПИИ в сельское хозяйство, оптовую и розничную торговлю, образование и гостиничный бизнес еще раз указывают на слабую диверсификацию экономики Таджикистана, что повышает её уязвимость перед санкционными ограничениями в ключевых отраслях. Концентрация инвестиций в ограниченном числе секторов свидетельствует о хрупкости экономической структуры и её зависимости от конъюнктуры на международных сырьевых рынках. Более того, слабая

диверсификация ПИИ увеличивает вероятность макроэкономических шоков в случае введения санкций против стран-партнеров или компаний, осуществляющих инвестиции в Таджикистан.

В целом, анализ отраслевой структуры и внешнеторговых связей Таджикистана указывает на нарастающую ориентированность экономики на сферу услуг и АПК при параллельном снижении роли индустриального производства, что сказывается на структуре экспорта (преимущественно сырьевого характера) и провоцирует повышенную импортозависимость в стратегически важных сегментах. Отражённая динамика торгового баланса, иллюстрирующая углубляющийся дефицит внешней торговли, подчёркивает необходимость проактивной политики по диверсификации отраслей, повышению технологической эффективности перерабатывающих производств и модернизации инфраструктуры, призванной смягчить возможное действие санкционных факторов и поддержать конкурентоспособность национальной экономики на мировых рынках. Зависимость от отдельных партнёров и узко направленная специализация повышают уязвимость страны к внешним шокам, а относительно стабильное развитие аграрного сектора, наряду с возросшей ролью сервисной сферы, формирует основу для будущей трансформации хозяйственного комплекса, предполагающей внедрение современных методов управления логистикой, усиление переработки сельскохозяйственного сырья и ориентированность на новые каналы инвестиционного сотрудничества.

4.2. Оценка устойчивости продовольственной системы Таджикистана в контексте возможных санкционных рисков

Анализ динамики сельскохозяйственного производства Таджикистана является важнейшим элементом комплексного изучения национальной экономики, поскольку агропромышленный сектор остается одной из ключевых отраслей, обеспечивающих продовольственную безопасность страны, формирующих экспортный потенциал и оказывающих значительное

влияние на макроэкономические показатели [194, с. 98]. В условиях возможного введения или усиления санкций в странах партнёрах, или их косвенного влияния, продовольственная обеспеченность приобретает статус критического элемента национальной безопасности, поскольку доступ к жизненно необходимым ресурсам — в первую очередь к продуктам питания — напрямую определяет уровень социальной стабильности, политической устойчивости и базовой жизнедеятельности населения. Еще в 2022 году Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своем выступлении в честь праздника Навруз отметил, что: «В этом году из-за экономических санкций и других эскалаций, конфликтов ситуация с продовольственной безопасностью во многих регионах мира стала очень сложной, ее влияние затрагивает всех, в том числе и нашу страну» [295], а также подчеркнул необходимость избегать паники, сохранять единство и наращивать собственное производство продовольствия, чтобы обезопасить внутренний рынок от дефицита и скачков цен.

В данном контексте особую значимость приобретает изучение факторов, определяющих динамику производства сельскохозяйственной продукции, техническое оснащение аграрного сектора, а также уровень обеспеченности минеральными и органическими удобрениями, поскольку данные аспекты оказывают непосредственное влияние на устойчивость агропромышленного комплекса к внешним шокам (табл. 4.2.1).

Анализируя динамику производства стратегически значимых сельскохозяйственных культур, можно отметить, что отрасль демонстрирует разнонаправленные тенденции, что обусловлено изменениями в агротехнологиях, объемах посевных площадей, доступности удобрений, уровнем механизации и погодными условиями.

Таблица 4.2.1. – Динамика основных показателей агропромышленного комплекса Таджикистана за 2014-2023

тг.

<i>Продукт/Год</i>	<i>Показатель</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2022</i>	<i>2023</i>
хлопок	тыс. тонн	372,6	270,0	284,7	386,5	300,3	403,0	396,0	388,8	404,7	344,4
зерновые и зернобобовые	тыс. тонн	1317,8	1392,7	1435,8	1447,6	1296,2	1414,6	1561,4	1586,3	1756,4	1754,8
фрукты	тыс. тонн	341,3	299,2	364,1	405	447,9	473,8	467,8	444,4	512	664,3
картошка	тыс. тонн	853,7	887,4	898,1	782,9	964,6	994,4	1022,5	1041,3	1094,4	1144,9
овощи	тыс. тонн	1549,5	1666,6	1748,3	1859,1	2119,4	2182,6	2479,4	2597,6	2714,8	3026,2
мясо (в убойной массе)	тыс. тонн	99,4	108,8	116,7	124,4	131	136,3	150,1	179,1	190,8	239,2
молоко	тыс. тонн	854,7	888,9	918	950	983	1000,6	1020,9	1042,6	1064,2	1118,5
растительное масло	тыс. тонн	13,0	10,0	10,1	12,7	16,3	21,6	23,9	23,6	24,8	25,8
тракторы	шт.	10446	9197	26102	26405	27134	27776	27376	27590	27324	27731
зерноуборочные комбайны	шт.	447	375	980	1021	1024	1099	1068	1098	1060	1136
тракторные плуги	шт.	3034	2770	8932	9285	9352	9794	10181	10280	10356	10837
тракторные сеялки	шт.	2309	2000	2375	2310	2307	2415	2301	2244	2284	2283
пресс-подборщики	шт.	154	147	418	468	484	611	714	801	831	870
кормоуборочные комбайны	шт.	170	149	179	165	151	161	130	142	135	129
кукурузоуборочные комбайны	шт.	35	25	31	26	27	27	17	19	17	17
хлопкоуборочные машины	шт.	122	106	99	96	67	70	95	45	34	30
площадь орошаемых земель	тыс. га	753	753	754	754	762	762	763	764	763	766
внесение минеральных удобрений под посевы сельскохозяйственных культур	тыс. тонн	56,7	58,3	50,9	59,6	61,2	67,9	69,0	69,5	73,4	69,6
	кг* на 1 га	136,6	136,8	117,4	133,8	124,2	141,8	136,9	140,4	152,2	63,6
внесение органических удобрений под посевы сельскохозяйственных культур	тыс. тонн	188,6	192,9	205,1	185,3	172,3	265,4	247,7	160,0	241,0	324,9
	кг* на 1 га	2,7	3,9	4,2	2,4	2,3	4,1	3,7	2,6	3,9	3,9

*на 1 г

Источник: составлено автором на основании [252].

Производство зерновых и зернобобовых культур, составляющих основу продовольственной безопасности, демонстрирует стабильный рост: на 33,2% за исследуемый период, что свидетельствует о позитивной динамике, однако требует анализа факторов, обеспечивших данный рост. Учитывая, что площадь орошаемых земель за анализируемый период увеличилась лишь незначительно (с 753 тыс. га в 2014 году до 766 тыс. га в 2023 году), можно сделать вывод о том, что рост производства обусловлен интенсификацией земледелия, в том числе за счет увеличения внесения минеральных удобрений, использования новых сортов зерновых культур и улучшения агротехнических практик.

Сектор производства овощей демонстрирует более выраженный рост: объем производства увеличился почти вдвое, что может свидетельствовать о повышении инвестиционной активности в данной отрасли, расширении применения современных методов выращивания и увеличении объемов орошаемых земель [151, с. 295-297]. Однако столь значительный рост производства требует анализа логистической и экспортной составляющей, поскольку избыточное предложение без адекватной системы сбыта может привести к нестабильности цен и снижению рентабельности сектора.

Производство фруктов, которое также является важным компонентом АПК, увеличилось почти вдвое, что свидетельствует о расширении садоводческих хозяйств и, вероятно, повышении экспортного потенциала данной категории продукции. Однако динамика не является равномерной, поскольку в 2021 году наблюдается временное снижение производства до 444,4 тыс. тонн, что может быть связано либо с неблагоприятными климатическими условиями, либо с проблемами в снабжении удобрениями и сельскохозяйственной техникой.

Производство хлопка, являющегося одним из важнейших экспортных товаров Таджикистана, демонстрирует нестабильную динамику, что связано с изменением мировых цен, доступностью сельскохозяйственной техники и агрохимикатов, а также колебаниями спроса на внешних рынках [71, с. 236].

Объем производства за последние 10 лет снизился на 7,6%, при этом наибольшее падение наблюдается в 2015 году (до 270 тыс. тонн), что совпадает с периодом относительно низких мировых цен на хлопок (диагр. 4.2.1). В последующие годы динамика носит волатильный характер: несмотря на рост производства в 2019 году (403 тыс. тонн) на фоне умеренного повышения цен, в 2020 году фиксируется незначительное снижение (396 тыс. тонн), что может быть обусловлено пандемическим кризисом и временным спадом спроса на хлопковое сырье. В 2021–2022 гг., когда мировые цены достигли исторического пика, объемы производства остаются стабильными (388,8–404,7 тыс. тонн), однако в 2023 году наблюдается резкое сокращение до 344,4 тыс. тонн, что совпадает с падением мировых цен и снижением доходности производителей. Эти колебания в перспективе могут быть также связаны с ограничениями в доступе к импортной хлопкоуборочной технике и удобрениям, что делает отрасль уязвимой перед возможными внешнеэкономическими шоками, включая санкционные риски и торговые барьеры.

Диаграмма 4.2.1. – Динамика цен фьючерсных контрактов на хлопок в Нью-Йоркской товарной бирже (NYMEX) за 2015-2025 гг. (в долл. США за фунт)

Источник: [552].

В сфере животноводства наблюдаются устойчивые положительные тенденции: производство мяса (в убойной массе) увеличилось на более чем

140%, что свидетельствует о росте поголовья скота, развитии животноводческих хозяйств и улучшении системы кормления. Производство молока также демонстрирует позитивную динамику, увеличившись на более чем 30%, что может быть связано с расширением фермерского сектора [175, с. 163].

Анализ механизации агропромышленного сектора выявляет как позитивные, так и негативные тенденции, указывающие на потенциальную уязвимость сельского хозяйства перед внешнеэкономическими ограничениями. Производство и закупка тракторов демонстрирует стабильную динамику роста: если в 2014 году в стране использовалось 10 446 единиц, то к 2023 году этот показатель достиг 27 731 единицы, что свидетельствует о значительном обновлении парка сельскохозяйственной техники. Однако закупка хлопкоуборочных машин демонстрирует явную тенденцию к сокращению: с 122 единиц в 2014 году до 30 единиц в 2023 году, что указывает на снижение доступности специализированного оборудования.

Внесение минеральных удобрений под посевы сельскохозяйственных культур демонстрирует положительную динамику, увеличившись на 22,7%, что способствует росту урожайности и интенсификации производства. Однако уровень внесения удобрений на 1 га колеблется: если в 2022 году он достиг 152,2 кг/га, то в 2023 году резко снизился до 63,6 кг/га, что может быть связано с ростом цен на удобрения и изменением условий их поставок.

Аналогичная тенденция наблюдается в сфере органических удобрений: несмотря на общий рост их внесения на 72,3%, показатель на 1 га демонстрирует нестабильную динамику, что может свидетельствовать об их использовании по другому назначению [68, с. 315-316].

Анализ динамики сельскохозяйственного производства Таджикистана выявляет позитивные тенденции в развитии отрасли, однако также указывает на потенциальные уязвимости, связанные с зависимостью от импорта сельскохозяйственной техники, удобрений и технологий. Введение экономических санкций может привести к снижению доступности ключевых

ресурсов, что негативно скажется на урожайности и объемах производства стратегически значимых культур, а также усложнит процесс механизации аграрного сектора.

Таблица 4.2.2. – Динамика импорта и экспорта основных продуктов питания (в тыс. тонн), а также коэффициента самообеспечения (в %) по ним в Таджикистане за 2016-2021 гг.*

<i>Продукт/Год</i>	<i>Показатель</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>
зерно	импорт	1068	1044	1019	1090	999	1028
	экспорт	1,4	0,7	1,4	-	-	1
	КСО	58,9	61,3	53,1	60,4	62,0	57,5
картофель и картофелепродукты (в пересчете на свежий картофель)	импорт	17	28	46	4	18	18
	экспорт	0,8	0,7	0,02	0,03	-	-
	КСО	96,4	83,9	94,9	99,2	101,8	100,1
овощи, бахчевые культуры и продукты их переработки (в пересчете на свежие овощи)	импорт	41	69	72	11	29	30
	экспорт	113	61	88	84	92	98
	КСО	102,1	94,4	100,8	105,1	102,6	99,8
фрукты (включая виноград и цитрусовые), ягоды и продукты их переработки (пересчете на свежие фрукты)	импорт	30	20	33	27	31	43
	экспорт	233	172	128	32	35	106
	КСО	95,2	113,8	118,4	118,6	103,4	103,7
мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	импорт	40	49	33	24	15	4
	экспорт	-	0,1	0,1	0,4	-	-
	КСО	67,2	73,8	75,2	82,5	90,0	94,3
молоко и молокопродукты	импорт	30	24	18	8	8	9
	экспорт	0,3	0,1	-	-	-	-
	КСО	97,1	99,3	98,2	93,9	95,3	99,9
растительное масло	импорт	92	103	88	101	102	93
	экспорт	0,05	0,03	0,08	-	-	-
	КСО	7,6	9,3	11,6	15,0	15,9	20,3
сахар	импорт	141	142	136	163	144	162
	экспорт	0,11	0,52	0,34	-	-	-
	КСО	0,2	0,1	0,1	11,1	9,5	16,3

**Примечание: данные по показателю доступны только в указанных годах.*

Источник: составлено автором на основании [252].

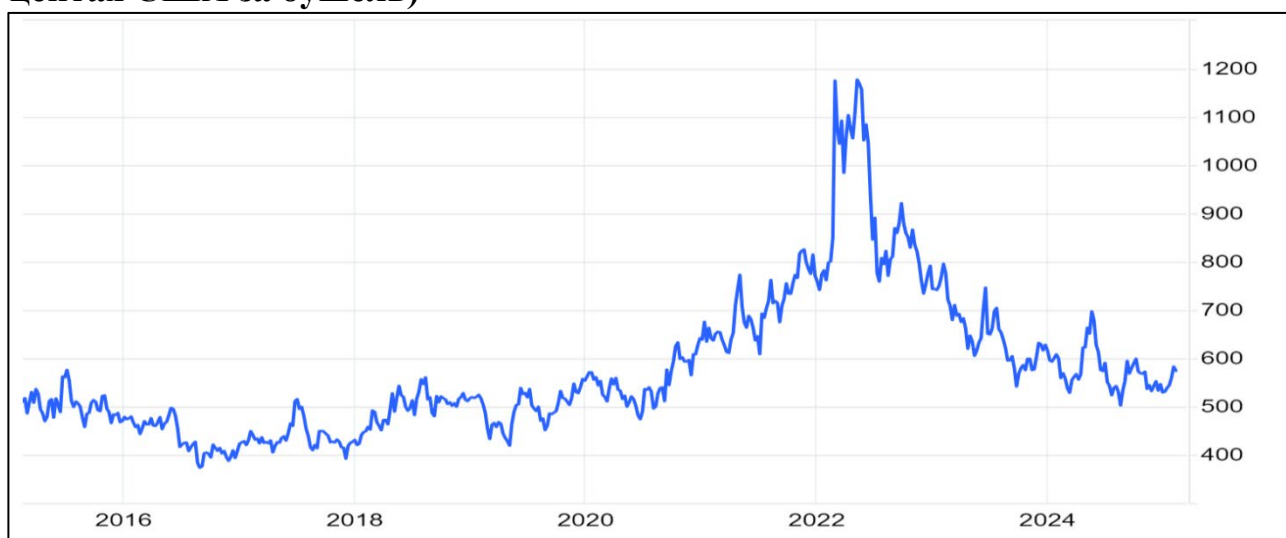
Исследование динамики внешнеторговых операций основными продовольственными товарами Таджикистана, а также КСО позволяет выявить тенденции в формировании национального продовольственного баланса, определить степень зависимости страны от импорта критически

значимых продуктов питания и оценить устойчивость к потенциальным внешнеэкономическим ограничениям (табл. 4.2.2.).

Так, импорт зерна (пшеницы) в Таджикистане остается стабильно высоким, колеблясь в диапазоне 999–1 090 тыс. тонн в период с 2016 по 2021 гг., что свидетельствует о значительной зависимости страны от внешних поставок данного стратегически важного продукта. Экспорт зерна практически отсутствует (составляя не более 1,4 тыс. тонн в отдельные годы), что подчеркивает неэкспортный характер зернового производства. КСО остается на уровне 53,1–62,0%, что указывает на необходимость значительного импорта для удовлетворения внутренних потребностей.

Высокая импортозависимость делает зерновой сектор крайне уязвимым перед возможными внешнеэкономическими ограничениями, поскольку любые торговые барьеры, колебания цен на мировых рынках (диагр. 4.2.2) или логистические сбои могут привести к росту цен и дефициту. Для снижения рисков необходимо стимулирование внутреннего производства зерновых, расширение ирригационной инфраструктуры и повышение эффективности агротехнологий.

Диаграмма 4.2.2. – Динамика цен фьючерсных контрактов на пшеницу в Нью-Йоркской товарной бирже (NYMEX) за 2015-2025 гг. (в центах США за бушель)

Источник: [552].

Импорт картофеля колеблется в диапазоне 4–46 тыс. тонн, однако его вклад в общий продовольственный баланс остается незначительным.

Экспортные объемы минимальны, не превышая 0,8 тыс. тонн, что свидетельствует о том, что производство в первую очередь ориентировано на внутренний рынок. КСО остается на стабильно высоком уровне (83,9–101,8%), что указывает на достаточность внутренних ресурсов для обеспечения потребностей населения. Тем не менее, значительные колебания КСО (от 83,9% в 2016 году до 101,8% в 2022 году) могут быть связаны с изменениями в урожайности, что требует совершенствования технологий хранения и переработки картофеля [142, с. 129-131].

В отличие от зерна и картофеля, импорт овощей остается относительно низким (11–72 тыс. тонн), в то время как экспортные объемы достигают 98 тыс. тонн, что свидетельствует о высоком потенциале отрасли. КСО в течение рассматриваемого периода варьируется в пределах 94,4–105,1%, что указывает на устойчивое развитие сектора и отсутствие значительных угроз для внутреннего потребления. Тем не менее, высокие объемы экспорта требуют дальнейшего развития перерабатывающих мощностей, чтобы снизить потери продукции и повысить добавленную стоимость [168, с. 148-150].

Экспорт фруктов в 2014–2023 гг. варьировался в диапазоне 32–233 тыс. тонн, что свидетельствует о наличии экспортного потенциала, однако его значительные колебания указывают на нестабильность рынков сбыта. Импорт фруктов остается на относительно низком уровне (20–43 тыс. тонн), что связано с необходимостью ввоза продукции, не характерной для местного производства (цитрусовые, тропические фрукты). КСО колеблется в пределах 95,2–118,6%, что говорит о сильной позиции данной отрасли на внутреннем рынке. Однако экспортная ориентация требует стратегического подхода к развитию логистики, сертификации продукции и выходу на новые рынки.

Импорт мяса в течение анализируемого периода снижался с 40 тыс. тонн в 2017 году до 4 тыс. тонн в 2023 году, что свидетельствует о значительном увеличении внутреннего производства. Экспорт остается минимальным, не превышая 0,4 тыс. тонн в отдельные годы, что подчеркивает приоритетность

внутреннего рынка. КСО демонстрирует устойчивый рост (67,2% в 2017 году и 94,3% в 2023 году), что свидетельствует о постепенном достижении продовольственной независимости. Однако дальнейшее развитие сектора потребует улучшения кормовой базы, ветеринарного контроля и инвестиций в переработку мясной продукции [239, с. 100-102].

Импорт молока значительно сократился с 30 тыс. тонн в 2017 году до 9 тыс. тонн в 2023 году, в то время как экспорт остается практически нулевым. КСО варьируется от 93,9% до 99,9%, что свидетельствует о способности отрасли обеспечивать внутренний спрос. Основным вызовом остается необходимость повышения качества продукции и диверсификации переработанных молочных продуктов, что позволит сократить зависимость от импорта и создать экспортные возможности [157, с. 222-223].

Импорт растительного масла остается стабильно высоким (88–103 тыс. тонн), в то время как экспортные объемы минимальны. КСО колеблется в пределах 7,6–20,3%, что указывает на крайне высокую зависимость страны от внешних поставок. В условиях возможных внешнеэкономических ограничений этот сегмент остается одним из наиболее уязвимых, что требует диверсификации импорта, стимулирования внутреннего производства масличных культур и развития перерабатывающей промышленности.

Импорт сахара составляет 136–163 тыс. тонн, а экспорт отсутствует. Коэффициент самообеспечения остается на критически низком уровне (0,1–16,3%), что делает данный сегмент крайне уязвимым к любым торговым ограничениям. В перспективе необходимы меры по развитию сахарного производства, включая расширение посевных площадей сахарной свеклы и инвестиции в сахароперерабатывающие мощности [196, с. 134-135].

Анализ структуры продовольственного баланса страны показывает, что Таджикистан достиг высокой степени самообеспечения по картофелю, овощам, фруктам, мясу и молоку, однако сохраняет значительную зависимость от импорта зерна, растительного масла и сахара.

Таблица 4.2.3. – Динамика объемов импорта и экспорта основных товаров АПК Таджикистана, а также их средняя стоимость за 2014-2023 гг.

<i>Продукт/Год</i>	<i>Показатель</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2022</i>	<i>2023</i>
<i>импорт</i>											
пшеница и меслин	тыс. тонн	774,9	858,8	1034,1	1014,5	1018,9	1090,2	999,0	1028,3	994,8	1023,6
	млн долл. США	231,5	244,5	231,5	197,5	172,6	222,8	243,3	265,9	328,9	288,7
	долл. США за тонну	298,7	284,7	223,9	194,7	169,4	204,4	243,5	258,6	330,6	282,0
растительные масла	тыс. тонн	67,4	73,9	86,5	97,1	81,4	100,9	102,8	93,2	76,3	107,1
	млн долл. США	75,6	71,6	76,4	73,9	62,8	83,4	90,5	110,6	92,7	97,8
	долл. США за тонну	1121,7	968,9	883,2	761,1	771,5	826,6	880,3	1186,7	1214,9	913,2
удобрения	тыс. тонн	77,4	81,6	149,9	174,8	163,7	141,8	204,2	197,6	119,2	175,7
	млн долл. США	22,5	23,1	33,7	34,9	30,7	34,1	44,3	42,1	80,3	63,0
	долл. США за тонну	290,7	283,1	224,8	199,7	187,5	240,5	216,9	213,1	673,7	358,6
семена	тыс. тонн	12,5	13,7	1068,2	1040,6	1055,3	1137,4	1053,6	1088,1	68,7	93,8
	млн долл. США	4,8	5,3	242,6	205,0	182,1	236,7	258,5	283,6	23,2	30,4
	долл. США за тонну	384,0	386,9	227,1	197,0	172,6	208,1	245,3	260,6	337,7	324,1
<i>экспорт</i>											
хлопок	тыс. тонн	88,9	113,2	98,3	93,9	111,7	114,3	118,7	120,6	94,3	123,2
	млн долл. США	135,4	151,9	136,8	159,3	204,5	181,1	172,5	254,7	243,5	237,5
	долл. США за тонну	1523,1	1523,1	1391,7	1696,5	1830,8	1584,4	1453,2	2111,9	2582,2	1927,8
фрукты	тыс. тонн	88,9	65,8	64,5	58,2	48,7	31,9	34,9	106,2	107,5	112,1
	млн долл. США	27,9	14,4	13,5	13,6	11,4	9,5	10,9	29,2	41,2	38,2
	долл. США за тонну	313,8	218,8	209,3	233,7	234,1	297,8	312,3	275,0	383,3	340,8
овощи	тыс. тонн	79,3	121,4	101,3	55,8	84,3	84,3	91,0	98,0	76,6	60,6
	млн долл. США	8,3	11,2	7,5	3,0	4,2	7,9	7,8	5,7	7,9	6,3
	долл. США за тонну	104,7	92,3	74,0	53,8	49,8	93,7	85,7	58,2	103,1	104,0

Источник: составлено автором на основании [252].

Более детально исследуем динамику внешнеторговых операций Таджикистана по этим ключевым товарам и их географическую структуру (табл. 4.2.3).

Импорт пшеницы на протяжении десятилетия демонстрировал стабильный рост, увеличиваясь в среднем на 2,8% в год. Совокупный прирост объема составил 32,1%, что свидетельствует о неизменной зависимости страны от зарубежных поставок. В стоимостном выражении рост был более выраженным (24,7%), что связано с изменениями ценовой конъюнктуры. Средневзвешенная цена за тонну в течение периода сократилась на 5,6%, однако в 2022 году был зафиксирован резкий скачок (27,8% к 2021 году), обусловленный военной конфронтацией между двумя основными мировыми экспортерами этого продукта – Россией и Украиной. В 2023 году цена снизилась, но остается выше среднего уровня десятилетия, что свидетельствует о сохраняющейся волатильности мирового рынка зерна.

Импорт пшеницы критически зависим от Казахстана, который в течение 2014–2023 гг. обеспечивал более 90% поставок. Несмотря на наличие альтернативных рынков, таких как Россия и Узбекистан, их доля остается незначительной. В 2022 году наблюдался рост средневзвешенной цены на казахстанскую пшеницу, что привело к временному снижению объемов импорта, однако в 2023 году поставки вновь увеличились на 2,9%.

Объем импорта растительных масел увеличился на 59% за 10 лет, причем средний темп роста составил 5,8% в год. При этом стоимостной прирост был более умеренным (29,5%), что указывает на относительное удешевление продукции в долгосрочном тренде. Однако средняя цена за тонну в разные периоды показывала разнонаправленную динамику: до 2020 года она снижалась, затем в 2021–2022 гг. произошел резкий скачок (34,8%), после чего в 2023 году цены снизились. Этот тренд отражает колебания на мировом рынке масел, где основными факторами являются объемы производства подсолнечного, соевого и пальмового масла в странах-экспортерах [234, с. 37].

Импорт растительных масел характеризуется более диверсифицированной структурой, в которой доминируют поставки подсолнечного масла из России и Казахстана, а также значительные объемы кокосового и пальмового масел, поступающих из Турции, Малайзии и Ирана.

Импорт удобрений за десятилетие вырос более чем в 2,2 раза, но при этом демонстрировал значительную волатильность. Если до 2020 года объемы стабильно росли, то в 2022 году произошло резкое сокращение на 39,7%, что связано с изменением поставщиков и удорожанием продукции. В стоимостном выражении рост составил 180%, а средняя цена за тонну увеличилась более чем в 2,3 раза, что является следствием нескольких ключевых факторов. Во-первых, значительное увеличение цен на природный газ, который является основным сырьем для производства азотных удобрений, привело к росту издержек производителей и, соответственно, к повышению цен на конечную продукцию [128, с. 60]. Во-вторых, введение экспортных ограничений и санкций в отношении крупных поставщиков, таких как Россия и Беларусь, сократило объемы предложения на мировом рынке, что способствовало повышению цен. В-третьих, сбои в логистических цепочках и рост транспортных расходов, вызванные глобальными экономическими и политическими потрясениями, также внесли свой вклад в удорожание удобрений. Наконец, повышенный спрос на сельскохозяйственную продукцию и, как следствие, на удобрения, обусловленный ростом населения и изменениями в потребительских предпочтениях, усилил давление на цены. Несмотря на восстановление импорта в 2023 году, сохраняются высокие риски ценовой нестабильности.

В этом сегменте основными поставщиками являются Казахстан, Россия и Китай, причем их доля в совокупных поставках претерпела существенные изменения. Если до 2020 года рынок удобрений был практически монополизирован Россией и Казахстаном, то в 2022 году на фоне резкого роста цен и санкционных ограничений доля Китая значительно увеличилась.

Импорт семян характеризовался резкими скачками. В 2016–2021 гг. наблюдался аномальный рост, после чего в 2022 году объемы снизились почти в 15 раз. В стоимостном выражении сокращение составило 88%, а средняя цена за тонну за десятилетие выросла на 15,2%, однако основное удорожание произошло после 2020 года, когда начался тренд на повышение цен на семенной материал. Резкие колебания в импорте семян в Таджикистане, особенно значительный рост в 2016–2021 годах и последующее сокращение в 2022 году, могут быть обусловлены несколькими факторами. Во-первых, зависимость страны от импорта семян и посадочного материала, составляющая более 50% от общей потребности, делает рынок чувствительным к внешним изменениям [6]. Во-вторых, в 2020 году правительство освободило импорт семян категорий «Суперэлита» и «Элита» от НДС и таможенных пошлин, что могло стимулировать рост импорта в этот период [284]. Однако отсутствие устойчивой системы импорта и необходимость дальнейших реформ в этой области приводят к нестабильности поставок. Снижение объемов импорта в 2022 году на 88% в стоимостном выражении может быть связано с комплексом как внешних, так и внутренних факторов [5]. Рост средней цены за тонну на 15,2% за десятилетие, особенно после 2020 года, вероятно, отражает глобальные тенденции удорожания семенного материала, а также внутренние факторы, такие как инфляция и повышение издержек на логистику и производство.

Основными поставщиками семенного материала традиционно остаются Казахстан и Россия, однако наблюдается постепенное увеличение поставок из Китая, Турции и Индии.

Хлопок остается одним из заметных экспортных позиций Таджикистана, демонстрируя относительно стабильные объемы поставок с приростом в 38,5% за 10 лет. В стоимостном выражении рост составил 75,4%, что связано с увеличением мировых цен (рис. 4.1.3). Средневзвешенная цена за тонну в 2022 году достигла рекордного значения, увеличившись почти в 1,7 раза по сравнению с 2014 годом, однако в 2023 году произошла коррекция.

Долгосрочный тренд на рост стоимости хлопка указывает на благоприятные перспективы экспорта при условии стабильных объемов производства.

В географии экспорта хлопка происходят структурные изменения: если в 2014 году Китай занимал доминирующую позицию среди покупателей таджикского хлопка с долей более 50%, то в 2023 году его доля снизилась до 38%, что объясняется увеличением поставок в Турцию и Бангладеш, а также появлением новых рынков сбыта, включая Индию.

Экспорт фруктов продемонстрировал неоднородную динамику. В 2014–2019 гг. объемы сократились в 2,8 раза, но затем началось восстановление, и в 2023 году показатель превысил уровень 2014 года на 26%. В стоимостном выражении рост составил 36,9%, а средняя цена за тонну увеличилась на 8,6%. Основные изменения связаны с географической диверсификацией поставок: из-за экономической нестабильности в России и Казахстане происходил поиск альтернативных рынков сбыта.

Географическая структура экспорта фруктов остается ориентированной на рынок СНГ, где на долю России приходится до 70% всех поставок, однако в последние годы наблюдается тенденция к расширению географии сбыта за счет Казахстана, Турции и ОАЭ. Доля стран Ближнего Востока в структуре экспорта пока остается незначительной, однако перспективы этого направления весьма высоки, особенно в сегменте премиальных сортов фруктов.

Экспорт овощей в 2014–2023 гг. демонстрировал значительные колебания. В 2015 году был зафиксирован исторический максимум, затем объемы резко снизились, а в 2023 году составили 76,4% от уровня 2015 года. В стоимостном выражении экспорт практически не изменился за 10 лет, что указывает на отсутствие устойчивого роста сектора. Средняя цена за тонну осталась практически неизменной, что может быть связано с несколькими факторами. Во-первых, ограниченная географическая диверсификация экспорта приводит к зависимости от определенных рынков сбыта, что снижает гибкость ценовой политики. Во-вторых, недостаточное развитие

логистической инфраструктуры и перерабатывающих мощностей ограничивает возможности для добавления стоимости к продукции, что сдерживает рост цен. Кроме того, колебания объемов экспорта могут быть связаны с внутренними факторами, такими как изменения в сельскохозяйственном производстве, погодные условия и доступность ресурсов.

Основными импортерами таджикских овощей остаются Россия и Казахстан, однако их доля постепенно сокращается, а значительного увеличения поставок в альтернативные страны не наблюдается.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что импорт агропромышленной продукции в Таджикистан демонстрирует устойчивый рост, поскольку объемы ввоза стратегически важных товаров увеличились на 30–50% за десятилетний период, однако данный процесс сопровождается высокой зависимостью от внешних поставщиков, что делает продовольственную и аграрную безопасность страны уязвимой перед изменениями во внешнеэкономической среде. Стоимостные показатели импорта растут быстрее, чем физические объемы поставок, что обусловлено колебаниями ценовой конъюнктуры на мировых рынках, ростом транспортных издержек и изменениями в торговой политике ключевых стран-экспортеров.

Экспортная структура остается стабильной в сегменте хлопка, поставки которого поддерживаются за счет устойчивого спроса на мировых рынках, однако фруктовый сектор, после периода значительного спада в 2014–2019 гг., демонстрирует признаки восстановления, что связано с расширением географии поставок и частичным увеличением объемов экспорта, в то время как рынок овощей продолжает стагнировать, что свидетельствует о его низкой конкурентоспособности на внешних рынках и слабой адаптации к меняющимся условиям международной торговли.

Средняя цена за тонну большинства импортируемых и экспортируемых товаров в долгосрочном периоде демонстрирует тенденцию к росту, что

особенно заметно в категориях удобрений, хлопка и растительных масел, где влияние факторов мирового рынка играет решающую роль в формировании конечной стоимости продукции. В условиях высокой волатильности цен и объемов поставок, вызванной нестабильностью мировых рынков, изменением транспортно-логистических маршрутов и введением торговых ограничений, национальная агропромышленная система остается подверженной внешним шокам.

Географическая структура внешней торговли агропромышленной продукцией Таджикистана демонстрирует значительную зависимость от ограниченного круга торговых партнеров, среди которых доминируют Казахстан, Россия и Китай. При этом по некоторым категориям продукции наблюдается процесс географической диверсификации, что особенно характерно для хлопка и фруктов, однако рынок овощей и значительная часть импортных товаров (пшеница, удобрения, семена) остаются высокозависимыми от небольшого числа поставщиков. Основным вызовом в среднесрочной перспективе остается снижение рисков, связанных с торговыми ограничениями и ценовой нестабильностью, что требует поиска новых партнеров, расширения каналов поставок и улучшения конкурентных позиций таджикской продукции на международных рынках.

В целом, агропромышленный комплекс Таджикистана сохраняет структурную зависимость от импорта ключевых товаров, при этом экспортная стратегия страны требует дальнейшей диверсификации рынков сбыта и повышения конкурентоспособности отечественной продукции, что возможно за счет модернизации сельскохозяйственного производства, внедрения современных технологий и укрепления торговых связей с новыми международными партнерами.

Выводы по четвертой главе

Анализ структуры и динамики экономики Таджикистана, представленной в исследовании, указывает на формирование комплексной внешнеэкономической зависимости, обусловленной сырьевой ориентацией

экспорта, монопольным импортом критических товаров (энергоносителей, продовольственных и технологических компонентов), а также высокой ролью внешних трансфертов в формировании совокупного дохода домохозяйств. С одной стороны, постепенное увеличение вклада сектора услуг и сельского хозяйства способствует диверсификации отраслевой структуры ВВП; однако очевидно, что замедленный рост обрабатывающей промышленности и преобладание экспортно-ориентированного сырьевого сегмента (золото, хлопок, алюминий) формируют потенциальные источники уязвимостей в контексте нестабильных мировых цен и возможных ограничительных мер со стороны ведущих торговых партнёров. Сохраняющаяся монозависимость от узкого круга импортёров и инвесторов (Россия, Китай, Казахстан) дополнительно ограничивает гибкость внешнеторговой политики, создавая институциональную асимметрию и усиливая макроэкономические риски.

В условиях гипотетического санкционного давления на страны партнеры, указанные особенности национального хозяйственного комплекса могут привести к дестабилизирующему влиянию на ключевые секторы экономики. Высокая импортозависимость по продовольственным и энергетическим позициям, а также концентрация внешних инвестиций в горнодобывающем и обрабатывающем секторах создают предпосылки для мультипликативного санкционного шока, проявляющегося в росте инфляции, снижении объёмов производства и эскалации социальных проблем. Структурные особенности экспортной корзины – её низкая технологическая сложность и сырьевая направленность – ограничивают возможности для смягчения негативных последствий путём наращивания внутренней переработки или оперативной переориентации экспортно-импортных потоков. В совокупности данные факторы указывают на острую необходимость комплексной политики по диверсификации экспортных позиций, институциональному укреплению инвестиционного климата, совершенствованию логистической инфраструктуры и увеличению технологической глубины национальных производств.

ГЛАВА 5. СЦЕНАРНЫЕ РИСКИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СМЯГЧЕНИЮ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО САНКЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭКОНОМИКУ ТАДЖИКИСТАНА

5.1. Возможные каналы прямого и косвенного влияния системы международных экономических санкций на хозяйственный комплекс Таджикистана

Учитывая сравнительно небольшую роль Республики Таджикистан в международной торговле, маловероятно применение против неё всеобъемлющего санкционного пакета в отсутствие серьёзных политических конфликтов. Вместе с тем, республика имеющая тесные торгово-инвестиционные связи с уже подсанкционными странами (например, Россией), может столкнуться с вторичными ограничениями, если будет заподозрена в содействии обходу установленных международных экономических санкций, реэкспорте запрещённых товаров или предоставлении финансовых услуг юридическим лицам, находящимся под санкционным режимом [288].

В этом случае, виды санкций, которые могут быть непосредственно адресованы Таджикистану или его экономическим агентам, в рамках существующей системы международных экономических санкций, можно условно разделить на следующие категории:

1. Финансово-технологические санкции:

- ограничение доступа к финансовым площадкам – блокировка корреспондентских счетов отечественных банков за рубежом, заморозка активов государственных учреждений, а также предприятий, связанных с правительством;

- экспортный контроль и запрет на передачу технологий – отказ в поставках промышленного оборудования и инновационных решений, необходимых для модернизации промышленных объектов (например, алюминиевого сектора или горно-обогатительных предприятий);

- ограничения на международные расчёты – прекращение обслуживания платёжных систем (SWIFT и других), создание барьеров на проведение валютных операций, рост транзакционных расходов;

2. Торговые санкции:

- эмбарго на определённые товары – импорт ряда стратегических товаров из республики (хлопка, алюминия, некоторых редких металлов), что лишает национальных экспортёров ключевых рынков сбыта;

- повышение тарифов и нетарифные барьеры – введение дополнительных пошлин, квот или ветеринарно-санитарных требований, усложняющих экспорт продовольственных и непродовольственных товаров из республики;

- ограничения на импорт – потенциальный отказ или резкое снижение объёмов поставок в республику критически значимых ресурсов (углеводородов, удобрений, техники), что может повлечь сбой в работе аграрного сектора и промышленных объектов.

3. Политические и дипломатические меры:

- замораживание межгосударственных соглашений о техническом и финансовом содействии, выход из совместных проектов, лишение республики права голоса в некоторых многосторонних институтах;

- визовые ограничения – запрет на въезд для официальных лиц, сокращение дипломатических контактов, высылка представителей государственных структур, что подрывает международные переговорные каналы.

С учётом доминирующей роли сельского хозяйства и относительно невысокого уровня развития промышленности, а также географической сложности (отсутствие прямого выхода к морю, горный рельеф), любой формат введения или расширения прямых санкций в отношении торговых партнеров может вызвать мультипликативный эффект в экономике Таджикистана. Наиболее уязвимыми выступают сектора, связанные с экспортом сырья (алюминий, хлопок, драгоценные металлы), получением

внешних заимствований для модернизации гидроэнергетики и инфраструктуры, а также крупные инвестиционные проекты, полагающиеся на иностранные кредиты и ноу-хау. Ввиду этого, блокирование доступа к финансированию и зарубежным технологиям может спровоцировать замедление роста, инфляционные скачки и сокращение рабочих мест в республике, что создаст предпосылки для социального напряжения.

Кроме того, в условиях, когда государственные программы развития во многом опираются на мульти- и двусторонние соглашения с международными институтами (Всемирный банк, АБР) и региональными кредиторами (ЕБРР, Эксимбанк Китая), введение прямых санкций способно заморозить или свернуть текущее сотрудничество. Для малой и сравнительно изолированной экономики это означает утрату инвестиционного канала и лишение перспектив по созданию новых рабочих мест в инфраструктурных и промышленных проектах.

Следовательно, если Республика Таджикистан окажется в перечне государств, непосредственно подпадающих под жёсткие внешнеэкономические ограничения, последствия обнаружат себя на всех уровнях: от проблем с международными расчётами и поставками технологического оборудования до замедления структурных преобразований в сельском хозяйстве и промышленности. Хотя такая ситуация на сегодняшний день кажется маловероятной и не имеет серьёзных геополитических предпосылок, однако в условиях нарастающей фрагментации мирового хозяйства и расширения системы международных экономических санкций не может быть исключена, что диктует необходимость превентивных мер экономической, технологической и институциональной защиты.

Необходимо отметить, что в республике вопрос применения превентивных мер в стратегическом управлении страны, впервые конкретно обозначен в Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. В указанной Стратегии определены три принципа

стратегического развития страны в условиях интенсивно изменяющейся геополитической, геоэкономической и технологической картины современного мира:

- превентивность, или упреждение (снижение) уязвимости будущего развития;
- индустриальность, или повышение эффективности использования национальных ресурсов;
- инновационность, или развитие на основе нововведений во всех сферах социально-экономической жизни страны [3].

Риск блокировки доступа к международным финансовым площадкам, кредитам и зарубежным инвестициям представляет собой один из самых ключевых вызовов для Таджикистана в случае расширения системы международных экономических санкций в отношении стран-партнеров. Наряду с высокими внешними заимствованиями, экономика республики напрямую зависит от иностранных кредиторов и инвестиционных потоков, что делает её уязвимой к существующей системе внешнего санкционного давления. Ограничения на доступ к международной финансовой инфраструктуре, таких как блокировка корреспондентских счетов или отключение от платёжных систем (например, SWIFT), могут лишить страну возможностей для ведения внешнеторговых расчётов и исполнения международных обязательств. Для Таджикистана, где большая часть экономической активности в сфере инфраструктурных и промышленно-энергетических проектов осуществляется с привлечением иностранных кредитов и инвестиций, такие ограничения могут привести к финансовой нестабильности или значительному замедлению темпов развития ключевых отраслей. Прежде всего это касается строительных и энергоемких инфраструктурных проектов, таких как модернизация гидроэлектростанций, развитие горнодобывающего комплекса и транспортной инфраструктуры. В случае блокировки доступа к международным источникам долгового финансирования, страна станет зависимой от внутреннего рынка капитала,

который в силу своей ограниченности не может эффективно заменить зарубежные кредиты, а также снизит возможность реализации крупномасштабных модернизационных программ.

Не менее важным аспектом является потенциальное ограничение доступа к высокотехнологичным отраслям. Современные методы добычи, переработки и сельскохозяйственного производства напрямую зависят от иностранного технологического оборудования и передовых решений, в том числе в сфере информационных технологий и инженерного оборудования для прецизионных процессов, таких как разработки БПК и автоматизация важных компонентов государственного аппарата. В случае расширения санкционной политики в отношении стран-партнеров или непосредственного применения санкций, подобных тем, которые уже были введены против других стран, Таджикистан рискует оказаться с технологическим отставанием от мировых стандартов. Отсутствие доступа к новым технологиям может привести к снижению производительности и конкурентоспособности в таких отраслях, как сельское хозяйство, энергетика и горное дело. Кроме того, блокировка доступа к зарубежным технологиям угрожает не только промышленности, но и значимым секторам, таким как сельское хозяйство. Процессы сушки, переработки и хранения продуктов требуют сложных механизмов и механизмов дистанционного мониторинга, которые поступают на экспорт в странах с передовыми IT решениями. В случае воздействия экзогенных шоков Таджикистан столкнется с проблемами замещения таких технологий с учетом отсутствия значительных внутренних ресурсов для производства аналогичных продуктов.

Для Таджикистана, чьи ключевые структурные реформы и инвестиционные программы в значительной мере базируются на внешних займах и привлечении зарубежного капитала, одним из наиболее чувствительных последствий потенциального влияния санкций становится ограничение или полная блокировка доступа к международным финансовым институтам. В случае введения рестрикций в отношении государства или его

крупнейших банков, ограничения могут коснуться не только международных биржевых платформ и платёжных систем (SWIFT и др.), но и возможности размещать долговые инструменты (еврооблигации, синдицированные кредиты) под разумные процентные ставки. Подобная блокировка приводит к нескольким критическим эффектам:

1. Дефицит внешнего финансирования:

- государственные и квазигосударственные структуры, а также частный бизнес лишаются возможности привлекать долгосрочные кредитные ресурсы под относительно невысокий процент. С учётом того, что внутренний финансовый рынок Таджикистана характеризуется узкой базой ликвидности и высоким риском для инвесторов, альтернативы для масштабного финансирования инфраструктурных и промышленных проектов остаются весьма ограниченными;

- в результате, при сокращении внешних заимствований замедляется реализация долгосрочных программ по модернизации гидроэнергетики, развитию дорожной инфраструктуры, строительству логистических центров и другим объектам, имеющим стратегическое значение для повышения конкурентоспособности республики и реализации НСР 2030.

2. Ухудшение инвестиционного климата:

- на фоне расширения санкционного давления на страны-партнёры, международные финансовые организации и фонды могут пересмотреть свои инвестиционные стратегии в отношении республики, ужесточить условия кредитования (повышенные процентные ставки, сокращение объёмов и сроков займов) либо заморозить запланированные проекты;

- сокращение инвестиционных программ в таких областях, как горнорудная промышленность, транспортная логистика и переработка сельскохозяйственного сырья, снижает потенциал роста ВВП и ограничивает экспортные возможности.

3. Препятствия для развития высокотехнологичных отраслей:

- снижение доступа к международным кредитным ресурсам и высоким технологиям напрямую будет тормозить развитие наукоёмких отраслей, таких как ИТ-сектор, цифровые решения для АПК и промышленная автоматизация. Для наращивания собственного потенциала республике необходимо приобретать импортное оборудование, программные решения, а также оплачивать лицензии и сервисные услуги у передовых мировых производителей. В случае расширения системы международных экономических санкций и сопутствующего усложнения финансовых транзакций, эти закупки становятся крайне затруднительными или вовсе невозможными;

- обрыв кооперационных цепочек с иностранными корпорациями, ведущими научно-исследовательскими центрами и технологическими партнёрами означает утрату доступа к ноу-хау, необходимым для формирования инновационного кластера в республике. Это препятствует созданию новых производств с высокой добавленной стоимостью, ограничивая республику преимущественно добывающим и сельскохозяйственным профилем развития.

В совокупности перечисленные факторы указывают, что расширение финансовых и технологических санкций в современной системе мирохозяйственных связей, ограничивающих доступ к международным рынкам капитала, способно вызвать цепную реакцию, когда торможение крупных проектов и прерывание инновационных программ формирует эффект расшатывания устоев всей экономической системы. Для малой экономики с высокими показателями зависимости от внешних источников развития подобное положение особенно опасно, поскольку возрастает риск долгосрочной стагнации, дефицита рабочих мест, увеличения бедности и усиления миграционных потоков [207, с. 13-14]. С учётом совокупности вышеописанных тенденций, санкционный риск-менеджмент становится важным приоритетом в национальной стратегии Таджикистана, побуждая к поиску инструментов диверсификации источников кредитования и

технологии, а также укреплению собственных институтов, способных обеспечивать внутренние инвестиционные ресурсы.

Для целостного понимания того, как прямые и косвенные санкции могут повлиять на экономику Таджикистана, необходимо учитывать уязвимость и адаптивные возможности наиболее значимых секторов, оказывающих существенное влияние на экспортный и технологический потенциал, занятость населения и бюджетные поступления, которые были частично выявлены в предыдущей главе данного исследования (Приложение С).

Прежде всего, на основе приведённых данных очевидно, что экономика Таджикистана характеризуется разноплановой, но в целом существенной зависимостью от внешних финансовых, технологических и сырьевых ресурсов, что и формирует высокий уровень уязвимости при гипотетическом введении или ужесточении экономических санкций. Во-первых, наибольшей степенью риска выделяются алюминиевая промышленность (ТАЛКО), банковский сектор и трудовая миграция, так как в каждом из этих направлений отсутствуют надёжные внутренние резервы или диверсифицированные каналы взаимодействия с внешним миром. Во-вторых, гидроэнергетика, хотя и обладает определённым потенциалом автономного функционирования (производство электроэнергии на собственных ГЭС), в условиях санкционных ограничений может столкнуться с проблемами внешнего финансирования топливных и инфраструктурных проектов, а также сложностями в доступе к критически важным технологиям и оборудованию. Аналогичная ситуация наблюдается в горнодобывающем секторе, который, несмотря на растущую роль в экспорте, фактически сильно завязан на иностранных инвесторах (преимущественно китайских), что делает его уязвимым к любым ограничениям транзакций или трансфера технологий.

В-третьих, агропромышленный комплекс и хлопковая отрасль, будучи основой социально-экономической стабильности в сельской местности, сохраняют умеренно-высокую чувствительность к возможным барьерам в области финансовых расчётов и поставок критически важных ресурсов (семян,

удобрений, ГСМ). При этом продовольственная безопасность страны в целом опирается на внутреннее производство (овощи, фрукты, зерно), однако не исключает риска роста цен и перебоев в снабжении при нарушении импорта муки и топлива. В-четвёртых, критическим элементом внешнеэкономической устойчивости остаются банковские каналы и денежные переводы трудовых мигрантов, составляющие значительную часть ВВП и фактически являющиеся источником поддержания платёжного баланса. Любые вторичные санкции, затрагивающие российские банки или международные платёжные системы, могут вызвать системные перебои в получении переводов и оплате внешнеторговых контрактов, что в кратчайшие сроки скажется на макроэкономической стабильности и уровне благосостояния населения.

В целом, анализ даёт основание утверждать, что санкционная уязвимость Таджикистана имеет комплексный характер и обусловлена сочетанием технологических, внешнеторговых, финансовых и социально-демографических факторов. При этом ключевыми точками риска выступают:

- (1) узкая ресурсная база внутреннего производства (сырья, топлива, технологий),
- (2) высокая зависимость от одного или нескольких внешних партнёров (прежде всего России и Китая),
- (3) ограниченные резервы для самостоятельного финансирования крупных проектов и поддержания банковской ликвидности, а также
- (4) критическая роль денежных переводов из-за рубежа.

Системное воздействие санкций — даже имеющих точечный характер — способно быстро распространиться на широкий спектр секторов, усугубляя социальные проблемы и создавая потенциальные угрозы для бюджетной и финансовой стабильности.

Во-первых, недостаточность резервов — как финансовых, так и материальных (запасов продовольствия, топлива) — выражается в том, что республика не располагает значительным «буфером» для смягчения внешних шоков. Если внешнеторговые партнёры Таджикистана сталкиваются с

санкционными барьерами либо сами вводят ограничения на поставки (например, зерна, муки, нефтепродуктов, удобрений), у государства остаётся ограниченное пространство для манёвра, обусловленное дефицитом быстродоступных кредитных линий и слабым развитием стратегических запасов. Подобная ситуация способна вызвать скачкообразный рост цен на импортируемые товары и ослабить платёжеспособность населения, особенно учитывая высокую долю расходов на продовольствие и топливо в структуре потребления домохозяйств.

Во-вторых, высокие показатели импортозависимости (по продовольствию, маслам, сахару, некоторым видам промышленного сырья) и доминирование внешних поставщиков в сегменте ГСМ (России прежде всего) обуславливают нестабильность внутреннего рынка при любом серьёзном внешнеэкономическом потрясении. Для республики, осуществляющей экспорт преимущественно сырьевых товаров, резкое обесценение экспортной выручки (в случае, например, снижения мировых цен или потери главных рынков сбыта) в совокупности с усложнением доступа к жизненно необходимому импорту создаёт мультипликативный эффект кризиса, выражающийся в сокращении бюджетных поступлений, падении уровня занятости и повышении инфляции.

В-третьих, невысокий технологический уровень ряда местных производств и предприятий объясняет неспособность отдельных отраслей к быстрому переходу на самостоятельное обеспечение критически важными ресурсами. Так, ограниченные возможности по локальному производству удобрений, сельскохозяйственной техники, медикаментов или высокотехнологичных компонентов позволяют утверждать, что республика в случае усиления санкционного давления столкнётся с затруднениями в выполнении хозяйственных функций, начиная от аграрного цикла и заканчивая энергетической координацией. В результате технологический разрыв по отношению к мировым лидерам усугубляется, а конкурентоспособность экспортных товарных позиций остаётся невысокой,

поскольку без регулярного притока внешних инноваций и инвестиций не происходит модернизации оборудования и бизнес-процессов.

Кроме того, специфические уязвимости малой экономики проявляются в том, что при ограниченном диверсификационном потенциале (потенциале для поиска новых поставщиков, кредиторов и рынков сбыта) Таджикистану труднее будет избегать точечных ударов вторичных санкций – даже если они направлены не непосредственно на республику, а на её ключевых партнёров в области логистики, миграции и торгово-финансовых операций. Кризисные явления, вызванные санкциями, быстро транслируются на таджикскую экономику ввиду её малых объёмов и ограниченного набора отраслей, способных компенсировать потери за счёт внутреннего рынка или альтернативных экспортно-импортных ниш.

Как возможный результат, при санкционном сценарии, с одной стороны, усиливаются проблемы продовольственной безопасности: резкий скачок цен на базовые продукты или перебои в поставках зерновых и масел сразу же бьют по бюджету домохозяйств и усиливают социальные риски. С другой стороны, возрастают риски топливных кризисов, поскольку любая задержка или удорожание импорта нефтепродуктов, а также нестабильность в смежных государствах, через которые идёт транзит, способствуют росту себестоимости сельскохозяйственного и промышленного цикла. В совокупности указанные факторы формируют затруднённые условия для сохранения и наращивания конкурентных позиций на внешних рынках, так как внутренние издержки растут, а доступ к современным технологическим решениям и внешнему финансированию может оставаться под угрозой или фактически блокироваться в условиях расширения системы международных экономических санкций в современных условиях.

В итоге, потенциальное совокупное действие санкционных факторов может сгенерировать спад темпов роста национальной экономики, где незрелость институциональной среды, нехватка капиталовложений и технологических компетенций способствуют эффекту домино, запускающему

снижение доходов от традиционных отраслей, падение уровня жизни населения и ослабление перспектив модернизации. В ответ на такие риски ключевым вектором государственной стратегии могут выступать меры по расширению многосторонних торгово-инвестиционных коопераций, укреплению внутренних финансовых и продовольственных резервов, а также наращиванию локального производственного и научно-технологического потенциала, что позволит минимизировать уязвимость республики в условиях расширения системы международных экономических санкций в формирующемся многополярном мире и сформировать более диверсифицированную и устойчивую экономическую систему.

5.2. Превентивные механизмы обеспечения внешнеэкономической безопасности и устойчивой конкурентоспособности Таджикистана в условиях потенциально возможных санкционных рисков

В настоящее время, когда внешнеэкономическая среда характеризуется усилением санкционной риторики и нарастанием конфронтации между крупными геополитическими центрами, для Таджикистана принципиально важным становится формирование системной стратегии по смягчению потенциальных негативных воздействий на хозяйственный комплекс республики. Накопленный международный опыт показывает, что грамотное сочетание продуманной государственной политики, институциональной адаптации банковско-финансового и корпоративного секторов, а также долгосрочных программ модернизации в технологических и энергетических сферах способно существенно ослабить риски даже при неблагоприятных санкционных сценариях.

Результаты проведенного сценарного анализа санкционных рисков показали, что в отсутствие превентивных мер кумулятивное действие внешних ограничений может сгенерировать спад темпов роста национальной экономики Таджикистана.

В таких условиях разработка и реализация превентивных механизмов обеспечения внешнеэкономической безопасности и устойчивой конкурентоспособности государства приобретают стратегический характер. Формирование этих механизмов должно опираться на глубокий анализ текущей структуры экономики республики, учитывая уязвимости ключевых секторов (см. параграфы 4.1, 4.2 и 5.1), на учет региональных и глобальных экономических реалий, а также на выводы существующих исследований и международный опыт стран с сопоставимой экономической структурой. Лишь комплексный, опережающий подход позволит минимизировать санкционные риски и укрепить позицию Таджикистана в мировой хозяйственной системе.

Анализ уязвимости ключевых секторов экономики Таджикистана демонстрирует высокую степень их экзогенной зависимости от глобальных товарных, финансовых и технологических цепочек, что формирует структурные риски в условиях усиления санкционного давления. Основные экспортоориентированные отрасли — алюминиевая промышленность, горнорудный сектор, агропромышленный комплекс и финансово-миграционный блок — характеризуются критической чувствительностью к внешним шокам, обусловленной ограниченной диверсификацией рынков сбыта, высокой импортозависимостью технологических компонентов и уязвимостью каналов трансграничных транзакций.

Уязвимости национальных секторов усугубляются или смягчаются влиянием широкого круга региональных и глобальных факторов. Современный этап развития мировой экономики характеризуется возрастанием санкционного давления как инструмента геэкономической конкуренции, фрагментацией торгово-инвестиционных связей и перераспределением ролей между центрами экономической силы. Для Таджикистана, как части постсоветского пространства, наибольшую значимость имеет санкционная политика в отношении ключевых партнеров — прежде всего России — и общая трансформация евразийского экономического ландшафта.

Уже сейчас прослеживается неоднозначное влияние санкций против России на отечественную экономику. С одной стороны, в 2022 г. отмечался неожиданный позитивный шок – рост объема переводов и спроса на некоторые товары и услуги из Центральной Азии, отчасти обусловленный попытками российских экономических агентов переориентировать потоки через соседние государства. Приток денежных переводов мигрантов в 2022 году достиг рекордных значений (свыше 5 млрд. долл. США) (см. диагр. 2.8.1), что поддержало потребление и рост ВВП (см. рис. 4.1.3). С другой стороны, эти же процессы породили риски вторичных санкций: западные страны прямо указали на Центральную Азию как на потенциальный «серый коридор» для обхода ограничений. В частности, США включили Таджикистан в перечень стран, которые могут помогать реэкспортировать в Россию санкционную продукцию (двойного назначения) или проводить для неё финансовые транзакции, пригрозив, что при подтверждении подобных фактов сами эти страны могут стать объектом санкций [288]. Хотя конкретных случаев введения вторичных санкций против отечественных структур (кроме единичного эпизода с компанией, поставлявшей авиационные запчасти в обход эмбарго) не зафиксировано, сам прецедент подчёркивает хрупкость положения: Таджикистан вынужден балансировать между соблюдением санкционного режима крупных держав и сохранением традиционных экономических связей.

Глобальные геоэкономические трансформации создают как новые возможности, так и новые риски для республики. Процессы полицентрализации мировой экономики, о которых свидетельствует усиление роли Китая, Индии, стран Ближнего Востока и других центров, открывают окна возможностей для диверсификации внешнеэкономических связей Таджикистана. Уже отмеченные изменения в структуре экспорта (рост поставок хлопка и фруктов в Турцию, Южную Азию и т.д.) подтверждают, что диверсификация торговых потоков реально происходящий процесс. Китай стал одним из ведущих экономических партнёров Таджикистана: на него

приходится значительная доля импорта (машины, оборудование, потребительские товары), растут инвестиции в добычу полезных ископаемых и инфраструктуру. Сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь» ведет к улучшению транспортной связности (строительство дорог, перспектива железнодорожных магистралей), что в перспективе уменьшит транзитную зависимость Таджикистана от традиционных маршрутов через территорию санкционно уязвимых стран. Вместе с тем, усиление экономического влияния Китая подразумевает и усиление финансовой и технологической зависимости от него, что создает иной тип уязвимости – риск оказаться в односторонней зависимости от одного крупного игрока. Поэтому диверсификация должна носить многовекторный характер: помимо Китая и стран ЕАЭС (где Таджикистан пока не состоит, но тесно взаимодействует как наблюдатель), следует развивать связи с государствами Южной Азии (Пакистан, Индия), Ближнего Востока (Иран, арабские страны) и Восточной Европы. Географическое положение и исторические связи республики позволяют претворять в жизнь такую многовекторность, однако для этого необходима активная дипломатическая и экономическая стратегия.

Отдельно стоит учесть глобальные тренды в сфере экспортного контроля и технологической политики. Мир вступает в эпоху ужесточения правил передачи технологий и товаров стратегического назначения: ведущие державы вводят строгие ограничения на экспорт электронных компонентов, программного обеспечения, оборудования двойного применения и т.п. Такие меры, хотя и не нацелены прямо на Таджикистан, косвенно затрагивают его возможности доступа к современным технологиям. Например, запрет на поставку высокопроизводительных чипов и оборудования в Россию и ряд других стран означает, что таджикские компании не смогут легально приобрести их, если существует риск реэкспорта через Таджикистан. Кроме того, иностранные фирмы могут опасаться сотрудничать с таджикскими контрагентами, опасаясь нарушения санкционных режимов, что усложняет привлечение новых инвестиций и передовых решений. Глобальное

замедление экономического роста, вызванное как санкционными войнами, так и постпандемийными факторами, сказывается на спросе на сырьевые товары. Всемирный банк прогнозирует ослабление мирового промышленного производства и снижения спроса на основные статьи таджикского экспорта – металлы и минералы [264]. Это грозит сокращением экспортной выручки независимо от потенциальных санкций. Одновременно сохраняется низкий приток прямых иностранных инвестиций [264] ввиду воспринимаемых рисков и ограниченности внутреннего рынка, что затрудняет модернизацию экономики. Таким образом, внешние реалии диктуют необходимости: Таджикистану нужно быть готовым как к дальнейшим турбулентностям (санкционным и рыночным), так и использовать новые тренды (появление альтернативных центров силы) для снижения собственной уязвимости.

При разработке национальной стратегии полезно опираться на уроки стран с сопоставимой экономической структурой или столкнувшихся с аналогичными вызовами. Опыт государств Евразии, обладающих ограниченной диверсификацией экономики и зависимостью от внешних рынков, демонстрирует важность заблаговременной адаптации к санкционным рискам. Так, Казахстан, чья экономика опирается на экспорт сырьевых ресурсов и тесно интегрирована с российской, вынужден балансировать между союзническими обязательствами и необходимостью сохранения доступа к мировым рынкам. Столкнувшись с косвенными последствиями санкций против России (колебания курса тенге, перебои логистики), Казахстан активизировал политику «многовекторности»: расширяет торгово-транспортные коридоры в обход традиционных маршрутов. В частности, осуществляется переориентация части нефтяного экспорта на транскаспийский маршрут в направлении Азербайджана и Турции, снижается критическая зависимость от трубопроводов через территорию России. Кроме того, Казахстан заключает соглашения с ЕС и Китаем о повышении пропускной способности путей доставки товаров, инвестирует в порты и железные дороги [108;280]. Его пример показывает, что

диверсификация инфраструктуры и партнеров является действенным превентивным шагом, хотя полностью устранить геоэкономические риски даже крупной экономике сложно. Узбекистан, долгое время бывший относительно изолированной экономической системой, продемонстрировал эффективность стратегии постепенной либерализации и импортозамещения. Осознав опасность односторонней ориентации на один рынок, Ташкент с конца 2010-х гг. открыл экономику для инвесторов из различных стран, инициировал индустриальные проекты по локализации производства (например, в текстильной, автомобильной, агропищевой отраслях) и реформировал валютную политику. В результате, несмотря на близость к эпицентру санкционного противостояния, Узбекистан сумел обеспечить стабильный рост ВВП и нарастить несырьевой экспорт [220, с. 10-12]. Его подход – развитие внутреннего производства и осторожная интеграция в мировой рынок – позволил смягчить влияние внешних потрясений, подчеркнув значимость самодостаточности по критическим позициям.

Примеры меньших экономик – Кыргызстана и Армении – подтверждают, что высокая зависимость от одного внешнего центра несет значительные риски, и потому они стремятся к диверсификации, даже имея ограниченные ресурсы. Кыргызстан, подобно Таджикистану, существенно зависит от денежных переводов из России и экспорта узкого набора товаров на рынки ЕАЭС. После усиления западных санкций против России в 2022 г. киргизская экономика испытала как шок (в начале года – отток части трудовых мигрантов, проблемы с расчетами), так и неожиданные выгоды (резкий рост реэкспорта потребительских товаров в Россию во втором полугодии 2022 г.). Столкнувшись с перспективой вторичных санкций, власти Кыргызстана были вынуждены ужесточить контроль за внешнеторговыми операциями, придерживаясь международных требований по экспортному контролю, но параллельно ищут новые ниши сотрудничества – например, соглашения с странами Персидского залива об отправке рабочей силы [294], привлечение инвестиций из Китая в инфраструктуру, развитие туризма.

Армения, хоть и существенно меньше зависит от трудовой миграции, имеет сходный профиль рисков: ее экономическая связь с Россией через взаимную торговлю и финансовую систему столь велика, что шоки в России отражаются мгновенно (так, в 2022 г. армянский драм резко укрепился из-за притока капитала и россиян, спасавшихся от санкций, а затем балансировал на фоне инфляционных волн) [323]. В ответ Ереван усилил взаимодействие с Ираном, странами Ближнего Востока, участвовал в переговорах по международным транспортным коридорам (включая «Персидский залив – Черное море»), чтобы снизить полную зависимость от коммуникаций через Грузию и Россию [305]. В финансовой сфере Армения одной из первых в СНГ адаптировалась к отключению российских банков от SWIFT, развернув инфраструктуру для обслуживания переводов через национальные системы и альтернативные каналы.

Наконец, пример Ирана наиболее показателен с точки зрения долговременных адаптивных мер (см. параграф 3.1). Являясь объектом жестких международных санкций не один десяток лет, Иран выработал концепцию «экономики сопротивления». Ее суть – максимальная опора на внутренние ресурсы и региональные связи: развитие собственного производства широчайшей номенклатуры товаров (от бензина до автомобилей и военной техники) взамен импортных, создание независимой финансовой системы (например, иранская система межбанковских платежей SEPAM [476, с. 14866–14869], расчеты в национальной валюте со странами-партнерами), активная бартерная торговля и контрабандные каналы для обхода эмбарго, ставка на союз с незападными державами (Китай, Россия) в качестве рынков сбыта и источников технологий. Хотя опыт Ирана не лишен издержек – экономика столкнулась с периодами высокой инфляции, технологического отставания в ряде отраслей – он демонстрирует критическую важность готовности к автономному функционированию. В целом, международный опыт указывает: страны, диверсифицировавшие внешние связи и инвестировавшие в внутренний потенциал, легче переносят воздействие

экзогенных шоков. Для Таджикистана эти уроки означают необходимость осуществления проактивных мер по нескольким направлениям – институциональному, технологическому, финансовому и дипломатическому – еще до наступления возможной острой фазы кризиса.

Обеспечение внешнеэкономической безопасности и поддержание устойчивой конкурентоспособности требуют системного подхода, включающего институциональные, технологические, финансовые, торгово-дипломатические, инфраструктурные и кадровые меры. Эти меры должны быть адаптированы к национальной специфике Таджикистана – его экономическим масштабам, географическому положению, ресурсной базе и социальным условиям. Главное – сместить акцент с реагирования на уже случившиеся кризисы к упреждающему снижению уязвимостей, формируя своего рода иммунитет экономики к внешним санкционным потрясениям.

Крепкая институциональная основа – необходимое условие для реализации любых превентивных механизмов. Необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу и управленческую практику в сфере внешнеэкономической деятельности, интегрируя понятие экономической безопасности в государственную политику. Следует разработать и утвердить национальную стратегию внешнеэкономической безопасности, в которой будут прописаны целевые показатели диверсификации экспорта, импорта и инвестиций, допустимые пределы зависимости от отдельных стран и рынков, а также протоколы действий при возникновении санкционных ситуаций.

В рамках реализации такой стратегии целесообразно создание постоянного межведомственного координационного центра по мониторингу санкционных рисков. Этот центр мог бы аккумулировать информацию о готовящихся международных ограничениях, анализировать потенциальное воздействие на секторы экономики Таджикистана и вырабатывать рекомендации Правительству по нейтрализации угроз. Например, заблаговременно подготовленные планы действий на случай отключения от

тех или иных международных платежных систем, введения эмбарго на тот или иной товар и т.д. позволят выиграть время и снизить эффект неожиданности.

Важным направлением является укрепление правовых институтов внутри страны: защита прав собственности, особенно иностранных инвесторов, прозрачность и предсказуемость регуляторной среды. Эти меры снизят отток капитала и технологий, так как часть уязвимости Таджикистана связана и с внутренними факторами – слабостью институтов, которая отпугивает добросовестных инвесторов и усиливает критическую зависимость от узкого круга партнеров. Борьба с коррупцией и повышение эффективности госуправления также выступают превентивными мерами, поскольку повышают общую устойчивость экономики к любым шокам. Институционально следует развивать механизмы государственного стимулирования диверсификации: СЭЗ, фонды развития новых отраслей, агентства по продвижению экспорта на новые рынки. Одним словом, государство должно играть активную координирующую роль в снижении структурных уязвимостей, формируя благоприятные «правила игры» и быстро реагируя на изменения внешней конъюнктуры.

Повышение устойчивости и конкурентоспособности невозможно без наращивания национального производственного и научно-технологического потенциала. Превентивной мерой здесь выступает политика опережающего развития ключевых отраслей с упором на импортозамещение в критических сегментах и технологическую независимость. Таджикистану необходимо инвестировать в расширение возможностей внутренней переработки сырья и выпуска продукции с более высокой добавленной стоимостью. В контексте алюминиевой отрасли это означает постепенное движение от экспорта необработанного алюминия к производству полуфабрикатов или готовых изделий из него внутри страны. Для этого потребуются модернизация ТАЛКО – привлечение новых технологий электролиза с меньшим энергопотреблением, строительство дополнительных обогатительных мощностей, а также поиск альтернативных поставщиков глинозёма

(например, развитие сотрудничества с Казахстаном или другими странами, располагающими сырьевой базой, что снизит зависимость от одного источника).

В горнодобывающем секторе – поощрение создания совместных с иностранными партнерами предприятий по глубокой переработке добываемых металлов на территории республики, чтобы страна могла экспортировать не только руду или концентрат, но и более готовую продукцию, менее подверженную ценовым колебаниям. Государство может стимулировать трансфер технологий через налоговые льготы и гарантии для тех иностранных инвесторов, которые локализуют производство. Одновременно крайне важно развивать собственную науку и образование: создание или модернизация существующих научно-исследовательских центров по приоритетным направлениям (гидроэнергетика, сельское хозяйство, горное дело, химическая промышленность) в сотрудничестве с ведущими мировыми научными организациями позволит подготовить базу для технологической самостоятельности. Например, селекционные центры и агротехнологические парки внутри страны могли бы уменьшить зависимость АПК от импортных семян и агрохимикатов, которые могут подпасть под внешние ограничения.

Развитие ИТ-сектора и цифровизация экономики также являются частью технологической стратегии: во-первых, это создаёт новые конкурентоспособные услуги на экспорт (развивая сферу аутсорсинга и финтех, Таджикистан может интегрироваться в ГЦДС не только через сырьё), во-вторых, цифровые технологии повышают устойчивость традиционных отраслей (точное земледелие, автоматизация производства, системы накопления и распределения электроэнергии и пр.). Инвестиции в технологии должны сочетаться с диверсификацией их источников: учитывая риск ограничения доступа к западным достижениям, Таджикистану следует активнее задействовать потенциал сотрудничества с Китаем, Индией, странами исламского мира, которые готовы делиться технологиями на более

гибких условиях. Участие в многосторонних инициативах по научно-техническому обмену (например, программы ОИС или двусторонние соглашения о создании технологических парков с Ираном, Турцией) поможет ослабить технологическую изоляцию. Ключевым показателем успеха технологической политики станет рост доли продукции несырьевого сектора в экспорте и появление товаров и услуг, конкурентоспособных на региональных рынках не за счет низкой цены, а за счет качества и уникальности, основанных на местных инновациях.

В финансовой сфере превентивные механизмы должны быть направлены на создание «подушки безопасности» и альтернативных каналов взаимодействия с мировыми рынками капитала. Во-первых, необходимо укреплять макроэкономическую стабильность и доверие к национальной валюте - сомони. Адекватный уровень международных резервов Национального банка Таджикистана, эквивалентный нескольким месяцам импорта, служит страховкой на случай резкого сокращения внешних поступлений. Формирование стабилизационного фонда (например, за счет сверхплановых доходов от экспорта в благоприятные годы, или таможенных сборов от утилизации автомобилей) позволит финансировать критический импорт продовольствия и энергоносителей, если обычные источники нарушатся. Во-вторых, диверсификация финансовых связей: Таджикистану нужно развивать сотрудничество с международными и региональными финансовыми институтами помимо традиционных западных. Усиление партнерства с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Исламским банком развития, Евразийским фондом стабилизации и развития расширит доступ к кредитным ресурсам, которые менее подвержены влиянию санкционных режимов. Параллельно следует прорабатывать механизмы расчетов в национальных валютах со странами-партнерами. Уже сейчас в торговле с некоторыми соседями все чаще используются рубли, юани, турецкие лиры. Продвижение таких практик, а также присоединение к альтернативным платежным системам (например, китайская CIPS для

межбанковских переводов, СПФС Банка России) позволит снизить зависимость от долларовой системы и SWIFT. Если расчеты по внешней торговле будут диверсифицированы по валютам (условно: часть экспорта алюминия – в юанях, импорт ГСМ – в рублях, поставки электроэнергии в Афганистан – в национальных валютах через клиринговые схемы), то эффект от санкций, нацеленных на определенную валюту или банк, будет менее разрушительным.

Кроме того, необходимы шаги по развитию собственного финансового сектора. Увеличение капитала и надежности отечественных банков уменьшит потребность зависеть от иностранных банков-посредников. Поощряя приход в страну филиалов и представительств банков из разных стран (Китая, стран Персидского залива, Юго-Восточной Азии), можно создать более конкурентную и устойчивую банковскую среду. Развитие внутреннего фондового рынка и рынков долгового капитала позволило бы государству и бизнесу в большей степени привлекать сбережения населения и предприятий Таджикистана для инвестиций, снижая потребность во внешних займах. Для защиты от возможных санкций финансового характера стоит также предусмотреть законодательные меры: к примеру, механизм страхования экспортных контрактов и инвестиций от политических рисков (через госстрахование или при поддержке международных партнеров) компенсировал бы компаниям убытки при форс-мажоре, связанном с санкциями. Целесообразно изучить опыт создания криптовалютных и блокчейн-решений в расчетах – некоторые страны (включая Иран, и отчасти Россию) экспериментируют с цифровыми валютами центрального банка и криптоактивами для обхода финансовых ограничений. Таджикистан мог бы участвовать в пилотных проектах по использованию суверенных цифровых валют для трансграничных расчетов, сохраняя при этом контроль над рисками отмывания средств. Наконец, на уровне денежно-кредитной политики важно поддерживать гибкость курса и умеренную инфляцию: это повысит адаптивность экономики к внешним шокам. Стабильность финансовой

системы, подкрепленная разнообразием связей и наличием резервов, создаст прочный фундамент, на котором санкционное давление окажет минимальный деструктивный эффект.

Во внешнеэкономическом блоке превентивных механизмов ключевое место может занимать политика диверсификации рынков и партнеров, а также проактивная дипломатия, направленная на снижение потенциальных санкционных рисков. Таджикистану необходимо продолжать и углублять курс на многовекторность внешней торговли. Практическим шагом может стать заключение новых торговых соглашений и оптимизация условий доступа на перспективные рынки. В центре внимания – страны Южной Азии (в особенности Пакистан и Индия, учитывая проект CASA-1000 и потенциальные энергетические сделки), Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония – как источники инвестиций и технологий), Ближнего Востока (Иран, Турция, государства Залива). С некоторыми из них уже налажены преференциальные режимы: например, с отдельными членами СНГ и ЕАЭС действуют льготы, а с Китаем подписаны двусторонние соглашения об экономическом сотрудничестве. Однако требуется перейти от точечных контрактов к системной работе по продвижению отечественного экспорта. Создание сети торговых представительств и домов торговли за рубежом, проведение целевых переговоров о снятии тарифных и нетарифных барьеров для таджикских товаров (хлопка, сухофруктов, текстиля, алюминия и т.д.), использование возможностей ВТО для отстаивания своих прав – всё это элементы необходимой торговой стратегии.

Дипломатия должна быть нацелена и на формирование имиджа Таджикистана как надежного и нейтрального экономического партнера. Исторический нейтралитет и отсутствие прямого вовлечения в глобальные конфликты – важное преимущество, которое следует подчёркивать, убеждая всех основных акторов, что вовлечение таджикской экономики в санкционные войны нежелательно. При этом нужно быть готовым, что полностью избежать побочных эффектов чужих санкций не удастся. Поэтому параллельно

дипломатическим усилиям на мировой арене (через платформы ООН, ШОС, ОБСЕ высказывать озабоченность влиянием санкций на малые экономики) следует активизировать региональную координацию.

Центральноазиатские соседи находятся в сходном положении, и коллективные позиции (например, согласованные на консультативных встречах глав государств Центральной Азии) по вопросам транзита, энергетики, миграции могут усилить переговорные возможности региона. Еще одним направлением торгово-дипломатической деятельности выступает участие в новых интеграционных проектах. Вхождение в ЕАЭС остается дискуссионным для Таджикистана: с одной стороны, это облегчило бы передвижение рабочей силы и товаров в рамках союза, с другой – усилило бы привязку к экономике России, находящейся под санкциями. Вероятно, оптимальным является формат частичного участия или поэтапной интеграции, с сохранением пространства для самостоятельной политики. Одновременно можно активнее использовать статус наблюдателя в ЕАЭС для разрешения практических вопросов (например, обеспечения бесперебойных расчетов за электричество, поставляемое в Кыргызстан или Казахстан, даже при санкциях). Поддержка тесных связей с организацией Экономического сотрудничества, куда входят соседние страны и Иран, а также расширение сотрудничества по линии Китай – Центральная Азия (в формате «С5+1») помогут выстроить альтернативные экономические коридоры. Внешнеполитическая гибкость и готовность к диалогу со всеми – необходимое условие для страны в положении Таджикистана: будучи союзником России в ОДКБ и партнером Китая, Душанбе одновременно развивает контакты с США, ЕС, странами Южной Азии. Такой баланс снижает вероятность изоляции и создания образа «противника» у какой-либо из сторон, что само по себе является профилактикой прямых санкций.

Физическая инфраструктура страны – это каркас, на котором держится ее внешнеэкономическая устойчивость. Для Таджикистана, не имеющего выхода к морю, жизненно важно обеспечить разнообразие и надежность

транспортно-логистических маршрутов. Превентивная стратегия должна включать ускоренное развитие инфраструктурных проектов, уменьшающих транзитные риски. В первую очередь, это строительство новых и модернизация существующих автомобильных и железных дорог, связывающих Таджикистан с различными направлениями. Уже предпринимаются шаги по улучшению связности: строительство автотрасс к границам Узбекистана и Кыргызстана, соглашения о прокладке железной дороги Китай–Кыргызстан–Таджикистан–Афганистан. Реализация последнего проекта могла бы коренным образом изменить геоэкономическое положение республики, позволив напрямую связывать её с китайскими и южноазиатскими путями, минуя узкие места, контролируемые санкционно уязвимыми странами. Также перспективен коридор Север–Юг через территорию Афганистана к портам Пакистана и Ирана; участие Таджикистана в многосторонних инициативах по развитию этого коридора (например, соглашения с Узбекистаном, Афганистаном и Пакистаном по транзиту) создаст альтернативу традиционному маршруту через Россию. Помимо международных путей, важно развивать внутреннюю инфраструктуру хранения и дистрибуции.

Создание логистических центров, сухих портов, оптовых рынков с современными условиями хранения внутри страны позволит аккумулировать стратегические запасы и гибко перенаправлять потоки товаров. Например, наличие емких зернохранилищ и резервов зерна даст время на поиск новых поставщиков в случае перебоев импорта пшеницы, не допуская продовольственного кризиса. Инфраструктурная устойчивость включает и энергетическую составляющую: помимо выработки электроэнергии нужно укреплять сети передачи и интеграцию с соседями. Проект ЛЭП CASA-1000, связывающий Таджикистан с Афганистаном и Пакистаном, представляет не только коммерческий интерес, но и стратегический – позволяя республике стать частью широкой энергосети, снизить зависимость от одного рынка сбыта (в лице Кыргызстана или Узбекистана) и получать доходы даже при

изменении политической конъюнктуры. В сфере телекоммуникаций, подключение к трансконтинентальным волоконно-оптическим магистралям (через Китай и через Каспийский регион) обеспечит бесперебойную связь и возможности для развития цифровой экономики, менее подверженной географическим ограничениям. Как результат, через модернизацию инфраструктуры страна может географически и логистически «отдалиться» от рисков изоляции, создавая материальные условия для гибкости внешнеэкономических связей.

Развитие человеческого капитала и института компетенций означает, что за всеми экономическими процессами стоят люди, и успех превентивной стратегии во многом определяется наличием квалифицированных кадров и общественным консенсусом по проводимым реформам. Таджикистану необходим целенаправленный рост человеческого капитала, ориентированного на задачи обеспечения экономической безопасности и конкурентоспособности. В образовательно-научной политике следует акцентировать подготовку специалистов в областях, критичных для независимого развития: международная экономика и торговля, финансовый менеджмент и комплаенс (особенно в части санкционного законодательства), инженерия и технологии (гидротехнические, горные, агротехнические), информационные технологии. Университеты и профессиональные учебные заведения должны получать государственный заказ на выпуск кадров для тех отраслей, где требуется снизить зависимость от иностранной экспертизы. Например, подготовка собственных программистов, инженеров-электриков, геологов и металлургов позволит со временем заменить часть зарубежных консультантов и рабочих, привнося национальный взгляд и уменьшая утечку прибыли из страны. Не менее важно развивать аналитические центры («фабрики мысли»), которые могли бы оценивать мировые тренды и советовать правительству по сложным вопросам санкционной политики, инвестиционной стратегии и т.д.

Институты стратегических исследований должны быть усилены ресурсами и экспертами, включая тех, кто имеет опыт работы за рубежом. В этом контексте рационально воспользоваться обширной таджикской диаспорой и возвращающимися мигрантами: целевые программы по привлечению высококвалифицированных соотечественников домой, предоставление им возможностей реализовать бизнес-проекты или занять должности в госуправлении будут способствовать трансферу знаний и контактов в страну. Такой «обратный поток мозгов» может со временем частично компенсировать многолетнюю утечку кадров.

Одновременно необходимо повышать квалификацию существующих государственных служащих и менеджеров. Вопросы внешнеэкономической безопасности носят междисциплинарный характер, поэтому кадры в министерствах экономики, внешней торговли, финансов, даже обороны и иностранных дел должны обладать компетенциями на стыке международного права, экономики и политологии. Проведение тренингов, стажировок за рубежом, обмен опытом с коллегами из стран, уже прошедших через схожие испытания, укрепит институциональную память и способности правительства действовать превентивно. Наконец, важен и общий уровень образованности населения в вопросах финансовой и экономической грамотности. Если граждане осознают природу санкционных рисков, они будут более поддерживать меры правительства по диверсификации экономики, с пониманием относиться к необходимости временных затягиваний поясов ради стратегической устойчивости. Формирование национальной идеологии экономической независимости – мягкая, но значимая мера: опираясь на исторический опыт преодоления трудностей и ценностный консенсус, Таджикистан сумеет мобилизовать внутренние ресурсы для противостояния внешним вызовам.

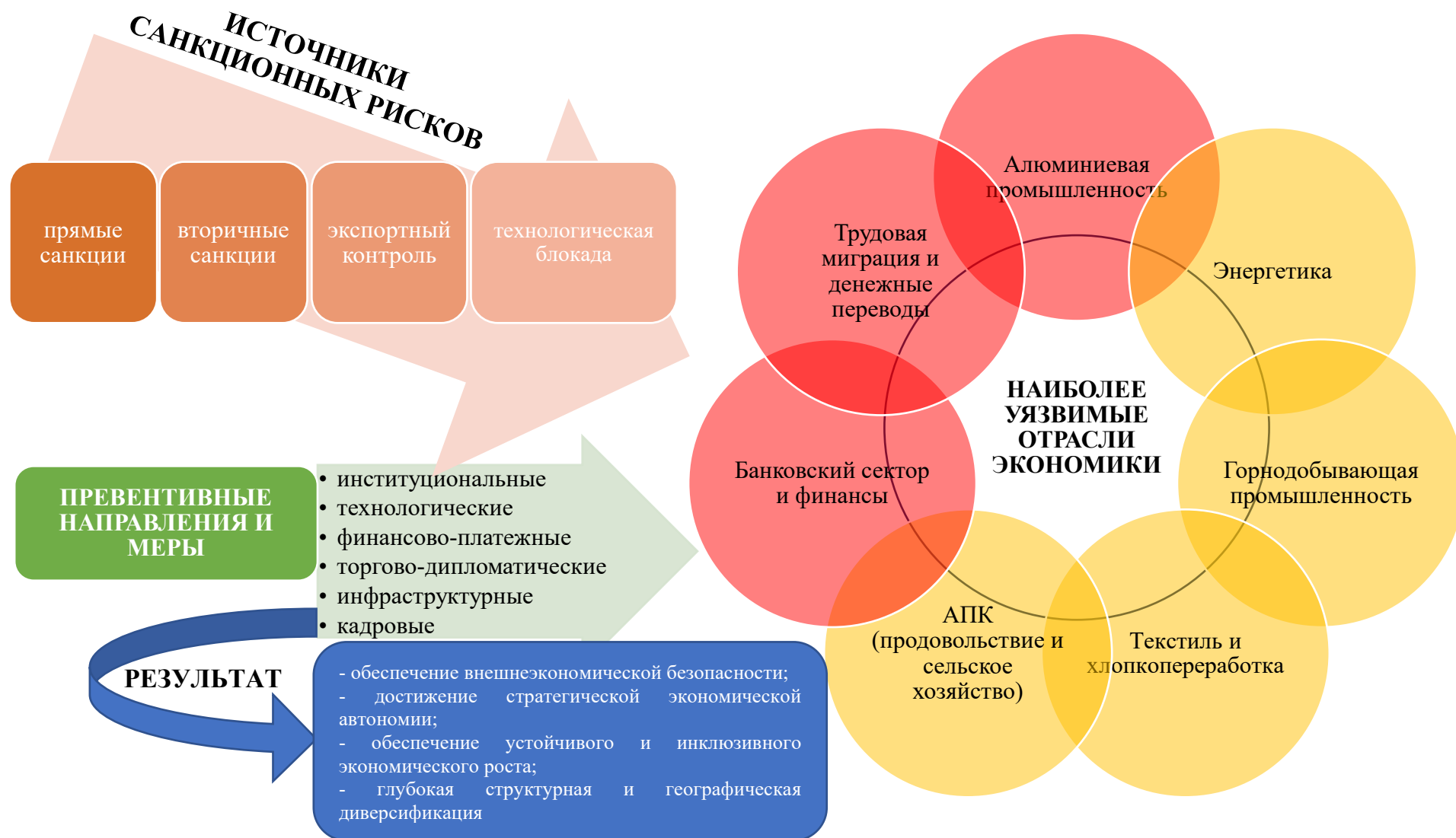

Рисунок 5.2.1. – Системная архитектура обеспечения экономической устойчивости и долгосрочной конкурентоспособности Таджикистана в условиях вызовов, порождаемых системой международных экономических санкций

Источник: составлено автором.

Выводы по пятой главе

Исследование структурных особенностей экономики Таджикистана и её внешнеэкономических связей в контексте потенциальных санкционных вызовов показало, что страна обладает спецификой малой открытой экономики с высокой долей трудовой миграции, зависимостью от импорта критически важных товаров и относительно низким уровнем индустриального развития. Подобная структура формирует повышенную уязвимость перед внешнеэкономическими потрясениями, включая возможное введение санкций со стороны крупных экономических игроков. Ключевые потенциальные каналы влияния санкций – ограничение финансовых транзакций, снижение объёмов денежных переводов мигрантов, разрыв логистических маршрутов и технологических цепочек – могут привести к негативной перестройке хозяйственного комплекса, росту безработицы и замедлению социально-экономического развития.

Анализ показывает, что создание благоприятных институциональных условий и укрепление внутренних ресурсов – в частности, развитие агропромышленного и энергетического секторов, совершенствование транспортной инфраструктуры и стимулирование внутреннего производства – способствуют повышению устойчивости Таджикистана перед потенциальными экзогенными шоками. Превентивные меры и прикладные механизмы (например, стимулирование притока прямых иностранных инвестиций из альтернативных источников, продвижение международного экономического сотрудничества в рамках региональных объединений) позволяют диверсифицировать внешнеэкономические связи и снизить риски внешних ограничений.

Сформированные на основе эмпирических данных и сравнительных исследований рекомендации охватывают широкий спектр направлений, включая совершенствование налогово-бюджетной политики, поддержку предпринимательства и инноваций, а также активное участие в многосторонних интеграционных форматах, открывающих возможность

получать доступ к новым рынкам и инвестиционным ресурсам. В совокупности, в условиях глобальной турбулентности и повышенной санкционной активности в современном мировом хозяйстве, даже относительно малые и уязвимые экономики могут выстраивать эффективные сценарии адаптации и превенции, при условии последовательного укрепления собственного промышленного, финансового и институционального потенциала.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В соответствии с проведенным исследованием и поставленными задачами, автором сформулированы ряд теоретических заключений, выводы и практические рекомендации.

Основные научные результаты диссертации

1. Международные экономические санкции в актуальном геополитическом контексте приобретают статус многоуровневого инструмента внешнеэкономического принуждения, выходящего за рамки классических либеральных и неоклассических моделей. Они трансформируют не только традиционные каналы свободной торговли, формируя искусственные барьеры и порождая «мертвый груз», но и меняют институциональные и поведенческие детерминанты, выступающие в качестве катализаторов технологического переустройства и дипломатических альянсов. Объединение аналитических парадигм — от теорий сравнительных преимуществ и общего равновесия до политико-экономических и поведенческих концепций — указывает на то, что санкции могут проявляться в виде гибридных конфликтов, где экономическое давление сопряжено с информационными и кибернетическими воздействиями, а консолидирующие факторы национальной идентичности нередко нивелируют ожидания быстрого политического эффекта. В результате складывается сложная сеть взаимодействий, охватывающая ГЦДС, наднациональные институты и параллельные рынки, искажающая формальные механизмы международной торговли через нелегальные и полуполигальные каналы импорта и экспорта. Данные процессы требуют интегрированного многоуровневого подхода, сочетающего экономико-математические методы с институциональным, политологическим и поведенческим аппаратами исследования, что обеспечивает выявление реальных механизмов санкционного воздействия и совершенствование стратегий реагирования государств и ТНК в условиях цифровизации и глобальной диверсификации мирохозяйственных связей [2-А, 3-А, 5-А, 8-А, 9-А, 10-А, 15-А, 16-А, 28-А, 29-А].

2. Сформированная на основе комплексного анализа доктринальных определений, правовых норм и практики введения экономических санкций системная классификация демонстрирует, что любая санкционная политика должна рассматриваться как многоуровневое явление, структурируемое по целям, механизмам и правовой архитектуре. Данная классификация учитывает как традиционные торговые запреты и финансово-кредитные ограничения, так и технологические, адресные и экстерриториальные формы, интегрируя при этом критерии целеполагания, глубину коалиционной поддержки и степень прозрачности мер. Подобная многоаспектная типология, учитывая юридический статус санкций, тип их адресата и степень взаимодействия с глобальными сетями производства и распределения, предоставляет аналитические инструменты для выявления причинно-следственных связей между природой санкционного воздействия и его последствиями для мирохозяйственных связей, а также формирует базис для прогнозирования динамики санкционных кампаний и оценки их эффективности в условиях растущей геополитической конкуренции и технологической взаимозависимости [2-А, 19-А].

3. Анализ эволюции международных экономических санкций, начиная от простейших форм блокад и эмбарго в античные и средневековые времена и заканчивая современными многоуровневыми режимами внешнеэкономического принуждения, наглядно показывает, что данные инструменты, формально оставаясь ненасильственными, непрерывно усложнялись под влиянием развивающихся международно-правовых институтов, технологических новшеств и нарастающей глобальной взаимозависимости. В результате они превратились в динамичную и комплексную систему мер, включающую таргетированные финансовые и инвестиционные ограничения, технологические запреты и экстерриториальные («вторичные») санкции, способные влиять на ГЦДС и порождать ответные контрмеры, тем самым выходя за рамки классического сдерживания военных конфликтов и охватывая более широкий спектр целей –

от геополитического соперничества и продвижения прав человека до конкурентного ограничения доступа к критически важным ресурсам и рынкам. При этом возрастающая вовлечённость наднациональных структур формирует дополнительные каналы легитимации и координации санкционных режимов, однако усиливает риск экстерриториального воздействия и эскалации глобальной фрагментации [2-А, 18-А].

4. Комплексный анализ торгового, финансового, инвестиционного и технологического каналов воздействия международных экономических санкций, дополненный моделированием в рамках классических и эндогенных макроэкономических теорий, демонстрирует, что международные экономические санкции функционируют как многоаспектный экзогенный шок, одновременно затрагивающий ключевые факторы функционирования национальных экономик: от сокращения внешней торговли и девальвационного давления в условиях растущей рискованной премии до ограничения доступа к критически важным технологиям и ПИИ, что неизбежно приводит к эрозии совокупного спроса, сдвигам отраслевой структуры в пользу менее капиталоемких сегментов, замедлению научно-технического прогресса и, как следствие, формированию долгосрочного вектора отставания на фоне усиления внешнеэкономических уязвимостей [2-А, 17-А, 20-А].

5. Системное рассмотрение международных экономических санкций в контексте полицентричной мировой экономики указывает на то, что ускоренный рост новых экономических центров и их технологического потенциала формируют сложную геоэкономическую конфигурацию, в которой санкционные меры не только ограничивают доступ конкурентов к критическим ресурсам и финансовым каналам, но и выполняют роль триггера для переориентации торговых потоков, образования альтернативных финансово-инфраструктурных институтов и создания зон экономической кооперации, независимых от традиционных глобальных лидеров. Данные процессы, обостряя соперничество между США, Китаем, ЕС и другими

центрами, одновременно фрагментируют мирохозяйственную систему, укрепляя многоуровневую архитектуру параллельных платёжных механизмов, инвестиционных банков и регулирующих норм, и тем самым стимулируют перестройку ГЦДС в пользу региональных блоков и союзов, что в долгосрочной перспективе может изменить баланс экономической силы и перераспределить ключевые технологические и ресурсные преимущества в международных отношениях [2-А, 30-А].

6. Системный экономико-математический и статистический анализ воздействия международных экономических санкций на примере влияния на российскую экономику, базирующийся на структурных методах (в частности, на SVAR-моделях), подтверждает гипотезу о том, что санкции выступают экзогенным шоком, многократно усиливающим макроэкономическую волатильность и вызывающим цепную реакцию в таких показателях, как реальный ВВП, инфляция, валютный курс, объём экспорта, инвестиционные потоки и денежно-кредитная политика. Выявленные импульсные функции реакции и декомпозиция дисперсии указывают на существенный краткосрочный спад деловой активности и отток капитала при одновременном росте ценового давления и девальвационных тенденциях, причём долгосрочные последствия включают негативную структурную перестройку и торможение потенциальных темпов роста, тогда как сценарные оценки показывают, что частичное или полное снятие санкций способно стимулировать восстановление инвестиционно-технологического комплекса и вернуть экономику на более высокую траекторию развития, что подчёркивает значимость интегрированного SVAR-подхода в оценке и прогнозировании санкционного воздействия [2-А, 17-А, 20-А].

7. Комплексное сопоставление адаптационных стратегий подсанкционных государств подтверждает гипотезу о том, что успешность или, напротив, провальность мер противодействия санкционному давлению прямо коррелирует с совокупностью фундаментальных факторов, включающих достаточную ресурсную базу (прежде всего сырьевую и

финансовую), гибкость экономических институтов, способность к оперативной диверсификации экспортно-импортных направлений, а также наличие достаточного дипломатического ресурса для создания либо укрепления альтернативных рынков сбыта и привлечения незападных источников инвестиций. Сравнительный анализ указывает, что в отсутствии одной из этих составляющих даже краткосрочные выгоды, обусловленные частичными мерами импортозамещения или использованием серых схем обхода санкций, быстро исчерпываются, порождая долгосрочные структурные диспропорции, технологическое отставание и социальное обострение, тогда как согласованная институциональная политика в совокупности с поддержкой крупных внешних партнёров способна снизить уязвимость национальной экономики перед внешними ограничениями, но не гарантирует в долгосрочной перспективе технологического и инвестиционного лидерства без проведения системных реформ и развития полноценного инновационного кластера [2-А, 6-А, 11-А, 12-А, 13-А, 25-А].

8. Сопоставительный анализ условий и механизмов построения внешнеэкономической устойчивости государств в потенциально санкционном поле показывает, что наиболее действенным форматом противостояния ограничительным мерам оказывается не просто набор локальных инструментов, а скоординированная программа, опирающаяся на институциональную гибкость, многоуровневую дипломатию, финансово-технологическую автономию и качественный человеческий капитал. Практика подтверждает, что формирование такой архитектуры экономической безопасности предполагает институциональное переосмысление в части оперативного правового регулирования, создание межведомственных структур мониторинга и реагирования, углублённое развитие инновационного и инфраструктурного потенциала, а также дипломатическую проактивность в оформлении альтернативных торговых и инвестиционных каналов, причём данные меры не только снижают уязвимость к возможным санкциям, но и способствуют долгосрочному укреплению конкурентоспособности и

технологического суверенитета на мировых рынках [1-А, 2-А, 6-А, 11-А, 12-А, 14-А, 23-А, 24-А, 25-А, 26-А].

9. Исследование структуры экономики Таджикистана и её внешнеэкономических связей в контексте возможного воздействия экзогенных шоков показывает, что высокая импортозависимость по энергоресурсам, продовольствию и технологически сложным товарам, зависимость экспорта от узкого круга сырьевых позиций и внешних каналов сбыта, а также существенная роль денежных переводов в формировании доходов домохозяйств создают системный риск санкционной уязвимости. Концентрация инвестиций из ограниченного числа стран и низкие объёмы национальных резервов усиливают мультипликативный эффект потенциальных внешних шоков, который может проявиться через удорожание критического импорта, сбои в логистических цепочках, ограничение доступа к финансовым рынкам и резкий спад доходов населения. Подобная асимметрия во внешнеторговых потоках и инвестиционных соглашениях предопределяет необходимость целенаправленных усилий по диверсификации экспортно-импортных позиций, укреплению технологической независимости и формированию более гибкой финансовой и продовольственной системы, способной противостоять возможным санкционным ограничениям в полицентричной мировой экономике [1-А, 7-А, 23-А, 24-А, 25-А, 27-А].

10. Устойчивость национального хозяйственного комплекса каждой страны критически зависит от способности государства к стратегической адаптации. Характерной чертой текущей модели национальной экономики Таджикистана в области внешнеэкономических связей является слабо диверсифицированная структура экспорта (с преобладанием сырьевых товаров), слабая степень технологической автономии, а также ограниченный доступ к международным финансовым инструментам, что существенно снижает уровень внешнеэкономической безопасности страны. В то же время, слабая формализованность институтов внешнеэкономической защиты и

механизмов антикризисного управления, а также инерционность институциональных реформ, затрудняют формирование устойчивого механизма экономического реагирования на экзогенные шоки, в том числе в виде потенциальных санкционных шоков. В условиях санкционной эскалации в современной системе мирохозяйственных связей и, в частности, в отношении торгового партнера нашей страны – России, наблюдается транслируемый эффект вторичных ограничений, который уже проявляется в снижении объёмов денежных переводов, усложнении логистических схем и ограничении доступа к ключевым каналам международной ликвидности, что обостряет фискальные и валютные риски. Следовательно, для устойчивого функционирования отечественной экономики необходим переход от реактивной антикризисной модели к стратегической архитектуре превентивной безопасности, ориентированной на гибкость, предсказуемость и многоуровневую координацию как внутри государства, так и с международными субъектами экономической кооперации [1-А, 7-А, 25-А].

Рекомендации по использованию результатов исследования

1. Ретроспективный анализ формирования и развития системы международных экономических санкций и её трансформации в современном полицентричном мирохозяйственном пространстве показывает необходимость теоретического моделирования ответных действий и минимизации гуманитарных последствий, разработку стратегий технологической и финансовой диверсификации, ориентированных на снижение уязвимости перед экстерриториальными ограничениями и формирование альтернативных платёжных систем, проведение комплексного анализа санкционных кампаний с учётом правовых, кибербезопасных и социальных параметров, что даёт возможность более адекватно прогнозировать и управлять его долгосрочным влиянием на мировые экономические и политические процессы [1-А, 14-А, 23-А].

2. В современных условиях целесообразно формировать систему комплексного взаимодействия государственных институтов, международных организаций и деловых кругов, в рамках которой во-первых, необходимо разрабатывать гибридные прогнозные модели, сочетающие CGE-моделирование, сетевой анализ и политико-экономическую экспертизу для сценарирования санкционных шоков; во-вторых, усиливать институциональную базу системы комплексного взаимодействия с опорой на заключение многосторонних соглашений и выработку превентивных мер, позволяющих снизить уязвимость перед блокировкой технологических и финансовых потоков; в-третьих, активизировать исследования в области поведенческого анализа реакции деловых кругов и населения в условиях формирования и развития системы международных экономических санкций, что позволяет своевременно корректировать экономическую и информационную политику государств с целью минимизации иррациональных ожиданий; в-четвёртых, расширять междисциплинарный подход для изучения гибридных конфликтов, который предполагает учёт всех форм взаимодействия, включая экономические, дипломатические, информационные и кибернетические механизмы принуждения; и, наконец, в-пятых, расширять практику адаптации корпоративных стратегий ТНК в условиях экстерриториальных санкций, путём диверсификации логистических и финансовых цепочек, инвестиций в локальные НИОКР и резервных схем параллельных поставок, рассчитанных на долгосрочную устойчивость бизнеса [2-А, 7-А, 10-А].

3. Предложенная в диссертационном исследовании схема классификация экономических санкций в системе мирохозяйственных связей позволяет интегрировать в национальные и корпоративные адаптационные стратегии механизмы дифференцированного выявления уровней коалиционной поддержки санкций, точечный учёт правовой легитимации мер, систематизацию форм ограничений и фиксацию степени транспарентности, что, в совокупности, облегчает мониторинг глобальных рисков и позволяет

своевременно корректировать экономические стратегии, оптимизируя внешнеторговые и финансовые каналы, формируя согласованные механизмы предиктивного моделирования санкционных шоков, а также развивая нормативно-правовую базу для управления экстерриториальными угрозами и технологическими запретами, что в итоге повышает устойчивость национальных экономик и ТНК к принудительным мерам в условиях глобальной геополитической конкуренции [2-А, 9-А, 19-А].

4. Разработка детализированных сценариев воздействия экзогенных шоков в условиях формирования и развития системы международных экономических санкций позволяет проводить идентификацию наиболее уязвимых звеньев национальных экономик, расчёт эффектов краткосрочной адаптации и долгосрочных структурных последствий, что способствует своевременному принятию превентивных мер и позволяет минимизировать негативные последствия, избегая долгосрочного системного отставания и нарушения внешнеэкономической безопасности [11-А, 17-А, 20-А].

5. Формирование адаптационных стратегий в контексте реализации внешнеэкономической и технологической политики государств в современной системе мирохозяйственных связей требует учёта растущей роли региональных блоков и новых финансово-институциональных механизмов, обеспечивающих альтернативные каналы доступа к капиталу и критическим технологиям, что предполагает активное участие в региональных союзах и многосторонних форматах для диверсификации логистических и финансовых потоков, наращивание внутренней научно-технологической базы с целью ослабления зависимости от внешних санкционно-уязвимых поставщиков, а также долгосрочную работу по созданию собственных расчётных систем и институтов совместного финансирования, способных смягчать внешнее давление и одновременно укреплять позиции стран в возникающих полицентричных цепочках поставок и распределения ресурсов [2-А, 14-А, 30-А].

6. Разработка продвинутых структурных векторных моделей и их периодическое обновление данными обеспечивает своевременное выявление критических точек внешнеэкономической уязвимости и масштабов санкционного давления, что даёт возможность государствам, подверженным такому давлению или находящимся в зоне его потенциального воздействия, проводить гибкую макроэкономическую политику, включающую равномерную диверсификацию экспортных рынков, стимулирование долгосрочных инвестиций (в том числе за счёт создания благоприятного регуляторного климата и адресных мер поддержки отраслей с высоким уровнем технологической зависимости), укрепление национального валютного рынка путём повышения привлекательности локальных финансовых инструментов, а также формирование комплексных программ импортозамещения в сочетании с усилением межотраслевой и международной кооперации, позволяющих смягчать последствия краткосрочных шоков и снижать структурные риски для долгосрочного экономического роста [2-А, 21-А].

7. Расширение исследований в области функционирования международных экономических санкций в современной системе мирохозяйственных связей, позволяет выявить в рамках национальной экономики «узкие места» структурного характера (технологических, финансовых, институциональных) в целях своевременной переориентации государственных ресурсов и управленческих компетенций на формирование диверсифицированных каналов экспорта и импорта, стимулирование локализации критически важных производств, а также учреждение параллельных финансовых инфраструктур. При этом необходимо уделять особое внимание разработке механизмов поддержания инновационной среды (фокус на импортозамещении передовых технологий и научно-технических разработках), укреплению дипломатических и инвестиционных соглашений с альтернативными экономическими центрами, институциональному упрощению процедур в сфере торговой политики и созданию благоприятной

среды для привлечения долгосрочных капиталовложений, способных в совокупности нейтрализовать часть рисков, связанных с влиянием ограничительных режимов, и обеспечить повышенную устойчивость национальной экономики [12-А, 17-А].

8. Расширение правового инструментария быстрого реагирования, институциональное укрепление межведомственных координационных советов, стимулирование многосторонних интеграционных проектов и технологических альянсов, формирование параллельных платёжных систем и систематическая поддержка национального научно-образовательного кластера обеспечивают целостную основу для превентивных мер против внешних ограничений. При этом интеграция бизнеса в процесс антикризисного планирования, массовое вовлечение предпринимателей в государственные форумы и целевые программы экспортного продвижения, а также их участие в совместных инфраструктурных инициативах создают дополнительный резерв прочности и усиливают международные связи, позволяя сформировать эффективную адаптационную модель, способную не только минимизировать негативные эффекты потенциальных санкций, но и придать импульс инновационно-технологическому развитию страны [7-А, 15-А].

9. Повышение устойчивости экономики Таджикистана в условиях влияния экзогенных шоков и потенциально возможного косвенного санкционного давления предполагает диверсификацию поставщиков и рынков, укрепление технологической базы и развитие импортозамещающих отраслей, а также финансовую и продовольственную безопасность при одновременном привлечении новых источников инвестиций, создании профильных экономических зон, институциональном и кадровом укреплении, что в совокупности повышает конкурентоспособность хозяйственного комплекса и смягчает риски внешнеэкономических ограничений [1-А, 23-А, 25-А].

10. Результаты диссертационного исследования показывают, что в целях реализации эффективной национальной превентивной политики в условиях воздействия экзогенных шоков и потенциально возможного косвенного санкционного давления, рекомендуется, во-первых, инициировать институционализацию межведомственного координационного органа по внешнеэкономической устойчивости, наделённого мандатом по мониторингу санкционных рисков, проведению сценарного анализа и выработке инструментов экономической ответной реакции. Во-вторых, необходима активизация политики технологического нейтрализма через разработку и внедрение программы импортонезависимого производства в критически значимых отраслях — энергетике, АПК, алюминиевой и текстильной промышленности — с опорой на многостороннее партнёрство с государствами, не вовлечёнными в санкционные коалиции. В-третьих, требуется проведение нормативной и инфраструктурной трансформации платёжной системы: внедрение расчётов в альтернативных валютах, сопряжение с региональными системами расчётов, развитие института экспортно-импортного банка и создание устойчивых каналов трансграничных переводов. В-четвёртых, с целью снижения социальной уязвимости следует обеспечить резервное финансирование программ занятости и локализации рабочих мест для потенциально возвращающихся мигрантов. В-пятых, ключевым направлением является углубление участия Таджикистана в альтернативных региональных форматах экономической интеграции (включая БРИКС+, ОИС, ШОС), в рамках которых возможно получение доступа к технологиям, инвестициям и рынкам сбыта в обход западноцентричных ограничительных режимов. В совокупности, реализация вышеперечисленных шагов позволяет сформировать функционально устойчивый контур внешнеэкономической безопасности и обеспечить адаптационный потенциал национальной экономики в условиях пролонгированного санкционного давления и геоэкономической фрагментации [2-А, 4-А, 5-А, 14-А, 30-А].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативно-правовые акты

1. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) от 30 октября 1947 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901981>
2. Государственная программа «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» [Текст]: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 17. — Ст. 2065.
3. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_program_ru.pdf
4. Правительство Республики Таджикистан. Постановление от 31 августа 2023 г. № 417 «О Государственной программе научно-инновационного развития в Республике Таджикистан на 2023–2027 годы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=146083
5. Программа безопасности продовольственной продукции Республики Таджикистан на 2019–2023 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=132566
6. Программа развития агропродовольственной системы и устойчивого сельского хозяйства на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=144623
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 года № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» [Текст] // Официальные документы ООН. — 2001. — № 56/83. — С. 1–5.
8. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1267 (1999) от 15 октября 1999 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://unscr.com/en/resolutions/1267>

9. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1343 (2001) от 7 марта 2001 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/434578>
10. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1591 (2005) от 29 марта 2005 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1591\(2005\)](https://undocs.org/S/RES/1591(2005))
11. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1695 (2006) от 15 июля 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1695\(2006\)](https://undocs.org/S/RES/1695(2006))
12. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1696 (2006) от 31 июля 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1696\(2006\)](https://undocs.org/S/RES/1696(2006))
13. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1718 (2006) от 14 октября 2006 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1718\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1718(2006)).
14. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1737 (2006) от 23 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1737\(2006\)](https://undocs.org/S/RES/1737(2006))
15. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1747 (2007) от 24 марта 2007 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1747\(2007\)](https://undocs.org/S/RES/1747(2007))
16. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1803 (2008) от 3 марта 2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1803\(2008\)](https://undocs.org/S/RES/1803(2008))
17. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1874 (2009) от 12 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1874\(2009\)](https://undocs.org/S/RES/1874(2009))
18. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1929 (2010) от 9 июня 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/1929\(2010\)](https://undocs.org/S/RES/1929(2010))

19. Совет Безопасности ООН. Резолюция 1970 (2011) от 26 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/1970-\(2011\)](https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/1970-(2011))
20. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2087 (2013) от 22 января 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2087\(2013\)](https://undocs.org/S/RES/2087(2013))
21. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2094 (2013) от 7 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2094\(2013\)](https://undocs.org/S/RES/2094(2013))
22. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2231 (2015) от 20 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2231\(2015\)](https://undocs.org/S/RES/2231(2015))
23. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2270 (2016) от 2 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2270\(2016\)](https://undocs.org/S/RES/2270(2016))
24. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2321 (2016) от 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2321\(2016\)](https://undocs.org/S/RES/2321(2016))
25. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2371 (2017) от 5 августа 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2371\(2017\)](https://undocs.org/S/RES/2371(2017))
26. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2375 (2017) от 11 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2375\(2017\)](https://undocs.org/S/RES/2375(2017))
27. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2397 (2017) от 22 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/2397\(2017\)](https://undocs.org/S/RES/2397(2017))
28. Совет Безопасности ООН. Резолюция 2428 (2018) от 13 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/1634093>

29. Совет Безопасности ООН. Резолюция 418 (1977) от 4 ноября 1977 г. [Электронный ресурс]. Организация Объединённых Наций — Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/66633?ln=en>
30. Совет Безопасности ООН. Резолюция 661 (1990) от 6 августа 1990 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/661\(1990\)](https://undocs.org/S/RES/661(1990))
31. Совет Безопасности ООН. Резолюция 748 (1992) от 31 марта 1992 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/196976>
32. Совет Безопасности ООН. Резолюция 757 (1992) от 30 мая 1992 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://unscr.com/en/resolutions/757>
33. Совет Безопасности ООН. Резолюция 82 (1950) от 25 июня 1950 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/82\(1950\)](https://undocs.org/S/RES/82(1950))
34. Совет Безопасности ООН. Резолюция 825 (1993) от 11 мая 1993 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://undocs.org/S/RES/825\(1993\)](https://undocs.org/S/RES/825(1993))
35. Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 (ред. от 15.11.2021, с изм. от 18.09.2024) «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 32. – ст. 4470.
36. Указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2015 г. № 320 «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 26. — ст. 3920.
37. Устав Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

2. Монографии, книги и учебники

38. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства [Текст] / Л. Вальрас; пер. с фр. И.А. Егоров, А.В. Белянин. – М.: Изограф, 2000. – 421 с.
39. Дорнбуш, Р., Фишер, С. Макроэкономика [Текст] / Р. Дорнбуш, С. Фишер; пер. с англ. – М.: Издательство Московского университета; ИНФРА-М, 1997. – 783 с.
40. Залесский, Б.Л. Надежда на позитив будущего: динамика партнерских связей в условиях экономического реализма [Текст] / Б.Л. Залесский. – Кишинёв: LAMBERT Academic Publishing, 2023. – 185 с.
41. История средних веков [Текст]: учебник для студентов исторических факультетов педагогических институтов / М.Л. Абрамсон, А.А. Кириллова, Н.Ф. Колесницкий [и др.]; под ред. Н.Ф. Колесниченко. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1986. – 575 с.
42. Карлова, Н., Пузанова, Е. Российская обрабатывающая промышленность в условиях санкций: результаты опроса предприятий [Текст] / Н. Карлова, Е. Пузанова. – Банк России, 2023. – 19 с.
43. Кейнс, Д. М. Общая теория занятости, процента и денег / Д. М. Кейнс; пер. с англ. — М.: ЗАО «Бизнеском», 2013. — 408 с.
44. Кожанов, Н.А. Противодействие внешнеэкономическому давлению: опыт иранских санкций [Текст] / Н.А. Кожанов. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. – 28 с.
45. Коллектив авторов. Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации: коллективная монография [Текст] / под ред. Д.А. Дегтерева, Ли Янь; пер. с кит. Чэн Го, Тянь Е, Ван Шо [и др.]. – Москва: РУДН, 2023. – 263 с.
46. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма [Текст] / В.И. Ленин. – Москва: Эксмо-Пресс, 2022. – 192 с.
47. Ли, Куан Ю. Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965–2000) [Текст] / Куан Ю Ли. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 576 с.

48. Люттвак, Э.Н. Стратегия: Логика войны и мира [Текст] / Э.Н. Люттвак; пер. с англ. А.Н. Коваля, Н.Н. Платошкина. — 4-е изд. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. — 392 с.
49. Мельник, А.Н., Садриев, А.Р., Лукишина, Л.В., Маъруфи, М. Санкционное давление: направления трансформации процессов управления инновационным развитием российской экономики [Текст] / А.Н. Мельник, А.Р. Садриев, Л.В. Лукишина, М. Маъруфи. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. — 240 с.
50. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; под ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
51. Огородников, Ф.Е. Военные средства Англии в Революционные и Наполеоновские войны [Текст] / Ф.Е. Огородников. — London: Book on Demand Ltd., 2019. — 470 с.
52. Олин, Б. Межрегиональная и международная торговля [Текст] / Б. Олин // Вехи экономической мысли. Т. 6: Международная экономика / под ред. А. П. Киреева. — М.: ТЕИС, 2006. — С. 174–187.
53. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты [Текст] / [сост. И.Н. Тимофеев, В.А. Морозов, Ю.С. Тимофеева]; Российский совет по международным делам (РСМД). — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: НП РСМД, 2020. — 452 с.
54. Полянская, И.В., Лаврикова, Н.И. Экономические санкции: история и современность: учебное пособие [Текст] / И.В. Полянская, Н.И. Лаврикова. — Орел: Академия ФСО России, 2020. — 168 с.
55. Портер, М.Е. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран [Текст] / М.Е. Портер. — М.: Альпина Паблишер, 2016. — 947 с.
56. Рахимзода, Ш., Саидмуродзода, Л.Х., Муминова, Ф.М. Модели долгосрочного прогнозирования отраслей национальной экономики [Текст] /

Ш. Рахимзода, Л.Х. Саидмуродзода, Ф.М. Муминова. – Душанбе: Институт экономики и демографии, 2024. – 168 с.

57. Республика Таджикистан на пути к открытой экономике: очерки эконометрического анализа [Текст] / под ред. Л. Х. Саидмуродова. – Душанбе: Дониш, 2018. – 184 с.

58. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения [Текст] / Д. Рикардо; пер. с англ. Н. Зибера. – М.: АСТ, 2023. – 576 с.

59. Саидмуродов, Л.Х. Республика Таджикистан в системе современных мирохозяйственных связей: модель малой открытой экономики [Текст] / Л.Х. Саидмуродов. – Душанбе: Дониш, 2022. – 414 с.

60. Самуэльсон, П.А., Нордхаус, У.Д. Экономика [Текст] / П.А. Самуэльсон, У.Д. Нордхаус; пер. с англ. – 19-е изд. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2009. – 1328 с.

61. Смородинская, Н.В., Катуков, Д.Д., Малыгин, В.Е. Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России: научный доклад [Текст] / Н.В. Смородинская, Д.Д. Катуков, В.Е. Малыгин. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 54 с.

62. Тимофеев, И.Н. Европа под огнём вторичных санкций США: специальный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» для Петербургского международного экономического форума [Текст] / И.Н. Тимофеев. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. – 20 с.

63. Толстухина, А. Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем [Текст] / А. Толстухина. — М.: Российский совет по международным делам, 2023. — 56 с.

64. Хакимова, М.Ф., Саидмуродов, Л.Х. Моделирование устойчивого развития национальной экономики Республики Таджикистан: нелинейная динамика [Текст] / М.Ф. Хакимова, Л.Х. Саидмуродов. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2022. – 320 с.

3. Статьи в изданиях

65. Агарвал, Д.К. Экстерриториальные санкции как вызов в отношениях между США и ЕС [Текст] / Д.К. Агарвал // Информация и инновации. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 36–44.

66. Акшенцева, К.И. Трудности в международных расчетах [Текст] / К.И. Акшенцева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 7 (113). – С. 10–13.

67. Аламшоева, М.М. Анализ реальной ситуации и прогнозирование отрасли энергетики [Текст] / М.М. Аламшоева // Финансово-экономический вестник. – 2023. – № 2 (36). – С. 119–129.

68. Ализода, Т.С. Муаммоҳои самаранокии истифодабурии захираҳои оби замин дар шароити диверсификатсияи иқтисодиёт [Матн] / Т.С. Ализода // Паёми молия ва иқтисод. – 2022. – № 1 (30). – С. 311–319.

69. Амирова, Э.Ф. Влияние экономических санкций на экономику Российской Федерации, контр-санкции, политика импортозамещения [Текст] / Э.Ф. Амирова // Проблемы аграрной экономики в условиях импортозамещения: материалы международной научно-практической конференции. — Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2017. — С. 228–233.

70. Атурин, В.В. Антироссийские экономические санкции и проблемы импортозамещения в условиях современной международной конкуренции [Текст] / В.В. Атурин // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 2. – С. 1-9.

71. Ашуров, И.С., Каримиён, И. Вазъи соҳаи пахтакорӣ ва масъалаҳои ҳалталаби он [Матн] / И.С. Ашуров, И. Каримиён // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз. – 2023. – № 1 (81). – С. 235–246.

72. Бежанов, А.А. Санкции: с античных времен до XX века [Текст] / А.А. Бежанов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 8-1(95). – С. 136–140.

73. Березина, М.П. Проблемы формирования и развития национальной платёжной системы России [Текст] / М.П. Березина // Деньги и кредит. – 2015. – № 11. – С. 19–25.

74. Бескаравайных, М.В. Материально-техническое обеспечение народного хозяйства России за счёт средств Фонда национального благосостояния в условиях западных санкций [Текст] / М.В. Бескаравайных // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – 2014. – № 11. – С. 56–59.

75. Бирюков, Е.С. Специальные экономические зоны в мировой экономике (на примере арабских стран) [Текст] / Е.С. Бирюков // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2016. – № 2. – С. 222–230.

76. Бобоев, А.А., Махкамов, П.Х. Масъалаҳои муҳоҷирати меҳнатӣ ва афзалиятнокии он дар шароити муносири Тоҷикистон [Матн] / А.А. Бобоев, П.Х. Махкамов // Паёми молия ва иқтисод. – 2020. – № 1 (21). – С. 86–95.

77. Братерский, М.В. Новая многополярность: торговля и финансы в XXI веке [Текст] / М.В. Братерский // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – № 1. – С. 81–95.

78. Буклемишев, О.В. Финансовые санкции и будущее глобализации [Текст] / О.В. Буклемишев // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – Т. 3, № 55. – С. 207–212.

79. Булычев, Г.Б., Коргун, И.А. Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР [Текст] / Г.Б. Булычев, И.А. Коргун // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 5-2. – С. 64–75.

80. Бутакова, Я.С. Анализ определения международных экономических санкций в современной науке [Текст] / Я.С. Бутакова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 4 (18). – С. 35–42

81. Бушенева, Ю.И. Торговое эмбарго как инструмент государственного внешнеэкономического и внешнеполитического регулирования [Текст] / Ю.И. Бушенева // Вестник Ленинградского

государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 17–28. — С. 18.

82. Виноградова Е.В., Намчук А.В. Санкции как инструмент международного давления в постбиполярном мире [Текст] / Е.В. Виноградова, А.В. Намчук // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 2 (57). – С. 96–100.— С. 98.

83. Вожаева, Н.Г., Акифьева, Л.В. Современные тенденции развития и управления сельским хозяйством в условиях санкций [Текст] / Н.Г. Вожаева, Л.В. Акифьева // Вестник НГИЭИ. – 2018. – № 7 (86). – С. 107–116.

84. Воронин, Д.В. Региональные центры инновационного развития в современной России [Текст] / Д.В. Воронин // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка: сборник докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК–2017) — Том 3. — Санкт-Петербург: Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, 2018. — С. 388–396.

85. Вэньхун, С. Дедолларизация как направление финансовой политики России в современных условиях [Текст] / С. Вэньхун // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 1. – С. 16–31.

86. Гадоев, А.Д. Влияние денежных переводов трудовых мигрантов на развитие национальной экономики Республики Таджикистан [Текст] / А.Д. Гадоев // Таджикистан и современный мир. – 2020. – № 4 (72). – С. 222–234.

87. Галамбор, М.А. Сценарии форсайта для иранской нефтехимической промышленности [Текст] / М.А. Галамбор // Форсайт и научно-технологическое развитие. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 69–83.

88. Гамза, Л.А. Технологическое противостояние США и Китая в АТР [Текст] / Л.А. Гамза // Россия и АТР. – 2020. – № 3 (109). – С. 110–133.

89. Ганощенко, А. «Мягкая сила»: добровольное взаимодействие и доступ к ресурсам [Текст] / А. Ганощенко // Международная жизнь. – 2017. – № 8. – С. 175–188.

90. Гараев, И.Т. Санкции — история и реальность [Текст] / И.Т. Гараев // Человек в XXI веке: Материалы IX Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов (г. Обнинск, 07 декабря 2014 г.). — Обнинск: ФГБУ «ВНИИГМИ МЦД», 2014. — С. 142–145. — С. 143.
91. Глотов, В.И., Немцов, Ю.И. Экономические санкции как элемент гибридной войны [Текст] / В.И. Глотов, Ю.И. Немцов // Финансовые исследования. — 2019. — № 1 (62). — С. 8–23.
92. Головин, В.Н., Комольцева, А.П., Баянова, Д.С. СПФС как отечественный аналог SWIFT – европейской системы передачи финансовых сообщений [Текст] / В.Н. Головин, А.П. Комольцева, Д.С. Баянова // Московский экономический журнал. — 2022. — № 1. — С. 590–597.
93. Гончаренко, М.А., Хомякова, Л.И. Формы валютных и платежно-расчётных отношений и перспективы их применения в рамках ЕАЭС [Текст] / М.А. Гончаренко, Л.И. Хомякова // Деньги и кредит. — 2015. — № 9. — С. 27–33.
94. Горбунова, О.А. Привлечение прямых иностранных инвестиций в российскую экономику в условиях действия санкций [Текст] / О.А. Горбунова // Российское предпринимательство. — 2018. — Т. 19, № 8. — С. 2185–2200.
95. Григорян, Г.Р. Результативность применения экономических санкций против режима апартеида в ЮАР [Текст] / Г.Р. Григорян // Ученые записки Института Африки РАН. — 2020. — № 1. — С. 48–58.
96. Гринберг, Р.С., Белозёров, С.А., Соколовская, Е. Оценка эффективности экономических санкций: возможности систематического анализа [Текст] / Р.С. Гринберг, С.А. Белозёров, Е. Соколовская // Экономика региона. — 2021. — Т. 17, № 2. — С. 354–374.
97. Гутман, С.С., Кадзаева, В.В. Теоретические подходы к изучению экономических санкций [Текст] / С.С. Гутман, В.В. Кадзаева // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2019. — № 4. — С. 31–35.
98. Давлатова, Р.Қ. Таъмини рақобатпазирии маҳсулоти корхонаҳои саноати сабук дар Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Р.Қ. Давлатова // Паёми молия ва иқтисод. — 2021. — № 3 (27). — С. 160–166.

99. Давлетбаева, Ж.Ж., Жаров, Е.К., Рысбекова, Ж.К. Противодействие коррупции как фактор социально-экономической безопасности страны [Текст] / Ж.Ж. Давлетбаева, Е.К. Жаров, Ж.К. Рысбекова // Государственное управление и государственная служба. – 2017. – № 3 (62). – С. 22–27.
100. Давыдова, Е.Ю., Суязова, Г.А. Государственные закупки и формирование инновационной экономики [Текст] / Е.Ю. Давыдова, Г.А. Суязова // Территория науки. – 2015. – № 4. – С. 169–172.
101. Данилин, И.В. От технологических санкций к технологическим войнам: влияние американо-китайского конфликта на санкционную политику и рынки высоких технологий [Текст] / И.В. Данилин // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – Т. 3, № 55. – С. 212–217.
102. Дегтерев, Д.А., Рамич, М.С., Пискунов, Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» [Текст] / Д.А. Дегтерев, М.С. Рамич, Д.А. Пискунов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 7–33.
103. Дин, К., Инъин, Л. Китайская экономическая дипломатия в условиях санкций [Текст] / К. Дин, Л. Инъин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-1 (96). – С. 57–61.
104. Довгялло, Я.П. К вопросу об уровне развития производственного потенциала промышленности Республики Таджикистан [Текст] / Я.П. Довгялло // Экономика Таджикистана. – 2021. – № 4-2. – С. 91–97.
105. Долгов, С.И., Савинов, Ю.А., Кириллов, В.Н., Тарановская, Е.В. Возможности противодействия санкциям в международной торговле [Текст] / С.И. Долгов, Ю.А. Савинов, В.Н. Кириллов, Е.В. Тарановская // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 4. – С. 36–54.
106. Дораев, М.Г. Экстерриториальность экономических санкций: противодействие юридическому империализму на национальном уровне [Текст] / М.Г. Дораев // Законодательство. – 2015. – № 7. – С. 63–74.

107. Дробот, Е.В., Сапунцов А.Л. Африканская континентальная зона свободной торговли в зеркале международной экономической интеграции: Quo Vadis? [Текст] / Е.В. Дробот, А.Л. Сапунцов // Экономические отношения. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 355–376.

108. Дроздов, И.А., Попов, Д.Д., Рахман Хашими, М.М., Федоров, А.В., Шарагина, А.Д. Казахстан в новой экономической реальности: перспективы многовекторной политики республики после начала специальной военной операции России на Украине [Текст] / И.А. Дроздов, Д.Д. Попов, М.М. Рахман Хашими, А.В. Федоров, А.Д. Шарагина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 11 (125). – С. 74.

109. Егорченков, Д.А., Данюк, Н.С. Санкции как инструмент принуждения суверенных государств: идеологический аспект [Текст] / Д.А. Егорченков, Н.С. Данюк // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – № 6 (36). – С. 49–57.

110. Екимова, Н.А. Международные санкции в отношении России: неявные выгоды [Текст] / Н.А. Екимова // Мир новой экономики. – 2018. – № 4. – С. 82–92.

111. Елизарьев, В. Н. Экономические санкции против России: от прошлого к настоящему [Текст] / В. Н. Елизарьев // Проблемы развития современной науки: фундаментальные и прикладные исследования (технические, экономические, социальные, философские, исторические, педагогические, правовые тенденции). – 2017. – С. 37–43.

112. Еремина, А.Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности [Текст] / А.Е. Еремина // Постсоветский материк. – 2019. – № 4 (24). – С. 78–93.

113. Жуланова, А.В., Фазлиев, И.Н., Олесиюк, О.С. Отечественный авиапром: вчера, сегодня, завтра [Текст] / А.В. Жуланова, И.Н. Фазлиев, О.С. Олесиюк // Российская наука, инновации, образование (РОСНИО-III-2024): сборник научных трудов по материалам III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием (30–31 мая 2024 г.). –

Красноярск: Красноярский краевой Дом науки и техники, 2024. – Вып. 12. – С. 190–199.

114. Засимов, Д.И. Санкции как элемент конкуренции. Как ограничения помогают в развитии и становлении суверенной экономики России [Текст] / Д.И. Засимов // Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая студенческая конференция: сборник трудов конференции. Т. 3. — Москва, 2023. — С. 96–99.

115. Захарова, Л.В. Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе [Текст] / Л.В. Захарова // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2024. – № 3. – С. 80–91.

116. Зворыкина, Ю.В., Адрианов, А.К. Международная стандартизация и конкурентоспособность экспорта российского нефтегазового оборудования в условиях западных санкций [Текст] / Ю.В. Зворыкина, А.К. Адрианов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 7. – С. 27–42.

117. Зернова, Л.Е., Фарзаниан, М. Анализ опыта импортозамещения в Иране [Текст] / Л.Е. Зернова, М. Фарзаниан // Инновационная наука. – 2016. – № 3-1 (15). – С. 106–109.

118. Зиновьев, В.А. Стратегические подходы к продажам в условиях экономических санкций [Текст] / В.А. Зиновьев // Journal of Monetary Economics and Management. – 2025. – № 9. – С. 278–282.

119. Зияева, М.Д. Диверсификация источников инвестиционного обеспечения предпринимательских структур в промышленности [Текст] / М.Д. Зияева // Таджикистан и современный мир. – 2024. – № 1 (85). – С. 213–227.

120. Зуев, В.Н., Островская, Е.Я., Левченко, В.А. Роль Турции и Китая в системе внешнеэкономических приоритетов России в условиях санкций [Текст] / В.Н. Зуев, Е.Я. Островская, В.А. Левченко // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 149–175.

121. Ибодуллаев, С. Что ждет ВТО на фоне новой администрации Белого дома после переизбрания Трампа: от неолиберализма обратно к меркантилизму [Текст] / С. Ибодуллаев // Journal of Intellectual Property and Human Rights. – 2024. – Т. 3, № 12. – С. 96–100.

122. Иброҳимов, И.Р., Ғоибназаров, Ғ.У. Диверсификация савдои беруна ҳамчун унсури муҳими паст кардани хавфҳо [Матн] / И.Р. Иброҳимов, Ғ.У. Ғоибназаров // Паёми молия ва иқтисод. – 2020. – № 1 (21). – С. 33–39.

123. Иваев, М.И., Филиппова, Д.Н., Карягина, М.В. Влияние санкций на российский бизнес и экономику страны [Текст] / М.И. Иваев, Д.Н. Филиппова, М.В. Карягина // Индустриальная экономика. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 726–729.

124. Имомов, А. Территориальные и земельно-водные конфликты в Центральной Азии: взгляд из Таджикистана [Текст] / А. Имомов // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 124–139.

125. Кабилов, Д.Б., Аброри, Ш.С. Исторический опыт и перспективы снижения угроз экономической безопасности Таджикистана [Текст] / Д.Б. Кабилов, Ш.С. Аброри // Финансово-экономический вестник. – 2019. – № 2 (18). – С. 64–71.

126. Кадырбек, Ж.М., Оракбаева, У.М. Миграция из России на фоне мобилизации и ее влияние на социально-экономическую ситуацию в странах Центральной Азии [Текст] / Ж.М. Кадырбек, У.М. Оракбаева // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. – 2024. – № 1 (146). – С. 129–140.

127. Капустин, А.Я. Санкции ООН: международно-правовая концептуализация принудительных мер [Текст] / А.Я. Капустин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6 (73). – С. 85–90.

128. Качелин, А.С. Региональные особенности мирового газового рынка в период геополитической нестабильности [Текст] / А.С. Качелин // Экономический журнал. – 2022. – № 1 (65). – С. 55–66.
129. Кёхлер, Х. Санкции и международное право [Текст] / Х. Кёхлер // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 27–47.
130. Кирова, И.В., Попова, Т.Л. Экономические санкции: история и современность [Текст] / И.В. Кирова, Т.Л. Попова // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. – 2015. – № 3 (5). – С. 6–11.
131. Кирьянов, О.В. У КНДР осталась одна опора — Китай: результат роста китайской экономики или следствие «коварных замыслов» Пекина? [Текст] / О.В. Кирьянов // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 6. – С. 24–30.
132. Клавдиенко, В. Государственная поддержка исследований и инноваций в предпринимательском секторе: зарубежный опыт [Текст] / В. Клавдиенко // Общество и экономика. – 2022. – Т. 9. – С. 38–48.
133. Клеев, И.В. Роль горнодобывающей отрасли в экономическом развитии страны [Текст] / И.В. Клеев // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции (Москва, 07 декабря 2023 года). — Санкт-Петербург: Печатный цех, 2023. — С. 177–183.
134. Кленова, Т.В., Батманова, В.В. Оценка и совершенствование мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства региона в условиях санкционного давления [Текст] / Т.В. Кленова, В.В. Батманова // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – С. 175–183.
135. Клименко, А.С., Шведова, М.В. Альтернативные средства расчета: вчера, сегодня, завтра [Текст] / А.С. Клименко, М.В. Шведова // Системное управление. – 2012. – № 1. – С. 59–74.

136. Клишин, В.В., Павлов, В.В. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций [Текст] / В.В. Клишин, В.В. Павлов // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 6 (707). – С. 49–54.
137. Кодирзода, Ф.А. Роль иностранных инвестиций в обеспечении экономического роста Республики Таджикистан [Текст] / Ф.А. Кодирзода // Финансово-экономический вестник. – 2021. – № 1 (25). – С. 62–68.
138. Козин, М.Н., Сафиханов, М.А. Проблемы функционирования Росрезерва в условиях санкций [Текст] / М.Н. Козин, М.А. Сафиханов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – № 6. – С. 8–14.
139. Коломийцев, С.Ю. Технологический суверенитет как стимул развития отечественной науки [Текст] / С.Ю. Коломийцев // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 69–75.
140. Комшукова, О.В. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия [Текст] / О.В. Комшукова // Экономические и социальные проблемы России. — 2016. — № 2. — С. 24–41.
141. Конева, А.А. Методы и инструменты стимулирования инновационной деятельности малых предприятий в РФ [Текст] / А.А. Конева // Стратегии бизнеса. – 2022. – Т. 10, № 8. – С. 207–215.
142. Косимов, Т.А. Анализ и оценка состояния производства овощей и картофеля в сельском хозяйстве Республики Таджикистан [Текст] / Т.А. Косимов // Финансово-экономический вестник. – 2020. – № 2 (22). – С. 125–132.
143. Кравченко, А. А. Итальянская агрессия против Абиссинии и план Хора-Лавалья [Текст] / А. А. Кравченко // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2010. – № 5. – С. 156–161.
144. Кремер, П. Санкции в мировом политическом процессе: на примере истории взаимоотношений Кубы и США [Текст] / П. Кремер // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 118–124.

145. Крысенко, Д.С. «Польский вопрос» в американско-советских отношениях (1981–1988 гг.) [Текст] / Д.С. Крысенко // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21, № 5. – С. 50–54.

146. Кузнецова, Т.Е., Рудь, В.А. Конкуренция, инновации и стратегии развития российских предприятий (результаты эмпирических исследований) [Текст] / Т.Е. Кузнецова, В.А. Рудь // Вопросы экономики. – 2013. – № 12. – С. 86–108.

147. Куксевич, В.С. Экономические санкции и специфика их позиционирования в современных международных отношениях [Текст] / В.С. Куксевич // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 283–287.

148. Кулагин, В.А., Грушевенко, Д.А., Козина, Е.О. Эффективное импортозамещение [Текст] / В.А. Кулагин, Д.А. Грушевенко, Е.О. Козина // Энергетическая политика. – 2015. – № 1. – С. 49–57.

149. Курдюков, Г.И., Кешнер, М.В. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы [Текст] // Журнал российского права. – 2014. – № 9 (213). – С. 103–115.

150. Курылев, К.П., Никулин, М.А., Гончарова, А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран [Текст] / К.П. Курылев, М.А. Никулин, А.А. Гончарова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 2. – С. 46–55.

151. Қосимов, Т.А. Дурнамой рушди истеҳсоли сабзавоткорӣ дар шаклҳои гуногуни хоҷагидорӣ соҳаи кишоварзӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Т.А. Қосимов // Паёми молия ва иқтисод. – 2024. – № 4 (43). – С. 292–299.

152. Лаптева, Е.В. Средневековые антироссийские санкции: к истории вопроса [Текст] / Е.В. Лаптева // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6. – С. 22–27.

153. Леонтьева, Ж.Г., Клычова, Г.С., Гурьевская, А.А., Кудряшова, Т.А. Криптовалюта как эффективный инструмент нейтрализации последствий введенных санкций против России [Текст] / Ж.Г. Леонтьева, Г.С. Клычова, А.А. Гурьевская, Т.А. Кудряшова // Профессия бухгалтера — важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством: сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова (г. Казань, 2022 г.). — Казань, 2022. — С. 434–441.

154. Лисенюк, А.А., Фадеева, И.С. Значение структуры и динамики золотовалютных резервов России в обеспечении экономической безопасности страны [Текст] / А.А. Лисенюк, И.С. Фадеева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2019. – Т. 2. – С. 734–736.

155. Ляпкина, А.В. Баланс российской макроэкономики в условиях санкций [Текст] / А.В. Ляпкина // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2015. – № 36. – С. 7–11.

156. Маглинова, Т.Г. Сущность экономических санкций: цели и задачи [Текст] / Т.Г. Маглинова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 10-2. – С. 56-58.

157. Мадаминов, А. Перспективы развития и размещения предприятий мясомолочной отрасли в регионах Республики Таджикистан [Текст] / А. Мадаминов // Экономика Таджикистана. – 2021. – № 4-2. – С. 217–224.

158. Маджидзода, С.К. Государственная поддержка импортозамещения в сельском хозяйстве [Текст] / С.К. Маджидзода // Таджикистан и современный мир. – 2024. – № 1 (85). – С. 135–144.

159. Мажейко, Е.И. Успехи внедрения концепции «Единое окно» в Сингапуре [Текст] / Е.И. Мажейко // Проблемы теории и практики современной науки. – 2016. – С. 75–78.

160. Матюхин, А.А. Логистика параллельного импорта в условиях экономических санкций [Текст] / А.А. Матюхин // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 172–185.

161. Махшулов, С.Қ., Қурбонов, В.Н. Таҳлили вазъи сиёсати пулию карзӣ ва таваррум дар Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / С.Қ. Махшулов, В.Н. Қурбонов // Паёми молия ва иқтисод. – 2023. – № 4-1 (38). – С. 177–184.

162. Мельникова, Н.О. Санкции и антисанкции в реальном секторе экономики России [Текст] / Н.О. Мельникова // Синергия Наук. – 2018. – № 26. – С. 39–45.

163. Михеева, Н.М. Участие Ирана в развитии международно-транспортных коридоров в Евразии [Текст] / Н.М. Михеева // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 87–108.

164. Монокин, Е.Н. Влияние экономических санкций США и ЕС на арктические проекты Российской Федерации [Текст] / Е.Н. Монокин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 4. – С. 451–464.

165. Муртузалиева, С.Ю., Иванов, Д.А., Муртузалиев, С.С. Торговые соглашения и их роль в современной мировой экономике [Текст] / С.Ю. Муртузалиева, Д.А. Иванов, С.С. Муртузалиев // Международный научный журнал. – 2020. – № 2. – С. 92–100.

166. Мустакимов, А.В., Рогачев, С.В. Влияние международного санкционного давления на консолидацию российского общества (2014–2023 гг.) [Текст] / А.В. Мустакимов, С.В. Рогачев // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13, № 5. – С. 46–56.

167. Мустафин, Т.А., Слесарев, А.П. Социально-экономическое развитие ОАЭ [Текст] / Т.А. Мустафин, А.П. Слесарев // Международные экономические отношения в контексте современных вызовов и угроз. – 2017. – С. 328–346.

168. Намозализода, Ш.Н. Ҷанбаҳои назариявии ташаккули стратегияи рушди коркарди саноатии маҳсулоти кишоварзӣ [Матн] / Ш.Н. Намозализода // Паёми молия ва иқтисод. – 2021. – № 1 (25). – С. 143–150.

169. Нарбут, В.В., Шпаковская, Е.П. Векторы развития внешней торговли России в условиях санкций [Текст] / В.В. Нарбут, Е.П. Шпаковская

// Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 131–148.

170. Наринский, М.М. Берлинский кризис 1948–1949 гг. [Текст] / М.М. Наринский // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 1. – С. 162–172.

171. Нарышкин, А.А. Альтернативные экономические отношения в условиях санкций [Текст] / А.А. Нарышкин // Современная Европа. – 2023. – № 5 (119). – С. 96–104.

172. Науменко, А.И., Хамедова, О.А. Санкции и инвестиции для нефтегазовой отрасли [Текст] / А.И. Науменко, О.А. Хамедова // Сибирская финансовая школа. – 2015. – № 5. – С. 121–128.

173. Носирзода, А. Проблемы интеграции Республики Таджикистан в международное экономическое пространство [Текст] / А. Носирзода // Экономика Таджикистана. – 2024. – № 1. – С. 183–187.

174. Оголихина, С.Д. Перспективы развития национальной платёжной системы на базе карты «Мир» в России и за рубежом [Текст] / С.Д. Оголихина // Форум молодых учёных. – 2017. – № 5 (9). – С. 1565–1568.

175. Олимов, Д.А. Омилҳои рушди устувори истеҳсоли маҳсулоти ғушту шир дар Тоҷикистон [Матн] / Д.А. Олимов // Паёми молия ва иқтисод. – 2021. – № 1 (25). – С. 160–166.

176. Орешенков, А. Государственная политика поддержки НИОКР в частном секторе: опыт развитых стран [Текст] / А. Орешенков // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 6. – С. 38–42.

177. Орлов, К.А. Теоретические основы становления многополярного мира в процессе развития политики локализации экономики [Текст] / К.А. Орлов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10, № 8. – С. 508–516.

178. Осипов, В.С. Политическая экономия санкций: источники протекционизма [Текст] / В.С. Осипов // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 1 (39). – С. 373–384.

179. Осипов, В.С., Сатторов, Ш.А. Закон: «убывающей отдачи санкции», почему каждый новый пакет санкций может оказаться менее

эффективным? [Текст] / В.С. Осипов, Ш.А. Сатторов // Финансовый бизнес. – 2023. – № 5. – С. 157–160.

180. Осипова, Е.М., Горина, А.П. Диверсификация экономики: сущность и значение в современных условиях [Текст] / Е.М. Осипова, А.П. Горина // Контентус. – 2015. – № 4 (33). – С. 8–13.

181. Паксютов, Г.Д. Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? [Текст] / Г.Д. Паксютов // Японские исследования. – 2023. – № 4. – С. 6–17.

182. Панеш, К.М. Некоторые аспекты принятия решений органами власти современной России в условиях политических рисков [Текст] / К.М. Панеш // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2024. – Т. 15, № 4 (45). – С. 42–46.

183. Покровская, Н.В. Проблема экономических санкций против РФ и реализация принципов права ВТО [Текст] / Н.В. Покровская // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 2А. – С. 270–277.

184. Полютов, А.А., Пузанов, А.А. Экономические санкции как главный инструмент экономической дипломатии и зложелательные решения местной власти [Текст] / А.А. Полютов, А.А. Пузанов // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 5. – С. 178–189.

185. Попова, И.Н., Сергеева, Т.Л. Импортзамещение в современной России: проблемы и перспективы [Текст] / И.Н. Попова, Т.Л. Сергеева // Beneficium. – 2022. – № 2 (43). – С. 73–84.

186. Потемкин, А.С. Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений [Текст] / А.С. Потемкин // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 7. – С. 1947–1970.

187. Пятибратов, И.С. Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений [Текст] / И. С. Пятибратов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 61–65.

188. Рахимов, Ш.М. Экономическая оценка воздействия пандемии на экономику Таджикистана и пути её восстановления [Текст] / Ш.М. Рахимов // Экономика Таджикистана. – 2020. – № 3. – С. 11–18.

189. Рачков, И.В. Экономические санкции с точки зрения права ГАТТ/ВТО [Текст] / И.В. Рачков // Международное правосудие. – 2014. – № 3 (11). – С. 91–113.

190. Родионова, Е.С. Историко-правовой анализ экономических санкций [Текст] / Е.С. Родионова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 2(20). – С. 103–111.

191. Родионова, Е.С. Экономико-правовая природа санкций: степень их легальности и эффективности с точки зрения международного права [Текст] / Е.С. Родионова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 4 (18). – С. 24–34.

192. Русакович, М.В. Диверсификация производства как фактор усиления экономической безопасности государства [Текст] / М.В. Русакович // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 14. – С. 17–22.

193. Саблуков, А.В. Социальная напряжённость в российском социуме в условиях санкционного давления [Текст] / А.В. Саблуков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 4 (849). – С. 142–149.

194. Садридинов, С. Саҳми соҳаи кишоварзӣ дар таъмини бехатарии озуқавории мамлакат [Матн] / С. Садридинов // Иқтисодиёти Тоҷикистон. – 2023. – № 3. – С. 98–102.

195. Саидмуродзода, Л.Х., Ишматова, Д.А. Инвестиции в основной капитал как условие обеспечения диверсификации экспорта в Республике Таджикистан [Текст] / Л.Х. Саидмуродзода, Д.А. Ишматова // Экономика Таджикистана. – 2022. – № 4-1. – С. 9–18.

196. Самандаров, И.Х., Рустамджон, С.К., Мамадназарова, М.С. Экономическая целесообразность производства сахара в Республике

Таджикистан [Текст] / И.Х. Самандаров, С.К. Рустамджон, М.С. Мамадназарова // Таджикистан и современный мир. – 2022. – № 3 (79). – С. 128–137.

197. Санчуль, П. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? [Текст] / П. Санчуль // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 213–235.

198. Саргсян, А.М. Европейские санкции: от национальных до коллективных [Текст] / А.М. Саргсян // Современная Европа. – 2014. – № 3 (59). – С. 90–105.

199. Семенов, А.В. Технологический суверенитет российской промышленности, основанный на ГЧП: перспективы и риски [Текст] / А.В. Семенов // Вектор экономики. – 2024. – № 4. – С. 1-10.

200. Сидельникова, И.И. Санкции: теоретические и исторические аспекты [Текст] / И.И. Сидельникова // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 708–711.

201. Ситкевич, Д.А., Стародубровская, И.В. Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии [Текст] / Д.А. Ситкевич, И.В. Стародубровская // Вопросы теоретической экономики. — 2022. — № 3. — С. 77–98.

202. Скиба, А.Н. Ресурсообеспеченность и инновации: особенности сырьевых экономик и выбор стратегии регионального развития [Текст] / А.Н. Скиба // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 26. – С. 41–51.

203. Смородинская, Н.В., Катуков, Д.Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России [Текст] / Н.В. Смородинская, Д.Д. Катуков // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. – С. 26–42.

204. Смородинская, Н.В., Катуков, Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации [Текст] / Н.В. Смородинская, Д.Д. Катуков // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 6. – С. 52–67.

205. Содикзода, П. Анализ макроэкономических последствий международных экономических санкций для экономики Ирана [Текст] / П. Содикзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе, 2025. – №2. – С. 26-38.
206. Содикзода, П. Классификация экономических санкций в системе мирохозяйственных связей [Текст] / П. Содикзода // Финансово-экономический вестник. – 2024. – № 3 (42). – С. 105–113.
207. Солехзода, А.А. Оценка качественных характеристик малой открытой экономики Таджикистана [Текст] / А.А. Солехзода // Финансово-экономический вестник. – 2019. – № 3 (19). – С. 12–20.
208. Страхова, А.В., Зиниша, О.С. Выход российских банков из международной системы SWIFT: причины и последствия [Текст] / А.В. Страхова, О.С. Зиниша // Проблема модернизации российской экономической системы в санкционных условиях: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Стерлитамак, 19 декабря 2017 г.): в 3 ч. Ч. 3. – Стерлитамак: АМИ, 2017. – С. 80–83.
209. Стремоусова, Е.Г. Особенности проведения платежных операций внешнеторговых сделок в условиях санкций [Текст] / Е.Г. Стремоусова // Грани познания. – 2024. – № 4 (93). – С. 58–62.
210. Суварян, А.М., Манукян, А.Х., Симонян, А.С. Особенности формирования и развития малого и среднего предпринимательства в некоторых европейских странах [Текст] / А.М. Суварян, А.Х. Манукян, А.С. Симонян // Экономика знаний в России: от генерации знаний и инноваций к когнитивной индустриализации: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. — С. 261–267.
211. Танков, А.М., Карагулакова, И.Ю., Русяева, Д.С. Система передачи финансовых сообщений как российский аналог системы SWIFT: перспективы [Текст] / А.М. Танков, И.Ю. Карагулакова, Д.С. Русяева // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы

(современный мир в условиях глобальной турбулентности): материалы VI Международной научно-практической конференции, Новокузнецк, 8–9 декабря 2022 г. – Новокузнецк: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, филиал в г. Новокузнецке, 2022. – С. 156–159.

212. Тарануха, Ю.В. К вопросу о типологии санкций [Текст] / Ю.В. Тарануха // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2024. – № 68. – С. 118–131.

213. Тарануха, Ю.В. Природа и цели экономических санкций [Текст] / Ю.В. Тарануха // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 131–144.

214. Тарасов, А. Бюрократия как социальный паразит [Текст] / А. Тарасов // Свободная мысль. – 2007. – № 2. – С. 70–80.

215. Теркун, В.В. Проблемные вопросы сельского хозяйства в 2022 году [Текст] / В.В. Теркун // Прикладные экономические исследования. – 2022. – № 4. – С. 23–26.

216. Тимофеев, И.Н. Почему вторичные санкции эффективны? Опыт принудительных мер властей США против американского и зарубежного бизнеса [Текст] / И.Н. Тимофеев // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 21–35.

217. Тимофеев, И.Н. Экономические санкции как политическое понятие [Текст] / И.Н. Тимофеев // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 2 (59). – С. 26–42.

218. Третьякова, Е.С. Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права [Текст] / Е.С. Третьякова // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 1 (42). – С. 41–47.

219. Трошин, Н.Н. Континентальная блокада и Россия (к вопросу об экономических причинах Отечественной войны 1812 года) [Текст] / Н.Н. Трошин // Отечественная война 1812 года: источники, памятники, проблемы.

Материалы XVI междунар. конф. — Можайск: Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2011. — С. 278–297.

220. Умирзокова, Ш.Д.К., Назарова, Р.Р. Ключевые достижения и успехи развития промышленности Республики Узбекистан [Текст] / Ш.Д.К. Умирзокова, Р.Р. Назарова // Scientific Progress. – 2023. – Т. 4, № 5. – С. 9–14.

221. Усков, И.В. Зарубежный опыт обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных органов власти [Текст] / И.В. Усков // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2015. — № 1 (73). — С. 1-9.

222. Ушачёв, И.Г. Агропродовольственный сектор России в условиях санкций [Текст] / И.Г. Ушачёв // Сельскохозяйственные машины и технологии. – 2015. – № 3. – С. 3–8.

223. Ушкалова, Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления [Текст] / Д.И. Ушкалова // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 218–226.

224. Файзуллоев, М.К., Шамсуддинов, А.Х. Национальная промышленность в период формирования рыночной экономики [Текст] / М.К. Файзуллоев, А.Х. Шамсуддинов // Финансово-экономический вестник. – 2021. – № 1 (25). – С. 26–35.

225. Халимбекова, А.М., Шахбанова, А.М., Кремлева, В.В. Эффективное управление международными резервами как фактор экономической стабильности [Текст] / А.М. Халимбекова, А.М. Шахбанова, В.В. Кремлева // Современный взгляд на будущее науки. – 2017. – С. 101–104.

226. Хейфец, Б.А. Импортозамещение и конкурентоспособность [Текст] / Б.А. Хейфец // Россия и современный мир. – 2016. – № 2 (91). – С. 6–21.

227. Хмелева, Г.А. Вторичные санкции: назначение, последствия и вызовы [Текст] / Г.А. Хмелева // Экономические отношения. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 11–24.

228. Ходковская, Ю.В., Яковлева, Р.П. Газовый хаб как механизм преодоления трансграничных барьеров в условиях санкций [Текст] / Ю.В. Ходковская, Р.П. Яковлева // Дискуссия. – 2024. – № 4 (125). – С. 154–158.

229. Храмченко, А.А., Сухорукова, Н.А., Деркач, В.Н. Влияние финансовых санкций на привлечение прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию и развитие экономики страны [Текст] / А.А. Храмченко, Н.А. Сухорукова, В.Н. Деркач // Вестник Академии знаний. – 2021. – № 3 (44). – С. 297–302.

230. Хулхачиева, Г.Д. Анализ современных тенденций и направлений государственной поддержки сельского хозяйства России в условиях введенных двухсторонних санкций [Текст] / Г.Д. Хулхачиева // Вестник НГИЭИ. – 2017. – № 3 (70). – С. 134–142.

231. Хушвахтзода, Қ.Х., Қурбонов, А.К. Таҳлили саноати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар даври истиқлолияти давлатӣ [Матн] / Қ.Х. Хушвахтзода, А.К. Қурбонов // Тоҷикистон: иқтисод ва идора. – 2020. – № 1. – С. 6–10.

232. Цветкова, П.И., Дубова, Ю.И. Импортзамещение в пищевой промышленности России в условиях санкций [Текст] / П.И. Цветкова, Ю.И. Дубова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 3 (449). – С. 258–264.

233. Цзилу, В. Анализ текущего состояния и эффективности инвестиций китайских предприятий в энергетический сектор России [Текст] / В. Цзилу // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 1. – С. 133–155.

234. Чаусова, С. Основные тренды в функционировании рынка масличных культур и растительного масла [Текст] / С. Чаусова // Организационно-правовые аспекты инновационного развития АПК. – 2016. – № 13. – С. 263–267.

235. Шаповалов, В.Л. Деятельность Лиги Наций по поддержанию мира и безопасности в условиях предвоенного кризиса [Текст] / В.Л. Шаповалов //

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 23–32.

236. Шарипов, У.А. Основные направления обеспечения экономической безопасности и привлечения инвестиций в гидроэнергетику Республики Таджикистан [Текст] / У.А. Шарипов // Экономика Таджикистана. – 2023. – № 2. – С. 76–82.

237. Шаховская, Л. С., Гончарова, Е. В. Региональные кластеры в России как условие формирования умной экономики [Текст] / Л. С. Шаховская, Е. В. Гончарова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 9–2 (67). – С. 145–148.

238. Шепенко, Р.А., Рыжкова, И.В. Экономические санкции и право ВТО [Текст] / Р.А. Шепенко, И.В. Рыжкова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 123–132.

239. Шералиев, А.А., Махмадизод, Р.Б. Концептуальные основы разработки кластера в мясном подкомплексе на уровне регионов [Текст] / А.А. Шералиев, Р.Б. Махмадизод // Экономика Таджикистана. – 2021. – № 3. – С. 96–103.

240. Шишкин, А.В., Латышов, А.В. Внешняя торговля России в 2014 г.: взгляд из-под санкций [Текст] / А.В. Шишкин, А.В. Латышов // Международная торговля и торговая политика. – 2015. – № 2 (2). – С. 44–56.

241. Юревич, М.А. Научно-технологическое развитие в модели чучхейского социализма [Текст] / М.А. Юревич // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 6–15.

242. Яковлев, П.П. МЕРКОСУР: позади 30 лет. Что впереди? [Текст] / П.П. Яковлев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 11. – С. 30–48.

4. Диссертации и авторефераты

243. Ивочкина, А.С. Геополитические интересы России, Китая и Турции в Центральной Азии [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.4 / А.С.

Ивочкина. – Москва: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2024. – 226 с.

244. Редикульцев, Я.В. Категория санкций в международной правоприменительной практике и их влияние на институт защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [Текст]: дис. ... магистр права / Я.В. Редикульцев; науч. рук. А.С. Григорьев. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2019. – 75 с.

245. Чепаков, Д.А. Развитие национальной платежной системы: государственное регулирование и операционное функционирование [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Д.А. Чепаков. – Санкт-Петербург, 2019. – 23 с.

246. Шелепов, А.В. Формирование новых банков развития и рост влияния стран с формирующимися рынками в системе многосторонних финансовых институтов: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / А.В. Шелепов. – Москва, 2019. – 24 с.

5. Интернет – ресурсы

247. «Пятая колонна» в США: как бизнес лоббирует защиту от санкций против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/05/09/2014/570421be9a794760d3d413fb>

248. Shell объявляет о намерении выйти из российского нефтегазового сектора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.shell.com/news-and-insights/newsroom/news-and-media-releases/2022/shell-announces-intent-to-withdraw-from-russian-oil-and-gas.html>

249. Tajik Development Gateway. Алюминиевая промышленность Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tajik-gateway.org/wp/industry/alyuminievaya-promyshlennost/>

250. Tajik Development Gateway. Горнодобывающая промышленность Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tajik-gateway.org/wp/industry/gornodobyvayushhaya-promyshlennost/>

251. Tajik Development Gateway. Легкая промышленность Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tajik-gateway.org/wp/industry/lyogkaya-promyshlennost/>

252. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Электронные версии публикаций (архив) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.stat.tj/ru/elektronnye-versii-publikaczij-arhiv/>

253. Банк России. Банк России заключил соглашение о валютном свопе с Народным Банком Китая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=13102014_154408if2014-10-13T15_39_28.htm

254. Банк России. Динамика официального курса заданной валюты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/

255. Банк России. Ключевая ставка Банка России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/

256. Банк России. Прямые инвестиции — статистика внешнего сектора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/

257. В Госдуме призвали ввести визы для мигрантов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20241219/deputat-matveev-prizval-vvesti-vizi-dlya-migrantov-posle-ubiistva-generalala>

258. Венгрия сняла вето и согласилась продлить санкции ЕС в отношении РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.euronews.com/my-europe/2025/03/14/hungary-drops-veto-and-agrees-to-prolong-eu-sanctions-on-russian-individuals>

259. Венчурные инвестиции в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Венчурные_инвестиции_в_России

260. Веремеев И. США стали главным поставщиком СПГ в Европу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/tekuschiy_moment/ssha_stali_glavnym_postavshhikom_spg_v_jevropu_976.htm

261. Влияние международных санкций на логистику в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://karavancarco.ru/articles/vliyanie-mezhdunarodnyh-sankcij-na-logistiku-v-rossii/>

262. Всемирный банк. ВВП, ППС (в текущих международных долларах) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?end=1991&locations=1W-BR-EG-IN-ID-IR-CN-AE-RU-ET-ZA&start=1990>

263. Всемирный банк. Денежные переводы, полученные (в текущих долларах США) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?end=2024&locations=TJ&start=2000&view=chart&year=2023>

264. Всемирный банк. Доклад об экономике Таджикистана – лето 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/economic-update-summer-2023>

265. Всемирный банк. Открытые данные Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org>

266. Всемирный банк. Отчет о программе партнерства Группы Всемирного банка и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Tajikistan-Snapshot-ru.pdf>

267. Всемирный банк. Экономический и социальный мониторинг с использованием опроса «Слушая Таджикистан». Декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://thedocs.worldbank.org/en/doc/c1a4036dc45da8c71b5ac969d90b4a36-0080062024/original/tj-L2T-Economic-and-Social-Monitoring-Dec2023-ru.pdf>

268. Главы МИД ЕС утвердили санкции против Ирана за поставку России баллистических ракет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22115277>

269. Двусторонняя торговля между США и Китаем [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c842%7c%7c84%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

270. Действия США по сдерживанию китайской полупроводниковой промышленности: хронология с июля 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://chinahi.tech/perspectives/sderzhivanie_kitajskoj_poluprovodnikovoj_promyshlennosti_2022q3

271. Достигнуто соглашение по ядерной программе Ирана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2015/07/150714_iran_deal_reached

272. Европейская комиссия. Информационные бюллетени 2022 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ec.europa.eu/commission/presscorner/home/en>

273. ЕС ввёл санкции против министра обороны КНДР Кан Сун Нама [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20240223/kndr-1929177774.html>

274. ЕС на год продлил санкции против Ирана за поддержку России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21363517>

275. ЕС принял 15-й пакет санкций: в список включены суда, перевозившие северокорейские боеприпасы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-adopts-new-russia-sanctions-targeting-china-shadow-fleet-2024-12-16/>

276. Захарова предупредила об ответе на санкции США против российских СМИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rbc.ru/rbcfreenews/66e6a99d9a794757f79375e8>

277. Зверева С. Трамп ввёл санкции против аятоллы Али Хаменеи и главы МИД Ирана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2019/5d10f3339a79476be9210ffd>

278. Иногда они возвращаются. Почему нефтяные компании США нужны России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mashnews.ru/inogda-oni-vozvrashhayutsya.-pochemu-neftyanyie-kompanii-ssha-nuzhnyi-rossii.html>

279. Иранская валюта установила новый рекорд падения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/business/2012/10/121002_iran_currency_fall

280. Казахстан и Китай развивают транспортно-логистическую инфраструктуру [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vpoanalytics.com/geopolitika-i-bezopasnost/kazakhstan-i-kitay-razvivayut-transportno-logisticheskuyu-infrastrukturu/>

281. Калдаров С. Вторичные санкции на Казахстан — риски сохраняются [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://halykfinance.kz/download/files/analytics/AC_sanctions_KZ.pdf

282. Кураев А.В. Как СССР снабжал Японию нефтью в годы Отечественной войны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://diak-kuraev.livejournal.com/3079191.html>

283. Лебедева Б. «Вы проснулись, а Китай вас уже захватил»: россияне в панике от шагов Поднебесной [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://prufy.ru/news/society/165628-vy_prosnulis_a_kitay_vas_uzhe_zakhvatil_rossiyane_v_panike_ot_shagov_podnebesnoy/

284. Международная сеть по ликвидации загрязнителей (IPEN). Будущее без токсичных веществ: Воздействие высокоопасных пестицидов

(HNPs) и необходимость глобальных действий. 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ipen.org/sites/default/files/documents/fsci_hhp_report_2020.pdf

285. Милькина А. Как будет расти доля национальных валют в международных расчетах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/analytics/trends/articles/2024/10/09/1067438-kak-budet-rasti-dolya-natsionalnih-valyut>

286. Министерство финансов США. Пресс-релизы 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://home.treasury.gov/news/press-releases>

287. Мирзобекова Р. «Войди в историю на стороне добра». Как в России привлекают мигрантов на войну с Украиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221221/voidi-v-istoriyu-na-storone-dobra-kak-v-rossii-zavlekayut-migrantov-na-voinu-s-ukrainoi>

288. Мирзобекова Р. США включили Таджикистан в список потенциальных поставщиков «санкционки» в Россию. Чем нам это грозит? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20220803/ssha-vklyuchili-tadzhikistan-v-spisok-potentsialnih-postavtshikov-sanktsionki-v-rossiyu-chem-nam-eto-grozit>

289. Национальный Банк Таджикистана. Прямые иностранные инвестиции в Республику Таджикистан по отраслям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/sarmoyaguzorihoi-musta-imi-khori-ba-jt-az-r-sohaho.php>

290. Национальный банк Таджикистана. Прямые иностранные инвестиции в Республику Таджикистан по странам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-hoi-mustakimi-khoriji-ba-jt-az-r-kishvarho.php>

291. Нижняя палата конгресса США одобрила санкции против властей Венесуэлы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20140529/1009818619.html>

292. Новые санкции США замедлят, но не остановят импорт иранской нефти Китаем, говорят трейдеры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/energy/new-us-sanctions-slow-not-stop-chinas-iranian-oil-imports-traders-say-2025-03-21/>

293. Новые санкции США, вероятно, положат конец платежам ЕС за энергию через российские банки [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/energy/new-us-sanctions-probably-spell-end-eu-energy-payments-through-russias-2024-11-22/>

294. Объединенные Арабские Эмираты и еще 6 стран Персидского залива готовы принимать на работу граждан из Кыргызстана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mlsp.gov.kg/ru/2022/11/01/obedinennye-arabskie-emiraty-i-eshhe-6-stran-persidskogo-zaliva-gotovy-prinimat-na-rabotu-grazhdan-iz-kyrgyzstana/>

295. Поздравительное послание Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в честь праздника Навруз [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://prezident.tj/event_by_theme/internal_politics/navruz/25411

296. Портанский А. Новые санкции Запада и перспективы российской экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-sanktsii-zapada-i-perspektivy-rossiyskoj-ekonomiki/>

297. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/49237>

298. Послы ЕС согласовали 15-й пакет санкций против России [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<https://www.reuters.com/world/europe/eu-envoys-agree-15th-sanctions-package-against-russia-2024-12-11/>

299. Потемкина В. Дракон расправил крылья: как Китай преодолевает санкции, бросая вызов IT-гегемонии Запада? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/v-potemkina/drakon-raspravil-krylya-kak-kitay-preodolevaet-sanktsii-brosaya-vyzov-/>

300. Поток мигрантов из Таджикистана в Россию сократился на 15% [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://avesta.tj/2024/02/13/potok-migrantov-iz-tadzhikistana-v-rossiyu-sokratilsya-na-15/>

301. Регулятор повысил ключевую ставку до 20%: абсолютный рекорд в истории России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/28/02/2022/621c70319a7947458388e7e9>

302. Россия и Китай блокируют ужесточение санкций СБ ООН против КНДР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/north-korea-make-rare-statement-un-security-council-2023-07-13/>

303. Салихов М. Победа хаоса: как экономика Венесуэлы может обнулить успех Мадуро [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/22/05/2018/5b02e2299a79471eeffb9fe8>

304. Санкции Совета Безопасности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>

305. Саркисян Л. Шанс Еревана: почему коридор "Персидский залив – Черное море" необходим Армении [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://am.sputniknews.ru/20230426/shans-erevana-pochemu-koridor-persidskiy-zaliv--chernoe-more-neobkhodim-armenii-58529548.html>

306. Симачев Ю.В., Федюнина А.А. Как (не)работают санкции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://daily.hse.ru/post/kak-nerabotayut-sankcii>

307. Совет ЕС продлил санкции против Ирана до 27 июля 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6835391>

308. Страны G7 усиливают меры по предотвращению обхода санкций против России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ft.com/content/8735a325-2071-410a-9372-3362008965da>

309. США ввели вторичные санкции против транспортной компании из Узбекистана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.spot.uz/ru/2022/06/29/sanctioned/>

310. США ввели новые санкции против иранских нефтяных танкеров и китайского нефтеперерабатывающего завода [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/us-issues-fresh-iran-related-sanctions-treasury-dept-says-2025-03-20/>

311. США ввели новые санкции. Теперь против китайских производителей чипов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://incrussia.ru/news/novye-sanktsii-ssha-natseleny-na-kitajskih-proizvoditelej-poluprovodnikov/>

312. США ввели санкции против российских компаний за трансфер боеприпасов из КНДР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/us-targets-illegal-arms-transfers-between-russia-north-korea-treasury-says-2024-05-16/>

313. США вводят новые санкции против российского энергетического сектора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ft.com/content/7c0981bb-9b7a-4737-8f3f-65325a1d768a>

314. США вышли из ядерной сделки с Ираном: реакция ЕС и Москвы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5905401>

315. США запретят поставку полупроводниковой продукции 140 компаниям КНР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/22549243>

316. США и Великобритания ввели киберсанкции против нескольких россиян [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/484766-ssa-i-velikobritania-vveli-kibersankcii-protiv-neskol-kih-rossian>

317. США ослабят санкции из-за ядерной программы Ирана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/05/02/2022/61fda6439a7947a358ab2587>

318. США собираются ввести новые санкции против финансового сектора Ирана [Электронный ресурс]. // РИА Новости. — Режим доступа: <https://ria.ru/20201008/sanktsii-1578754979.html>

319. США, Южная Корея и Япония ввели санкции против КНДР за ракетные испытания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2022/12/2/us-s-korea-japan-slap-sanctions-on-n-korea-over-missile-tests>

320. Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан. Статистика внешней торговли РТ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tamognia.tj/index.php/2020-10-12-17-53-49/2018-06-14-07-44-16/2018-06-14-07-45-21>

321. Трамп подписал указ, блокирующий собственность властей Венесуэлы в США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6736189>

322. Три года с начала российского полномасштабного вторжения и агрессивной войны против Украины: ЕС продолжает поддерживать Украину и усиливает санкции против России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/eeas81_ru?s=177

323. Укрепление армянского драма — аналитика ЕАБР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://alphanews.am/ru/ukreplenie-armyanskogo-drama-analiti/>

324. Федеральная служба государственной статистики. Внешняя торговля России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya

325. Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета России: статистический сборник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>

326. Федеральная служба государственной статистики. Потребительские цены. Индексы потребительских цен [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price/>

327. ФТС временно приостановит публикацию статистики по импорту и экспорту [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/21/04/2022/6261ab2b9a7947b9f8975965>

328. ЦБ завершил переход к плавающему курсу рубля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/1562762>

329. Центральный банк Российской Федерации. Результаты наблюдения в национальной платёжной системе за 2023 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/161522/nps_observation_2023.pdf

330. Центробанк подтвердил свою позицию по ограничениям на движение капитала [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/928303>

331. Цены на нефть растут вторую неделю подряд на фоне санкций против Ирана и планируемых сокращений ОПЕК+ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/energy/oil-set-weekly-gain-iran-sanctions-opec-plan-rein-overproduction-2025-03-21/>

332. Шерышева Е. Евразийскому пространству 10 лет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://securityexp.ru/evraziyskomu-prostranstvu-10-let>

333. Эксперты МАГАТЭ выяснили, что Иран смог обогатить уран до 84 % [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17089811>

334. Эксперты назвали используемые Ираном методы обхода западных санкций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/09/09/2024/66ddd3ba9a79471cf95c9b29>

6. Иностранные источники

6.1. Нормативно-правовые акты

335. Congress of the United States. Global Magnitsky Human Rights Accountability Act. — Pub. L. 114-328, 23 Dec. 2016 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/284/text>

336. Council of the European Union. Common Position 2007/248/CFSP of 23 April 2007 [Electronic resource]. — Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32007E0248>

337. Council of the European Union. Council Decision (CFSP) 2017/2074 of 13 Nov 2017 [Electronic resource]. — Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017D2074>

338. Council of the European Union. Council Decision (CFSP) 2020/1388 of 2 October 2020 [Electronic resource]. — Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32020D1388>

339. Council of the European Union. Council Decision 2011/273/CFSP of 9 May 2011 [Electronic resource]. — Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2011/273/oj>

340. Council of the European Union. Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 [Electronic resource]. — Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014D0145>

341. Council of the European Union. Implementing Regulation (EU) 2021/478 of 22 March 2021 [Electronic resource]. — Access mode: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_impl/2021/478/oj
342. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom [Electronic resource]. — Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj/eng>
343. Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022 concerning restrictive measures in view of Russia's actions [Text]. – Official Journal of the European Union. – 2022. – L 50.
344. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine [Text]. – Official Journal of the European Union. – 2014. – L 229. – P. 1–11.
345. European Union. Council Decision 2012/35/CFSP concerning restrictive measures against Iran [Text] / European Union // Official Journal of the European Union. – 2012.
346. European Union. Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine [Text] // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 229/13.
347. European Union. Council Implementing Regulation (EU) 2020/1480 of 14 October 2020 implementing Regulation (EU) No 2018/1542 concerning restrictive measures against the proliferation and use of chemical weapons [Text] // Official Journal of the European Union. – 2020. – L 341/1.
348. Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.congress.gov/bill/112th-congress/house-bill/6156/text>

349. The White House. Fact Sheet: Venezuela Executive Order (E.O. 13692), 09 Mar 2015 [Electronic resource]. — Access mode: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/03/09/fact-sheet-venezuela-executive-order>
350. Trade Expansion Act of 1962 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-76/pdf/STATUTE-76-Pg872.pdf>
351. United States Congress. Iran Sanctions Act of 1996 [Electronic resource]. — Access mode: <https://ofac.treasury.gov/media/5751/download>
352. United States. Belarus Democracy Act of 2004: Public Law 108-347 [Text]. — Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2004. — 6 p.
353. United States. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act: Public Law 115-44 [Text]. — Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2017. — 98 p.
354. United States. Executive Order 13288 of 6 Mar. 2003 [Electronic resource]. — Access mode: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20030310>
355. United States. Executive Order 13808 of 24 Aug. 2017 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2017/08/29/2017-18468>
356. United States. Executive Order 13884 of 5 Aug. 2019 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/08/07/2019-17052>
357. United States. Executive Order 14014 of 10 Feb. 2021 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/02/12/2021-03139>

6.2. Монографии, книги и учебники

358. Ameli, V. Unilateral sanctions as sustainable development decelerators [Text] / V. Ameli // The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions. — Routledge, 2023. — Pp. 134–148.

359. Baldwin, D.A. Economic Statecraft [Text] / D.A. Baldwin. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. – 409 p.
360. Baldwin, R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization [Text] / R. Baldwin. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. – 344 p.
361. Barfield, T.J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC – AD 1757 [Text] / T.J. Barfield. — Oxford: Blackwell, 1989. — 325 p.
362. Bhagwati, J.N., Panagariya, A., Srinivasan, T.N. Lectures on International Trade. 2nd ed. [Text] / J.N. Bhagwati, A. Panagariya, T.N. Srinivasan. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1998. – 614 p.
363. Biersteker, T.J., Eckert, S.E. (Eds.) Countering the Financing of Terrorism [Text] / T.J. Biersteker, S.E. Eckert. – London: Routledge, 2008. – 344 p.
364. Bryce, T. The Kingdom of the Hittites [Text] / T. Bryce. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. – 464 p.
365. Brzoska, M., Lopez, G.A. Security Council Dynamics and Sanctions Design [Text] / M. Brzoska, G.A. Lopez // Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action. – 2016. – Pp. 60–78.
366. Cawkwell, G. The Greek Wars: The Failure of Persia [Text] / G. Cawkwell. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – 316 p.
367. Chan, S., Drury, A. C. Sanctions as Economic Statecraft: An Overview [Text] / S. Chan, A. C. Drury // Sanctions as Economic Statecraft: Theory and Practice / ed. by S. Chan, A. C. Drury. — London: Palgrave Macmillan, 2000. — Pp. 1–16.
368. Collier, P. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It [Text] / P. Collier. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 205 p.
369. Cortright, D., Lopez, G.A. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s [Text] / D. Cortright, G.A. Lopez. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2000. – 274 p.

370. de la Fuente, Á., Ciccone, A. Human Capital in a Global and Knowledge-Based Economy: Final Report [Text] / Á. de la Fuente, A. Ciccone. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2003. – VI, 114 p.
371. Dollinger, P. The German Hansa [Text] / P. Dollinger. – London: Macmillan, 1970. – 474 p.
372. Douhan, A. The Changing Nature of Sanctions in the Digital Age [Text] / A. Douhan // Digital Transformations in Public International Law. – Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2022. – Pp. 99–132.
373. Drezner, D.W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations [Text] / D.W. Drezner. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 364 p.
374. Drezner, D.W. The System Worked: How the World Stopped Another Great Depression [Text] / D.W. Drezner. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 262 p.
375. Early, B.R. Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail [Text] / B.R. Early. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2015. – 320 p.
376. Eberstadt, N. The North Korean Economy: Between Crisis and Catastrophe [Text] / N. Eberstadt. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2011. – 346 p.
377. Eckert, S.E. The evolution and effectiveness of UN targeted sanctions [Text] / S.E. Eckert // Research Handbook on UN Sanctions and International Law. – Edward Elgar Publishing, 2017. – Pp. 52–70.
378. Finley, M. I. The Ancient Economy [Text] / Moses I. Finley. – Berkeley (CA): University of California Press, 1973. – 222 p.
379. Heckscher, E.F. The Continental System: An Economic Interpretation [Text] / E.F. Heckscher. — London: P. S. King, 1922. — 470 p.

380. Hoffman, F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars [Text] / F.G. Hoffman. – Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.
381. Hufbauer, G.C., Schott, J.J., Elliott, K.A., Oegg, B. Economic Sanctions Reconsidered. 3rd ed. [Text] / G.C. Hufbauer, J.J. Schott, K.A. Elliott, B. Oegg. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2009. – 248 p.
382. Jackson, I. The Economic Cold War: America, Britain and East-West Trade 1948–63 [Text] / I. Jackson. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2001. – 239 p.
383. Jaskólska, A., Tourangbam, M. G20 and BRICS: Towards a Joint Pursuit of Effective Multilateralism for the Global South [Text] / A. Jaskólska, M. Tourangbam // Issue Brief, Institute for Security and Development Policy. – Stockholm: ISDP, 2024. – 8 p.
384. Katzman, K. Iran Sanctions [Text] / K. Katzman. — Congressional Research Service Report. — 2021. — 89 p.
385. Krehbiel, E. B. The Interdict: Its History and Its Operation: With Especial Attention to the Time of Pope Innocent III, 1198–1216 [Text] / E.B. Krehbiel. — Washington, D.C.: American Historical Association, 1909. — 184 p.
386. Krugman, P.R. International Economics: Theory and Policy. 11th ed. [Text] / P.R. Krugman. – Essex: Pearson, 2018. – 807 p.
387. Mark, J., Roberts, D. T. United States-China semiconductor standoff: A supply chain under stress [Text] / J. Mark, D.T. Roberts // Atlantic Council. – 2023. – 16 p.
388. Martin, L.L. Coercive Cooperation: Explaining Multilateral Economic Sanctions [Text] / L.L. Martin. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. – 324 p.
389. Mermertaş, H. The Extraterritorial and Secondary Sanctions of the United States Against Iran, Their Effects and Iran's Reactions [Text] / H.

- Mermertaş. – M.A. thesis. – Middle East Technical University, 2024. – 189 p.
390. Mishra, V., Fanase, P. India, the United States, and the Global AI Order [Text] / V. Mishra, P. Fanase // ORF Online. – 2025. – Pp. 10–16.
391. Mulder, N. The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War [Text] / N. Mulder. — New Haven: Yale University Press, 2022. — 448 p.
392. Nicol, D.M. Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations [Text] / D.M. Nicol. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. — 478 p.
393. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance [Text] / D.C. North. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
394. Peterson, J.L. Suspect Saints and Holy Heretics: Disputed Sanctity and Communal Identity in Late Medieval Italy [Text] / J.L. Peterson. — Ithaca: Cornell University Press, 2019. — 253 p.
395. Quimba, F.M.A., Barral, M.A.A. ASEAN Centrality Amid Increasing Global Multipolarity [Text] / F.M.A. Quimba, M.A.A. Barral. – Econstor, 2024. – 39 p.
396. Schlesinger, A.M. The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763–1776 [Text] / A.M. Schlesinger. — New York: Columbia Univ. Press, 1918. — 437 p.
397. Sharma, S., Tyagi, A., Kumar, U. Pivot to India: The Future Global Superpower and Its Implications for International Relations [Text] / S. Sharma, A. Tyagi, U. Kumar // Viksit Bharat: Issues, Challenges & Opportunities / ed. by S. Sharma, A. Tyagi, U. Kumar. — Nehrulane, Padampur, Odisha (India): Lyceum Publications, 2024. — Pp. 53–64.
398. Siddiqui, K. The BRICS Expansion and the End of Western Economic and Geopolitical Dominance [Text] / K. Siddiqui // World Financial Review. – 2024. – Pp. 3–14.

399. Stetz, A. The Humanitarian Crisis in Venezuela [Text] / A. Stetz // Harvard Model Congress Europe. – 2022. – 16 p.
400. Sutherland, M. Las sanciones económicas contra Venezuela: consecuencias, crisis humanitaria, alternativas y acuerdo humanitario [Text] / M. Sutherland. – Caracas: PROVEA, 2020. – 77 p.
401. Teegen, H., Forrer, J., Askari, H., Yang, J. Economic and Strategic Impacts of US Economic Sanctions on Cuba [Text] / H. Teegen, J. Forrer, H. Askari, J. Yang // Case Studies of U.S. Economic Sanctions: The Chinese, Cuban, and Iranian Experience / ed. by H. Askari, J. Forrer, H. Teegen, J. Yang. – Westport, CT: Praeger Publishers, 2003. – Pp. 89–120.
402. Thucydides. History of the Peloponnesian War [Text] / Thucydides. – London: Dent, 1910. – 640 p.
403. Tinbergen, J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy [Text] / J. Tinbergen. – New York: Twentieth Century Fund, 1962. – 330 p.
404. UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021: Catching Technological Waves – Innovation with Equity [Text] / United Nations Conference on Trade and Development. – Geneva: United Nations, 2021. – 170 p.
405. UNHCR. Global Trends: Forced Displacement in 2022 [Text]. – Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), 2023. – 86 p.
406. Urio, P. China: From Poverty to World Power. 2nd ed., revised [Text] / P. Urio. – Singapore: Springer Singapore, 2024. – 452 p.
407. Wallerstein, I. World-Systems Analysis: An Introduction [Text] / I. Wallerstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 248 p.
408. White, O., Buehler, K., Smit, S., Greenberg, E. War in Ukraine: Twelve Disruptions Changing the World [Text] / O. White, K. Buehler, S. Smit, E. Greenberg // University of Cape Town. – 2022. – 16 p.

409. Wooldridge, J.M. Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data. 2nd ed. [Text] / J.M. Wooldridge. – Cambridge, MA: MIT Press, 2010. – 1096 p.
410. World Bank. Higher Education for Development: An Evaluation of the World Bank Group's Support [Text] / World Bank. – Washington, DC: The World Bank, 2017. – 130 p.
411. World Bank. Venezuela Economic Update [Text]. – Washington, D.C.: World Bank, 2021. – 64 p.
412. Zarate, J.C. Treasury's War: The Unleashing of a New Era of Financial Warfare [Text] / J.C. Zarate. – New York: PublicAffairs, 2013. – 432 p.
413. Zubok, V.M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev [Text] / V.M. Zubok. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2009. – 504 p.

6.3. Статьи в изданиях

414. Ahn, D.P. Economic sanctions: past, present, and future [Text] / D.P. Ahn // Georgetown Journal of International Affairs. – 2019. – Vol. 20. – Pp. 126–132.
415. Ahn, D.P., Ludema, R.D. The sword and the shield: The economics of targeted sanctions [Text] / D.P. Ahn, R.D. Ludema // European Economic Review. – 2020. – Vol. 130, Part C. – Pp. 103587 (article number).
416. Allinger, K., Barisitz, S., Timel, A. Russia's large fintechs and digital ecosystems – in the face of war and sanctions [Text] / K. Allinger, S. Barisitz, A. Timel // Focus on European Economic Integration. – 2022. – Vol. Q3. – Pp. 47–65.
417. Almohawes, M. International Relations and Its Effect on Enforcement of International Law: The Case Studies of Ukraine and Syria [Text] / M. Almohawes // Access to Justice in Eastern Europe. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – Pp. 9–40.

418. Arapova, E. The sanctions dilemma: How sanctions against Russia affect regional integration within the EAEU States [Text] / E. Arapova // Strategic Analysis. – 2023. – Vol. 47, No. 3. – Pp. 289–294.
419. Arsić, M. Macroeconomic Stability under Sanctions and Weak State [Text] / M. Arsić // Panoeconomicus. – 2022. – Vol. 69, No. 2. – Pp. 205–224.
420. Baldwin, R., Lopez-Gonzalez, J. Supply-Chain Trade: A Portrait of Global Patterns and Several Testable Hypotheses [Text] / R. Baldwin, J. Lopez-Gonzalez // The World Economy. – 2015. – Vol. 38, No. 11. – Pp. 1682–1721.
421. Bernanke, B.S., Mihov, I. Measuring Monetary Policy [Text] / B.S. Bernanke, I. Mihov // The Quarterly Journal of Economics. – 1998. – Vol. 113, No. 3. – Pp. 869–902.
422. Blanchard, O.J., Quah, D. The Dynamic Effects of Aggregate Demand and Supply Disturbances [Text] / O.J. Blanchard, D. Quah // The American Economic Review. – 1989. – Vol. 79, No. 4. – Pp. 655–673.
423. Borensztein, E., De Gregorio, J., Lee, J.-W. How Does Foreign Direct Investment Affect Economic Growth? [Text] / E. Borensztein, J. De Gregorio, J.-W. Lee // Journal of International Economics. — 1998. — Vol. 45, No. 1. — P. 115–135.
424. Borin, A., Mancini, M. Measuring What Matters in Global Value Chains and Value-Added Trade [Text] / A. Borin, M. Mancini // The World Economy. – 2019. – Vol. 42, No. 9. – Pp. 2385–2413.
425. Bull, B., Rosales, A. How sanctions led to authoritarian capitalism in Venezuela [Text] / B. Bull, A. Rosales // Current History. – 2023. – Vol. 122, No. 841. – Pp. 49–55.
426. Cadot, O., Carrère, C., Strauss-Kahn, V. Trade Diversification, Income, and Growth: What Do We Know? [Text] / O. Cadot, C. Carrère, V. Strauss-Kahn // Journal of Economic Surveys. – 2013. – Vol. 27, No. 4. – Pp. 790–812.

427. Canova, F., De Nicolo, G. Monetary disturbances matter for business fluctuations in the G-7 [Text] / F. Canova, G. De Nicolo // *Journal of Monetary Economics*. – 2002. – Vol. 49, No. 6. – Pp. 1131–1159.
428. Caruso, R. The Impact of International Economic Sanctions on Trade: An Empirical Analysis [Text] / R. Caruso // *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. – 2003. – Vol. 9, No. 2. – Pp. 1–20.
429. Connolly, R. The Impact of Western Sanctions on Russia [Text] / R. Connolly // *Russian Journal of Economics*. – 2015. – Vol. 1, No. 4. – Pp. 389–405.
430. Czitadze, N. Military consequences of economic sanctions against Russia [Text] / N. Czitadze // *Wschód Europy. Studia humanistyczno-społeczne*. – 2022. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 173–191.
431. Davis, E. The Political Economy of the Arab Oil-Producing Nations: Convergence with Western Interests [Text] / E. Davis // *Studies in Comparative International Development*. – 1979. – Vol. 14, No. 2. – Pp. 75–94.
432. Deligöz, H. US Technological Sanctions: The Huawei Case [Text] / H. Deligöz // *Global Trade and Customs Journal*. – 2024. – Vol. 19, No. 5. – Pp. 325–336.
433. Diansaee, B. Iran's Role in the Crisis Middle East: The Factor of Sanctions Relief on the Nuclear Programme (2015–2017) [Text] / B. Diansaee // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2018. – No. 2. – Pp. 30–35.
434. Dixon, W. Ricardo: Economic Thought and Social Order [Text] / W. Dixon // *Journal of the History of Economic Thought*. – 2008. – Vol. 30, No. 2. – Pp. 235–253.
435. Doboš, B., Purton, A. Proxy Neo-colonialism? The Case of Wagner Group in the Central African Republic [Text] / B. Doboš, A. Purton // *Insight on Africa*. – 2024. – Vol. 16, No. 1. – Pp. 7–21.

436. Drezner, D.W. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice [Text] / D.W. Drezner // International Studies Review. – 2011. – Vol. 13, No. 1. – Pp. 96–108.
437. Drezner, D.W. The Hidden Hand of Economic Coercion [Text] / D.W. Drezner // International Organization. – 2003. – Vol. 57, No. 3. – Pp. 643–659.
438. Esfandiary, D., Fitzpatrick, M. Sanctions on Iran: Defining and enabling ‘success’ [Text] / D. Esfandiary, M. Fitzpatrick // Survival. – 2011. – Vol. 53, No. 5. – Pp. 143–156.
439. Esmailpour, A., Najafi, A. Effects of trade sanctions on economic of Iran with approach Computable General Equilibrium [Text] / A. Esmailpour, A. Najafi // Journal of Economic Policies and Research. – 2023. – Vol. 1, No. 4. – Pp. 71–106.
440. Espinoza, M., Sidorenko, T.V. Oil Income Dependency and Export Potential for Economic Diversification of Venezuela [Text] / M. Espinoza, T.V. Sidorenko // Iberoamerica. – 2021. – No. 2. – Pp. 72–95.
441. Farrell, H., Newman, A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion [Text] / H. Farrell, A.L. Newman // International Security. – 2019. – Vol. 44, No. 1. – Pp. 42–79.
442. Feghe Majidi, A., Zarouni, Z. The impact of sanctions on the economy of Iran [Text] / A. Feghe Majidi, Z. Zarouni // International Journal of Resistive Economics. – 2022. – Vol. 10, No. 1. – Pp. 11–27.
443. Felbermayr, G., Janeba, E. Improving Supply Security: Guidelines and Policy Proposals [Text] / G. Felbermayr, E. Janeba // Intereconomics. – 2024. – Vol. 59, No. 3. – Pp. 146–153.
444. Fleming, J.M. Domestic Financial Policies under Fixed and under Floating Exchange Rates [Text] / J.M. Fleming // IMF Staff Papers. – 1962. – Vol. 9, No. 3. – Pp. 369–380.

445. Galtung, J. On the Effects of International Economic Sanctions: With Examples from the Case of Rhodesia [Text] / J. Galtung // World Politics. – 1967. – Vol. 19, No. 3. – Pp. 378–416.
446. Gereffi, G., Humphrey, J., Sturgeon, T. The Governance of Global Value Chains [Text] / G. Gereffi, J. Humphrey, T. Sturgeon // Review of International Political Economy. – 2005. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 78–104.
447. Ghasseminejad, S., Jahan-Parvar, M.R. The impact of financial sanctions: The case of Iran [Text] / S. Ghasseminejad, M.R. Jahan-Parvar // Journal of Policy Modeling. – 2021. – Vol. 43, No. 3. – Pp. 601–621.
448. Ghorbani Dastgerdi, H., Yusof, Z.B., Shahbaz, M. Nexus between economic sanctions and inflation: a case study in Iran [Text] / H. Ghorbani Dastgerdi, Z.B. Yusof, M. Shahbaz // Applied Economics. – 2018. – Vol. 50, No. 49. – Pp. 5316–5334.
449. Gurvich, E., Prilepskiy, I. The impact of financial sanctions on the Russian economy [Text] / E. Gurvich, I. Prilepskiy // Russian journal of economics. – 2015. – Vol. 1, No. 4. – Pp. 359–385.
450. Hosoe, N. The cost of war: Impact of sanctions on Russia following the invasion of Ukraine [Text] / N. Hosoe // Journal of Policy Modeling. – 2023. – Vol. 45, No. 2. – Pp. 305–319.
451. Iftimie, I. A. Cyber Sanctions: Weaponising the Embargo of Flagged Data in a Fragmented Internet [Text] / I. A. Iftimie // Journal of Information Warfare. — 2020. — Vol. 19, No. 1. — Pp. 48–61.
452. Jordà, Ò., Singh, S.R., Taylor, A.M. Longer-Run Economic Consequences of Pandemics [Text] / Ò. Jordà, S.R. Singh, A.M. Taylor // The Review of Economics and Statistics. – 2022. – Vol. 104, No. 1. – Pp. 166–175.
453. Judson, R. Economic Growth and Investment in Education: How Allocation Matters [Text] / R. Judson // Journal of Economic Growth. – 1998. – Vol. 3, No. 4. – Pp. 337–359.

454. Kahneman, D., Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk [Text] / D. Kahneman, A. Tversky // *Econometrica*. – 1979. – Vol. 47, No. 2. – Pp. 263–291.
455. Kallis, A. When Fascism Became Mainstream: The Challenge of Extremism in Times of Crisis: Second Lecture on Fascism–Amsterdam–April 9 2015 [Text] / A. Kallis // *Fascism*. – 2015. – Vol. 4, No. 1. – Pp. 1–24.
456. Kuik, C.-C. Making Sense of Malaysia's China Policy: Asymmetry, Proximity, and Elite's Domestic Authority [Text] / C.-C. Kuik // *The Chinese Journal of International Politics*. – 2013. – Vol. 6, No. 4. – Pp. 429–467.
457. Kuno, A. China's Economic Sanctions: Its Features and Effectiveness [Text] / Arata Kuno // *Japan Forum on International Relations Bulletin*. — 2021. — Pp. 1–22.
458. Le, H.T., Hoang, D.P. Economic Sanctions and Environmental Performance: The Moderating Roles of Financial Market Development and Institutional Quality [Text] / H.T. Le, D.P. Hoang // *Environmental Science and Pollution Research*. – 2022. – Vol. 29, No. 13. – Pp. 19657–19678.
459. Lenchuk, E.B. Technological modernization as a basis for the anti-sanctions policy [Text] / E.B. Lenchuk // *Studies on Russian Economic Development*. – 2023. – Vol. 34, No. 4. – Pp. 464–472.
460. Luttwak, E. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce [Text] / E. Luttwak // *The National Interest*. – 1990. – No. 20. – Pp. 36–48.
461. Mabera, F. Enhancing the Multilateral Utility of Regions in a Pluralist, Multifaceted Global Order [Text] / F. Mabera // *Policy Brief*. – 2022. – № 8. – Pp. 1-14.
462. Maloney, S. Sanctioning Iran: If Only It Were So Simple [Text] / S. Maloney // *The Washington Quarterly*. — 2010. — Vol. 33, No. 1. — Pp. 131–147.
463. Mankiw, N.G., Romer, D., Weil, D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth [Text] / N.G. Mankiw, D. Romer, D.N. Weil // *The*

- Quarterly Journal of Economics. — 1992. — Vol. 107, No. 2. — Pp. 407–437.
464. Mirjalili, S. H., Pahlavani, M., Heydarian, S. Financial Sanction, Exchange Rate Volatility and Macroeconomic Variables (Case of Iran) // Iranian Journal of Finance. — 2025. — Vol. 9, No. 2. — Pp. 70–106.
465. Mirkina, I. FDI and sanctions: An empirical analysis of short- and long-run effects [Text] / I. Mirkina // European Journal of Political Economy. — 2018. — Vol. 54. — Pp. 198–225.
466. Morgan, T.C. Hearing the Noise: Economic Sanctions Theory and Anomalous Evidence [Text] / T.C. Morgan // International Interactions. — 2015. — Vol. 41, No. 4. — Pp. 744–754.
467. Morgan, T.C., Bapat, N.A. Imposing Sanctions: States, Firms, and Economic Coercion [Text] / T.C. Morgan, N.A. Bapat // International Studies Review. — 2003. — Vol. 5, No. 4. — Pp. 65–79.
468. Morgan, T.C., Syropoulos, C., Yotov, Y.V. Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges [Text] / T.C. Morgan, C. Syropoulos, Y.V. Yotov // Journal of Economic Perspectives. — 2023. — Vol. 37, No. 1. — Pp. 3–30.
469. Movahed, M. Industrializing an Oil-Based Economy: Evidence from Iran's Auto Industry [Text] / M. Movahed // Journal of International Development. — 2020. — Vol. 32, No. 7. — Pp. 1148–1170.
470. Mozaffari, F.M., Hussain, N.F. Eurasia's Economic Shift: The Rise of De-Dollarization and the Quest for Financial Autonomy [Text] / F.M. Mozaffari, N.F. Hussain // Journal of Iran and Central Eurasia Studies. — 2024. — Vol. 7, No. 1. — Pp. 95–110.
471. Mundell, R.A. Capital Mobility and Stabilization Policy under Fixed and Flexible Exchange Rates [Text] / R.A. Mundell // Canadian Journal of Economics and Political Science. — 1963. — Vol. 29, No. 4. — Pp. 475–485.

472. Nasrollahi Saeed lou, R. Sanctions and the Economic Impact on Iran's Economy [Text] / R. Nasrollahi Saeed lou // Journal of Positive School Psychology. – 2022. – Vol. 6, No. 5. – Pp. 10122–10129.
473. Neuenkirch, M., Neumeier, F. The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth [Text] / M. Neuenkirch, F. Neumeier // European Journal of Political Economy. – 2015. – Vol. 40, Part A. – Pp. 110–125.
474. Niknami, R. European Union Energy Sanctions against Russian Federation and Its Impact on their Trade System (2022–2024) [Text] / R. Niknami // Journal of Central Eurasia Studies. – 2024. – Vol. 17, No. 2. – Pp. 363–390.
475. Noland, M. North Korea as a Complex Humanitarian Emergency: Assessing Food Insecurity [Text] / M. Noland // Asia and the Global Economy. – 2022. – Vol. 2, No. 3. – Article 100049. – 17 p.
476. Noori, R., Zakeri, Z.M. Investigating Factors Affecting the Continuity Usage of Financial Information Systems: Case Study of the System for Electronic Payment Messaging (Sepam) in IR Iran [Text] / R. Noori, Z.M. Zakeri // TEST Engineering and Management. – 2020. – Vol. 83. – Pp. 14866–14880.
477. Pala, T. The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review [Text] / T. Pala // NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. – 2021. – Vol. 14, No. 1. – Pp. 239–259.
478. Pape, R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work [Text] / R.A. Pape // International Security. – 1997. – Vol. 22, No. 2. – Pp. 90–136.
479. Pittaluga, G.B., Seghezza, E., Morelli, P. The political economy of hyperinflation in Venezuela [Text] / G.B. Pittaluga, E. Seghezza, P. Morelli // Public Choice. – 2021. – Vol. 186, No. 3. – Pp. 337–350.
480. Rasoulinezhad, E. Iran's trade modification under sanctions: An evidence of trade divergence and trade convergence through the gravity model [Text] / E. Rasoulinezhad // Journal of Economic Cooperation & Development. – 2017. – Vol. 38, No. 4. – Pp. 25–56.

481. Robertson, E. Hitler and Sanctions: Mussolini and the Rhineland [Text] / E. Robertson // *European Studies Review*. – 1977. – Vol. 7, No. 4. – Pp. 409–435.
482. Romer, P.M. Endogenous Technological Change [Text] / P.M. Romer // *Journal of Political Economy*. — 1990. — Vol. 98, No. 5, Part 2. — Pp. 71–102.
483. Romer, P.M. Increasing Returns and Long-Run Growth [Text] / P.M. Romer // *Journal of Political Economy*. — 1986. — Vol. 94, No. 5. — Pp. 1002–1037.
484. Romer, P.M. What Determines the Rate of Growth and Technological Change? [Text] / P.M. Romer. – Washington, D.C.: World Bank Publications, 1989. – Vol. 279. – 45 p.
485. Seifzadeh, P. Effect of Perceived Home Country Susceptibility to Third-Country Political Pressure on International Alliance Structure [Text] / P. Seifzadeh // *International Journal of Business & Economics*. – 2025. – Vol. 10, No. 1. – Pp. 36–58.
486. Shagabutdinova, E., Berejikian, J. Deploying Sanctions While Protecting Human Rights: Are Humanitarian “Smart” Sanctions Effective? [Text] / E. Shagabutdinova, J. Berejikian // *Journal of Human Rights*. – 2007. – Vol. 6, No. 1. – Pp. 59–74.
487. Shoven, J.B., Whalley, J. Applied General-Equilibrium Models of Taxation and International Trade: An Introduction and Survey [Text] / J.B. Shoven, J. Whalley // *Journal of Economic Literature*. – 1984. – Vol. 22, No. 3. – Pp. 1007–1051.
488. Sick, G. The Iran hostage crisis and its effect on the 1980 election [Text] / G. Sick // *Political Science Quarterly*. — 1985. — Vol. 100, No. 1. — P. 21–39.
489. Sims, C.A. Macroeconomics and Reality [Text] / C.A. Sims // *Econometrica*. – 1980. – Vol. 48, No. 1. – Pp. 1–48.

490. Solhdoost, M. Iran's geo-strategic orientations toward China and India [Text] / M. Solhdoost // Journal of the Indian Ocean Region. – 2021. – Vol. 17, No. 1. – Pp. 60–77.
491. Solow, R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth [Text] / R.M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70, No. 1. – Pp. 65–94.
492. Uhlig, H. What are the effects of monetary policy on output? Results from an agnostic identification procedure [Text] / H. Uhlig // Journal of Monetary Economics. – 2005. – Vol. 52, No. 2. – Pp. 381–419.
493. Van der Brugge, C. Of Production, Trade, Profit and Destruction: An Economic Interpretation of Sennacherib's Third Campaign [Text] / C. Van der Brugge // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – 2017. – Vol. 60. – Pp. 292–335.
494. Whang, T., Kim, H.J. International Signaling and Economic Sanctions [Text] / T. Whang, H.J. Kim // International Interactions. – 2015. – Vol. 41, No. 3. – Pp. 427–452.
495. Yakoviyk, I., Novikov, Y. International Economic Sanctions. Part 1. History and Theory [Text] / I. Yakoviyk, Y. Novikov // Theory and Practice of Jurisprudence. – 2024. – No. 1(25). – Pp. 153–173.
496. Zhyvko, M.A. Fragmentation of Globalized Economy and Macroeconomic Cost of the War in Ukraine [Text] / M.A. Zhyvko // Проблеми економіки. – 2024. – No. 3 (61). – Pp. 15–30.
497. Ziegler, J.E. Edward III and Low-Country Finances: 1338–1340 [Text] / J.E. Ziegler // Revue belge de philologie et d'histoire. – 1983. – Vol. 61, No. 4. – Pp. 802–817.

6.4. Диссертации и авторефераты

498. Campos, L. An analysis of exogenous shocks using structural vector autoregressions identified with sign restrictions [Text]: Doctoral dissertation / L. Campos; directed by J. Ruiz Andújar. – Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2014. – 93 p.

6.5. Интернет – ресурсы

499. Addition of Entities to the Entity List [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/regulations-docs/2394-huawei-and-affiliates-entity-list-rule/file>
500. Annual Statistical Bulletin 2017 [Electronic resource]. — Access mode: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/asb2017_13062017.pdf
501. Appellate Body Report: United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products [Electronic resource]. — Access mode: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/58abr.pdf
502. Biden Administration Issues More Restrictions on Advanced Chips and AI Models [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.omm.com/insights/alerts-publications/biden-administration-issues-more-restrictions-on-advanced-chips-and-ai-models/>
503. Byman D. How the Iran Hostage Crisis Shaped the U.S. Approach to Sanctions [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.brookings.edu/articles/how-the-iran-hostage-crisis-shaped-the-us-approach-to-sanctions/>
504. Carsten P., Dutta P.K. How Iran moves sanctioned oil around the world [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.reuters.com/graphics/IRAN-OIL/zjpnqngedmvx/>
505. Consolidated Canadian Autonomous Sanctions List [Electronic resource]. — Access mode: https://www.international.gc.ca/world-monde/international_relations-relations_internationales/sanctions/consolidated-consolide.aspx?lang=eng
506. Coordinating Committee on Multilateral Export Controls (COCOM): Hearing before the Comm. on Governmental Affairs [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRPT-105hrpt851/html/ch9bod.html>

507. Council of the European Union. Press Release: “Venezuela: Council renews restrictive measures and lists a further 15 individuals ...”, 10 Jan 2025 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/01/10/venezuela-council-renews-restrictive-measures-and-lists-a-further-15-individuals-in-view-of-the-situation-in-the-country/>
508. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. Public Law 115-44 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf>
509. Crawford M.E. Sanctions and Security: The League of Nations and the Italian-Ethiopian War 1935–1936 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/...>
510. Dentons. US eases sanctions on Venezuela: Client Alert, 23 Oct 2023 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.dentons.com/en/insights/alerts/2023/october/23/us-eases-sanctions-on-venezuela>
511. Denyer S. China suspends North Korean coal imports, striking at regime's financial lifeline [Electronic resource]. — Access mode: https://www.washingtonpost.com/world/china-suspends-north-koreas-coal-imports-striking-at-regimes-financial-lifeline/2017/02/18/8390b0e6-f5df-11e6-a9b0-ecee7ce475fc_story.html
512. Dersso S.A., Hagos T. Is the AU addressing the challenges to effective enforcement of its norm banning unconstitutional changes of government? [Electronic resource]. — Access mode: <https://amaniafrica-et.org/is-the-au-addressing-the-challenges-to-effective-enforcement-of-its-norm-banning-unconstitutional-changes-of-government2/?print=print>
513. Document – The Navigation Act (1651) [Electronic resource]. — Access mode: <https://learninglink.oup.com/access/content/schaller-3e-dashboard-resources/document-the-navigation-act-1651>

514. Embargo Act of 1807 [Electronic resource]. — Access mode:
https://teachitct.org/wp-content/uploads/sites/9/2022/10/Embargo_Act_Background_and_WS.pdf
515. EU seeks more US gas, renewable energy to replace Russian supplies [Electronic resource]. — Access mode:
<https://www.reuters.com/business/energy/eu-seeks-more-us-gas-renewable-energy-replace-russian-supplies-2025-02-21/>
516. European Union. Official Journal of the European Union, 2022. Various issues on sanctions against Russia; G7 Leaders' Statement on Ukraine, May 19, 2023 [Electronic resource]. — Access mode:
<https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/05/19/g7-leaders-statement-on-ukraine-19-may-2023/>
517. Executive Order 13757 — Taking Additional Steps to Address the National Emergency with Respect to Significant Malicious Cyber-Enabled Activities [Electronic resource]. — Access mode:
<https://www.federalregister.gov/documents/2016/12/30/2016-31729/taking-additional-steps-to-address-the-national-emergency-with-respect-to-significant-malicious>
518. Executive Order 14024 — Blocking Property with Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation [Electronic resource]. — Access mode:
<https://www.federalregister.gov/documents/2021/04/19/2021-08094/blocking-property-with-respect-to-specified-harmful-foreign-activities-of-the-government-of-the>
519. Export Control Act [Electronic resource]. — Access mode:
https://en.wikipedia.org/wiki/Export_Control_Act
520. Fall of Antwerp [Electronic resource]. — Access mode:
<https://www.britannica.com/event/Fall-of-Antwerp>
521. Fortune. Global 500 [Electronic resource]. — Access mode:
https://fortune.com/ranking/global500/?fg500_country=China

522. German-Iranian business ties growing again [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.dw.com/en/german-iranian-business-ties-growing-again/a-41998948>
523. Great Britain. Parliament. The Boston Port Act: 31 March 1774 [Electronic resource]. — Access mode: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/boston_port_act.asp
524. Harrison M. World War II: Economic Warfare [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.archives.gov/research/holocaust/finding-aid/civilian/rg-84-great-britian.html>
525. Hatte T. The “Confederate” Blockade of the South [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/256021052_The_%27Confederate_%27_Blockade_of_the_South
526. House Sanctions Post-Tiananmen China [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.politico.com/story/2011/06/house-sanctions-post-tiananmen-china-june-29-1989-057928>
527. IMF Staff Completes 2017 Article IV Mission to Islamic Republic of Iran [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2017/12/15/pr17499-imf-staff-completes-2017-article-iv-mission-to-islamic-republic-of-iran>
528. IMF. World Economic Outlook Database. Washington, D.C.: IMF, 2021. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database>
529. Iran cancels oilfield deal with China's CNPC [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.reuters.com/article/markets/commodities/iran-cancels-oilfield-deal-with-chinas-cnpc-idUSL6N0NM2D3/>
530. John: Quarrel with the Church [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.britannica.com/biography/John-king-of-England/Quarrel-with-the-church>

531. League of Nations. Official Journal. Special Supplement [Electronic resource]. — Access mode: <https://archive.org/details/officialjournals00leag>
532. Napoleonic Wars — The Continental System and the blockade, 1807–11 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.britannica.com/event/Napoleonic-Wars/The-Continental-System-and-the-blockade-1807-11>
533. Naval Blockade of Germany [Electronic resource]. — Access mode: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/naval_blockade_of_germany
534. Neutrality Acts 1930s [Electronic resource]. — Access mode: <https://history.state.gov/milestones/1921-1936/neutrality-acts>
535. QS World University Rankings [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings>
536. Russia's Arctic oil feels chill of US sanctions [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.reuters.com/business/energy/russias-arctic-oil-feels-chill-us-sanctions-2025-01-14/>
537. Seddon M. Russian Airlines Fly Airbus, Boeing Jets Despite Sanctions [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-01/russian-airlines-fly-airbus-boeing-jets-despite-sanctions>
538. Shivakumar S., Wessner C., Howell T. Balancing the Ledger: Export Controls on U.S. Chip Technology to China [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.csis.org/analysis/balancing-ledger-export-controls-us-chip-technology-china>
539. Solty I. The war in Ukraine, the New Bloc Confrontation, and the New Asymmetrical Trans-Atlanticism [Electronic resource]. — Access mode: <https://euromemo.eu/wp-content/uploads/2023/10/Ingar-Solty-20230927-EuroMemo-Group-conference-paper.pdf>
540. Specially Designated Nationals and Blocked Persons List [Electronic resource]. — Access mode: <https://sanctionssearch.ofac.treasury.gov/>

541. Statement on the Lifting of Economic Sanctions Against Poland [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/statement-lifting-economic-sanctions-against-poland>
542. Strasburg J. Shell Warns of Up to \$5 Billion Hit From Russia Exit [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.wsj.com/articles/shell-to-book-up-to-5-billion-in-impairments-from-russia-operations-11649314101>
543. Tan C. Breaking the Circuit: US-China Semiconductor Controls [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.fpri.org/2024/03/breaking-the-circuit-us-china-semiconductor-controls/>
544. The First Opium War [Electronic resource]. — Access mode: https://visualizingcultures.mit.edu/opium_wars_01/ow1_essay.pdf
545. The Jackson-Vanik Amendment and Permanent Normal Trade Relations [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.congress.gov/crs-product/IF12556>
546. The Royal Navy's Blockade System 1793–1805: A Tactical Paradox [Electronic resource]. — Access mode: <https://jurpress.squarespace.com/s/The-Royal-Navys-blockade-system-1793-1805.pdf>
547. The Soviet Grain Embargo [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.heritage.org/trade/report/the-soviet-grain-embargo>
548. Third Punic War [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.britannica.com/event/Third-Punic-War>
549. Toussaint E. Russia: Origin and Consequences of the Debt Repudiation of 1918 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.cadtm.org/Russia-Origin-and-consequences-of-the-debt-repudiation-of-February-10-1918>

550. Tracy M. Iran Signs a Major Gas Deal With France's Total [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.theatlantic.com/news/archive/2017/07/iran-total/532560/>
551. Trade statistics for international business development [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.trademap.org/Index.aspx>
552. Trading Economics. Хлопок – Фьючерсный контракт – Цены / 1913–2025 Данные | 2026–2027 прогноз [Electronic resource]. — Access mode: <https://ru.tradingeconomics.com/commodity/cotton>
553. U.S. Department of the Treasury. Treasury Targets Venezuelan Officials Aligned with Nicolás Maduro (Press Release JY-2577), 12 Jul 2024 [Electronic resource]. — Access mode: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2577>
554. UK Foreign, Commonwealth & Development Office. UK and partners target Russia-DPRK 'arms-for-oil' trade with new sanctions [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.gov.uk/government/news/uk-and-partners-target-russia-dprk-arms-for-oil-trade-with-new-sanctions>
555. Ukraine Freedom Support Act of 2014 [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf>
556. UNCTADstat Data Centre [Electronic resource]. — Access mode: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html>
557. UNCTADstat Data Centre. Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual [Electronic resource]. — Access mode: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock>
558. UNCTADstat Data Centre. Merchandise: Total trade and share, annual [Electronic resource]. — Access mode: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal>
559. United Nations Sanctions Against Rhodesia [Electronic resource]. — Access mode: <https://time.com/archive/6634854/united-nations-sanctions-against-rhodesia/>

560. United Nations Security Council. Resolutions on the Democratic People's Republic of Korea. New York: UN, 2006–2023. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.un.org/securitycouncil/>
561. United States embargo against Cuba [Electronic resource]. — Access mode: <https://time.com/4076438/us-cuba-embargo-1960/>
562. United States Freezes Japanese Assets [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.history.com/this-day-in-history/july-26/united-states-freezes-japanese-assets>
563. United States. Department of State. Visa Restrictions Against Human Rights Abusers in Venezuela: Press Statement, 30 July 2014 [Electronic resource]. — Access mode: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/07/229928.htm>
564. United States. Department of the Treasury. Treasury sanctions key facilitators behind North Korea's illicit financial activities and military support to Russia [Electronic resource]. — Access mode: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2751>
565. United States. Executive Office of the President. Executive Order 13850 of 1 Nov 2018 “Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Venezuela.” [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.federalregister.gov/documents/2018/11/02/2018-24254>
566. Venezuela: Policy Research [Electronic resource]. – Access mode: <https://growthlab.hks.harvard.edu/policy-research/venezuela>
567. White House. Fact Sheet: Glenn Amendment Sanctions on India (2000) [Electronic resource]. — Access mode: https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/SouthAsia/fact_sheets/india3.html

Список опубликованных работ соискателя по теме диссертации

Монографии

[1-А] Содикзода, П. Внешнеэкономические интересы Таджикистана в современном мировом хозяйстве [Текст] / Душанбе: «Адабиёти бачагона», 2020. – 184 с.

[2-А] Содикзода, П. Экономические санкции в контексте трансформации современной мировой экономики [Текст] / Душанбе: «Матбааи ДМТ», 2025. – 300 с.

Публикации в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК при Президенте Республики Таджикистан и ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

[3-А] Содикзода, П. Санкции в системе мировых хозяйственных связей [Текст] / П. Содикзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе, 2015. – №2/2 (161). – С. 181-186.

[4-А] Содикзода, П. Политико-экономические проблемы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Текст] / П. Содикзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе, 2020. – № 5. – С. 148-154.

[5-А] Содикзода, П. Косвенное влияние международных экономических санкций для третьих стран (на примере ЕАЭС) [Текст] / П. Содикзода // Таджикистан и современный мир. – Душанбе, 2020. – №4 (72). – С. 200-208.

[6-А] Содикзода, П., Давлатова, Н.И. Консепсияҳои муносири амнияти иқтисодии мамлакат [Матн]/ П. Содикзода, Н.И. Давлатова // Паёми Донишгоҳи давлатии тичорати Тоҷикистон, - Душанбе, 2021. - №4/2 (39). – сах. 35-41.

[7-А] Содикзода, П. Современное состояние внешнеэкономической безопасности Республики Таджикистан [Текст] / П. Содикзода // Вестник

Таджикского государственного университета коммерции. – Душанбе, 2022. – №1(40). – С. 248-257.

[8-А] Содикзода, П. Исследование сущности санкций на основе санкционной политики США [Текст] / П. Содикзода // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. – Душанбе, 2022. – №3(42). – С. 227-235.

[9-А] Содикзода, П., Икромов, Ф.Н., Кишваров, М.Дж. Место экономических санкций в современной системе международных отношений [Текст] / П. Содикзода, Ф.Н. Икромов, М.Дж. Кишваров // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – Бохтар, 2022. – №1/4, том 2 (104). – С. 180-186.

[10-А] Содикзода, П., Икромов, Ф.Н., Гаюров, Г.Х. Оценка экономических санкций в контексте глобализации [Текст] / П. Содикзода, Ф.Н. Икромов, Г.Х. Гаюров // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. – Душанбе, 2022. – №1(45). – С. 82-88.

[11-А] Содикзода, П., Кишваров, М.Дж. Анализ этапов развития национальной конкурентоспособности [Текст] / П. Содикзода, М.Дж. Кишваров // Таджикистан и современный мир. – Душанбе, 2023. – №1 (81). – С. 329-338.

[12-А] Содикзода, П., Кишваров, М.Дж. Анализ научных подходов к определению понятия «конкурентоспособность национальной экономики» [Текст] / П. Содикзода, М.Дж. Кишваров // Финансово-экономический вестник. – Душанбе, 2023. – №1(35). – С. 85-94.

[13-А] Содикзода, П., Икромов, Ф.Н., Кишваров, М.Дж. Обзор эффективности применения многосторонних санкций на примере санкционных мер по отношению к Ирану [Текст] / П. Содикзода, Ф.Н. Икромов, М.Дж. Кишваров // Вестник Технологического университета Таджикистана. – Душанбе, 2023. – №1 (52). – С. 170-179.

[14-A] Содикзода, П., Икромов, Ф.Н., Гаюров, Г.Х. Теоретические аспекты совершенствование конкурентоспособности банковской системы в современных условиях [Текст] / П. Содикзода, Ф.Н. Икромов, Г.Х. Гаюров // Государственное управление. – Душанбе, 2023. – №1 (60). – С. 69-77.

[15-A] Содикзода, П., Икромов, Ф.Н. Экономические санкции в контексте международного права [Текст] / П. Содикзода, Ф.Н. Икромов // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе, 2023. – №4/1. – С. 154-162.

[16-A] Содикзода, П. Роль международных экономических санкций в системе мирохозяйственных связей: теоретический анализ [Текст] / П. Содикзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе, 2024. – №9. – С. 137-145.

[17-A] Содикзода, П. Механизмы влияния экономических санкций на экономический рост подсанкционных стран [Текст] / П. Содикзода // Государственное управление. – Душанбе, 2024. – №4-1 (69). – С. 256-268.

[18-A] Содикзода, П. Эволюционный подход к анализу экономических санкций в системе международных отношений [Текст] / П. Содикзода // Экономика Таджикистана. – Душанбе, 2024. – №4. – С. 221-228.

[19-A] Содикзода, П. Классификация экономических санкций в системе мирохозяйственных связей [Текст] / П. Содикзода // Финансово-экономический вестник. – 2024. – № 3 (42). – С. 105-113.

[20-A] Содикзода, П., Саидмуродзода, Л.Х. Сущность и механизмы реализации экономических санкций в системе мирохозяйственных связей [Текст] / П. Содикзода, Л.Х. Саидмуродзода // Финансово-экономический вестник. – 2024. – № 4.2 (43). – С. 14-25.

[21-A] Содикзода, П. Анализ макроэкономических последствий международных экономических санкций для экономики Ирана [Текст] / П. Содикзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия

социально-экономических и общественных наук. – Душанбе, 2025. – №2. – С. 26-38.

В других изданиях

[22-A] Содикзода, П. Санкции в системе мирохозяйственных связей [Текст] / П. Содикзода // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы устойчивости социально-экономического развития в условиях глобализации». – Душанбе, 2015. – №2/2 (161). – С. 223-225.

[23-A] Содикзода, П. Обеспечение внешнеэкономической безопасности Республики Таджикистан как приоритетное направление экономической политики [Текст] / П. Содикзода // Материалы республиканской научно-практической конференции на тему: «Проблемы перехода к системе национальных счетов и совершенствование методологии расчета статистических показателей». – Душанбе, 2019. – С. 422-427.

[24-A] Содикзода, П. Внешнеэкономическая безопасность Республики Таджикистан [Текст] / П. Содикзода // Маводи конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ-назариявии ҳайати устодону кормандон ва донишҷӯёни ДМТ бахшида ба “Солҳои рушди деҳот, сайёҳӣ ва ҳунарҳои мардумӣ, солҳои 2019-2021”, “400 солагии Миробид Сайидои Насафӣ”. – Душанбе, 2019. – 406 саҳ.

[25-A] Содикзода, П. Обеспечение внешнеэкономической безопасности Таджикистана как ответ на негативные вызовы глобализации [Текст] / П. Содикзода // Маводи конференсияи ҷумҳуриявии илмию назариявии ҳайати устодону кормандони ДМТ бахшида ба ҷашнҳои «30-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва «Бистсолаи омӯзиш ва рушди ҷаҳони табиатшиносӣ, дақиқ ва риёзӣ дар соҳаи илму маориф (солҳои 2020-2040)» – Ҷилди I. – Душанбе: Матбааи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2020. – 400 саҳ.

[26-A] Содикзода, П., Давлатова, Н.И. Современные концепции экономической безопасности страны [Текст] / П. Содикзода, Н.И. Давлатова //

Маводи конференсияи ҷумҳуриявӣ илмию назариявӣ дар мавзӯи «Механизмҳои молиявӣ қарзии татбиқи ҳадафҳои стратегии рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон» (Душанбе, 18-уми феврари соли 2022). – Душанбе: Матбааи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2022. – С. 249-257.

[27-А] Содикзода, П. Современное состояние внешнеэкономической безопасности Республики Таджикистан [Текст] / П. Содикзода // Маводи конференсияи ҷумҳуриявӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи «Омилҳои берунииктисодии татбиқи ҳадафҳои стратегии рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон» (Душанбе, 5-уми майи соли 2022). – Душанбе: Матбааи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2022. – С. 19-28.

[28-А] Содикзода, П. Теоретические подходы к изучению международных экономических санкций [Текст] / П. Содикзода // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции на тему «Финансовое регулирование устойчивого инновационно-индустриального развития экономики Республики Таджикистан в условиях глобализации» (Душанбе, 1-го октября 2024). – Душанбе: Типография ТНУ, 2024. – С. 549-554.

[29-А] Содикзода, П. Обзор теоретических подходов к изучению экономических санкций [Текст] / П. Содикзода // Материалы международной научно-практической конференции на тему «Цифровизация государственного и местного управления: организационные и экономические аспекты» (Душанбе, 21-го февраля 2025). – Душанбе: Типография ТНУ, 2025. – С. 15-25.

[30-А] Содикзода, П. Экономические санкции как фактор дестабилизации и реорганизации глобальных цепочек добавленной стоимости в условиях многополярного мира [Текст] / П. Содикзода // Материалы республиканской научно-практической конференции на тему «Вопросы совершенствования деятельности кредитных организаций в условиях перехода к цифровой экономике» (Душанбе, 1-го марта 2025). – Душанбе: Типография ТНУ, 2025. – С. 28-37.

Исторические случаи применения аналогов современных санкций в древнем мире и Средневековье

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Египетское эмбарго металлов и древесины против Хеттов [364]	XIV в. до н. э.	полный контроль над проходами из Леванта, перекрытие поставок стратегического сырья в Анатолию	вынудить Хатти к миру и признанию египетского влияния в Сирии	ослабление хеттов; заключение мирного договора
Афинская «мегарская псевфизма» — торговая изоляция Мегары [402]	432 г. до н. э.	запрет мегарским купцам входить в порты и рынки Делосского союза	надавить на политического противника без прямой войны	эскалация до Пелопоннесской войны
Ассирийская блокада и изъятие ресурсов у мятежных провинций [493]	IX–VII вв. до н. э.	блокада, изъятие урожая, перенос торговли на лояльные рынки	сломить восстания, восстановить уплату дани	быстрый коллапс сопротивления, депортации, интеграция в империю
Персидские ограничения морской торговли греческих полисов [366]	V в. до н. э.	ограничение доступа к черноморскому хлебу, поддержка пиратства против афинских союзников	экономически подорвать потенциал полисов и закрепить персидское влияние в Эгейке	частичный успех; окончательный провал после греческой морской мобилизации
Римская морская блокада Карфагена [548]	149–146 гг. до н. э.	многомесячная морская и сухопутная блокада порта, перекрытие зерновых поставок	принудить Карфаген к капитуляции	полное разрушение города; превращение Африки в римскую провинцию
Закрытие рынков династией Хань для союзов Сюнну [361]	II в. до н. э.	закрытие пограничных рынков (134 г. до н. э.), запрет экспорта железа, соли и зерна	лишить кочевников критических товаров, вынудив их к дипломатии	ослабление конфедерации; победа Хань и расширение контроля в степях
Конфискация византийцами грузов Венеции [392]	1171 г.	мгновенное замораживание торговых операций, арест имущества венецианцев по всей империи	сдержать экспансию венецианской колонии и восстановить контроль над таможнями	Венецианско-византийская война; частичная реституция 1187 г.

Окончание приложения А

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Интердикт Папы Иннокентия III против Англии [530]	1208–1214 гг.	запрет богослужений и церковных таинств, лишение Англии международной легитимации	вынудить короля Иоанна признать архиепископа Лэнгтона и вассалитет	король капитулировал; Англия признала сюзеренитет Папы
Эмбарго Англии на вывоз шерсти во Фландрию [497]	1336–1337 гг.	королевский акт о запрещении экспорта сырья, критичного для фламандской текстильной отрасли	заставить графство Фландрия присоединиться к английской коалиции против Франции	экономический кризис в Брюгге; уступки фламандских городов
Ганзейская блокада пролива Эресунн против Дании [371]	1367–1370 гг.	союз 77 городов перекрыл датские проливы и снабжение Копенгагена	восстановить торговые привилегии и обезопасить балтийскую рыбу	мир в Штральзунде (1370): монополия Ганзы и право вето на датском престоле

Источник: составлено автором.

Исторические случаи применения аналогов современных санкций в Новом времени

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Испанская блокада Шельды и закрытие Антверпена [520]	1585 – 1795	перекрытие судоходства по р. Шельда, запрет внешней торговли Антверпена	лишить Объединённые провинции стратегического морского выхода и подавить восстание	экономический упадок Антверпена, подъём Амстердама
Британские Навигационные акты против Нидерландов [513]	1651 – 1849 (первый акт — 1651)	перевозка колониальных грузов разрешена только на английских судах	вытеснить голландских посредников и укрепить английское судоходство	англо-голландские войны; становление британского морского доминирования
Колониальные соглашения о неимпортировании в британских колониях [396]	1765 – 1775	добровольный отказ колонистов от ввоза британских товаров и их бойкот в портах	вынудить парламент отменить «акты о гербовом сборе» и иные обложения	экономическое давление ускорило отзыв ряда налогов и подготовило почву для созыва Континентального конгресса
Бостонский портовый акт [523]	1774	закрытие порта Бостона для всех торговых операций	наказать колонию за «Бостонское чаепитие» и принудить к возмещению убытков	объединение колоний, созыв Континентального конгресса
Континентальная блокада Наполеона (Берлинский декрет) [379]	1806 – 1814	запрет европейским державам торговать с Британией; конфискация английских товаров	экономически изолировать Великобританию и вынудить к миру	рост контрабанды, ответные меры Британии, провал стратегии
Указ Александра I о запрете ввоза английских товаров в Россию [219]	1807 – 1810	императорский рескрипт, введший континентальную систему: полный запрет импорта британских изделий и колониальных товаров	поддержать наполеоновскую блокаду Великобритании и оказать на неё экономическое давление	масштабная контрабанда, рост цен и последующий частичный отказ России от блокады в 1810 г.
Британские приказы в Совете против Франции [532]	1807 – 1812	лицензирование нейтральной торговли через британские порты, объявление блокад	сорвать континентальную систему и сохранить контроль над морской торговлей	рост напряжённости с США, усиление экономической войны с Францией

Окончание приложения Б

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Эмбарго США 1807 г. [514]	1807 – 1809	полный запрет американского экспорта и ограничение импорта	заставить Британию и Францию уважать нейтралитет США	экономический спад в Новой Англии; отмена эмбарго
Дальняя морская блокада Франции Королевским флотом [546]	1803 – 1815	постоянное дежурство эскадр у французских портов, перехват судов	истощить французскую экономику, предотвратить высадку в Британии	ограничение французской внешней торговли; сохранение британского превосходства на море
Китайский запрет опиума (указ Линь Цзэсю) [544]	1839	закрытие кантонских рынков, конфискация и уничтожение опиума иностранных торговцев	пресечь наркотическую зависимость Поднебесной и восстановить торговый баланс	британская военная интервенция; начало Первой опиумной войны
«Анаконда» — союзная морская блокада Конфедерации [525]	1861 – 1865	запирание южных портов, контроль Миссисипи, запрет экспорта хлопка	подорвать экономику Конфедерации и лишить её военных поставок	обвал экспорта хлопка, рост дефицита; капитуляция Юга

Источник: составлено автором.

Известные случаи применения санкций в период 1913–1945 гг.

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Британско-французская экономическая блокада Германии [533]	1914 – 1919	морская блокада, запрет транзита стратегических товаров через нейтральные порты	истощить ресурсы Германской империи и ускорить капитуляцию	резкий спад импорта, продовольственный кризис и усиление давления на правительство Германии
Антибольшевистское торговое эмбарго Антанты против Советской России [549]	1918 – 1921	запрет на экспорт в РСФСР промышленных товаров и кредитов; блокирование российских закупок за валюту	принудить новое правительство отменить национализацию долгов и принять условия Антанты	ограниченный эффект: чёрный рынок и товарообмен через Германию; постепенное снятие ограничений к 1921 г.
Санкции Лиги Наций против Италии (Абиссинский кризис) [509]	1935 – 1936	многосторонний запрет на поставки оружия, металлов, кредитов; ограничение импорта итальянских товаров	вынудить Италию прекратить агрессию против Эфиопии	частичная эффективность: отсутствие нефтяного эмбарго и закрытия Суэца привело к провалу санкций
многостороннее оружейное эмбарго Комитета по невмешательству (27 европейских стран) и односторонний запрет США (Законы о нейтралитете США) в испанской гражданской войне [534]	1936 – 1939	коллективный запрет экспорта вооружений, добровольцев и военных кредитов обеим сторонам; американский законодательно закреплённый запрет на поставки «оружия, боеприпасов и военного снаряжение»	локализовать конфликт и предотвратить втягивание великих держав	эмбарго массово нарушалось Италией и Германией, в то время как Республика лишилась поставок; стратегическое преимущество получило националистическое движение Франко
«Моральное» воздушное эмбарго и Закон об экспортном контроле США против Японии [519]	1938 – 1941	добровольный (затем обязательный) запрет продажи авиадвигателей, алюминия, авиатоплива и техдокументации	остановить японские бомбардировки гражданских объектов в Китае	Япония повернулась к британским и голландским колониям за сырьём; рост напряжённости с США

Окончание приложения В

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Замораживание японских активов и нефтяное эмбарго США и союзников [562]	июль 1941 – август 1945	блокировка счетов, лицензии на вывоз нефти, лома, резины; запрет Панамы на рейд-страхование японских судов	поставить Японию перед выбором: отступить из Индокитая или лишиться топлива	сокращение импорта нефти; решение Токио о южной экспансии и удар по Перл-Харбор
Британская «дальняя» блокада Германии во II мировой войне [524]	1939 – Я1945	контроль нейтрального судоходства, лицензирование импорта, чёрные списки фирм	перекрыть поставки сырья и пищи в Третий рейх	импорт Германии снизился на 70 %; дефицит топлива и продовольствия

Источник: составлено автором.

Известные случаи применения санкций в период холодной войны

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Экспортный контроль через КоКом против советского блока [506]	1949 – 1994	многосторонний запрет на поставку вооружений, высоких технологий и «двойного» оборудования в СЭВ	сдерживать военное-технологическое развитие СССР и спутников	частичное ограничение доступа к передовым технологиям, стимул к внутренним разработкам
Торговое эмбарго США против Кубы [561]	с 1960 г.	полный запрет двусторонней торговли, блокирование инвестиций и финансов	экономическое давление с целью смены режима	долговременная экономическая изоляция, но сохранение власти Кастро
Санкции ООН против Родезии [559]	1965 – 1979	обязательное эмбарго на нефть, оружие, табачный экспорт и кредиты режиму Яна Смиа	принудить к отказу от расистского одностороннего провозглашения независимости	политическая и экономическая изоляция, переход к независимому Зимбабве
Оружейное эмбарго ООН против ЮАР [29]	1977 – 1994	резолюция 418: запрет поставок всех видов вооружений и во-техобслуживания режиму апартеида	вынудить ЮАР отказаться от апартеида	дефицит вооружений, рост внутренних расходов, политический прессинг
Поправка Джексона-Вэника (США и СССР) [545]	1974 – 2012	лишение режима наибольшего благоприятствования в торговле и кредитных гарантий при ограничении эмиграции	стимулировать свободный выезд евреев и диссидентов из СССР	частичное увеличение эмиграции; фактор переговоров об экономике
Зерновое эмбарго США против СССР [547]	1980 – 1981	отмена экспортных контрактов на 17 млн. т зерна и сои	наказать СССР за ввод войск в Афганистан	ограниченный эффект: рост цен, переключение СССР на альтернативных поставщиков
Санкции США против Ирана после захвата заложников [503]	1979 – 1981	замораживание 12 млрд. долл. США активов, торговое эмбарго, отказ в кредитах	заставить Тегеран освободить американских заложников	частичный успех; Алжирские соглашения 1981 г.

Окончание приложения Г

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Санкции США и союзников против Польши (военное положение) [541]	1981 – 1987	лишение статуса режима наибольшего благоприятствования в торговле, замораживание кредитов, запрет технологического экспорта	давление на режим Ярузельского для отмены репрессий против «Солидарности»	постепенное смягчение после либерализации и диалога круглого стола
Оружейное и технологическое эмбарго США/ЕС против КНР после Тяньаньмэнь [526]	с 1989 г.	запрет продаж вооружений, военных технологий, финансирования через ОРПС и Ex-Im Bank	осудить массовое подавление протестов и ограничить военный потенциал КНР	сохранение эмбарго; переориентация Китая на Российскую Федерацию и внутренние разработки
Комплексные санкции ООН против Ирака (рез. 661) [30]	1990 – 1991 (запущены до распада СССР)	полный торговый и финансовый эмбарго, замораживание активов	вынудить вывод войск из Кувейта и отказаться от агрессии	тяжёлый экономический кризис; операция «Буря в пустыне»

Источник: составлено автором.

Известные случаи применения санкций в период 1991–2008 гг.

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Комплексные санкции ООН против Ирака [30]	1990 – 2003	полное торгово-финансовое эмбарго (рез. 661), последующая схема нефть в обмен на продовольствие	заставить Багдад вывести войска из Кувейта и ликвидировать оружие массового поражения	тяжёлый экономический кризис; санкции сняты после 2003 г.
Санкции ООН против СФР Югославии [32]	1992 – 1995	запрет торговли, авиасообщения и спорта (рез. 757)	принудить Белград к прекращению боевых действий в Боснии	экономическая изоляция; подписано Дейтонское соглашение
Санкции ООН против Ливии (дело Локерби) [31]	1992 – 2003	авиа-эмбарго, заморозка активов, запрет поставок вооружений (рез. 748)	добиться выдачи подозреваемых в теракте над Локерби	Триполи выдал обвиняемых и выплатил компенсации; санкции сняты
Санкции ООН против Талибана / «Аль-Каиды» [8]	с 1999	режим 1267: заморозка активов, запрет поездок, эмбарго на оружие	пресечь поддержку международного терроризма	механизм сохраняет действие; перечень лиц расширен
Закон «О санкциях против Ирана» США [351]	с 1996	вторичные санкции против инвесторов в иранский нефтегазовый сектор	сдержать развитие иранского энергетического сектора	сужение западных инвестиций; Иран сместился к азиатским партнёрам
Санкции ЕС и США против Мьянмы [336]	1997 – 2008	визовые запреты, заморозка активов генералов, блокировка торговли древесиной и драгоценными камнями	давление на режим СПДК за нарушения прав человека	частичная либерализация, полит. реформы 2011–2015 гг.
Санкции США по «поправке Гленна» против Индии и Пакистана [567]	1998 – 2001	автоматическое прекращение военной и экономической помощи после ядерных испытаний	нераспространение ядерного оружия	частично сняты 2001 г.; страны сохранили ядерный статус

Окончание приложения Д

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Санкции СБ ООН по ядерной программе Ирана [14]	2006 – 2008	рез. 1737/1747: запрет экспорта ядерных и ракетных технологий, заморозка активов	заставить Тегеран приостановить обогащение урана	переговоры «5 + 1»; подготовка к СВПД
Санкции ООН против КНДР [13]	с 2006	рез. 1718: оружейное, ракетное и ядерное эмбарго, заморозка активов	остановить ядерно-ракетные испытания Пхеньяна	частичный контроль; КНДР продолжила программы
Санкции ООН против Либерии [9]	2001 – 2007	рез. 1343: алмазы, древесина, вооружения; заморозка активов	пресечь финансирование конфликтов в Сьерра-Леоне	свержение режима Т. Тейлора; постепенная отмена ограничений
Санкции ООН против Судана (Дарфур) [10]	с 2005	рез. 1591: эмбарго на оружие, запрет поездок, заморозка счетов	принудить стороны конфликта в Дарфуре к мирному процессу	ограниченный эффект; конфликт затянулся
Санкции США против Зимбабве [354]	с 2003	указ 13288: заморозка активов и запрет виз для руководства Мугабе	стимулировать политические реформы и соблюдение прав человека	режим ужесточён; ограниченный политический эффект

Источник: составлено автором.

Известные случаи применения санкций в период 2008 – настоящее время

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Санкции СБ ООН против Ирана (ядерная программа) [18]	2010 – н.в.	эмбарго на тяжёлое вооружение, финконтроль, расширенные экспортные лицензии	остановить обогащение урана	переговоры «5+1», СВПД-2015, частичный отзыв/возврат санкций
Санкции СБ ООН против Ливии (дело Локерби, затем гражданская война) [19]	2011 – 2016	оружейное эмбарго, запрет полётов, заморозка активов	защитить гражданских, добиться выдачи обвиняемых	режим Каддафи свергнут, санкции сняты
Санкции ЕС против Сирии [339]	2011 – н.в.	нефтяное эмбарго, заморозка активов, запрет на оборудование для подавления протестов	заставить Дамаск прекратить насилие	экономический упадок, зависимость от союзников
Санкции ЕС/США против России (Крым) [340]	2014 – н.в.	заморозка активов, визовые баны, секторные ограничения по финансам, ВПК и энерго-технологиям	изменить политику России на Украине	технологическая изоляция, контрсанкции России
Санкции СБ ООН против КНДР (усиленный пакет) [23]	2016 – н.в.	полное эмбарго на уголь, железо, металлы; лимиты на нефть; заморозка активов	остановить ядерно-ракетные испытания	доходы КНДР сократились, испытания продолжились
Глобальный закон Магнитского (США) [335]	с 2016	адресные визовые и финансовые меры против нарушителей прав человека и коррупционеров по всему миру	создать универсальный механизм ответственности	более 500 лиц/компаний в Списке специально обозначенных граждан и заблокированных лиц; аналоги в Канаде, ЕС, Британии
Санкции США против Венесуэлы [355]	2017 – н.в.	запрет новых долговых бумаг, нефтяное эмбарго, SDN-лист руководства	добиться политреформ и выборов	экспорт нефти упал; кризис затянулся

Окончание приложения Е

Случай использования	Период	Описание мер	Цель	Итог
Санкции СБ ООН против Южного Судана [28]	2018 – н.в.	всеобъемлющее оружейное эмбарго, заморозка активов, визовые запреты	снизить интенсивность гражданской войны	мирные переговоры, частичное соблюдение
Санкции ЕС/США/Великобритании против Беларуси [338]	2020 – н.в.	визовые запреты, заморозка активов, ограничения на калий и облигации	прекратить репрессии, начать диалог	рост внешних издержек, усиление зависимости от России
Санкции США против Мьянмы (после переворота) [357]	2021 – н.в.	заморозка активов генералов, запрет на госпредприятия, вторичные меры	вернуть гражданское правление	экономический спад; хунта ищет поддержку КНР
Санкции ЕС/США против китайских должностных (Синьцзян) [341]	2021 – н.в.	визовые баны, заморозка активов, запрет импорта товаров принудительного труда	ответ на нарушения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	ответные контрсанкции КНР; напряжённость усилилась

Источник: составлено автором.

Статистические данные для SVAR-модели

<i>Date</i>	<i>Real GDP</i>	<i>CPI</i>	<i>Exchange rate</i>	<i>Export</i>	<i>Net investment inflows</i>	<i>Key rate</i>	<i>Sanctions</i>
2004-01-01 00:00:00	3057,558	101,1991	28,62782	31339,21	-592,1	16	0
2004-04-01 00:00:00	3350,747	100,8333	28,89367	35180,86	-486,51	14	0
2004-07-01 00:00:00	3863,908	100,5664	29,17235	39827,45	2151,56	13	0
2004-10-01 00:00:00	3882,553	101,1	28,51967	41427,22	-2693,92	13	0
2005-01-01 00:00:00	3711,692	105,09	27,85411	40867,25	-775,92	13	0
2005-04-01 00:00:00	4210,459	103,2	28,08865	48666,35	-2571,33	12	0
2005-07-01 00:00:00	4867,862	101,15	28,51808	53274,87	-3386,55	12	0
2005-10-01 00:00:00	5330,715	101,44	28,71301	58433,02	9105,4	12	0
2006-01-01 00:00:00	4783,98	104,67	28,07754	54844,64	-2915,01	12	0
2006-04-01 00:00:00	5488,249	101,87	27,2026	65119,21	-5958,03	11,5	0
2006-07-01 00:00:00	6324,016	101,17	26,8057	68427,42	-1873,17	11	0
2006-10-01 00:00:00	6781,143	101,09	26,58619	69607,64	3144,59	11	0
2007-01-01 00:00:00	6260,432	103,39	26,30369	64795,92	-12019,7	10,5	0
2007-04-01 00:00:00	6916,881	102,08	25,85777	72903,99	8421,1	10,5	0
2007-07-01 00:00:00	7870,469	102,04	25,50333	76984,22	19,28	10	0
2007-10-01 00:00:00	8167,445	103,42	24,64817	89538,73	-7493,14	10	0
2008-01-01 00:00:00	7402,362	104,74	24,24563	90362,51	-4915,34	10,25	0
2008-04-01 00:00:00	8381,255	103,89	23,62286	103167,4	-5858,41	10,5	0
2008-07-01 00:00:00	9473,581	102,13	24,22793	110373,4	-5596,16	11	0
2008-10-01 00:00:00	9667,521	102,38	27,2646	88699,2	-2750,38	12,5	0
2009-01-01 00:00:00	8060,753	104,72	34,39278	55857,26	4168,96	13	0
2009-04-01 00:00:00	9096,58	102,71	32,25626	62547,67	1075,66	12	0
2009-07-01 00:00:00	10547,27	101,21	31,33602	82649,89	-2824,32	10,75	0

<i>Date</i>	<i>Real GDP</i>	<i>CPI</i>	<i>Exchange rate</i>	<i>Export</i>	<i>Net investment inflows</i>	<i>Key rate</i>	<i>Sanctions</i>
2009-10-01 00:00:00	10344,06	100,3	29,47528	90131,98	4277,13	9,5	0
2010-01-01 00:00:00	8673,793	102,81	29,84229	78151,42	1651,93	8,5	0
2010-04-01 00:00:00	9707,09	101,47	30,24477	84320,57	1816,31	8	0
2010-07-01 00:00:00	10809,7	101,44	30,61896	85552,52	3054,91	7,75	0
2010-10-01 00:00:00	11365,9	102,15	30,71635	95738,24	2925,35	7,75	0
2011-01-01 00:00:00	10323,04	104,13	29,16396	96436,67	193,3	8	0
2011-04-01 00:00:00	11338,6	101,5	28,00532	113160,8	5270,82	8,25	0
2011-07-01 00:00:00	12696,37	100,12	29,07683	110576,5	-685,4	8,25	0
2011-10-01 00:00:00	13934,77	100,8	31,242	124352	6988,44	8	0
2012-01-01 00:00:00	13767,47	101,38	30,0278	118818	-1527,72	8	0
2012-04-01 00:00:00	15135,39	101,47	31,06196	120804,5	7599,79	8	0
2012-07-01 00:00:00	16295,21	102,26	31,99853	115165,2	-2217,15	8,25	0
2012-10-01 00:00:00	17316,82	101,27	31,07905	129178,9	-5620,06	8,25	0
2013-01-01 00:00:00	15354,5	101,94	30,41582	117089	25409,73	8,25	0
2013-04-01 00:00:00	16718,97	101,51	31,66095	121200,1	-9139,49	8,25	0
2013-07-01 00:00:00	17983,25	101,48	32,79849	123643,8	-3590,07	5,5	0
2013-10-01 00:00:00	19246,71	101,29	32,54386	133477,4	4607,46	5,5	0
2014-01-01 00:00:00	16362,25	101,94	35,14362	116078,4	4503,24	7	1
2014-04-01 00:00:00	17605,12	102,65	35,02425	122087,4	2129,83	7,5	2
2014-07-01 00:00:00	19270,48	101,59	36,16238	117863,3	12260,14	8	4
2014-10-01 00:00:00	20290,84	103,11	47,55393	106609,2	16157,67	13,25	4,5
2015-01-01 00:00:00	17047,2	108,1	63,19194	83266,57	559,42	14,5	4,5
2015-04-01 00:00:00	18455,94	102,3	52,7653	85460,57	5741,57	12	4,5
2015-07-01 00:00:00	20194,79	101,47	63,00362	72943,21	8366,04	11	4,5

<i>Date</i>	<i>Real GDP</i>	<i>CPI</i>	<i>Exchange rate</i>	<i>Export</i>	<i>Net investment inflows</i>	<i>Key rate</i>	<i>Sanctions</i>
2015-10-01 00:00:00	21777	102,01	66,05264	76480,07	565,1	11	4,5
2016-01-01 00:00:00	18429,82	102,31	74,9103	59010,97	7758,81	11	4,5
2016-04-01 00:00:00	19814,45	101,36	65,92981	65716,03	-174,79	10,5	4,5
2016-07-01 00:00:00	21801,38	100,98	64,61057	69534,86	-2184,82	10	4,5
2016-10-01 00:00:00	23204,06	100,98	62,98013	79610,25	-15623,77	10	4,5
2017-01-01 00:00:00	19132,5	101,23	58,64164	76741,23	2561,9	9,75	4,5
2017-04-01 00:00:00	20931,1	100,94	57,09764	80023,03	-5390,32	9,125	4,5
2017-07-01 00:00:00	22821,65	100,19	59,01549	81248,67	1530,77	8,5	5
2017-10-01 00:00:00	24293,73	100,2	58,40221	96842,68	9497,21	8	5
2018-01-01 00:00:00	21113,78	100,9	56,81487	95414,18	5607,39	7,375	5
2018-04-01 00:00:00	22515,71	101,06	61,91301	98181,96	2501,03	7,25	5
2018-07-01 00:00:00	24342,89	100,79	65,55148	98966,4	4130,06	7,25	5
2018-10-01 00:00:00	26451,1	101,07	66,51763	111251	10353,56	7,625	5
2019-01-01 00:00:00	22786,51	102,14	65,74296	95021,69	-1242,92	7,75	5
2019-04-01 00:00:00	25308,7	100,89	64,52174	96517,56	-1325,69	7,375	5
2019-07-01 00:00:00	27949,49	100,12	64,59362	101709,1	-6866,33	7	5,5
2019-10-01 00:00:00	30117,5	100,25	63,74489	112744,2	-616,71	6,375	5,5
2020-01-01 00:00:00	24981,69	101,14	66,62627	89654,59	4377,27	6	5,5
2020-04-01 00:00:00	24680,59	101,57	72,04791	73128,66	-1618,09	5	5,5
2020-07-01 00:00:00	27402,63	100,54	73,56878	77830,9	-5411,23	4,25	5,5
2020-10-01 00:00:00	29634,4	101,12	76,20301	90071,9	-979,76	4,25	5,5
2021-01-01 00:00:00	25081,98	102,22	74,36855	83346,9	3182,83	4,5	5,5
2021-04-01 00:00:00	26477,74	102,01	74,29358	94770,42	3278,81	5,25	5,5
2021-07-01 00:00:00	29237,14	101,33	73,47093	108830,7	4254,03	6,625	5,5

<i>Date</i>	<i>Real GDP</i>	<i>CPI</i>	<i>Exchange rate</i>	<i>Export</i>	<i>Net investment inflows</i>	<i>Key rate</i>	<i>Sanctions</i>
<i>2021-10-01 00:00:00</i>	33130,42	102,5	72,6543	127083,4	14717,11	8	5,5
<i>2022-01-01 00:00:00</i>	29129,15	105,27	87,34786	122003,9	263,33	14,75	8
<i>2022-04-01 00:00:00</i>	30903,51	106,95	66,51414	126831,5	10838,27	11,75	9
<i>2022-07-01 00:00:00</i>	34508,14	99,09	59,47827	126120,1	9788,77	8	9,5
<i>2022-10-01 00:00:00</i>	39440,77	100,55	62,6937	133559,2	5824,15	7,5	9,5
<i>2023-01-01 00:00:00</i>	36322,61	101,92	72,97114	105520,6	8848,54	7,5	9,5
<i>2023-04-01 00:00:00</i>	38876,14	101,12	81,24019	100325,7	3821,4	7,5	9,5
<i>2023-07-01 00:00:00</i>	40982,57	101,47	94,20012	99165,97	3659,9	10,25	9,5
<i>2023-10-01 00:00:00</i>	44609,78	102,51	92,75335	93830,8	4420,96	15,5	9,5

Источник: составлено автором на основании [254;255;256;324;325;326] .

Результаты теста на стационарность (ADF-теста), следующие:

Переменная	ADF Statistic	p-value	Результат
Real GDP	1.8502	0.9984	Нестационарный
CPI	-4.1508	0.0008	Стационарный
Exchange rate	-0.1216	0.9472	Нестационарный
Export	-2.8870	0.0469	Стационарный
Net investment inflows	-3.3019	0.0148	Стационарный
Key rate	-2.0392	0.2697	Нестационарный
Sanctions	0.0117	0.9595	Нестационарный

Результаты теста на стационарность (ADF-теста) после преобразования,
следующие:

Переменная	ADF Statistic	p-value	Результат
Real GDP ($\Delta^2 \log$)	-4.0787	0.0011	Стационарна
CPI	-4.1508	0.0008	Стационарна
Exchange rate ($\Delta \log$)	-8.2753	0.0000	Стационарна
Export	-2.8870	0.0469	Стационарна
Net investment inflows	-3.3019	0.0148	Стационарна
Key rate (Δ)	-5.5461	0.0000	Стационарна
Sanctions	0.0117	0.9595	Нестационарна

Результаты определение количества лагов, следующие:

Количество лагов	AIC	BIC	HQIC
1	26.05	27.39	26.58
2	25.38	27.86	26.36
3	25.28	28.91	26.72
4	24.29	29.08	26.20
5	24.34	30.27	26.70
6	23.75	30.83	26.56
7	23.34	31.56	26.61
8	22.83	32.20	26.55

Математические выражения информационных критериев AIC, BIC и HQ

(HQIC) представлены ниже:

1. Информационный критерий Акаике (AIC):

$$AIC = -2 \cdot \ln(L) + 2k$$

2. Информационный критерий Байеса (BIC или SIC):

$$BIC = -2 \cdot \ln(L) + k \cdot \ln(n)$$

3. Информационный критерий Ханнана-Куинна (HQ или HQIC):

$$HQ = -2 \cdot \ln(L) + 2k \cdot (\ln(\ln(n)))$$

где:

- L — значение функции максимального правдоподобия (likelihood function) оцениваемой модели;
- k — количество оцениваемых параметров модели;
- n — число наблюдений в выборке.

Результаты тестов Дарбина–Уотсона и Льюнга–Бокса (на 4 лага)

Переменная	Durbin–Watson	Ljung–Box Q(4)	p-значение
Реальный ВВП	1.81	1.41	0.842
Индекс CPI	1.94	5.52	0.238
Валютный курс	2.06	2.21	0.698
Экспорт	1.83	2.96	0.565
Чистый приток инвестиций	2.36	4.13	0.389
Ключевая ставка ЦБ	1.51	8.81	0.066

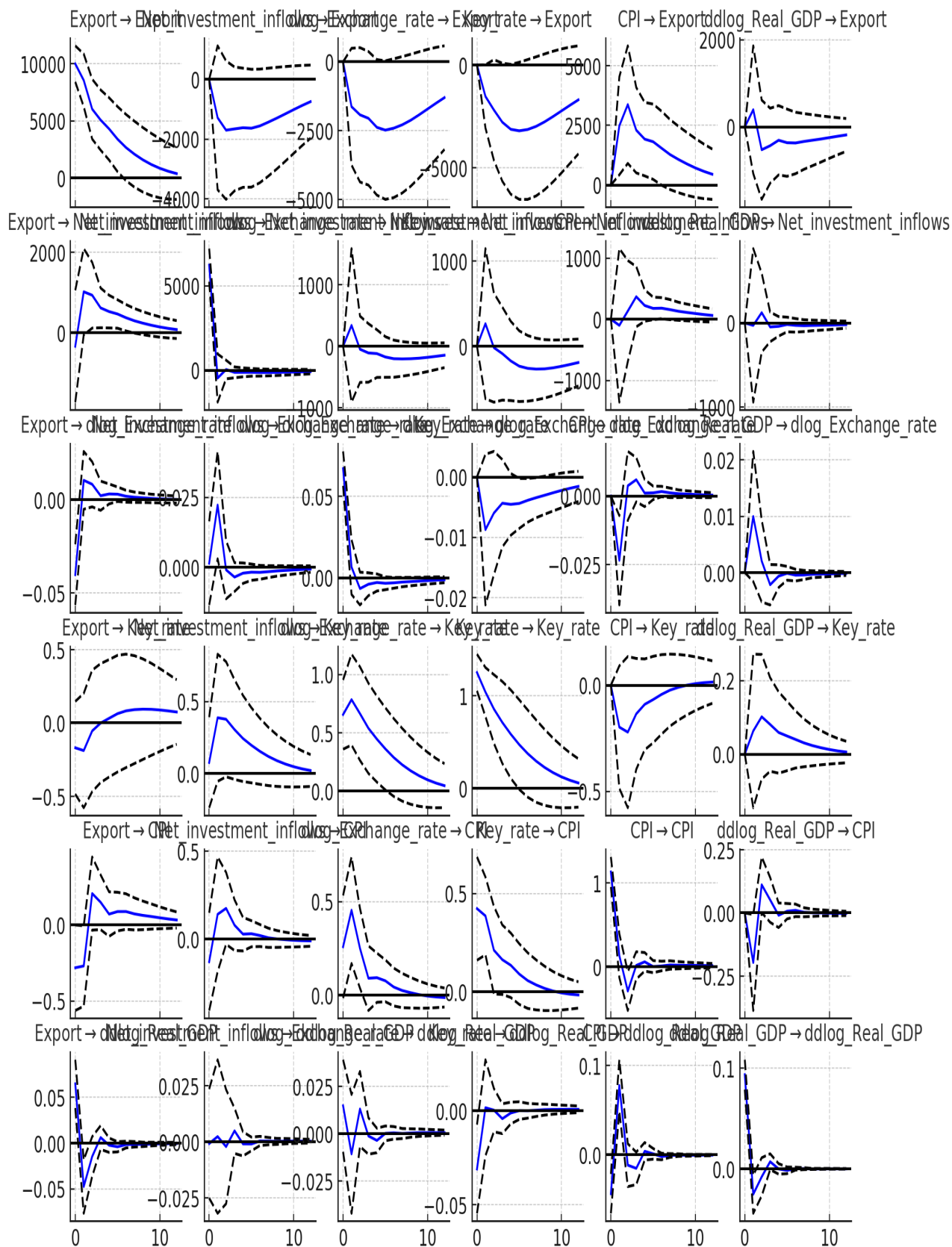
Интерпретация:

- Durbin–Watson в интервале [1.5–2.5] — признак отсутствия значимой автокорреляции.
- Ljung–Box показывает отсутствие автокорреляции, если p-значение > 0.05.
- Только по ключевой ставке ЦБ наблюдается пограничное значение ($p = 0.066$), которое не свидетельствует о значимой автокорреляции, но может потребовать дополнительной проверки при изменении спецификации модели.

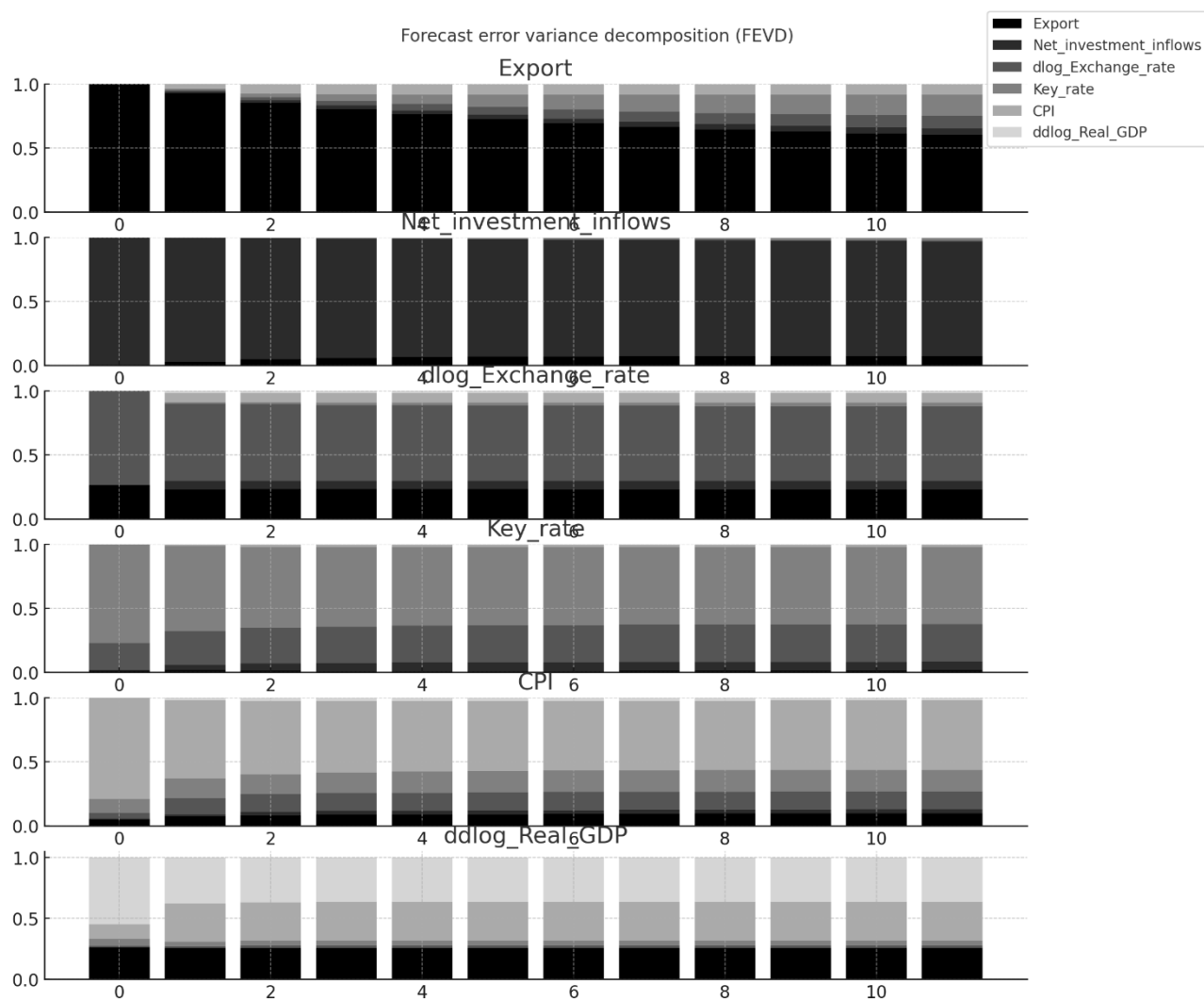
Импульсные отклики (IRFs) на санкционный шок, квартальный горизонт:

1–12

Impulse responses (orthogonalized)

Дисперсионное разложение ошибки прогноза (FEVD) для каждого
эндогенного показателя в модели VAR(4) на горизонте 12 кварталов

Хронология введения международных экономических санкций против России

Год	Инициатор(ы) санкций	Характер санкций	Описание
2014	США и ЕС [429]	замораживание активов, запрет на въезд, ограничения на деловые связи	санкции в ответ на аннексию Крыма и дестабилизацию на востоке Украины; ограничения против отдельных лиц и компаний
2014	США [555]	закон «О поддержке свободы Украины»	расширение санкций на энергетический и финансовый секторы, запрет на экспорт технологий
2014	ЕС [346]	ограничения на доступ к финансовым рынкам ЕС, эмбарго на торговлю оружием, запрет на экспорт товаров двойного назначения	санкции против российских банков, нефтяных компаний, оборонной промышленности
2016	США [517]	санкции в связи с кибератаками и вмешательством в выборы	санкции против российских спецслужб и связанных с ними лиц и организаций
2018	США [508]	санкции по «Закону о противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA)	ограничения против российских олигархов, чиновников и компаний, связанных с оборонным и разведывательным секторами
2020	ЕС и Великобритания [347]	санкции в связи с отравлением Алексея Навального	ограничения против физических и юридических лиц, причастных к нарушениям прав человека и использованию химического оружия
2021	США [518]	санкции в связи с вмешательством в выборы и кибератаками	выдворение дипломатов, санкции против российских компаний и физических лиц
2022	США, ЕС, Великобритания, Канада и другие страны [286]	всеобъемлющие санкции: замораживание активов, отключение банков от SWIFT, запрет на экспорт технологий, энергетическое эмбарго	санкции в ответ на военную операцию России на Украине; ограничения против российских банков, предприятий, физических лиц, ЦБ РФ
2022	ЕС [272]	пакеты санкций (первый по одиннадцатый)	постепенное расширение санкций, включающее запрет на импорт российской нефти, ограничение цен на энергоносители, персональные санкции
2023	G7 [516]	усиление санкций, запрет на реэкспорт, ограничения на поставки технологий	координация действий по предотвращению обхода санкций, усиление контроля за экспортом технологий двойного назначения

Год	Инициатор(ы) санкций	Характер санкций	Описание
2024	США [293]	Блокирующие санкции против ключевых российских банков и финансовых институтов	В ноябре 2024 года США ввели санкции против Газпромбанка и около 50 других российских банков, а также против системы финансовых сообщений Банка России (СПФС), что привело к дестабилизации валютного рынка и усложнило расчёты за экспорт энергоносителей.
2024	ЕС [298]	15-й пакет санкций: ограничения в энергетическом, военно-промышленном, транспортном и строительном секторах	В декабре 2024 года ЕС утвердил 15-й пакет санкций, направленных на ключевые сектора российской экономики, включая энергетический и транспортный. Были введены вторичные санкции против лиц из РФ и «дружественных государств» для предотвращения обхода санкций через третьи страны.
2025	ЕС [322]	16-й пакет санкций: запрет на импорт алюминия, ограничения на «теневой флот», финансовые ограничения	В феврале 2025 года ЕС принял 16-й пакет санкций, включающий запрет на импорт российского алюминия, ограничения на 73 судна «теневого флота», запрет на транзакции с российскими портами и аэропортами, а также ограничения на экспорт технологий, связанных с разведкой и добычей нефти и газа.
2025	США [313]	Расширение санкций на энергетический сектор, судоходство и связанные компании	В январе 2025 года США ввели масштабные санкции против российского энергетического сектора, включая нефтяные компании «Газпром нефть» и «Сургутнефтегаз», а также 183 судна, участвующих в экспорте энергии. Санкции направлены на снижение нефтяных доходов России и ограничение её возможностей финансировать военные действия.
2025	G7 [308]	Усиление санкций, запрет на реэкспорт, ограничения на поставки технологий	В 2025 году страны G7 скоординировали действия по предотвращению обхода санкций, усилили контроль за экспортом технологий двойного назначения и ввели дополнительные ограничения на сотрудничество с российскими предприятиями.

Источник: составлено автором.

Хронология введения международных экономических санкций против Ирана

Год	Инициатор(ы) санкций	Характер санкций	Описание
1979	США [488]	замораживание активов Ирана, запрет на торговлю	после захвата американского посольства в Тегеране США замораживают иранские активы и вводят эмбарго на торговлю с Ираном
1995	США [462]	полное торговое и инвестиционное эмбарго	Президент Билл Клинтон подписывает указ о запрещении американским компаниям торговать с Ираном и инвестировать в его экономику
1996	США [384]	акт о санкциях против Ирана и Ливии (ILSA)	санкции против иностранных компаний, инвестирующих более 20 млн. долл. США в нефтегазовый сектор Ирана
2006	СБ ООН [12]	резолюция 1696: требование приостановить обогащение урана	первая резолюция СБ ООН по Ирану, связанная с ядерной программой; предупреждение о возможных мерах в случае невыполнения требований
2006	СБ ООН [14]	резолюция 1737: запрет на поставки ядерных материалов, замораживание активов	введение санкций в связи с отказом Ирана выполнить требования предыдущей резолюции; ограничения на ядерное сотрудничество
2007	СБ ООН [15]	резолюция 1747: усиление санкций, эмбарго на оружие	расширение списка лиц и организаций, чьи активы подлежат замораживанию; введение эмбарго на поставки оружия Ирану
2008	СБ ООН [16]	резолюция 1803: дополнительные финансовые и торговые ограничения	усиление санкций в отношении банковского сектора, проверка грузов, направляющихся в Иран или из него
2010	СБ ООН [18]	резолюция 1929: расширение военных и финансовых санкций	запрет Ирану на деятельность, связанную с баллистическими ракетами; ограничения на инвестиции в ядерный и газовый сектора
2010	США [412]	закон о всеобъемлющих санкциях против Ирана (CISADA)	расширение санкций на нефтехимический сектор; санкции против иностранных банков, сотрудничающих с иранскими банками
2012	ЕС [345]	эмбарго на импорт иранской нефти, замораживание активов Центрального банка Ирана	ЕС вводит запрет на импорт нефти из Ирана и замораживает активы ЦБ Ирана в Европе

Год	Инициатор(ы) санкций	Характер санкций	Описание
2012	США [384]	закон о снижении иранской угрозы и правах человека в Сирии	санкции против компаний, покупающих иранскую нефть, если они не сокращают объемы закупок
2015	СБ ООН [22]	резолюция 2231: утверждение СВПД	снятие части санкций в обмен на ограничение ядерной программы Ирана; механизм возврата санкций в случае нарушения соглашения
2018	США [314]	выход из СВПД и восстановление всех санкций	администрация Трампа объявляет о выходе из ядерной сделки и возобновляет прежние санкции, вводит новые ограничения
2019	США [277]	санкции против верховного лидера Ирана и МИД Ирана	замораживание активов аятоллы Али Хаменеи и связанных с ним структур; введение санкций против главы МИД Мохаммада Джавада Зарифа
2020	США [318]	санкции против банковского сектора и энергетической промышленности	введение санкций против 18 иранских банков; ограничения на экспорт нефти и нефтехимической продукции
2021	США [317]	частичное снятие санкций в рамках переговоров о возвращении к СВПД	администрация Байдена выражает готовность к переговорам и временно приостанавливает некоторые санкции для содействия диалогу
2022	ЕС и Великобритания [274]	санкции в связи с нарушениями прав человека и поддержкой России в конфликте на Украине	введение санкций против лиц и организаций, причастных к подавлению протестов и поставкам беспилотников России
2023	МАГАТЭ [333]	усиление контроля и мониторинга ядерной программы Ирана	МАГАТЭ выражает обеспокоенность ростом обогащения урана в Иране до 84% и ограничением доступа инспекторов к ядерным объектам
2024	США [276]	Санкции против иранских и российских организаций за вмешательство в выборы	В декабре 2024 года США ввели санкции против иранских и российских организаций, обвиняемых во вмешательстве в президентские выборы 2024 года. Среди них — дочерняя структура Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и российская организация, связанная с ГРУ. Эти группы якобы участвовали в дезинформационных кампаниях, направленных на влияние на американский электорат и разжигание социально-политической напряженности

Год	Инициатор(ы) санкций	Характер санкций	Описание
2024	ЕС [268]	Санкции за поставки оружия России и вооружённым группировкам	В октябре 2024 года ЕС объявил о новых санкциях против Ирана в ответ на поставки ракет и дронов России и вооружённым группировкам на Ближнем Востоке, таким как «Хезболла». Санкции затронули семь организаций, включая Iran Air, а также нескольких иранских военных и государственных чиновников
2024	ЕС [307]	Продление санкций за поддержку России в конфликте на Украине	В июле 2024 года Совет ЕС продлил до 27 июля 2025 года санкции, введенные против Ирана за поддержку войны России на Украине и передачу дронов и боеприпасов вооружённым группировкам на Ближнем Востоке и в регионе Красного моря
2025	США [310]	Санкции против «теневого флота» Ирана	В феврале 2025 года США ввели новые санкции против иранской нефтяной отрасли, включая более 30 брокеров, операторов танкеров и судоходных компаний, участвующих в продаже и транспортировке иранской нефти. Эти меры направлены на сокращение экспорта иранской нефти и предотвращение финансирования дестабилизирующей деятельности
2025	США [292]	Санкции против китайских НПЗ и судов за импорт иранской нефти	В марте 2025 года США ввели санкции против китайских независимых нефтеперерабатывающих заводов и судов, поставляющих им иранскую нефть. Эти меры направлены на сокращение экспорта иранской нефти и предотвращение финансирования иранской ядерной программы
2025	США [331]	Санкции против иранских нефтехимических компаний и судов	В феврале 2025 года США ввели санкции против лиц и организаций, причастных к нефтяной и нефтехимической промышленности Ирана, а также к транспортировке иранской нефти. Эти меры направлены на ограничение финансовых ресурсов Ирана и сдерживание его ядерной программы

Источник: составлено автором.

Хронология введения международных экономических санкций против Венесуэлы

Год	Инициатор санкций	Характер санкций	Описание
2014	США [563]	Визовые ограничения, замораживание активов	Введение санкций против венесуэльских чиновников, причастных к нарушениям прав человека во время протестов
2015	США [349]	Визовые ограничения, замораживание активов	Расширение санкций на 110 граждан Венесуэлы и восьми организаций, обвиняемых в подрыве демократических процессов
2017	США [355]	Финансовые ограничения, запрет на сделки с госдолгом	Президент Дональд Трамп подписал указ 13808, введший ограничения на сделки с новыми долговыми обязательствами и ценными бумагами, выпущенными правительством Венесуэлы и государственной нефтяной компанией PDVSA
2017	ЕС [337]	Эмбарго на поставки оружия, замораживание активов, визовые ограничения	Введение запрета на экспорт оружия и материалов, которые могут быть использованы для внутренних репрессий; замораживание активов и запрет на въезд для семи венесуэльских чиновников
2018	США [565]	Санкции против нефтяного сектора, замораживание активов	Введение санкций против PDVSA, замораживание активов компании в США и запрет на сделки с ней
2019	США [356]	Политика максимального давления, вторичные санкции	Усиление санкций, направленных на отстранение президента Николаса Мадуро от власти, включая вторичные санкции против иностранных компаний, сотрудничающих с Венесуэлой
2023	США [510]	Смягчение санкций в нефтяном и золотодобывающем секторах	В ответ на соглашение о проведении выборов 2024 года, достигнутое между правительством и оппозицией, США смягчили санкции против нефтегазового и золотодобывающего секторов Венесуэлы
2024	США [553]	Усиление санкций, визовые ограничения, замораживание активов	Введение санкций против 16 союзников президента Мадуро за их роль в препятствовании выборам и поддержке репрессий после спорных выборов в июле 2024 года

Окончание приложения П

Год	Инициатор санкций	Характер санкций	Описание
2025	США, ЕС, Великобритания [507]	Санкции против высокопоставленных чиновников, увеличение вознаграждений за информацию	Введение санкций против восьми венесуэльских чиновников, включая главу PDVSA и министра транспорта; увеличение вознаграждения за информацию, ведущую к аресту президента Мадуро

Источник: составлено автором.

Хронология введения международных экономических санкций против КНДР

Год	Инициатор санкций	Характер санкций	Описание
1950	ООН [33]	торговое эмбарго	во время Корейской войны ООН вводит торговое эмбарго против Северной Кореи в ответ на вооруженную агрессию против Южной Кореи
1993	СБ ООН [34]	требование прекратить разработку ядерного оружия	резолюция 825 призывает КНДР пересмотреть свое решение о выходе из ДНЯО и сотрудничать с МАГАТЭ
2006	СБ ООН [11]	резолюция 1695: запрет на поставки ракет и связанных материалов	в ответ на испытание баллистической ракеты КНДР введены ограничения на поставки материалов и технологий, связанных с ракетными программами
2006	СБ ООН [13]	резолюция 1718: эмбарго на оружие, запрет на поставки ядерных материалов, замораживание активов, запрет на поездки	после первого ядерного испытания КНДР введены санкции, направленные на предотвращение развития ядерной и ракетной программ
2009	СБ ООН [17]	резолюция 1874: усиление санкций, расширение эмбарго на оружие, инспекции грузов	в ответ на второе ядерное испытание санкции усилены, введены проверки судов и самолетов на наличие запрещенных грузов
2012	СБ ООН [20]	резолюция 2087: расширение санкций, добавление новых лиц и организаций в санкционный список	после запуска спутника с использованием технологии баллистических ракет введены дополнительные ограничения
2013	СБ ООН [21]	резолюция 2094: усиление финансовых санкций, запрет на экспорт ценных металлов, ограничение денежных переводов	реакция на третье ядерное испытание; усиление мер по предотвращению финансирования ядерной и ракетной программ КНДР
2016	СБ ООН [23]	резолюция 2270: значительное расширение санкций, запрет на экспорт угля, железа, золота, титана и других ресурсов	после четвертого ядерного испытания введены жесткие экономические санкции, направленные на ограничение валютных поступлений КНДР
2016	СБ ООН [24]	резолюция 2321: ограничение экспорта угля, запрет на экспорт меди, никеля, цинка, серебра	усиление санкций после пятого ядерного испытания; дальнейшее ограничение экспорта природных ресурсов
2017	СБ ООН [25]	резолюция 2371: запрет на экспорт угля, железа, свинца, морепродуктов; запрет на создание совместных предприятий	реакция на запуск межконтинентальных баллистических ракет; усиление экономических санкций

Год	Инициатор санкций	Характер санкций	Описание
2017	СБ ООН [26]	резолюция 2375: ограничение поставок нефти, запрет на экспорт текстиля, ограничения на работу северокорейских граждан за рубежом	после шестого ядерного испытания введены санкции, направленные на сокращение поставок энергоносителей и валютных поступлений
2017	СБ ООН [27]	резолюция 2397: ограничение поставок нефтепродуктов, репатриация северокорейских рабочих, запрет на экспорт продовольствия и техники	усиление санкций после очередных ракетных испытаний; цель — дальнейшее ограничение финансирования запрещенных программ
2022	США, Япония, Южная Корея [319]	дополнительные национальные санкции: замораживание активов, запрет на финансовые операции	в ответ на новые ракетные испытания и усиление ядерной программы КНДР отдельные страны вводят дополнительные санкции
2023	СБ ООН [302]	попытки ввести новые санкции блокируются некоторыми членами Совета Безопасности	из-за разногласий между постоянными членами СБ ООН новые резолюции не принимаются, что затрудняет усиление международного давления на КНДР
2024	США [564]	Финансовые санкции, замораживание активов	Введены санкции против северокорейских финансовых учреждений и физических лиц, поддерживающих военные усилия России в Украине.
2024	США [312]	Санкции против российских компаний	Внесение в санкционный список российских компаний, участвующих в передаче боеприпасов из КНДР в Россию.
2024	ЕС [273]	Персональные санкции	Введение санкций против министра обороны КНДР Кан Сун Нама за поддержку действий России против Украины.
2024	Великобритания, Австралия [554]	Санкции против российских компаний	Введение санкций против российских компаний, участвующих в перевозке вооружений из КНДР в Россию.
2024	ЕС [275]	Санкции против российских компаний	Введение санкций против российских компаний, участвующих в незаконной торговле оружием с КНДР.

Источник: составлено автором.

Уязвимость ключевых секторов экономики Таджикистана к потенциальному санкционному воздействию

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
Алюминиевая промышленность (ТАЛКО)	- ключевой экспортный сектор: исторически давал ~50–60% валютной выручки Таджикистана; - крупнейшее промышленное предприятие страны, со 100% государственной долей; - потребляет до 40% всей электроэнергии страны, обеспечивает тысячи рабочих мест и значимые валютные поступления	- полностью зависит от внешних поставок сырья и технологий; - оборудование и запчасти для поддержания производства закупаются за границей – модернизация возможна только при участии иностранных инвесторов; - сбыт алюминия практически полностью – экспортируется в страны Центральной Азии, Турцию, Китай, Европу и др.	Технологические – санкции перекроют доступ к импортному сырью и оборудованию, что может остановить выпуск алюминия	Высокий. Алюминиевая отрасль крайне зависима от внешних факторов – импортного сырья и доступа на внешние рынки. Экономика Таджикистана в значительной мере опирается на экспорт алюминия, что делает её «узким местом» уязвимости. В случае санкций производство практически остановится, а государство понесёт большие потери валютной выручки и налогов. Отрасль не имеет внутренних резервов устойчивости, поэтому степень уязвимости оценивается как высокая
			Торговые – потеря ключевых рынков сбыта (запрет на поставки в Европу и др.) лишит отрасль основного дохода	
			- Финансовые – возможна заморозка зарубежных счетов и транзакций ТАЛКО; осложнится расчёт в долларах/евро за экспорт - Социальные – спад производства приведёт к сокращению рабочих мест на заводе и смежных отраслях	

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
Энергетика (гидроэнергетика и топливно-энергетический комплекс)	- базовый сектор инфраструктуры: ~98% электроэнергии вырабатывается ГЭС (Нурек – одна из крупнейших ГЭС мира); - энергетика обеспечивает внутренние потребности населения и промышленности (в т.ч. электроснабжение ТАЛКО) и даёт небольшой экспорт (продажа электроэнергии соседним странам в летний период); - развитие отрасли – приоритет государства (стройка Рогунской ГЭС для кратного наращивания выработки); - от импорта топлива зависит транспорт и сельское хозяйство	- импорт нефтепродуктов – критический канал: до 1 млн. тонн топлива ежегодно поставляется из России на льготных условиях (без пошлин), причём доминирует компания «Газпром нефть – Таджикистан» (дочернее предприятие российского концерна); - финансирование и технологии – крупные энергетические проекты зависят от иностранных инвесторов и подрядчиков: российские, китайские, иранские фирмы участвуют в строительстве ГЭС и ТЭЦ; - оборудование (турбины, генераторы) почти полностью закупается за рубежом; - логистика – страна не имеет выхода к морю – поставки топлива и энергетические машины	Технологические – санкции осложняют достройку Рогунской ГЭС и других объектов: зарубежные подрядчики могут приостановить работы, поставки импортного оборудования (турбин, трансформаторов) попадут под запрет	Средний. Сектор имеет смешанную устойчивость: с одной стороны, внутренняя гидрогенерация даёт относительную энергонезависимость (электроснабжение основных нужд может поддерживаться собственными ГЭС). С другой – критическая зависимость от импорта топлива и зарубежных инвестиций создаёт уязвимые места. Например, доминирование российского поставщика бензина означает риск для всего рынка ГСМ при санкциях. Развитие гидроэнергетики тоже опирается на внешнее финансирование – в условиях санкций государству трудно в одиночку реализовывать мегапроекты, учитывая и
			Торговые – ограничения на сотрудничество с Таджикистаном затруднят планы по экспорту электроэнергии (например, проект CASA-1000 может замедлиться из-за отзыва международного финансирования)	
			Финансовые – санкции против российских нефтекомпаний уже грозят перебоями в поставках горючего – возможен дефицит бензина/ДТ и скачок цен;	

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
		зависят от транзита через соседей	- отключение от SWIFT затруднит оплату импорта энергоносителей Социальные – нехватка топлива ударит по транспорту и сельскому хозяйству (рост цен на продовольствие), а энергетические проекты без инвестиций означают дефицит электроэнергии в зимний период для населения и потерю рабочих мест	без того высокий квазифискальный дефицит в энергосекторе. Поэтому уязвимость оценивается как средняя: базовые потребности по электричеству закроются за счёт собственных ресурсов, но развитие отрасли и обеспечение топлива сильно страдают
Горнодобывающая промышленность (рудники: золото, серебро, полезные ископаемые)	- быстро растущий экспортный сектор. В последние годы золото стало одним из ведущих экспортных товаров; - Таджикистан обладает ~400 месторождениями 70 видов минерального сырья – крупные запасы золота (оценочно 429 тонн) и серебра, значимые ресурсы сурьмы, свинца, цинка и др.; - горнодобывающая отрасль приносит существенную часть	- иностранные инвесторы и технологии – основа развития отрасли. Более 75% добычи золота контролируется китайскими компаниями (например, крупнейший рудник «Зарафшон» на 70% принадлежит корпорации Zijin из КНР); - Китай обеспечивает ~90% ПИИ в экономику Таджикистана, в том числе финансируя рудники и инфраструктуру;	Технологические – санкции (особенно вторичные) могут вынудить западные сервисные компании покинуть проекты, запретить поставки горного оборудования (буровые установки, перевозчики) – осложняя добычу Торговые – прямые запреты на импорт таджикских драгоценных металлов в США/Европу лишат дохода (хотя Китай	Средний. Отрасль важна для экспорта, но относительно диверсифицирована по рынкам и может опираться на партнеров, не присоединившихся к санкциям (в первую очередь Китай). Китайские инвесторы в значительной мере заменяют западных, смягчая прямое воздействие санкций – благодаря этому добыча золота/полезных

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
	валютной выручки и привлекает иностранные инвестиции, создаёт занятость в горных регионах	- оборудование, горная техника, экспертиза – преимущественно импортные; - рынки сбыта – сырьевые товары (золотой концентрат, руды, металлы) экспортируются за рубеж, часто в Китай или через мировые биржи; - цены и спрос зависят от глобальной конъюнктуры	и другие азиатские партнеры могут продолжить закупки, возможен дисконт) Финансовые – иностранные инвесторы могут заморозить вложения из-за санкционных рисков, новые проекты остановятся. Банковские ограничения затруднят перевод выручки в доллары, расчет за экспорт. Снижение экспортных доходов ударит по бюджету Социальные – при остановке рудников потеря работы коснется локальных сообществ в горных районах	ископаемых может продолжаться даже при западных ограничениях. Однако такая концентрация на одном партнере тоже рискованна: зависимость от Китая и узкого круга компаний означает, что любое изменение внешней конъюнктуры или политики инвестора сильно отразится на отрасли. Кроме того, санкционный режим (CAATSA и др.) в случае выявления обходных схем через Таджикистан может ударить адресно по задействованным компаниям. В целом, уязвимость оценивается как средняя: прямая санкционная атака болезненна, но есть альтернативные рынки и поддержка Китая, смягчающие эффект

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
Текстиль хлопкопереработка (хлопковый сектор)	и - хлопок – традиционный ведущий агроэкспорт Таджикистана, обеспечивающий ~15% экспортной выручки; - Таджикистан – аграрная страна, 60% рабочей силы занято в сельском хозяйстве, и хлопководство кормит значительную часть сельского населения (основные плантации в Ферганской, Вахшской долинах и др.). Хотя вклад текстильной промышленности в ВВП невелик, хлопок – важный источник дохода фермеров и валюты. Переработка остается низкой: локально перерабатывается лишь ~20% сырца, остальное вывозится как сырой хлопок, что подчёркивает потенциал и незадействованные резервы отрасли	- импорт ресурсов – для выращивания хлопка необходимы импортные ГСМ, минеральные удобрения и техника – всё это ввозится из-за рубежа (топливо и удобрения в основном из России и Казахстана); - инвестиции и оборудование – создание прядильных и ткацких фабрик требует зарубежного оборудования (Китай, Турция – ключевые поставщики текстильных станков) и капитала; собственных финансовых мощностей недостаточно; - рынки сбыта – сырой хлопок экспортируется преимущественно в Турцию, Китай, Бангладеш и др.; зависимость от мировых цен и спроса высока. Готовый текстиль (небольшие объёмы пряжи, тканей) также	Технологические – санкции ограничат доступ к новым агробиотехнологиям (семена, удобрения) и оборудованию для фабрик Торговые – под санкционным давлением западные текстильные компании могут избегать таджикский хлопок; возможны вторичные санкции в адрес посредников, торгующих санкционным сырьём. Если Таджикистан попадет под ограничения, экспорт хлопка и текстиля через долларовые расчеты станет затруднённым – оборвутся цепочки поставок Финансовые – осложнение международных расчетов ударит по трейдерам хлопка (банки не откроют аккредитивы), фермеры не получат своевременно оплату	Средний. Уязвимость сектора умеренная. С одной стороны, хлопковая отрасль значима (каждый шестой доллар экспорта – из хлопка) и глубоко интегрирована в внешние рынки, а значит чувствительна к санкциям. С другой стороны, продукты питания и сырьё реже бывают прямой целью санкций (могут применяться гуманитарные исключения). Вероятнее косвенные эффекты – финансовые и логистические ограничения. Например, уже сейчас агроэкспорт Таджикистана в Россию сталкивается с проблемами из-за риска вторичных санкций, банковских ограничений и сбоев логистики. При самом негативном сценарии (полное

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
		ориентирован на внешние рынки; - логистика – будучи внутренне континентальной страной, Таджикистан зависит от транзита через соседей (Узбекистан, Казахстан) для доставки хлопка к портам – любые пограничные осложнения сразу бьют по экспорту	Социальные – падение экспорта хлопка снизит доходы десятков тысяч сельских семей, что может привести к росту бедности и миграции из сельских районов	отключение от расчетов, запрет на импорт хлопка) отрасль понесёт значительный ущерб, но рынок сбыта может частично переключиться на страны, не вводящие санкции (Китай, регион). Поэтому, риск для хлопкового комплекса оценивается как средний – санкции болезненны (через финансы и торговлю), однако не разрушают полностью базис отрасли
АПК (продовольствие и сельское хозяйство)	- один из базовых секторов: ~25% ВВП и свыше 60% занятости обеспечивает сельское хозяйство; - ключевой фактор продовольственной безопасности – внутренняя продукция (зерно, картофель, фрукты, овощи) кормит население; - экспорт продовольствия относительно мал, но	- зависимость от импорта – Таджикистан не покрывает свои потребности в зерне – значительная доля пшеницы и муки завозится из Казахстана и России. Импортируются ГСМ для техники, удобрения, семена, корма; - трудовая миграция – аграрный сектор зависит от денежных переводов (домашние хозяйства	Технологические – санкции могут косвенно затронуть доступ к современным агротехнологиям (например, поставщики агротехники и запчастей приостанавливают работу). Ограничения против производителей удобрений (Россия – крупный поставщик) приводят к дефициту удобрений и удорожанию	Средний (локально высокий). Внутреннее продовольственное производство дает определенную страховку: базовые продукты (овощи, фрукты) продолжают производиться даже под санкциями. Однако широкая внешняя зависимость – от импорта зерна, ГСМ, удобрений и от рынка труда в России – означает, что

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
	растёт (овощи, фрукты, сухофрукты); - государство доминирует в стратегических агросферах (зерновые госпрограммы, хлопок – отдельный сектор); - отрасль также косвенно поддерживает внутренний рынок через занятость и сырьё для переработки	инвестируют их в сельское хозяйство) и от сезонной рабочей силы (многие мужчины-фермеры подрабатывают в России); - инвестиции – развитие переработки, ирригации происходит при поддержке международных доноров (проекты Всемирного банка, ЕС по продовольственной безопасности); - рынки сбыта – Россия основной внешней рынок для излишков (фрукты, овощи), из-за географической близости и торговых связей	посевной	санкционные потрясения ощутимо бьют по агросектору. Угроза санкций реальна для компаний и банков, торгующих с Россией, вплоть до риска санкций против НБТ за недостаточный контроль транзакций – это подчёркивает уязвимость финансовой стороны АПК. В целом влияние санкций проявится через рост издержек и сокращение доходов, но не уничтожит сельхозпроизводство как таковое. Поэтому, уровень уязвимости считается средним – социальная значимость сектора придаёт ему устойчивости, однако экономически он сильно зависит от внешней конъюнктуры
			Торговые – хотя продовольствие обычно не санкционируется напрямую, вторичные санкции против российских торговых партнеров могут осложнить экспорт таджикской продукции в Россию (банки отказывают в проведении платежей, транспортные компании опасаются сотрудничать)	
			Финансовые – отключение российских банков от SWIFT затрудняет оплату таджикским экспортёрам, расчёты замедляются. Также сокращение рабочих мест в России из-за кризиса приведёт к снижению переводов мигрантов, что уменьшит сельские инвестиции и спрос	
			Социальные – рост цен на импортное	

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
			продовольствие (зерно, масло) из-за санкций ударит по бедным слоям; возможен дефицит отдельных товаров. Снижение доходов от экспорта и переводов усилит бедность в сельских регионах, может потребоваться расширение госпрограмм помощи	
Банковский сектор и финансы	- через банки проходит основная доля переводов трудовых мигрантов (переводы эквивалентны ~40–50% ВВП страны); - банки обслуживают внешнюю торговлю (конвертация валют, аккредитивы) и госфинансы; - хотя уровень финансового посредничества низкий (только ~10% капитала движется через банки), устойчивость банков критически важна для макроэкономической	- корреспондентские счета за рубежом – жизненно необходимы для платежей: таджикские банки хранят средства и проводят расчёты через банки-партнёры в России, Казахстане, Европе. Особо велика зависимость от России: национальные банки Таджикистана открывают корреспондентские счета только в несанкционных российских банках и через них осуществляют переводы; - международные	Технологические – блокирование доступа к SWIFT и международным платёжным системам парализует внешние расчёты банков. Отключение Visa/Mastercard приводит к неработоспособности карт за рубежом; уже при санкциях против Газпромбанка в 2024 г. его карты UnionPay перестали обслуживаться в Таджикистане	Высокий. Финансовый сектор Таджикистана – один из самых уязвимых. Он сочетает слабость (недокапитализация, низкое развитие) с глубокой интеграцией в внешние платёжные сети, что делает его чувствительным к любым международным ограничениям. Уже сейчас, чтобы избежать рисков, таджикские банки вынуждены ограничивать сотрудничество только российскими банками, не попавшими под санкции,
			Торговые – компании не смогут оплачивать внешнеторговые	

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
	стабильности (курс сомони, инфляция, кредиты бизнесу)	платежные системы – страна подключена к SWIFT; население и бизнес используют системы денежных переводов (Contact, Western Union) и картами Visa/Mastercard. После ухода некоторых систем из России увеличилась роль российских систем (например, карта «Мир» и переводы через СПФС); - капитал и ликвидность – банки опираются на поступление валюты от мигрантов (рубли конвертируются в сомони через банки), а также на кредитные линии от международных институтов. Собственная финансовая инфраструктура ограничена, альтернатив международным платежным системам нет	контракты – срыв платежей тормозит весь экспортно-импортный оборот	иначе грозит отключение. В случае жёстких санкций (отключение от SWIFT, запрет долларовых операций) финансовая система фактически окажется отрезанной от мира – учитывая ограниченность внутреннего рынка, это вызовет кризис ликвидности и коллапс расчетов. У государства мало инструментов поддержки (резервов и альтернативных систем недостаточно). Учитывая значимость переводов мигрантов и внешней помощи для экономики, удар по банковским каналам несёт системный характер. Поэтому, уровень уязвимости банковского сектора – высокий, поскольку санкционный шок может привести к финансовой дестабилизации всего хозяйственного комплекса
			Финансовые – санкции США или ЕС могут заморозить активы отдельных банков или НБТ, если выявят обход санкций; в крайних случаях возможна потеря резервов. Отключение российского банка-посредника лишит мигрантов канала отправки денег домой (при санкциях против крупных банков РФ в 2022 г. переводы временно сильно осложнились). Падение доверия к банкам может вызвать изъятие вкладов, долларизацию и девальвацию сомони, а кредитование экономики, и так слабое, практически остановится	
			Социальные – снижение переводов мгновенно	

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
			отразится на уровне жизни населения и потреблении	
Трудовая миграция и денежные переводы	- ключевой донор экономики – денежные переводы трудовых мигрантов (главным образом из России) эквивалентны от 30% до почти 50% ВВП Таджикистана в разные годы – один из самых высоких показателей в мире; - по разным оценкам, свыше миллиона таджикистанцев работают за границей; эти средства поддерживают потребление семей, строительство жилья, образование и малый бизнес в стране; - денежные переводы существенно пополняют государственные международные резервы (через обмен валют) и налоговые поступления (через косвенные налоги с	- зависимость от России: ~80% всех переводов поступает из России, где сконцентрирована основная масса трудовых мигрантов из Таджикистана. Соответственно, благосостояние таджикских семей зависит от экономической ситуации в России, курса рубля и политики российского правительства (миграционное законодательство, риски мобилизации); - финансовые каналы – переводы идут через российские банки и системы – после ухода западных систем Россия продвигает свои (Контакт, Золотая Корона, Юнистрим и пр.); - Таджикистан не	Технологические/финансовые – санкции против банков России (отключение от SWIFT, блокировка карт) затрудняют переводы мигрантов – после введения санкций против Газпромбанка россияне и мигранты столкнулись с невозможностью переводить деньги за рубеж привычными способами. Это приводит к задержкам и росту транзакционных издержек (часть переводов уходит в неформальные каналы). Падение поступления валюты ударит по курсу сомони и финансовой стабильности Экономические – рецессия в России из-за санкций приводит к сокращению рабочих мест	Высокий. Зависимость от трудовой миграции – ключевой источник внешней уязвимости таджикской экономики. Это доход, практически не контролируемый государством Таджикистана, и любое внешнее потрясение (санкции, кризис) в стране-реципиенте сразу транслируется на Таджикистан. В случае масштабных санкций против России ожидается резкое сокращение переводов, что приведёт к снижению доходов населения и проблемы для банковской системы. Механизмы для замещения этого дохода отсутствуют – экономика не диверсифицирована и не способна быстро абсорбировать

Сектор	Значимость для экономики	Основные каналы внешней зависимости	Потенциальные последствия санкций	Уровень уязвимости (обоснование)
	растущего спроса)	диверсифицировал направление труда (доля мигрантов в других странах – Казахстан, Южная Корея, Европа, Ближний Восток – несравнимо мала)	и заработков мигрантов – уже в 2023 г. курс рубля и падение экономики России могли снизить объём переводов. Массовое возвращение мигрантов (например, если из-за кризиса или мобилизации тысячи человек приедут домой) создаст всплеск безработицы и социальную напряжённость	вернувшихся работников. Уязвимость оценивается как высочайшая: по сути, ~1/3 ВВП находится под риском вторичного санкционного эффекта. Даже при частичном сохранении потоков санкционное давление (через банки, курс рубля и т.д.) способно сократить переводные доходы до уровня, недостаточного для поддержания прежнего уровня жизни населения
			Социальные – снижение доходов домохозяйств от переводов неминуемо увеличит бедность и сократит внутренний спрос; пострадает строительный сектор (многие стройки финансируются на деньги мигрантов)	

Источник: составлено автором.